РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ
И ПОЛКОВОДЦЫ

О.Ю. ЗАХАРОВА

ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ СВЕТЛЕЙШИЙ КНЯЗЬ М.С. ВОРОНЦОВ

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ
И ПОЛКОВОДЦЫ

О.Ю. ЗАХАРОВА

ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ СВЕТЛЕЙШИЙ КНЯЗЬ М.С. ВОРОНЦОВ

Рыцарь Российской империи

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
2001

ББК 63.3(2)-7
338

Под общей редакцией предводителя
Российского Дворянского Собрания
князя А.К. Голицына

Авторы проекта:
Валентина Алексеевна БЛАГОВО
Сергей Алексеевич САПОЖНИКОВ

Художественное оформление
художника И.А. Озерова

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор Н.В. Корольков,
доктор исторических наук, профессор В.В. Рыбников,
доктор исторических наук, профессор И.И. Шулус

Захарова О.Ю.

338 Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. — 381 с.

ISBN 5-227-01456-6

Книга О.Ю. Захаровой посвящена выдающемуся русскому военному и государственному деятелю, представителю одной из самых блистательных фамилий Российской империи светлейшему князю Михаилу Семеновичу Воронцову (1782—1856) Герой Отечественной войны 1812 года, участник практически всех войн, которые вела Россия в первой половине XIX века, генерал-фельдмаршал, он снискал себе не умирающую до сих пор славу не только на военном, но и на гражданском поприще Практически три десятилетия он был генерал-губернатором и наместником, правителем и устроителем Юга России: Новороссии, Бессарабии, Кавказа Под его правлением эти регионы получили мощное экономическое и культурное развитие, став подлинными жемчужинами Российского государства.

Прекрасно воспитанный и образованный, обладавший высокими нравственными качествами, Михаил Семенович Воронцов был истинным рыцарем и гордостью Российской империи. Вся его жизнь до сих пор может быть настоящим примером для подражания

Книга о М.С. Воронцове вместе с рядом других книг продолжает серию «РОССИЯ ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ», издание которой осуществляет издательство «Центрполиграф». Книга, как и вся серия, рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России

ББК 63.3(2)-7

© О.Ю. Захарова, 2001
© Художественное оформление серии,
ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2001
ISBN 5-227-01456-6
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2001

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ
И ПОЛКОВОДЦЫ

ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ

СВЕТЛЕЙШИЙ КНЯЗЬ М.С. ВОРОНЦОВ

Рыцарь Российской империи

Я князь, коль мой сияет дух,
Владелец, коль страстьми владею;
Болярин, коль за всех болею, —
Царю, закону, Церкви друг.

Г.Р. Державин

Люди с властью и богатством должны так жить, чтобы другие прощали им эту власть и богатство.

М.С. Воронцов

Глава 1
ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ М.С. ВОРОНЦОВА

РОД ВОРОНЦОВЫХ И ФАМИЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ

В ряду громких имен, завещанных памяти потомства временами Екатерины Второй и Александра Первого, стоит целая семейная группа, отмеченная счастливою родовою чертою преемственности, дарований и заслуг. Это семья графов Воронцовых[1].

ВОРОНЦОВЫ — старинный дворянский род, в истории которого XVIII столетие по праву можно считать золотым веком. Именно в этот период представители семьи Воронцовых занимали ответственные должности в государственном аппарате Российской Империи, приобрели широкую известность благодаря своей просветительской и благотворительной деятельности.

У статского (впоследствии тайного) советника, ростовского воеводы И.Г. Воронцова (1674—1750) было три сына: Роман (1707—1783); Михаил (1714—1764); Иван (1719—1786)[2]. Старший из братьев — Воронцов Роман Илларионович (отвозил из Петербурга в заточение низверженную правительницу

---

[1] Рябинин Д.Д. Биография графа Семена Романовича Воронцова // Русский архив. 1879. Кн. 1. С. 58.

[2] Воронцов И.И. — генерал-поручик, президент Вотчинской коллегии; был женат на Марье Артемьевне Волынской (1725—1792), дочери казненного кабинет-министра Императрицы Анны Ивановны — А.П. Волынского. Их сын Артемий Иванович Воронцов (1748—1813) — действительный статский советник, камергер, сенатор, женившись на П.Ф. Квашниной-Самариной (двоюродной сестре бабушки А.С. Пушкина М.А. Ганнибал), стал крестным отцом А.С. Пушкина.

Анну с ее семейством) — прошел путь видного государственного деятеля: сенатор с 1760 г., генерал-аншеф при Петре III; при Екатерине Великой сначала в опале, а затем наместник Владимирской, Пензенской и Тамбовской губерний.

От брака с Марфой Ивановной Сурминой (1718—1745), происходившей из богатой купеческой семьи, Р.И. Воронцов имел пятерых детей: Марию Романовну (1737—1765; в замужестве Бутурлина, муж — сенатор Петр Алексеевич Бутурлин (1734—1784);[1] Елизавету Романовну (1739—1792; фаворитка Императора Петра III, в замужестве Полянская, муж — статский советник Александр Иванович Полянский (1721—1818); Александра Романовича (1741—1805; в 1773—1794 гг. — президент Коммерц-коллегии, канцлер в 1802—1804 гг.);[2] Екатерину Романовну (1744—1810; в замужестве княгиня Дашкова, в 1783—1796 гг. — директор Петербургской Академии наук и президент Российской Академии); Семена Романовича (1744—1832; с 1783 г. — полномочный министр в Венеции, в 1885—1806 гг. — в Лондоне).

Записки княгини Е.Р. Дашковой свидетельствуют, что заботу о воспитании детей Р.И. Воронцова взял на себя его брат — Михаил Илларионович Воронцов, по крайней мере, это относится к Екатерине Романовне, Александру Романовичу и Семену Романовичу. Будущая княгиня Дашкова имела возможность в доме своего дяди развивать свои природные способности и приобрести знания, позволившие ей стать просвещеннейшей из русских женщин своего времени. По словам С.Р. Воронцова, Михаил Илларионович относился к племянникам как к родным детям, в его доме они получили необходимое воспитание для последующей службы. В своих воспоминаниях А.Р. Воронцов также подчеркивал влияние, которое оказал на него дядя — государственный канцлер М.И. Воронцов — своей заботой о его образовании.

Следует отметить, что в семье Воронцовых существовало взаимное уважение между старшими и младшими поколениями.

---

[1] Их сын, граф Дмитрий Петрович Бутурлин (1763—1829), — один их самых образованных людей своего времени, библиофил, большой знаток искусства. Впоследствии в течение нескольких лет занимал пост директора Императорского Эрмитажа.

[2] Граф А.Р. Воронцов в 1761 г. был назначен поверенным в делах при Венском дворе, в 1762—1764 гг. он полномочный министр в Англии.

Э.С. Андреевский (медик М.С. Воронцова) в своих воспоминаниях так оценивал эти отношения: «Отцы знали, что предстоит их сыновьям и чего от них можно требовать, а сыновья, благовея к старшим, постигали, что им нечего переверять отцовских опытов. Так звено от звена не разлучалось, все крепли, взаимно пополнялись на постоянном пути их совершенствования»[1].

Эта сложившаяся преемственность в становлении и воспитании будущих государственных деятелей восходит к Михаилу Илларионовичу Воронцову. М.И. Воронцов в четырнадцать лет становится пажом при дворе Цесаревны Елизаветы Петровны, где, вероятно, выучил французский язык, впоследствии он вел на нем часть корреспонденции. В общем же Михаил Илларионович выделялся среди окружения Цесаревны образованностью и умением владеть пером. Современники, расходясь во мнениях относительно государственных способностей М.И. Воронцова, практически единодушны в признании за ним высоких государственных качеств — честности, твердости и прямодушия. Подобные характеристики мы встречаем у довольно резких критиков нравов того времени — Манштейна и Щербатова[2].

Секретарь французского посольства Ж.-Л. Фавье, характеристики которого подтверждаются и другими источниками, так пишет о М.И. Воронцове: «Этот человек хороших нравов, трезвый, воздержанный, ласковый, приветливый, вежливый, гуманный, холодной наружности, но простой и скромный. Его вообще мало расположены считать умным, но ему нельзя отказать в природном рассудке. Без малейшего или даже без всякого изучения и чтения он имеет весьма хорошие понятия о Дворах, которые он видел, а также хорошо знает дела, которые он вел. И когда он имеет точное понятие о деле, то судит о нем вполне здраво»[3].

После переворота 1741 г., когда на трон взошла Елизавета Петровна, М.И. Воронцов стал камергером и поручиком ново-

---

[1] Андреевский Э.С. Записки о князе М.С. Воронцове // Архив князя Воронцова. Кн. 40. С. 518.

[2] Записки Манштейна // Русская старина. 1875. С. 245. Князь Щербатов о повреждении нравов // Русская старина. 1870. Т. 2. С. 48.

[3] Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века. М., 1986. С. 193.

учрежденной лейб-кампании (то есть фактически генерал-лейтенантом), владельцем богатых имений. Затем, в 1744 г., тайный советник, граф Священной Римской империи М.И. Воронцов был назначен вице-канцлером, а в 1758 г. — канцлером Российской Империи.

Как было сказано, М.И. Воронцов сыграл важную роль в воспитании и становлении своих племянников — А.Р. Воронцова, С.Р. Воронцова и Е.Р. Дашковой. Дом канцлера был для них местом, где они приобщились к просвещению, получили первые уроки государственной деятельности. Недаром впоследствии С.Р. Воронцов, А.Р. Воронцов и Е.Р. Дашкова причислялись современниками к наиболее просвещенным представителям российской аристократии второй половины XVIII столетия.

Несмотря на различия характеров, всех троих объединяла феноменальная работоспособность и особое отношение к службе как к возможности выполнить свой долг перед Отечеством.

На открытии Российской Академии наук Е.Р. Дашкова выступила с программной речью, в которой наметила основные направления ее работы. В конце выступления она заверила слушателей: «Будьте уверены, что я всегда гореть буду беспредельным усердием, истекающим из любви моей к любезному Отечеству, но всему тому, что сему нашему обществу полезно быть может, и что неусыпною прилежностью буду стараться заменить недостатки моих способностей»[1].

Идея любви к Отечеству заложена и в словах С.Р. Воронцова, смысл которых заключается в том, что он не принадлежит ни к какой партии своего Отечества: «Я русский, и только русский»[2].

Быть полезным России — значит честно выполнять свой долг на служебном поприще. Успехи в карьере — своеобразная оценка деятельности, будь то государственная или военная служба. При этом Александр Романович и Семен Романович Воронцовы весьма осторожны в выборе средств для продвижения по служебной лестнице. Должность для них — не самоцель. Честь, доброе

[1] Дашкова Е.Р. Литературные сочинения. М., 1990. С. 21.

[2] Автобиография графа Семена Романовича Воронцова // Русский архив. 1876. Кн. 1. С. 51.

имя — дороже любого благополучия. «На службе ничего не приобрели, — пишет в автобиографии С.Р. Воронцов, — а напротив, всегда тратили свое: начальствуя полком, я не только не извлекал из него выгоду, как другие, но расходовал собственное достояние, в чем могу сослаться на всех гренадер, которые еще налицо»[1]. В свою очередь, А.Р. Воронцов полагал, что каждый человек имеет, сообразно своим достоинствам, внутреннюю цену, отнять которую не в состоянии никто. Такое понимание, думается, ближе всего к содержанию внутреннего мира представителей семьи Воронцовых.

В период правления Екатерины Великой братья Воронцовы подчинили долгу свои чувства, честно выполняя возложенные на них обязанности.

В характере С.Р. Воронцова, по мнению современников, не было своеобразной охранительной сдержанности в выражении мыслей. Он высказывал свои мнения открыто, не только в личной, но и в официальной переписке, несмотря на предостережения друзей и родных. Он понимал ответственную роль перед Отечеством в честном выражении своих взглядов[2]. В конечном итоге в конце царствования Екатерины II у С.Р. Воронцова начались осложнения на службе.

Александр Романович Воронцов постоянно опровергал в Совете представления всесильного Потемкина. «Я не понимаю, зачем нас посадили в Совет: что мы — чучела или пешки, что ли?»[3] — заявлял А.Р. Воронцов безмолвствующим членам Совета. Для подобных действий было необходимо иметь достаточно гражданского мужества. По словам Радищева, А.Р. Воронцов принадлежал к числу «крепких» душой людей, был «душесильным» человеком[4]. Одним из примеров стойкости А.Р. Воронцова являлся тот факт, что он не побоялся дать приют сво-

---

[1] Автобиография графа Семена Романовича Воронцова // Русский архив. 1876. Кн. 1. С. 57.

[2] С.Р. Воронцов выступал против вооруженного нейтралитета, раздела Польши, являлся противником войны с Турцией.

[3] Огарков В.В. Воронцовы. Их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1892. С. 42. — Подобные выступления не прошли бесследно для Воронцовых. Потемкин сумел отсудить некоторые из имений умершего канцлера Воронцова в пользу графа Скавронского, помолвленного с племянницей Потемкина.

[4] Там же. С. 43.

ему другу, швейцарцу Лафермьеру, секретарю и библиотекарю Императрицы Марии Федоровны, отстраненному от Двора Императором. На могильном памятнике Лафермьеру, поставленном в селе Андреевском А.Р. Воронцовым, надпись: «Другу искреннему, испытанному и благородному, при Царском Дворе непорочно проживавшему»[1]. Непорочность — редкая добродетель во все времена.

Подобные поступки вызывали далеко не однозначное отношение представителей высшей власти, но, несмотря на это, Воронцовы долгое время занимали ведущие государственные должности и сумели составить собственное окружение. Вероятно, это объяснялось тем, что такие люди, как С.Р. и А.Р. Воронцовы, Е.Р. Дашкова, благодаря своим талантам и образованности, придавали блеск правлению Императрицы, старательно поддерживающей о себе мнение как об одном из просвещенных монархов Европы. Тем более, что Воронцовы, возглавляя ответственные государственные посты, прекрасно выполняли свои обязанности: А.Р. Воронцов в должности президента Коммерц-коллегии; Е.Р. Дашкова как президент Российской и Петербургской Академии наук.

При этом хотелось бы отметить то обстоятельство, что С.Р. Воронцов мог являться для своего сына — Михаила Семеновича Воронцова — примером не только в сфере государственной деятельности, но и в военной области. До начала своей дипломатической карьеры С.Р. Воронцов подавал большие надежды именно на военном поприще, считая основным своим предназначением службу в русской армии. Поэтому необходимо кратко остановиться на основных этапах военной карьеры С.Р. Воронцова, который впоследствии удостоился высокой оценки А.В. Суворова. «Тактика ваша, — писал однажды сей славный полководец к нему, — должна быть в кабинетах всех государей»[2].

В дни своей юности С.Р. Воронцов был современником великих побед русского оружия. Воодушевляемые примером служения России своих отцов, молодые люди того времени были

[1] Огарков В.В. Указ. соч. С. 44.

[2] Автобиография графа Семена Романовича Воронцова // Русский архив 1876 Кн 1 С. 324—325

обязаны не уронить чести и достоинства Отечества. Государство не может существовать без национальной идеи, объединяющей истинных граждан, но, пожалуй, во времена юности С.Р. Воронцова не требовалось много говорить и напоминать молодежи о ее долге перед Верой, Царем и Отечеством, так как дела отцов, растущая мощь Российского государства говорили сами за себя.

С.Р. Воронцов, как и вся семья Воронцовых, за исключением Е.Р. Дашковой, 28 июня 1762 г. хранили верность Императору Петру Федоровичу, рискуя многим, но честь была дороже жизни. Спустя десятилетия Семен Романович вспоминал об этом «ужасном» дне, как окрестил он его в «Автобиографии»: «Мне тогда было всего 18 лет; я был нетерпелив, как француз, и вспыльчив, как сицилиец. Я пришел в неразрывную ярость при этом известии о перевороте, обнаружившем мне всю важность измены, которая мне стала более понятна, чем самому рассказчику, так как я знал кое-какие обстоятельства, пояснившие дело. Полагаясь, однако, на верность Преображенского полка, я не думал, чтоб мятежники могли иметь перевес»[1].

Если Отечеству угрожала опасность, долг дворянина был одним из первых выступить на его защиту, показывая своими делами, что, подобно предкам, достоин носить это звание. В конце осени 1768 г., когда Турция объявила войну России, граф С.Р. Воронцов просит графа Чернышева принять его на службу и отправить в армию, на что Чернышев заметил, что представит доклад о Семене Романовиче как единственном офицере, пожелавшем во время войны вернуться в армию, тогда как он имеет уже более 400 просьб об увольнении.

Началась служба С.Р. Воронцова под началом великого полководца своего времени П.А. Румянцева. Он участвовал со своим батальоном во всех сражениях, походах 1770 г. За битву при Ларге С.Р. Воронцов получает орден Святого Георгия 4-й степени. При Кагуле Воронцов первый вступил со своим батальоном в ретраншемент неприятеля и, отбив два знамени Москов-

[1] Автобиография графа Семена Романовича Воронцова // Русский архив. 1876. Кн. 1. С. 35.

ского полка, разбитого незадолго до этого, захватил 40 пушек. П.А. Румянцев прямо на поле боя составляет рапорт Императрице об удачных действиях Воронцова и Ельчанинова, отличившихся в этот день. За Кагул С.Р. Воронцов был произведен в полковники и получил крест Святого Георгия 3-й степени. «С этого времени прекратились мои успехи на военном поприще и начался для меня ряд неудач по службе: ибо после этой кампании, несмотря на свое усердие, на одобрение и похвальные отзывы фельдмаршала, меня постоянно обходили наградами»[1]. С.Р. Воронцов пишет в автобиографии, что покинул бы службу, но особое отношение к нему фельдмаршала П.А. Румянцева и понимание того, что оставить армию во время боевых действий бесчестно, заставляет его остаться.

В 1774 г. между Турцией и Россией в селении Кайнарджи был заключен мир, причем С.Р. Воронцову было поручено вместе с П.В. Завадовским изложить все статьи на итальянском языке. С.Р. Воронцов вместе с князем Н.В. Репниным отвозил мирный договор с ратификацией визиря. Н.В. Репнин произведен был в генерал-аншефы, а Воронцов в бригадиры, несмотря на то, что князь Николай Васильевич не скрывал, что Воронцов участвовал в составлении статей трактата и лишь из-за своей деликатности не повез первое известие о мире. Положение С.Р. Воронцова усугублял тот факт, что он отказал князю Потемкину служить в Преображенском полку премьер-майором (князь Потемкин был подполковником этого полка). Нелюбовь к гвардейским полкам из-за событий 1762 г. сохранится у С.Р. Воронцова фактически на всю жизнь. Князь Потемкин воспринял отказ как проявление высокомерия и надменности со стороны Семена Романовича и надолго сохранил это в своей памяти.

С.Р. Воронцов блестяще проводит через польские воеводства 1-й и 3-й гренадерские, Санкт-Петербургский пехотный и Сумской гусарский полки, причем в его войсках царила такая строгая дисциплина, что, по его словам, «не было взято ни одного яйца, за которое не заплатили бы, и воеводства, не привыкшие

[1] Автобиография графа Семена Романовича Воронцова // Русский архив. 1876. Кн. 1. С. 40.

к подобным порядкам, письменно благодарили перед маршалом и выслали ко мне множество депутаций с самыми лестными изъявлениями»[1].

Пройдет примерно сорок лет, и французские граждане будут благодарить его сына — графа М.С. Воронцова, командующего оккупационным корпусом, за достойное и справедливое к ним отношение. Сыновьям не требовалось искать для себя примеров далеко от собственного дома, жизнь и дела отцов требовали быть достойными их памяти, и отношения в семье Воронцовых — лучшее тому доказательство.

Воронцовы не умели пресмыкаться, унижение было не в чести в их роду. В Манифесте по случаю подписания с Турцией мира имя графа С.Р. Воронцова не было даже упомянуто в списках особо отличившихся, несмотря на то, что его полк особо отмечен и удостоен был именоваться лейб-гвардейским: «Потомство, читая этот указ, подумает, что командир этого полка либо умер накануне, либо был подлым трусом, который бегал каждый раз, когда сражался его храбрый полк: почему, достойно наказанный и отставленный от службы, он не назван в числе лиц, награжденных за эту войну»[2].

С.Р. Воронцов решил окончательно выйти в отставку. Императрица Екатерина Алексеевна дважды посылала П.В. Завадовского просить Семена Романовича не оставлять службы, с разрешением свободно ехать куда угодно для поправления здоровья и с сохранением жалованья. Екатерина Великая умела ценить достойных людей и не переносила личные отношения на дела государственные. Лишь через полгода С.Р. Воронцов получил разрешение об отставке и отправился в Италию, чтобы поправить свое здоровье. В 1778 г. он вернулся в Санкт-Петербург, где жил довольно уединенно. Через три года он повенчался с дочерью А.Н. Сенявина — Екатериной Алексеевной.

Таким образом, военное поприще С.Р. Воронцова было завершено. Очевидно, что степень неудач, испытанных С.Р. Воронцовым, относительна. Как справедливо подчеркивает био-

---

[1] Автобиография графа Семена Романовича Воронцова // Русский архив. 1876. Кн. 1. С. 44.

[2] Там же. С. 43.

граф С.Р. Воронцова Д.Д. Рябинин, горечь обманутых надежд усугублялась не только отсутствием справедливого отношения к заслугам С.Р. Воронцова, но и обостренным чувством гордости представителя аристократической фамилии, племянника государственного канцлера, который при отставке, получив генеральский чин (в 32 года), считал себя обойденным счастливыми выскочками. Надо заметить, что подобное болезненное восприятие оценки своей деятельности будет присуще и М.С. Воронцову.

С.Р. Воронцов пользовался уважением не только выдающихся русских полководцев. Не менее важно заслужить искреннее доброе отношение простых солдат. Во время службы в армии С.Р. Воронцов делает все возможное для улучшения быта солдат. «Мы молим за него Бога, — говорил один из старых сослуживцев С.Р. Воронцова Ф.В. Ростопчину. — Он был нам отец, а не командир»[1].

Необходимо сказать о том, что С.Р. Воронцов, а затем и М.С. Воронцов считали храбрость, самоотверженность врожденными качествами русских солдат, причем, по мнению С.Р. Воронцова, русские пехотинцы были лучшими солдатами в Европе.

В своих записках о русском войске С.Р. Воронцов подтверждал свою преданность идеям Петра Великого об организации русского войска, считая, что после 1763 г., когда полковнику была дана неограниченная власть, в армии начались злоупотребления, появилось бесчеловечное отношение к солдатам. В то же время С.Р. Воронцов высоко ценил заботы Потемкина о введении в войсках удобного обмундирования для солдат, подчеркивая при этом, что здоровье солдат — предмет неоцененный, о котором более всего надо заботиться командирам. С.Р. Воронцов считал вредным упразднение многих степеней воинской чинопоследовательности, так как этим было уничтожено соревнование между офицерами и нанесен вред самому духу подчиненности.

С.Р. Воронцов особенно подчеркивал, что состояние войска зависит от нравственных качеств и уровня образования офице-

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 8. С. 95—96.

ров, причем «войско, где все офицеры — дворяне, конечно, выше того войска, где офицеры — выскочки»[1]. С.Р. Воронцов считал, что дети «мелких торгашей» поступают в армию для получения высокого чина, что, в свою очередь, обеспечит им материальное положение (благополучие), тогда как в дворянских семьях, где дети с семи-восьми лет слышат о славе отцов, с раннего возраста воспитывалось чувство чести, «без которого войско есть не более как людское стадо, обременяющее страну, позорящее ее и неспособное ее защитить»[2].

При этом С.Р. Воронцов не ограничивался лишь громким заявлением; с учетом того, что офицер-дворянин владел поместьем, приносящим ему основной доход, он считал, что тот должен иметь возможность с ноября по февраль находиться, при желании, в своей усадьбе и заниматься хозяйством. Для этого С.Р. Воронцов предлагал упростить систему предоставления офицерам отпуска, так как служба не должна разорять и быть в тягость. Достойное выполнение служебных обязанностей — главное доказательство любви к Отечеству.

С.Р. Воронцов относился к службе с особой любовью и привязанностью, он сумел тщательно изучить военное дело как с практической, так и теоретической точек зрения, исследовал тактическую и военно-административную стороны военного искусства. Результатом этой деятельности и стала «Записка графа С.Р. Воронцова о русском войске», которая была актуальна спустя десятилетия после написания, на протяжении всего XIX столетия. Учитывая вышеизложенное, становится очевидным факт значительного влияния С.Р. Воронцова на развитие полководческих способностей сына.

Воронцовы при Дворе пользовались уважением А.А. Безбородко (1747—1799), П.В. Завадовского (1739—1812), Ф.В. Ростопчина (1763—1826) и других представителей аристократических кругов своего времени, многие из которых вошли впоследствии в так называемый «Непременнный совет» в начале правления Императора Александра Павловича.

---

[1] Записка графа С.Р. Воронцова о русском войске // Русский архив. 1876. Кн. 3. С. 35

[2] Там же. С. 36.

С.Р. Воронцов положительно воспринял Указ 5 июня 1801 г., в котором Сенату предоставлялось право сделать доклад о своих обязанностях. По его мнению, в огромном государстве, при том, что большая часть населения была малообразованна, необходима постепенность, последовательность преобразований, без скачков от деспотизма к анархии. Подобных взглядов придерживалась и Е.Р. Дашкова. Известно ее высказывание в беседе с Дидро, что «просвещение ведет к свободе; свобода же без просвещения породила бы только анархию и беспорядок»[1]. Далее Е.Р. Дашкова высказывает мнение, что народ необходимо готовить к реформам, когда низшие классы будут достаточно просвещены, тогда они будут достойны свободы и не нанесут вреда существующему порядку в государстве.

Александр Романович Воронцов вместе с П.В. Завадовским, Н.С. Мордвиновым, Д.П. Трощинским и другими входил в так называемый «Непременный совет». П.В. Завадовский и Н.С. Мордвинов являлись сторонниками Сенатской реформы, при этом П.В. Завадовский подготовил основной проект; свои варианты составили и другие сенаторы, среди которых был и А.Р. Воронцов[2]. Как известно, проекты расширения прав Сената встретили критику членов «интимного» комитета: Н.Н. Новосильцева, В.П. Кочубея, А.А. Чарторыжского, П.А. Строганова.

Позднее С.Р. Воронцов в одном из писем к Ф.В. Ростопчину писал, что Император «имел несчастье быть окруженным деятелями, которые были так самолюбивы и тщеславны, что возмечтали в силах превзойти Великого основателя Русской империи. Эти господа стали упражняться над бедною Россией, издавая каждый день постановления»[3].

---

[1] Дашкова Е.Р. Литературные сочинения. М., 1990. С. 15.

[2] А.Р. Воронцов предлагал преобразовать Сенат в некоторое подобие конституционного учреждения. Именно Сенат, по мнению Воронцова, мог служить гарантией от личного произвола Императора. Сенату предоставлялись права контроля над самодержавной властью, все повеления Императора должны были бы проходить через Сенат, и если он найдет их «неудобными и для народа отягощенными», то ему предоставляется право делать «самодержавной власти представления». (Окунь С.Б. История СССР. 1796—1825. Л. 1947. Л. С. 119.)

[3] Рябинин Д.Д. Указ. соч. Кн. 1. С. 471—472.

Далее, сравнивая некоторых представителей из окружения императора с машинами по производству постановлений, С.Р. Воронцов настаивал на том обстоятельстве, что «Опыты уместны только в физике и химии, а пагубны в юриспруденции, администрации и политической экономии»[1]. Несмотря на столь резкую оценку деятельности «молодых друзей» Императора, стоит обратить внимание на то обстоятельство, что почти все члены ближайшего окружения Александра I были, в свою очередь, хорошо знакомы с С.Р. Воронцовым и в разное время находились под его началом в Англии[2].

С.Р. Воронцов отмечал способности и высокий уровень образования Н.Н. Новосильцева и В.П. Кочубея, но для С.Р. Воронцова личная привязанность или забота о собственном благополучии не могли повлиять на характеристику служебной деятельности любого должностного лица. Подобного правила придерживался и А.Р. Воронцов.

Можно с уверенностью сказать, что, если в Англии М.С. Воронцов целиком находился под влиянием своего отца Семена Романовича Воронцова, то после приезда в Россию главным авторитетом стал для него дядя — Александр Романович, второй представитель семьи Воронцовых, который занял пост канцлера Российской Империи (необходимо заметить, что С.Р. Воронцов в свое время отказался от этой должности, предложенной Павлом I).

Канцлер А.Р. Воронцов, обладая значительными политическими связями, большим влиянием в государственных кругах и будучи человеком весьма незаурядного характера, не мог не оказать влияния на мировоззрение М.С. Воронцова. К тому же дальнейшая карьера М.С. Воронцова во многом зависела от А.Р. Воронцова, который старался опекать и направлять действия молодого человека, впервые оказавшегося в России после почти двадцати лет отсутствия.

---

[1] Рябинин Д.Д. Указ. соч. С. 472.

[2] Кочубей В.П. в 1788 г. был причислен к миссии в Лондоне, где четыре года был под руководством С.Р. Воронцова. Вместе с В.П. Кочубеем в состав этого негласного комитета входил и Н.Н. Новосильцев, который провел в Англии все царствование Павла Петровича, где слушал лекции по физико-математическим и медицинским наукам. А А. Чарторыжский являлся помощником государственного канцлера А.Р. Воронцова, по удалении которого вступил в управление Министерством иностранных дел.

Таким образом, С.Р. Воронцову и А.Р. Воронцову, их ближайшему окружению была присуща следующая система взглядов: монархическая власть незыблема; дворяне — посредники между верховной властью и народом; любые реформы не должны нарушать целостную систему государственной власти, обязаны учитывать историческое прошлое государства, его реальные потребности. Какими бы ни были личные воззрения на действия властей, истинный патриот — полагали Воронцовы — должен служить Отечеству на любом поприще. Честное выполнение обязанностей, возложенных Императором, — основа их жизненной позиции. Успех в карьере — своеобразная оценка принесенной пользы за время службы. Но ключевое понятие мироощущения — честь, нравственная ответственность перед памятью предков и последующими поколениями. К представителям семьи Воронцовых приемлема формула Монтескье — желание почестей при сохранении независимости от власти.

Эти принципы были положены С.Р. Воронцовым в основу воспитания сына — Михаила Семеновича Воронцова. В 1796 г. С.Р. Воронцов написал в автобиографии, что лучшее наследство, которое он может оставить своим детям, — это привить им понятие чести. Далее он определил основную цель в воспитании сына — М.С. Воронцов должен прославить род на поприще государственной службы[1].

ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ М.С. ВОРОНЦОВА

В период становления личности М.С. Воронцова в России существовали определенные традиции в подготовке молодых людей к государственной службе. Общие моменты в процессе воспитания и образования мы встречаем в биографиях целого ряда выдающихся государственных и военных деятелей конца XVIII столетия — Н.И. Салтыкова, Н.В. Репнина, Г.И. Чернышева, И.П. Салтыкова, В.П. Мусина-Пушкина, А.П. Бесту-

[1] Автобиография графа Семена Романовича Воронцова // Русский архив 1876. Кн. 1 С 57.

жева-Рюмина, А.М. Голицына, П.А. Румянцева-Задунайского, М.И. Голенищева-Кутузова, А.В. Суворова.

Все эти видные государственные и военные деятели получили основы образования в домах своих родителей, а затем направлялись с поручениями за границу или в армию, где на практике имели возможность применять полученные знания, одновременно при этом приобретая новые. Многих из них объединяло то, что они имели возможность проходить школу будущей государственной или военной службы, наблюдая непосредственно за действиями отцов на этом поприще.

Следует выделить интересное воспоминание А.Р. Воронцова, что Императрица Елизавета Петровна разрешала бывать детям при Дворе в приемные дни, что давало им возможность с ранних лет, незаметным образом познавать «школу» политики. К тому же будущий государственный деятель должен был уметь свободно и достойно держать себя в обществе, иметь хорошие манеры, а эти качества закладывались в детстве.

Постепенно во многих дворянских семьях складывалась определенная преемственность в отношении к службе, когда каждое новое поколение несло нравственную ответственность перед предыдущими за свои мысли и поступки. При этом личный пример членов семьи, их окружения оказывали решающее влияние на становление характера и образа мыслей молодого человека. Такой подход к процессу воспитания был характерен и для представителей семьи Воронцовых, основа мировоззрения которых содержится в словах С.Р. Воронцова, сказанных при рождении сына 19 мая 1782 г.: «Рождение твое всех нас порадовало, веди такую жизнь, чтобы все сокрушались о твоей смерти»[1].

Своего первенца графиня Екатерина Алексеевна Воронцова (урожденная Сенявина) и граф Семен Романович назвали Михаилом. Крестной матерью стала Императрица Екатерина Великая. Спустя некоторое время после рождения сына к С.Р. Воронцову прибыл курьер из Царского Села от графа Безбородко, который писал, что Императрица желает, чтобы граф С.Р. Ворон-

[1] Щербинин М.П. Биография генерал-фельдмаршала князя М.С. Воронцова. СПб., 1858. С. 5—6.

цов сделал ей удовольствие и «принял на себя новую миссию, учреждаемую ею в Венеции»[1]. 20 сентября 1783 г. семья С.Р. Воронцова приезжает в Венецию. Несмотря на то что дипломатических дел в Венеции было не так много, пребывание там стало хорошей школой для С.Р. Воронцова. Императрица обращает внимание на его дипломатические способности, и графу Воронцову предложен выбор — место посланника в Лондоне или Париже.

Семен Романович выбирает Лондон, и тому было несколько причин. Первая состояла в том, что в свое время посланником в Лондоне был его старший брат Александр Романович и в Англии сохранились значительные знакомства и связи; во-вторых, С.Р. Воронцов считал, что Англия более выгодный политический союзник для России, чем Франция, учитывая к тому же, что договор 1780 г. о морском вооруженном нейтралитете пошатнул русско-английские отношения; наконец, третьей причиной была уверенность С.Р. Воронцова, что в Англии будет легче воспитывать своих детей — сына Михаила и дочь Екатерину.

Последнее объяснялось тем, что сложившаяся к этому времени система государственного управления Великобритании требовала подготовки политических деятелей, которым присущи были определенные черты характера, хорошее образование и воспитание. Так, в письмах Честерфилда к своему сыну обозначены основные требования, которым должен отвечать молодой человек «века просвещения», желающий быть полезным обществу. В частности, в них говорится, что основной целью воспитания и образования является необходимость достойного исполнения долга перед Богом и людьми. В основу процесса воспитания заложено развитие таких качеств, как честь и благородство. В процессе образования на одно из первых мест выдвигалось изучение истории, в ходе обучения которой рассматривались деяния великих государственных и военных деятелей прошлого, причем предпочтение отдавалось истории Древнего Рима. Другими необходимыми предметами считались: древние

[1] Автобиография графа Семена Романовича Воронцова // Русский архив. 1876. Кн. 1. С. 34.

и новые языки; изучение современной истории европейских государств (государственного устройства, обычаев и нравов населяющих их народов); развитие ораторского искусства и умение ясно излагать мысли на бумаге.

Говоря о процессе воспитания, Честерфилд выделяет развитие таких качеств, как учтивость, приветливость, обязательность; умение вести себя достойно и естественно в любой обстановке. Согласно его теории, эти качества, в отличие от чести и благородства, не являются выдающимися, но именно они в первую очередь оцениваются людьми и вызывают их искреннюю любовь. А для того, чтобы держаться в высшем обществе, необходимо к тому же умение хорошо одеваться и танцевать.

Так складывалась целая система воспитания и образования государственных и политических деятелей, основу которой составляло развитие нравственных качеств. При этом именно в Англии, о чем впоследствии будет писать в Россию С.Р. Воронцов, было легче найти достойных преподавателей по некоторым дисциплинам, к примеру, по математике, изучению которой С.Р. Воронцов придавал особое значение.

Остановив свой выбор на Лондоне для продолжения дипломатической службы, С.Р. Воронцов получил туда назначение в качестве полномочного министра. Но страшное горе обрушилось на семью Воронцовых — 25 августа 1784 г. умирает от чахотки графиня Екатерина Алексеевна Воронцова, оставив Семену Романовичу двух малолетних детей. Смерть жены была страшным ударом для С.Р. Воронцова, следствием чего станет тяжелая болезнь графа.

Оставшись на всю жизнь вдовцом, С.Р. Воронцов посвящает свою деятельность служению Отечеству и воспитанию детей, взяв в основу слова своего друга В.Н. Зиновьева, поддерживавшего Воронцова в эти тяжелые для него дни: «Итак, любезный друг, не копи богатства для своих детей, не беспокойся украшать их ум познаниями, но прежде всего старайся дать им настоящее и твердое понятие о вере; утверди их в сем, уже тогда прочия им выгоды приобретать старайся. Без веры нет

настоящего и твердого благополучия на сем свете, а кто оную имеет — в добродетели всегда непоколебим, никакое несчастие, никакая страшная угроза его в хороших правилах поколебать не может»[1].

22 мая (7 июня) 1785 г. граф С.Р. Воронцов с детьми приезжает в Лондон. Для М.С. Воронцова Туманный Альбион станет местом, где он получит основы своего воспитания и образования, развивая которые в течение всей жизни будет поражать современников глубокими познаниями в различных областях.

С ранних лет М.С. Воронцов имел возможность наблюдать за деятельностью умного и просвещенного отца, который незаметным образом привлекал сына к самим истокам познания государственной деятельности.

О развитии нравственных качеств своего сына, воспитании в нем любви к России граф С.Р. Воронцов заботился более всего, понимая, что это тот стержень, без которого нельзя выстоять в жизни. Как известно, окружение формирует характер. С.Р. Воронцов имел в Лондоне преданных друзей, во многих его дипломатических начинаниях самую активную поддержку ему оказывали сотрудники посольства, с некоторыми из них его связывала впоследствии личная дружба. Среди них — посольский священник Яков Иванович Смирнов; вероятно, не без его участия юный Михаил Воронцов пел в церковном хоре. Прекрасно образованный человек, Я.И. Смирнов исполнял особые поручения посланника, пользуясь к тому же уважением англичан; много лет служил при посольстве советником канцелярии и Василий Григорьевич Лизакевич, снискавший особое уважение С.Р. Воронцова за честную службу и знание дел.

Маленький Михаил Воронцов рос среди достойных людей, многие из которых становились со временем его воспитателями и учителями. Так, частный секретарь графа Воронцова Жоли, швейцарец из Лозанны, был гувернером будущего фельдмаршала. Среди тех, кто, помимо подведомственных сотрудников Семена Романовича, помогал в 1791 г. в агитации

[1] Журнал путешествия В.Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции, Англии в 1784—1788 гг // Русская старина. 1878. Октябрь. С. 228.

англичан против войны с Россией, был господин Парадиз, действовавший в данной ситуации с необыкновенным успехом. Этот человек был очень привязан к сыну посланника, впоследствии он станет его учителем геометрии.

Помимо замечательного домашнего окружения, дети посланника с ранних лет были вхожи в высшее лондонское общество и бывали при Дворе. Согласно желанию английской королевы, Михаил и Екатерина были представлены ей и королю в 1787 г. «Их Величества остались довольны детьми моими и вчера отзывались мне о них с большой теплотою, — пишет С.Р. Воронцов. — Они находят, что Катенька миловиднее и забавнее, но что у Мишеньки более кроткое и интересное выражение лица: это совершенно верно, потому что действительно этот ребенок имеет в себе нечто, высказывающее доброту и разумность, что делает его очень интересным»[1].

Главным в воспитании было развитие нравственных качеств молодых людей, основанных на преданности Вере, Царю и Отечеству. Но М.С. Воронцов рос в Лондоне, далеко от земли, где были корни рода Воронцовых, поэтому, когда дети стали учиться, перед С.Р. Воронцовым встала задача — дать им не только хорошее образование, но и привить подлинную любовь к России, поддержать в них тот русский дух, что дан им от рождения, для чего необходимо научить детей прежде всего родному языку.

В 1792 г. С.Р. Воронцов пишет брату А.Р. Воронцову: «Страна, где я нахожусь, представляет благоприятные условия для воспитания детей, чем они и пользуются; я же считаю священною и отрадною для себя обязанностью доставить сыну все возможные способы служить впоследствии с пользою своему Отечеству»[2].

Далее С.Р. Воронцов сообщал брату о его напрасных опасениях по поводу изучения сыном русского языка, так как сам он говорит с сыном только по-русски и, кроме того, М.С. Воронцов много читает по-русски и ежедневно переводит с английского на родной язык, чтобы выработать свой письменный

[1] Рябинин Д.Д. Указ. соч. С. 489.
[2] Там же. С. 488.

русский слог. Переводчик посольства Назаревский проверял переводы Михаила и читал с ним сочинения Ломоносова; впоследствии С.Р. Воронцов намеревался поручить Назаревскому чтение с сыном церковных книг, считая, что в них заключаются основы русского языка. В том же письме С.Р. Воронцов сообщал брату, что Миша с гувернером Жоли прочел «Илиаду» и «Энеиду», а также несколько французских сочинений в подлиннике. С.Р. Воронцов особо подчеркивал легкость, с которой давалось обучение сыну, его любовь к чтению, и при этом усиленные занятия не сказывались отрицательно на здоровье М.С. Воронцова, который ежедневно занимался верховой ездой и постоянно совершал прогулки на свежем воздухе.

Через год С.Р. Воронцов писал о своем одиннадцатилетнем сыне, что, несмотря на то что он вынужден общаться с окружающими в основном по-английски или по-французски, говорит он по-русски без акцента, что особенно радовало отца.

Следует отметить, что особое внимание С.Р. Воронцова к изучению сыном русского языка было связано с тем, что он готовил его к служению России и понимал, что только в процессе изучения русского языка и русской литературы М.С. Воронцов узнавал историю, культуру России, становился русским человеком не только по происхождению, но и прежде всего по духу.

Накануне дня рождения С.Р. Воронцова в 1795 г. австрийский посланник граф Старемберг и его жена устроили сюрприз для Семена Романовича, подготовив втайне от него небольшой спектакль, в котором участвовали дети графа Старемберга, а также Михаил и Екатерина Воронцовы. Но свои главные дары дети преподнесли отцу в день его рождения: Катенька — свой перевод с французского языка на русский трагедии с библейским сюжетом «Смерть Адама», а тринадцатилетний Михаил — свои переводы (также с французского языка) нескольких трактатов Цицерона «нравственно-философского содержания».

Среди ранних воспоминаний М.С. Воронцова была сцена свидания отца с графом д'Артуа, будущим королем Карлом X. В полуприкрытую дверь дети слышали, как отец в горячнос-

ти сказал д'Артуа: «Когда в жилах течет кровь Генриха IV, то нечего попрошайничать, а надо возвращать себе права со шпагою в руке»[1].

Мы уже отмечали то обстоятельство, что С.Р. Воронцов был не согласен с правительством Российской Империи по целому ряду вопросов внутренней и внешней политики, и в последние годы правления Екатерины Великой ее отношение к С.Р. Воронцову заметно охладело. «В России есть много генерал-губернаторских мест, как, например, вакантное в Москве, где он мог быть полезен военной и гражданской службе; однако не к оным влечет его наклонность, а только быть в местах вне государства», — говорила императрица о С.Р. Воронцове[2].

Семен Романович считал себя незаслуженно оскорбленным таким отношением, и единственным его утешением были успехи детей, мысли о воспитании которых не покидали его и в эти, непростые для него дни. В автобиографии он напишет, что, устав от гонений, хотел оставить службу, но не находил возможности покинуть Англию, так как это могло нанести вред образованию сына. С.Р. Воронцов желал поселиться в окрестностях Бата, где можно было бы найти учителя математики для окончания сыном этой науки, «столь необходимой везде, которую он изучает с охотою и которая нигде на свете так не процветает, как в Англии»[3]. И далее он продолжает: «Любовь моя к сыну превозмогла мое отвращение к службе, столь несчастливой, столь несчастной для меня. И я решил пожертвовать собой, остаться на моем месте еще четыре года с целью окончить воспитание и научные занятия моего сына, служащего мне единственным утешением»[4].

М.С. Воронцов, будучи уже четырех лет от роду прапорщиком Преображенского полка, 8 сентября 1798 г. пожалован из прапорщиков в камергеры ко двору Императора Павла Петровича. По всей вероятности, успехи С.Р. Воронцова в воспи-

---

[1] Рябинин Д.Д. Указ. соч. С. 182

[2] Там же. С. 194—195.

[3] Автобиография графа Семена Романовича Воронцова // Русский архив. 1876. Кн. 1. С. 57

[4] Там же.

тании своих детей дошли до Санкт-Петербурга. В одном из писем граф Ф.В. Ростопчин писал: «...не знаю, дошло ли до вас, что на вас имеют виды относительно воспитания великого князя Николая Павловича, и вот еще трудное служение, ожидающее вас через 4 года или через 5 лет»[1].

В том же 1798 г. по совету графа Ф.В. Ростопчина лейб-медик Рожерсон, старый друг графа С.Р. Воронцова, пишет к нему письмо, в котором советует не пускать своего юного сына на службу в Россию, хотя бы под предлогом слабого здоровья молодого человека. Через посредство князя Безбородко совет был приведен в действие, и шестнадцатилетний М.С. Воронцов был отчислен из гвардии и назначен в камергеры, минуя звание камер-юнкера, с разрешением жить при отце для занятий в посольской канцелярии[2].

На следующий 1799 г. отец Михаила Семеновича получит предложение от Императора занять пост Российского канцлера. Семен Романович, отказавшись перед тем от назначения вице-канцлером, не примет и это предложение. 27 апреля 1800 г. С.Р. Воронцов просит об отставке.

Нужно подчеркнуть, что за несколько месяцев до выхода в отставку граф С.Р. Воронцов просил разрешения, чтобы его сын мог приехать в Россию на девять или десять месяцев для посещения дяди, графа А.Р. Воронцова, и личного представления Государю. Но предусмотрительный граф Ф.В. Ростопчин не доложил об этом письме, дабы оно не послужило поводом потребовать Михаила Воронцова на действительную камергерскую службу.

22 июня 1800 г. Воронцовы получают известие от Ростопчина, что Император, будучи сердит на весь камергерский корпус, назначил некоторых в судебные учреждения внутри России, а тринадцать человек отставил от службы, в их числе был и М.С. Воронцов. «Надеюсь, — пишет Ф.В. Ростопчин, —

---

[1] Рябинин Д.Д. Указ. соч. С. 313.

[2] В приказе от 22 мая сказано: «Генерал от инфантерии граф Воронцов, по прошению его за слабостью здоровья, всемилостивейше увольняется от службы с ношением мундира, и при этом предоставляя вашему сиятельству избрать место пребывания ваше, также и то, чтобы сын и дочь ваши оставались при вас столь долго, как вы заблагорассудите». Цит. по: Рябинин Д.Д. Указ. соч. С. 317.

что вы примете как факт, обеспечивающий пребывание сына при вас, и что ничуть не потревожитесь за его будущность: в 16 лет люди только начинают жить, а обстоятельства так часто меняются, что молодому человеку предстоит еще много времени для службы и возможности быть полезным»[1]. Граф Ф.В. Ростопчин оказался прав: вся жизнь Михаила Семеновича будет отдана служению России на военном и государственном поприще.

К этому времени С.Р. Воронцов завершает основной курс домашнего обучения своего сына, в процессе которого последовательность изучения дисциплин была примерно следующей: в десять лет М.С. Воронцов переводил с английского на русский, читал по-французски; из русских авторов предпочтение отдавалось произведениям Ломоносова; в это же время добавилось изучение немецкого языка; через год начались занятия греческим, латынью. Обучение сопровождалось ежедневными прогулками на свежем воздухе и верховой ездой. М.С. Воронцов любил играть в шахматы и ходить в море на яхте.

Тогда уже М.С. Воронцов свободно говорил по-французски и по-английски, одновременно с этим С.Р. Воронцов беспокоился о русском языке; в тринадцать лет М.С. Воронцов перевел несколько трактатов Цицерона, участвовал в спектаклях, подготовленных австрийским посланником, к пятнадцати годам закончил курс математических наук.

Хотелось бы отметить, что С.Р. Воронцов, признавая высокий уровень подготовки английских преподавателей и ценя саму систему английского образования, не отправил сына обучаться ни в одну из частных привилегированных английских школ, к примеру, в Итон, где воспитывались в разное время выдающиеся политические деятели Великобритании. Вероятно, это можно объяснить несколькими причинами. Одна из них — метод физического наказания с целью развития у воспитанника понятий ответственности и дисциплины. Так, один из директоров школы встречал прибывших вопросом: «Мальчик, когда тебя пороли в последний раз?» Свободное время питомцы Итона проводили «разоряя птичьи гнезда в окрест-

[1] Рябинин Д.Д. Указ. соч. С. 332.

ностях и совершая иные проделки подобного рода, что сильно возмущало местных фермеров»[1].

Кроме того, обучение в школе стоило немалых средств, а для С.Р. Воронцова, как, впрочем, и для большинства членов его канцелярии в Лондоне, проблема денежного обеспечения была весьма существенной. И все-таки, полагаю, главная причина была не в суровости нравов Итона или финансовой проблеме, а в том, что С.Р. Воронцов, сам мечтая в молодости о карьере военного, хотел, чтобы его сын связал свою жизнь с армией, тогда как в Англии, в отличие от большинства стран континентальной Европы, карьера военного отнюдь не считалась почетной.

Несмотря на то что в Итоне обучался один из выдающихся великих полководцев Великобритании Артур Уэсли, будущий герцог Веллингтон, в Итоне, или в какой-либо другой частной школе, М.С. Воронцову скорее всего внушалась бы мысль о престижности прежде всего политической карьеры, причем сам герцог высказывался довольно определенно по этому поводу: «Мы не военная нация, сама по себе служба в армии чужда нашим привычкам»[2].

Таким образом, став членом своеобразного «Итонского братства», М.С. Воронцов мог проникнуться идеей о непрестижности военной карьеры. Кроме того, в самом существовании сильного духа корпоративности в привилегированных школах, в оторванности воспитанников от семьи кроется еще одна причина нежелания С.Р. Воронцова отпускать от себя сына, который мог полностью потерять родные корни, совершенно забыть родной язык, а значит, и Родину, единственным связующим звеном с которой был С.Р. Воронцов и его друзья в Лондоне.

По этой же причине и из-за сложной внутриполитической ситуации С.Р. Воронцов не отправил сына для обучения и во Францию, к примеру, в Королевскую военную академию в городе Анжере — типичное аристократическое учебное заведение, куда поступали дворянские дети со всей Европы. В свое время там провел несколько лет Джордж Вильерс, первый гер-

[1] Куриев М.М. Герцог Веллингтон. М., 1995. С.12.
[2] Там же. С. 13.

цог Бекингэм, воспитывался один из будущих премьер-министров Англии лорд Чатэм. Но думается, что и в более спокойное для Франции время С.Р. Воронцов не рискнул бы отпустить туда своего сына, так как уровень образования в академии нельзя было назвать достаточно высоким: верховая езда, фехтование, немножко грамматики, в полдень — урок математики, в конце занятий — обязательные танцы.

Для наследников традиций семьи Воронцовых, представители которой (особенно С.Р. Воронцов, Е.Р. Дашкова, А.Р. Воронцов) считались одними из просвещенных людей Европы, подобные приоритеты в выборе дисциплин и сам их набор был явно недостаточен.

Таким образом, С.Р. Воронцов предпочел дать сыну домашнее образование, лично руководя им. Следует отметить, что, как человек государственного подхода к делу, С.Р. Воронцов предпочел дать сыну домашнее образование, лично руководя им и не ограничиваясь составлением программы обучения собственного сына.

Уделяя огромное внимание воспитанию и образованию детей, С.Р. Воронцов в то же время составлял проекты подготовки русской молодежи для военной карьеры. В упоминавшейся записке о русском войске С.Р. Воронцов предложил проект создания школы генерального штаба: в ней могли обучаться восемьдесят или сто юношей; школа должна быть независима от кадетского корпуса; нахождение ее в деревне позволит проверять теоретические знания на практике; ученики обязаны отлично знать математику (съемка планов); школу необходимо оснастить лучшими инструментами, хорошей библиотекой; в конце обучения учащиеся сдают публичные экзамены, прием которых осуществляется очень строго. В результате в генеральный штаб должны поступать лучшие из лучших, им начисляется высокое жалованье, они повышаются в воинском звании в сравнении с теми, кто, не выдержав экзамена, отправляется в полки. «Армия, не имеющая отличного генерального штаба, похожа на тело без души», — считает С.Р. Воронцов[1].

---

[1] Записка графа С.Р. Воронцова о русском войске // Русский архив. 1876. Кн. 3. С. 357.

С.Р. Воронцов считал также необходимым открытие в России специальных артиллерийских школ с преподаванием в них математики, физики, химии, и, как в школе генерального штаба, знания по теории обязательно проверяются на практических занятиях.

Но С.Р. Воронцова волновали проблемы подготовки молодежи не только для армейской службы, но и для дипломатической деятельности. Он полагал, что необходимо постепенно готовить русскую молодежь для замещения в будущем должностей консулов, поверенных в делах, посланников, считая, что засилье иностранцев в дипломатическом ведомстве отрицательно сказывалось на его деятельности. Для решения этой проблемы С.Р. Воронцов предлагал открыть в Петербурге школу для двадцати пяти или тридцати обедневших дворян для обучения иностранным языкам. Затем из них отбирать студентов в Коллегию иностранных дел, где бы они повышались в чинах по мере их способностей.

Следовательно, С.Р. Воронцов выступал за создание целостной системы подготовки российских государственных и военных деятелей. Успехи в воспитании и образовании М.С. Воронцова были связаны и с тем, что С.Р. Воронцов вложил в обучение сына большинство тех идей, которые ему не удалось реализовать в своих педагогических проектах в России.

В августе 1800 г. семья Воронцовых переезжает из Лондона в Саутгемптон, небольшое рыбачье местечко на берегу моря, в тридцати милях от Лондона. Граф С.Р. Воронцов с восторгом описывает жизнь своей семьи в это время. После раннего подъема в 9 часов — завтрак, затем прогулка по живописным окрестностям Саутгемптона. В полдень каждый начинал заниматься своим делом. В половине пятого вся семья собиралась за обеденным столом. Так как хозяин квартиры был книгопродавец, то каждый брал у него сколько угодно книг на английском и французском языках, серьезные труды читались в уединении, а что-нибудь полегче и повеселее слушали, собравшись вместе по вечерам. «Одним словом, мы поживаем как нельзя приятнее, и я никогда не был столь доволен, спокоен, как теперь. Я и думать забыл о политике, что так долго не давало мне покоя, и даже отказался от получения лондонских га-

зет, кроме небольшого каждодневного листка, который Миша или Катенька прочитывают мне за завтраком. Наш образ жизни, пожалуй, покажется однообразным, но в частностях он имеет весьма приятные видоизменения, и все мы спокойны и довольны»[1].

Читая письмо Семена Романовича о жизни семьи в это время, погружаешься в атмосферу удивительного спокойствия и семейного счастья; несмотря на проблемы своего здоровья, служебные неурядицы, граф Семен Романович сумел создать для своих детей, столь рано лишенных матери, не только условия для получения ими глубокого и разностороннего образования, но и атмосферу тепла и заботы, понимая, что в будущем эти воспоминания должны стать поддержкой в жизни.

Благодаря хранящемуся в Санкт-Петербурге «Альбому графа Михаила Семеновича Воронцова» мы узнаем, какие литературные произведения в стихах он любил читать в 1800 г. Характерно, что в альбоме в основном представлены русские поэты и писатели, среди которых Сумароков, Ломоносов, Горчаков, Карамзин, Княжнин и Херасков. Особо выделены русские народные песни. Из европейских писателей мы находим имена Расина и Вольтера. При этом в составлении оглавления, в самом ведении альбома обращает внимание особая аккуратность и четкость, присущая М.С. Воронцову на протяжении всей жизни[2]. Вероятно, увлечение М.С. Воронцова русской поэзией помогло ему блестяще овладеть родным языком, что было редкостью среди аристократической молодежи и в самой России конца XVIII столетия.

Европа конца 1800 г. находилась на пороге войны, граф С.Р. Воронцов прекрасно понимал это, что заставило его серьезно думать о своей личной судьбе и о будущем детей, тем более что отношения Англии с Россией в этот период были весьма натянутыми.

Но в то время на С.Р. Воронцова обрушивается гнев Государя Павла I: «Его Императорское Величество высочайше ука-

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 10. С. 83—84.

[2] Музей ИРЛИ РАН, к. 94260. Непосредственно сам альбом, куда М.С. Воронцов заносил любимые произведения, — подарок Н.Н. Новосильцева, который в 1800 г. находился в Англии и встречался с С.Р. Воронцовым.

зать соизволили: за неоплаченные Лондонскими банкирами Пишелем и Брогденом казне принадлежащие деньги 499 фунтов стерлингов, 14 шиллингов и 5 пенсов конфисковать на такую сумму имения генерала — графа Воронцова; прочие же его имения за пребывание его в Англии взять в казенный секвестр»[1].

Пораженный этим ударом, С.Р. Воронцов решается представить объяснения в письме из Саутгемптона от 24 марта (5 апреля) 1801 г., где пишет также: «Я не столько сокрушаюсь бедностью, в какую повергнут вместе с моими детьми, имея на себе долги и лишаясь своих доходов, сколько мыслию о том, что Государь Император взирает на меня как на изменника. Прослужив более 45 лет и проведя жизнь в этой деятельности и в честном быту, как следовало честному человеку, на склоне моих дней, у дверей гроба, закончить жизнь мою бесчестием и изменою Государю, который взыскал меня знаками своих милостей, своего доверия и который был моим благодетелем изо всех Государей, коим я служил столь долгое время!»[2].

Вскоре, однако, в Саутгемптон прибывает посланец с указом от нового Императора Александра Павловича, который восстанавливал все права графа С.Р. Воронцова и разрешал ему остаться в Англии.

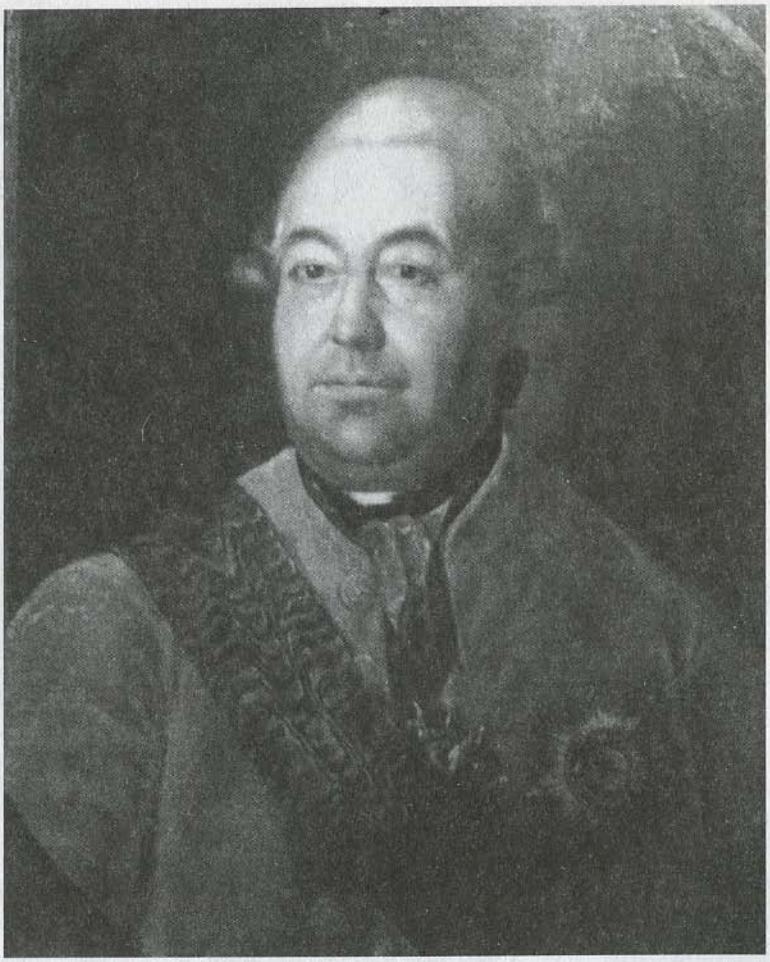
В начале мая 1801 г. граф Семен Романович первый раз простился с сыном. Михаил Семенович Воронцов отправился на землю, любовь к которой прививалась ему с ранних лет.

Посольские дела не позволили С.Р. Воронцову поехать вместе с сыном, но отзывы о нем из Петербурга были наилучшей наградой отцу за воспитание сына. 20 мая 1801 г. граф А.А. Завадовский пишет своему другу в Лондон: «Не полагал я никак пережить судороги России и начать счастливую эпоху утешением, увидев твоего премилого сына. Не могу изобразить того, скольким чувством зрю в нем образ и душу твою: капля с каплей воды не больше имеют сходства, как он в твоей молодости. Чем больше познаю его, больше удостоверяюсь в том, что ты отец — пресчастливейший. Брат твой

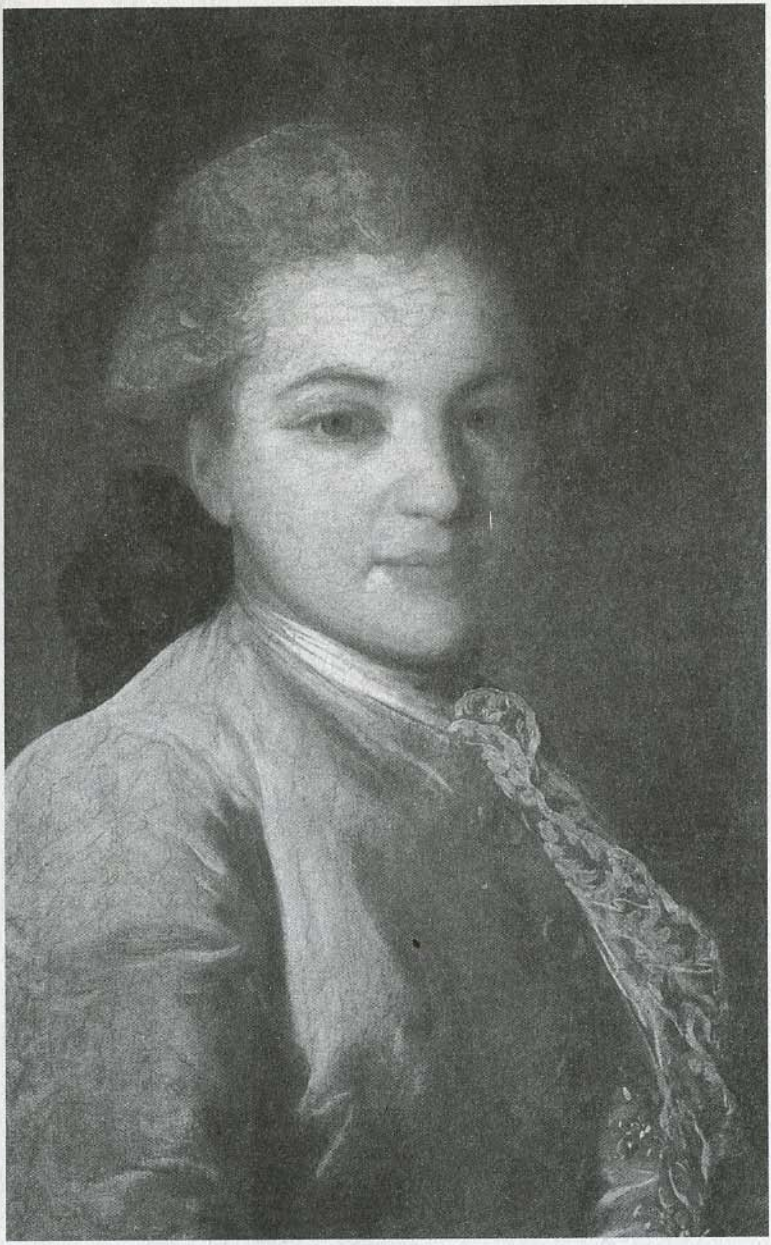
[1] Рябинин Д.Д. Указ. соч. С. 337.
[2] Архив князя Воронцова. Кн. 11. С. 336—341.

Граф
М.И. Воронцов

Графиня
А.К. Воронцова



Граф Р.И. Воронцов. Портрет работы И. Канатчикова.
Из собрания Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (ВСИАХМЗ)



Граф И.И. Воронцов.
Портрет работы Ф.С. Рокотова

Графиня П.Ф. Воронцова.
Портрет работы Д.Г. Левицкого

Граф
С.Р. Воронцов.
Портрет работы
Т. Лоуренса

Граф
А.Р. Воронцов.
Портрет работы
Шмидта

Графиня
Ел.Р. Воронцова

Князь
К.И. Дашков

Княгиня Ек.Р. Дашкова, урожденная графиня Воронцова

Граф А.И. Воронцов.
Портрет работы Ф.С. Рокотова

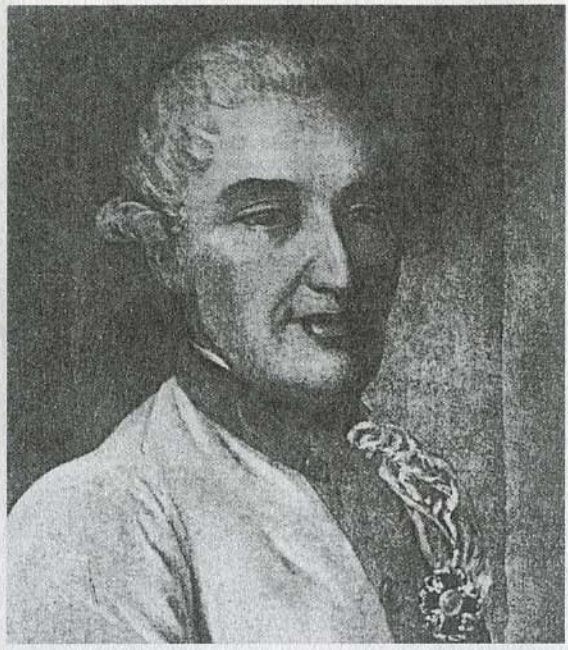
Граф А.Р. Воронцов.
Из собрания ВСИАХМЗ

Граф Д.П. Бутурлин.
Портрет работы Ф.С. Рокотова

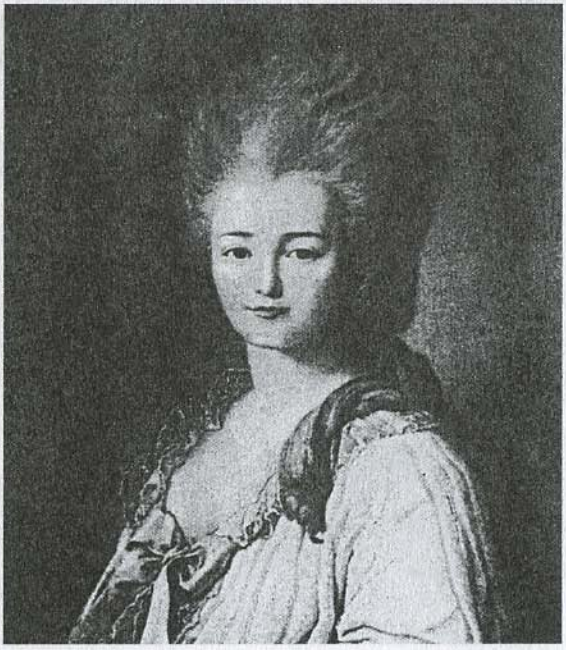
Граф
Д.П. Бутурлин

Графиня
А.А. Бутурлина

Графиня А.А. Воронцова в детстве.
Портрет работы Д.Г. Левицкого



А.Н. Сенявин.
Портрет работы
Ф.С. Рокотова



Графиня
А.В. Браницкая.
Портрет работы
Д.Г. Левицкого

Графиня Е.А. Воронцова.
Портрет работы Д.Г. Левицкого

Графиня
Е.А. Воронцова.
Портрет работы
Луизы Дессеме

Граф
С.Р. Воронцов.
С гравюры
Буассена,
сделанной с
портрета Эванса

Граф М.С. Воронцов в детстве

весьма любуется им, и всяк, кто его видит, не обинуется сказать: вот образец воспитания! Кроме прочего, и то понятно в нем, что, вывезен будучи грудным младенцем из России, говорит и чисто, и свободно русским языком, как бы вырос на Руси. Я радуюсь и тому, что он в первый раз видит Отечество в такое время, когда и природный англичанин не унывал бы в нем»[1].

В другом письме от 1 августа: «Последнее твое письмо вразумляет меня о важности подвига, который ты совершил в воспитании детей... В отечестве своем, из коего вывезен в пеленках, он не иностранец: привязанность к оному и обращение в обществе таково, как бы взрос на Руси. Сердце доброе и нежное, скромность не по летам и рассудок здоровый имеет, и о качествах предваряет всякого и наружный вид его»[2].

Русский характер юноши, выросшего в Англии, отмечает и графиня София Владимировна Панина: «Мне остается поздравить вас с данным сыну вашему воспитанием: умение его объясняться с такою легкостью по-русски приводит в удивление все здешнее общество и стыдит нашу молодежь, которая, во имя моды и хорошего тона, не в состоянии ни слова сказать на родном языке, да и вообще не блистает достоинствами, так что сношения с нею могли даже принести вред. Впрочем, с этой стороны вам нечего бояться за вашего сына: у него, по-видимому, столько благоразумия, что он не собьется с указанного вами пути»[3].

Во мнении о М.С. Воронцове сходится с Паниной и граф Ф.В. Ростопчин: «Не нужно было иметь много проницательности, чтобы подметить в вашем сыне все добрые отцовские качества: это увидел бы и всякий посторонний человек. Более всего поразила меня в нем нравственная чистота, спокойствие, ровность в расположении духа и основательное суждение»[4].

Признавая обширные и многосторонние знания М.С. Воронцова, следует повторить, что начиная с канцлера М.И. Воронцова, оказавшего большое влияние на С.Р. Воронцова, в семье

[1] Рябинин Д.Д. Указ. соч. С. 446
[2] Там же. С. 447
[3] Там же
[4] Там же

Воронцовых возникла определенная система воспитания, направленная на подготовку к государственной службе. В этой системе беседы с отцом, личный пример С.Р. Воронцова, служба которого проходила на глазах М.С. Воронцова, сыграли в становлении будущего государственного деятеля особо важную роль.

Притом развитие нравственных качеств выдвигалось в системе воспитания на первое место. Несмотря на то что детство М.С. Воронцова прошло в Англии, отец сумел воспитать сына в традициях православной веры и внушил М.С. Воронцову, что служба на благо России — единственное доказательство любви к Отечеству.

М.С. Воронцов получил в доме отца классическое образование, у него были образцовые по тому времени гувернеры и учителя, подбором которых занимался сам отец. Владея древнегреческим и латинским языками, М.С. Воронцов с детства был знаком с античными классиками, которых он любил перечитывать в подлиннике на протяжении всей жизни. Среди них можно отметить сочинения Тацита, Горация, Юлия Цезаря. Уже во время наместничества на Кавказе М.С. Воронцов с особым вниманием изучал произведения Прокопия Кесарийского. Классическое образование приучило М.С. Воронцова начинать изучение любой проблемы с ее истоков, внимательно наблюдая за ходом развития того или иного процесса.

Не была забыта в образовании М.С. Воронцова математика, которой С.Р. Воронцов придавал особое значение, а также политические науки, новые языки, литература европейских стран.

Помимо глубоких и разносторонних знаний, будущий государственный деятель должен был обладать прекрасным вкусом, умением вести беседу, свободно держаться в любом обществе. Эти качества начинали прививать детям с раннего возраста. Высокое социальное положение отца позволило М.С. Воронцову уже в детстве наблюдать за представителями высших кругов английского общества конца XVIII в. и даже в 1787 г. достойно выдержать представление королю и королеве Англии, которым понравилось поведение детей российского посланника.

Для будущего военачальника развитие физических качеств занимало в воспитании одно из ведущих мест. М.С. Воронцов

ежедневно занимался верховой ездой, ходил в море на яхте, увлекался шахматами. На протяжении всей жизни М.С. Воронцов поражал современников особой выдержкой, самообладанием и выносливостью.

Необходимо отметить, что С.Р. Воронцов старался дать детям такое воспитание и образование, чтобы в реальной жизни, на практике они были готовы к любым поворотам судьбы. Таким образом, С.Р. Воронцов, взяв лучшее из системы обучения различных европейских школ, выстроил собственный план воспитания и обучения сына, основная цель которого — духовно, нравственно, физически подготовить его к службе в России, заложить при этом основы глубокого и разностороннего образования. М.С. Воронцов получил воспитание в духе традиций передового российского дворянства, приверженцев идей века Просвещения.

В итоге, несмотря на то что военная и государственная деятельность М.С. Воронцова проходила в первой половине XIX столетия, можно утверждать, что по своему мировоззрению он был сыном «безумного, но мудрого» XVIII столетия.

Глава 2

АКТИВНАЯ БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.С. ВОРОНЦОВА В ВОЙНАХ ПРОТИВ ПЕРСИИ, ТУРЦИИ, ФРАНЦИИ (1803—1815)

Мы имеем пред неприятелем то превосходство, что одушевлены единым чувством служить верно Отечеству, исполнять волю Всемилостивейшего Государя.

М.С. Воронцов

НАЧАЛО ВОЕННОЙ КАРЬЕРЫ М.С. ВОРОНЦОВА

М.С. Воронцов принадлежал к поколению политических деятелей, представители которого до назначения на высокие государственные должности принимали участие в великих военных кампаниях первой четверти XIX столетия[1]. В каждом историческом периоде развития государства мы находим имена своих героев, своих властителей дум, но при этом нельзя не согласиться с мнением М.А. Давыдова, что в Российской Империи ими становились в первую очередь представители армии[2].

Принадлежность к элите русской армии не зависела от высокого чина или участия в громких боевых операциях. Прежде всего имелось в виду нравственное влияние личности, сила ее морального воздействия на окружающих. Мнение таких людей ценилось в обществе очень высоко, на них равнялись. К их числу принадлежал и М.С. Воронцов, о котором Ф.Ф. Вигель

---

[1] Среди этих деятелей: А.И. Чернышев (1785—1857); В.А. Перовский (1795—1857); А.Х. Бенкендорф (1783—1844); И.В. Васильчиков (1777—1847); А.А. Закревский (1783—1865); П.Д. Киселев (1788—1872); Д.Г. Бибиков (1792—1870); В.В. Левашев (1793—1848)

[2] Давыдов М.А. Оппозиция Его Величества. М., 1994 С. 4.

говорил, что он и А.П. Ермолов были кумирами русской армии, хотя им и не суждена была роль Потемкина и Суворова. В свою очередь, замечательный российский дипломат А.П. Бутенев отмечал в своих воспоминаниях, что к моменту начала Отечественной войны 1812 г. особенной «любовью пользовались в армии» два молодых дивизионных генерала М.С. Воронцов и И.Ф. Паскевич[1]. Такому отношению во многом способствовало полученное М.С. Воронцовым в Англии воспитание и образование, нравственные принципы, заложенные в основе его мировоззрения, основной смысл которого во многом заключен в словах М.И. Платова: «Мы должны показать врагам, что помышляем не о жизни, но о чести и славе России»[2]. Когда граф М.С. Воронцов прибыл из Англии в Санкт-Петербург в дом своего дяди графа Александра Романовича Воронцова, то слуги, лакеи, повара, даже актеры и музыканты известного Воронцовского театра бросились навстречу Михаилу Семеновичу и суетясь стали отыскивать его прислугу, каково же было их удивление, когда они заметили, что сын английского посланника молодой граф Воронцов приехал из Лондона совершенно один. Но как рассказывал впоследствии барон Шредер, присутствовавший при свидании дяди и племянника, канцлер А.Р. Воронцов не нашел в этом ничего удивительного. В шестнадцать лет он пересек всю Европу, направляясь на учебу в Версаль, куда был направлен своим дядей, канцлером Императрицы Елизаветы Петровны графом М.И. Воронцовым. И теперь спустя почти сорок лет подобная история вновь повторилась с семьей Воронцовых.

Первый шаг в военной карьере М.С. Воронцова свидетельствует о его искренней приверженности тем нравственным принципам, которые старался привить ему С.Р. Воронцов. Будучи пожалован в 1798 г. в камергеры, граф М.С. Воронцов, желая служить на военном поприще, мог быть произведен в свои девятнадцать лет в генерал-майоры, что соответствовало камергерскому званию. Но он просит разрешения начать службу с нижних чинов.

---

[1] Воспоминания А.П. Бутенева // Русский архив. 1881. Кн. 3. С. 64.

[2] Герои 1812 года: Сборник. Серия «Жизнь замечательных людей». М., 1987. С. 53.

Впоследствии Л.А. Нарышкин и граф А.П. Апраксин рассказывали, что когда при вступлении на военную службу они решили воспользоваться правами, данными камергерскому званию, то им прямо был указан пример графа М.С. Воронцова и «они должны были впредь довольствоваться обер-офицерскими чинами»[1]. 2 октября 1801 г. просьба Михаила Семеновича была удовлетворена, он определен поручиком лейб-гвардии в Преображенский полк.

М.С. Воронцов, вспоминая об этом времени, писал, что начал военную карьеру в 1-м полку, т. е. в Преображенском, где за сорок лет до его поступления начинал воинскую карьеру его отец. Обстоятельства складывались удачно для М.С. Воронцова: в 1802 г. А.Р. Воронцов стал канцлером Российской Империи, в Санкт-Петербург приехал с дочерью С.Р. Воронцов, которому при дворе был оказан весьма радушный прием, сам М.С. Воронцов заслужил лестные оценки представителей высшего петербургского общества и пользовался искренним уважением сослуживцев. Таким образом, социальный статус М.С. Воронцова, полученное им разностороннее образование, его личные качества открывали перед ним возможность дальнейшего продвижения по службе в самом Петербурге, дожидаясь официального выступления России на Европейском театре военных действий.

Но, как отметил в одном из своих писем С.Р. Воронцову П.В. Завадовский, М.С. Воронцову была присуща «сильная страсть к военной службе»[2], он желал принять участие в активных боевых операциях. В автобиографии М.С. Воронцов писал об этом времени (1802—1803 гг.), что ему наскучило возглавлять парады и маршировать по улицам Санкт-Петербурга. Молодой Воронцов подумывал о поступлении волонтером в армию французов, но отец не одобрил этого решения, а так как Россия не вела в это время в Европе военных действий, то М.С. Воронцов решил отправиться в Грузию, где шла война с горскими народами.

---

[1] Андреевский Э.С. Записка о князе М.С. Воронцове // Архив князя Воронцова. Кн. 40. С. 516.

[2] Рябинин Д.Д. Указ. соч. С. 447.

Россия была накануне серьезных военных операций в этом регионе. Проникновение России в Закавказье неизбежно должно было привести к столкновению с Персией и Турцией. Война с Персией была тем более вероятна, что Россия претендовала на вассальные княжества Персии, расположенные вдоль Каспийского моря. Получив необходимые рекомендательные письма, М.С. Воронцов в 1803 г. покидает Санкт-Петербург. По дороге на Кавказ Михаил Семенович останавливается в Астрахани, откуда 26 сентября 1803 г. пишет своему сослуживцу по полку С.Н. Марину, что нашел в городе товарища для поездки в Грузию — А.Х. Бенкендорфа: вместе они собираются уехать из города через два дня и надеются быть в Тифлисе приблизительно 6-го или 7 октября[1].

В своих воспоминаниях М.С. Воронцов отмечал, что «имел счастье» приобрести первый опыт на Кавказе в гуще военных событий того времени. Хотелось бы отметить, что сквозь эмоциональную сдержанность и лаконичность записей, присущую М.С. Воронцову, чувствуется искренняя радость предоставленной возможности испытать себя в настоящем сражении против храброго, гордого и хорошо вооруженного противника. В своих взглядах и поступках М.С. Воронцов нашел поддержку дяди — А.Р. Воронцова, который в 1803 г. писал князю П.Д. Цицианову: «Поелику нигде, кроме края, где вы командуете, нет военных действий, где бы молодому офицеру усовершенствоваться можно было в воинском искусстве, да и к тому присовокупляя, что под начальством вашим несомнительно можно более в том успеть, нежели во всяком другом месте, то по сим самым уважениям как я, так и брат мой согласились на желание графа Михаила Семеновича служить волонтером в корпусе, находящемся в Грузии»[2]. Далее граф А.Р. Воронцов замечает, что молодые годы Михаила Семеновича позволяют ему добиться чинов прямым путем, чего желают его отец и он сам. «Ко всему этому остается мне повторять то, что я и прежде писал вашему сиятельству, что он у нас один и что мы желаем, чтоб был полезен отечеству сво-

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 36. С. 49.
[2] Там же. Кн. 40. С. 319.

ему и для того, чтоб усовершенствоваться во всем, к тому относящемся»[1].

Таким образом, первым боевым наставником М.С. Воронцова в России был выдающийся русский военачальник, ученик А.В. Суворова — князь П.Д. Цицианов, под командованием которого российские войска вступили в войну с Персией. Кампании 1804—1813 гг. — одни из лучших страниц русской военной истории. Хотя европейские события во многом заслоняли военные операции, происходившие на Кавказе в начале XIX столетия, но для многих современников события того времени под стенами Гянджи значили не меньше, чем при Аустерлице.

Находившийся под покровительством Персии хан Джевад совершал из крепости Гянджи набеги, терроризировавшие Закавказье, к тому же Гянджа была стратегическим ключом северных провинций Персии, поэтому главнокомандующий князь П.Д. Цицианов считал захват крепости особо важным. В ноябре 1803 г. М.С. Воронцов начал свою первую военную кампанию, сопровождая П.Д. Цицианова под стены Гянджи. Они прибыли туда 2 декабря и в тот же день вступили в бой с персами, завершившийся занятием русскими окрестностей Гянджи[2]. За участие в операции 2 декабря М.С. Воронцов был удостоен первой боевой награды — ордена Святой Анны 3-й степени.

Во время одного из штурмов крепости на глазах главнокомандующего князя П.Д. Цицианова был ранен один из наиболее даровитых молодых офицеров того времени — П.С. Котляревский, чье имя впоследствии прогремит по всему Кавказу. Штурмуя крепость во главе егерской роты, командиром которой он являлся, П.С. Котляревский был ранен пулею в ногу, едва не был оставлен на поле боя. К счастью, его заметил и поднял М.С. Воронцов. На помощь к нему подскочил рядовой Богатырев, но тут же был убит пулею в сердце, и М.С. Воронцов один вынес из боя Котляревского[3]. Сам М.С. Воронцов писал, что в этот день обстоятельства сложились для него край-

---

[1] Архив князя Воронцова. Кн 40. С. 520.

[2] Там же. Кн. 37. С.32. *(Здесь и далее пер. с фр. автора.)*

[3] П о т т о В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1885. Т. 1. С. 557.

не удачно и ему удалось оказать помощь храбрейшему русскому офицеру П.С. Котляревскому, которого М.С. Воронцов считал одним «из бриллиантов нашей армии»[1].

Сын бедного сельского священника Петр Степанович Котляревский уже в четырнадцать лет участвовал в Персидском походе, услышав впервые свист пуль при осаде Дербента, находясь 4-м батальоне Кубанского корпуса, под началом Ивана Петровича Лазарева — известного героя Кавказа. После убийства И.П. Лазарева П.Д. Цицианов предлагает Котляревскому поступить к нему адъютантом, но тот предпочитает остаться непосредственно на полях военных действий и получает в команду егерскую роту. С описанного эпизода под стенами Гянджи начинается дружба Воронцова и Котляревского, которая будет их связывать сорок восемь лет.

Пройдут десятилетия после описываемых событий, и в 1838 г. П.С. Котляревский, по совету врачей, приобретет недалеко от Феодосии мызу «Добрый приют». Там герой Кавказа мужественно сносил мучительные страдания — последствия тяжелого ранения. 10 октября 1851 г. он принимал у себя наместника Кавказа князя М.С. Воронцова, который, несмотря на свирепствовавшую на Черном море бурю, заезжает в Крым, чтобы увидеть тяжелобольного друга. 21 октября 1851 г. П.С. Котляревский скончался. Слова Императора Николая Павловича, сказанные им в 1826 г., по поводу приглашения Котляревского стать во главе войск против знакомых ему персов, еще раз дают понять, что значило это имя для русских в то время. «Уверен, — писал ему Государь, — что одного имени Вашего достаточно будет, чтобы одушевить войска, Вами предводительствуемые, устрашить врага, неоднократно Вами пораженного и дерзающего снова нарушить тот мир, к которому открыли Вы первый путь Вашими подвигами». Котляревский и Воронцов, будучи ровесниками, значительно отличались друг от друга происхождением и условиями воспитания, детство одного прошло в Лондоне, другого — в селе Ольховатки Харьковской губернии, но их объединяло главное — понятие о долге перед Отечеством.

---

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 37. С. 33.

20 декабря 1803 г. М.С. Воронцов покинул осажденную русскими крепость, чтобы присоединиться к войскам генерала В.С. Гулякова и принять участие в боевых действиях против лезгин. М.С. Воронцов прибыл к Гулякову 28 декабря, а спустя два дня начались военные действия. После ряда успешных боевых операций Гуляков, перейдя реку Алазань, двинулся в Джаро-Белоконскую область, решив преследовать лезгин в самую глубину дагестанских гор. 15 января 1804 г. он выступил с отрядом в Закатальское ущелье. Впереди войска шел авангард с конной и пешей грузинской милицией, затем рота егерей с одним орудием, далее — колонна, состоявшая из рот Кабардинского полка[1], одной из которых командовал флигель-адъютант, будущий граф А.Х. Бенкендорф, другой — поручик Преображенского полка, граф наследственный М.С. Воронцов. Последующие события развивались весьма трагично для русских.

Противник открыл по отряду перекрестный огонь, как только тот втянулся в ущелье, а затем, используя замешательство грузин, бросился в шашки. Василий Семенович Гуляков пал од-ним из первых и так закончил свой более чем тридцатилетний боевой путь. В письме князю Цицианову Воронцов сообщал, что беззаветная храбрость повлекла Гулякова в такое место, куда идти все же не следовало без надежного прикрытия.

Дворянин из Калужской губернии, Гуляков начал службу рядовым в одном из армейских пехотных полков и, пройдя через турецкие, шведские, польские войны золотого века Екатерины Великой, был произведен в 1800 г. в генералы с назначением шефом Кабардинского полка. «Умалчиваю в своем представлении о генерал-майоре Гулякове, — доносил Лазарев главнокомандующему в Грузии, — ибо геройские поступки его и неустрашимость превосходят всякое засвидетельствованное»[2]. И вот этот герой гибнет, а подоспевший резерв Кабардинского полка пытается отбить тело своего командира

[1] 80-й пехотный Кабардинский полк был основан во время правления Екатерины I (с 1732 г. — Кабардинский). В 1800 г. В.С. Гуляков был назначен шефом Кабардинского полка, перед этим произведен в генералы.

[2] Потто В. Указ. соч. С. 371.

из рук неприятеля. «Смерть храброго и опытного начальника, к которому солдаты питали слепую доверенность, расстроила порядок в авангарде. Грузины бросились назад, смешали колонну и многих столкнули в стремнину. Генерал-майор князь Орбелиани, шеф Тифлисского полка Леонтьев, молодой Воронцов, в числе других, жестоко расшиблись при падении и только с трудом выбрались из пропасти»[1]. Пройдет несколько десятилетий, и в 1831 г. многие офицеры, участвовавшие во взятии Закатал, выразили желание соорудить на этом месте памятник в честь Гулякова. Император Николай Павлович поддержал это желание и сам лично наблюдал за проектом, который осуществлял Брюллов. 15 ноября 1845 г. монумент был освящен. Наместник Кавказа М.С. Воронцов специально приехал для этого торжества из Тифлиса. Возможно, в эти дни он вновь вспоминал события сорокалетней давности, произошедшие в этих местах и описанные им в письме Цицианову.

М.С. Воронцов считал, что ошибкой Гулякова было также то, что впереди были выдвинуты грузинские солдаты: после нападения на них лезгин они бросились назад и опрокинули русских. М.С. Воронцов, находясь рядом с орудием, где был убит Гуляков, чудом избежал его участи[2].

Благодаря действиям князя Д.З. Орбелиани и А.А. Леонтьева, своим примером поддержавших солдат, войско было вновь собрано и отбило лезгин. Многие из тех, кто впоследствии прославят русское оружие в наполеоновских битвах, на полях Европы, проходили школу чести и мужества на Кавказе в начале века. Через десять лет под Краоном М.С. Воронцов появлялся перед солдатами в самых опасных местах сражения, воодушевляя их личным примером.

Между тем 3 января 1804 г. произошло взятие Гянджи, и это еще более усилило позицию России в Закавказье. Среди тех, кто прибыл поздравить князя Цицианова с победой, были посланники имеретинского царя Соломона, которые объявили,

---

[1] Потто В. Указ. соч. С. 382.

[2] За храбрость, проявленную в сражениях 1-го и 15 января 1804 г., М.С. Воронцов был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом / Акты, собранные Кавказскою археологическою комиссиею. Тифлис, 1868. Т. II. С. 690

что царь Соломон желает вступить в подданство России с условием — он остается царем и в его владениях по-прежнему будет находиться Лечгумская область, отнятая им у князя Дадиани. Согласившись с первым условием, П.Д. Цицианов не принял второго. Используя междоусобную борьбу между мингрельскими и имеретинскими владетелями, Цицианов добился в 1803 г. вассальной зависимости Мингрелии от России. Рассчитывая того же добиться от имеретинского царя, П.Д. Цицианов оставил в Мингрелии прежнего владетеля. «Оставляя царей при мнимом государстве, в совершенном подданстве России, на условиях выгоды ей доставляющих, Империя, — писал Цицианов, — ограждается от издержек, требуемых при введении российского правления»[1].

После продолжительной беседы посланники имеретинского царя объявили, что не могут продолжать переговоры, так как не уполномочены дать согласие на возвращение Лечгумской провинции князю Дадиани. Они попросили отправить с ними представителя России, обещая содействовать положительному завершению переговоров»[2]. П.Д. Цицианов возложил на М.С. Воронцова дипломатическую миссию — вести переговоры с царем Соломоном. «Твердость сего молодого офицера, исполненного благородных чувствований и неустрашимости беспримерной, рвение к службе В.И.В. и желание отличиться оным удостоверяют меня, что поездка его будет небезуспешна»[3].

М.С. Воронцов повез с собой проект прошения Соломона к Императору Александру I, в котором заключались условия статьи подданства, и получил приказание, не соглашаясь в них на перемену ни одного слова, возвратиться через 15 дней, к 24 марта. От результатов поездки М.С. Воронцова зависел вопрос — вступят ли русские войска в Имеретию «с мечом ли в руках или дружелюбно»[4]. По прибытии в Имеретию М.С. Воронцову пришлось дольше запланированного времени дожи-

---

[1] Окунь С.Б. История СССР. 1796—1825. Л., 1947. С. 160.
[2] Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1868. Т. II.
[3] Там же.
[4] Там же.

даться аудиенции царя. Во время ведения сложных переговоров в Имеретии в Санкт-Петербург было отправлено его письмо, написанное с таким оптимизмом, что, кажется, автор старался поддержать в своих друзьях веру в себя и доброе состояние духа. М.С. Воронцов сообщал следующее: «В Гори живем мы уже теперь дней десять, и продолжение пребывания нашего зависит от воли его величества царя имеретинского: ежели он умен, то отпустит нас скоро в какой-нибудь другой край, а ежели хочет драться, то мы не прочь, и попробуй чья возьмет, на днях сие будет решено. Кажется, что дело обойдется без драки»[1].

М.С. Воронцов был принят имеретинским царем Соломоном лишь 20 марта, и тот ответил, что «не может подписать пункты в прошении о подданстве, а желает просто присягнуть на верность Государю Императору без всяких пунктов»[2]. М.С. Воронцов заявил на это, что одного без другого принять не может и что главнокомандующий не будет вступать с царем Соломоном ни в какие переговоры.

Заслуживает внимания тот факт, что в эти же дни правитель Мингрелии князь Дадиани получил через Воронцова письмо от князя Цицианова, в котором тот требовал прислать 14 000 батманов пшеницы, 1400 батманов гоми, 2800 батманов ячменя и очистить крепости в Одише, Лечгуми и Сванетии. На что князь Дадиани ставит условия перед Цициановым: если отнятые у него царем Соломоном крепости и имения будут возвращены, тогда князь Дадиани выполнит приказание П.Д. Цицианова[3]. «Не нужно изъяснять вашему сиятельству, — писал граф Воронцов, — сколько я огорчен тем, что посылка моя сюда была неудачна»[4]. Для М.С. Воронцова это было первое сражение на дипломатическом поле, возможно, он понял, что войны дипломатии бывают так же тяжелы, как и военные баталии, служба его отца графа С.Р. Воронцова была тому при-

---

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 36. С. 62.

[2] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1866. Т. IV. С. 158.

[3] Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, Т. II. 1868. С. 470.

[4] Дубровин Н. Указ. соч. С. 158.

мером. После возвращения М.С. Воронцова князь П.Д. Цицианов начинает лично вести переговоры с царем Имеретии.

Необходимо отметить, что с прибытием П.Д. Цицианова на Кавказ влияние России на проживающие там народы стало заметно возрастать, что не могло не тревожить Персию. В это же время между двумя враждующими державами свои интересы отстаивали правители ханств — Эриванский и Нахичеванский.

В начале июля главнокомандующий русскими войсками на Кавказе князь Цицианов направил к Эривани часть своих сил под началом генерал-майора Тучкова 2-го. Это было связано с просьбой Эриванского хана, который соглашался подчиниться России в случае защиты его от персов. Тучков встретился у урочища Гумры с сильным корпусом противника. Не дожидаясь, когда персы с царевичем Александром атакуют его отряд, он ударил первым и обратил врага в бегство. 19 июня П.Д. Цицианов вместе со своими людьми, среди которых был и М.С. Воронцов, прибыл под Эчмиадзинский монастырь. Русские войска с успехом отбивали нападения неприятеля — сначала атаку 18-тысячного корпуса под командой царевича Александра, а 25 июня были опрокинуты войска главнокомандующего персидской армией, сына и наследника шаха — Аббас-мирзы. Часть его войска попыталась закрепиться на берегу реки Занги, но вперед пошли егеря 19-го полка. М.С. Воронцов примкнул во время этой атаки к егерям, один батальон которых на штыках вынес противника прочь. Персы во главе с главнокомандующим бежали за Аракс. Эривань была спасена, но местный хан, в ответ на требование Цицианова присягнуть на верность, нарушает ранее данное обещание и обращается за помощью теперь уже к персам. Аббас-мирза снова переходит границу и располагается лагерем при деревне Калагири.

30 июня 1804 г. около двух часов ночи князь П.Д. Цицианов переправился вброд через реку Зангу и за ним — все остальные войска. Перестроившись в четыре каре, из которых егерский полк составлял авангард, отряд двинулся атаковать персидский лагерь, расположенный в семи верстах от Эриванской крепости. Персы обрушились с обоих флангов и сзади. Цицианов приказал егерям круто повернуть налево, а средней колонне под началом Тучкова вызвать охотников и следовать

вперед в авангарде, Тучков выслал целый батальон Кавказского гренадерского полка под началом полковника Козловского, при котором находился поручик лейб-гвардии Преображенского полка граф М.С. Воронцов, исполнявший должность бригад-майора при отряде. Усилиями егерей и гренадер отряд вышел на настоящую дорогу. Но нужно было идти по узкому проходу в ущелье под обстрелом персов, находившихся на склонах.

Тогда «жадный к славе», как скажет князь П.Д. Цицианов, полковник Козловский, получив согласие командующего и одобрение товарищей, впереди батальона стал взбираться на гору. Скинув ранцы и шинели, гренадеры бросились штурмовать отвесную гору высотой 650 саженей. Это была одна из самых дерзких и опасных операций. Не более сорока человек и несколько офицеров вслед за Козловским дошли до вершины. Будучи незаметными для неприятеля, не дав ему опомниться, под бой единственного барабана с криком «Ура!» горстка храбрецов бросилась в штыки. Не ожидая с этой стороны нападения, персы бросились в панике в лагерь и, не решив там защищаться, стали отступать через Эривань.

Во время беспрерывных сражений начального этапа своей военной карьеры М.С. Воронцов действовал в составе войсковых частей, где ему приходилось работать штыком и выполнять свой долг командира. В реляции о Эриванской экспедиции П.Д. Цицианов неоднократно отмечал находящегося за бригад-майора лейб-гвардии Преображенского полка поручика М.С. Воронцова, который, «деятельностью своею заменяя мою дряхлость, большою мне служит помощью»[1]. За проявленную храбрость в сражениях против персидских войск и «овладении их лагерем в 30-й день июня и при занятии Эриванского предместия» М.С. Воронцов был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени[2].

Блокада русскими Эривани была снята после того, как в корпусе почти не осталось запасов хлеба. Кроме того, в частях свирепствовали болезни. По словам М.С. Воронцова, половина кор-

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 36. С. 97.
[2] Там же. С. 177.

пуса лежала, а другая более напоминала человеческую тень. Отступление было трудным. Не хватало лошадей для транспортировки обоза, часть груза приходилось нести на руках. М.С. Воронцов отмечал, что из-за болезни число здоровых офицеров оказалось пропорционально меньше, чем здоровых солдат. При этом русскому корпусу приходилось каждый день во время отступления отражать нападения противника. В один из дней противник поджег в степи траву, жара и сильный ветер способствовали быстрому распространению огня. Одновременно с этим неприятель со всех сторон напал на русские части. «Тут было очень жутко. Однако, хотя и с небольшим трудом, успели, наконец, огонь потушить плащами, мешками и прочим, а персиян отбить штыками»[1], — сообщал М.С. Воронцов в Петербург. 27 сентября, после почти пятимесячного отсутствия, М.С. Воронцов вернулся в Тифлис.

Закончился один из труднейших, по отзывам современников, походов персидской кампании. В автобиографии М.С. Воронцов писал, что, несмотря на то что Эривань не была взята (что впоследствии совершит И.Ф. Паскевич), само возвращение русских войск из столь опасной экспедиции имело чрезвычайно важное значение и для друзей и для врагов этой части Азии, а также для будущих перспектив в этой стране.

После похода на Эривань храбрые войска, сражавшиеся под палящим солнцем, оказались теперь среди вечных снегов в стране холода, в Осетии. Осенью 1804 г. князь П.Д. Цицианов отправился в Осетию, где начались волнения местного населения. Судя по письмам П.Д. Цицианова М.С. Воронцову (ноябрь 1804 г.), можно полагать, что после похода на Эривань М.С. Воронцов серьезно заболел, при этом А.Р. Воронцов через главнокомандующего настаивал на его возвращении в Петербург. Ведя переговоры[2] в Осетии, П.Д.Цицианов

---

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 36. С. 77.

[2] В одном из писем к М.С. Воронцову П.Д. Цицианов излагал свои требования на переговорах: сломать все башни (видимо, крепости); из лучших домов каждой деревни дать аманата со своим содержанием и за каждый доказанный проступок отправлять аманатов в солдаты или на заводы в Россию (Архив князя Воронцова. Кн. 36. С. 11).

предупреждал М.С. Воронцова, что вряд ли удастся избежать трудного военного похода против осетинцев в весьма тяжелых условиях (крутые склоны гор, глубокий снег). Кроме того, осетинцы были весьма опасными противниками и, стреляя, «весьма метко давали вдоль тела раны»[1], первые бои принесли большое число раненых. Но, несмотря на требования дяди и предостережения главнокомандующего, М.С. Воронцов отправился в Осетию, откуда писал Арсеньеву (от 10 декабря 1804 г.): «Мы находимся в местах больше пригодных для жизни котов, а не людей» (интересно, что письмо отправлено из осетинской деревни Кошки)[2]. Далее он продолжает, что никогда войска не карабкались по таким крутым склонам, по горло в снегу, но, несмотря на это, идут жестокие бои, при этом особо активно действовали казаки. Участие в походе в Осетию отрицательно сказалось на здоровье М.С. Воронцова, несколько месяцев он находился на лечении в Москве, куда выехал в феврале 1805 г.

Таким образом, М.С. Воронцов начал свою военную карьеру с добровольной службы на Кавказе. Его боевое крещение состоялось под стенами Гянджи, затем он участвовал практически во всех наиболее серьезных военных операциях 1804 г. на Кавказе, из которых опять отметим поход Гулякова против лезгин и Эриванскую экспедицию Цицианова. Во время этих операций М.С. Воронцов проявил храбрость, силу духа и волю; практически всегда в боях он находился в первых рядах сражающихся. Корреспонденция М.С. Воронцова этого времени свидетельствует об умении анализировать события, при этом он был далек от пустого «критиканства» своих командиров, к большинству из которых питал самое искреннее уважение. В то же время это первый опыт дипломатической работы М.С. Воронцова, который он приобрел на Кавказе. Впоследствии он писал, что смотрит на это время как на наиболее активное, интересное, а вместе с тем наиболее опасное в своей карьере[3]. Пройдет почти сорок лет, и Тифлис встре-

---

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 36. С. 15.
[2] Там же. С. 79. *(Пер. с фр.)*
[3] Там же. Кн. 37. С. 43. *(Пер. с фр.)*

тит М.С. Воронцова как первого наместника на Кавказе с невиданными до этого полномочиями и как главнокомандующего Кавказской армией.

В марте 1805 г. М.С. Воронцов приезжает в Москву и спешит оттуда в имение своего дяди — Андреевское, где в это время находился российский канцлер, граф Александр Романович Воронцов. Дядя мог быть доволен племянником. Кавалер орденов Святого Георгия 4-й степени, Святого Владимира 4-й степени с бантом и Святой Анны 3-й степени, произведенный из поручиков в капитаны, граф М.С. Воронцов, которому исполнилось 22 года, с честью выдержал боевое крещение. Но это была их последняя встреча. М.С. Воронцов отправился в Санкт-Петербург и в мае возобновил службу капитаном в Преображенском полку[1].

Князь П.Д. Цицианов в письме спрашивал М.С. Воронцова, как он нашел гарнизонную службу после кавказских сражений[2]. Ответ на этот вопрос содержится в одном из писем М.С. Воронцова к Д.В. Арсеньеву: «Я так был во всем счастлив в этом краю (Кавказ), что всегда буду помнить об этом с крайним удовольствием и охотно опять поеду, когда случай и обстоятельства позволят»[3]. Несмотря на тяжесть кавказской службы, еще в марте 1804 г. М.С. Воронцов писал из Гори в Петербург, что от мыслей про караулы «по коже мороз забирает»[4]. М.С. Воронцов получил в командование одну из рот 3-го батальона Преображенского полка. Он сообщал, что учения происходят каждый день и начинаются в четыре часа утра, а так как, по его словам, ложиться спать ежедневно в 9 часов невозможно, то «мне достается спать из трех ночей одну»[5].

При этом М.С. Воронцов довольно критически оценивал свою строевую подготовку и искренне сожалел, что в Петербурге нет Арсеньева, под началом которого он мог бы наверстать упущенное. Командуя ротой, он не может себе позволить

---

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 37. С. 44. *(Пер. с фр.)*
[2] Там же. Кн. 36. С. 28.
[3] Там же. С 85.
[4] Там же. С. 61.
[5] Там же. С. 84.

халатного отношения к службе, что присуще было многим его сослуживцам, которые, считал М.С. Воронцов, не имеют желания «быть значительными и полезными членами общества. Было бы им только спокойно и весело, а что будет под старость, это и в ум не входит»[1].

Между тем Европа готовилась к войне. В апреле 1805 г. была подписана русско-английская конвенция. В состав третьей антифранцузской коалиции, помимо России и Англии, вошли Австрия, Швеция и Неаполитанское королевство. В августе 1805 г. французы стали покидать Булонский лес — колыбель Великой армии — и выступать за Рейн. Австрийцы в то же время подтягивали войска к границе с Баварией, к ним на помощь двигалась русская армия.

Экспедиционный корпус под командованием генерал-лейтенанта П.А. Толстого был назначен для совместных действий со шведами в Померании и Северной Германии[2], при этом одной из главных задач было освобождение союзниками Ганновера, занятого частями корпуса маршала Франции Бернадота. Как известно, Пруссия не вступила тогда в третью коалицию, а Бонапарт обещал вернуть Пруссии Ганновер, захваченный в 1803 г. Полагаю, что союзники хотели опередить Наполеона в его намерении и тем самым заручиться поддержкой Пруссии в этой кампании. Таким образом, корпус Толстого не только оттягивал на себя часть сил противника, но от его действий зависело укрепление самой третьей коалиции.

Следует отдельно остановиться на этой экспедиции, так как в учебных пособиях и в целом ряде военно-исторических изданий говорится только о двух русских армиях — одной под началом Кутузова, другой — под командованием Буксгевдена, и отсутствуют сведения о корпусе Толстого или приводится противоречивая информация о результатах этого похода[3].

---

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 36 С 88.

[2] Там же. Кн. 37. С. 44. *(Пер. с фр.)*

[3] Так, к примеру, сведения о корпусе П.А. Толстого отсутствуют в монографии С.Б. Окуня «История СССР. 1796—1825». Л., 1974; и в учебнике для вузов «История СССР XIX — начала XX века». М., 1987. В сб. «Герои 1812 года». М., 1987 — А. Валькович пишет об освобождении русским десантом в конце ноября 1805 г. Ганновера (с. 412). О занятии П.А. Толстым Ганновера говорится также в книге «Знаменитые Россияне XVIII — XIX веков». СПб., 1995. С. 746

Основными источниками, освещающими участие М.С. Воронцова в действиях русских войск под командованием П.А. Толстого, явились воспоминания самого М.С. Воронцова и его письма к А.Р. Воронцову[1].

Капитан лейб-гвардии Преображенского полка М.С. Воронцов был назначен бригад-майором в корпус П.А. Толстого, который с 1803 г. командовал Преображенским полком. Кроме М.С. Воронцова, из этого полка в войсках Толстого находился двоюродный брат М.С. Воронцова поручик Л.А. Нарышкин, исполнявший обязанности адъютанта командира корпуса. П.А. Толстой был зорок, наблюдателен, «ни на минуту не теряя из виду пользы и чести своего отечества»[2], — писал Ф.Ф. Вигель. Кроме того, по отзывам современников, он отличался добротой и великодушием; при таком командире служба офицеров была избавлена от грубостей, мелочной опеки и придирок. Корпус отправился из Кронштадта к берегам Шведской Померании 11 сентября 1805 г. Во время путешествия буря разметала корабли: утонуло несколько казаков, взвод кирасир был выброшен на дальний остров, где и зазимовал, пропало несколько пушек и зарядных ящиков[3]. Командиром конной артиллерии корпуса был гвардейский поручик А.Н. Сеславин, который во время похода познакомился с М.С. Воронцовым и Л.А. Нарышкиным; с последним его связывали впоследствии долгие годы дружбы.

В конце месяца корпус прибыл в Штральзунд. М.С. Воронцов сопровождал Толстого на встречу с королем Швеции. После возвращения в Штральзунд войска начали свой марш через Мекленбург на Ганновер. Молодежь жаждала битв. Но французские войска покинули провинции, по которым двигался корпус, чтобы соединиться с Наполеоном. В крепости Гамель был оставлен гарнизон в 4000 человек. Крепость немедленно была блокирована. М.С. Воронцов писал А.Р. Воронцову, что П.А. Толстой отправился к герцогу Брауншвейгскому, чтобы

---

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 37. С. 44—45. *(Пер. с фр.)* Там же. Кн. 36. С. 107—114. *(Пер. с фр.)*

[2] Знаменитые Россияне XVIII—XIX веков. СПб., 1995. С. 447.

[3] Герои 1812 года: Сборник. Серия «Жизнь замечательных людей» // Вальковичч А. Александр Никитич Сеславин. М., 1987. С. 411—412.

принять решение о дальнейших действиях под стенами крепости, французский гарнизон которой доставлял немало беспокойства местным жителям. М.С. Воронцов отмечал, что погода не располагала к хорошему настроению, непрерывно шел дождь, все ждали мороза. Трудности продвижения усугублялись еще и тем, что в частях было много больных. В войсках союзников было плохо налажено сообщение, так, 26 ноября (8 декабря) 1805 г., т. е. спустя несколько дней после Аустерлица, М.С. Воронцов, не упоминая о сражении, сообщал в Россию, что, наконец, принято решение блокировать Гамель частью войск, а оставшиеся русские и английские войска продвигаются к границам Голландии.

В этом же письме М.С. Воронцов подчеркивал лживость «наглых» бюллетеней Наполеона, в одном из которых сообщалось о «полной отставке» французского императора[1]. Как известно, Наполеон прибегнул к хитрости, распустив слухи о своем отступлении к Вене и о плачевном состоянии армии, чтобы вынудить противника к нападению. Его план удался, 20 ноября произошло сражение при Аустерлице. В корпусе Толстого к 26 ноября не только не знали об этом сражении, но и подготовились к выступлению на следующий день по направлению на Ганновер, что свидетельствует о слабом сообщении между частями союзников.

О сражении при Аустерлице корпус узнал сначала из газет и частных писем. По мнению М.С. Воронцова, страшнее самого сражения был мир, последовавший после него. «Я не знаю, — писал М.С. Воронцов, — как после этого русские будут смотреть французам в лицо, не умирая от стыда»[2].

Искренняя боль о чести русской армии видна и в другом его письме. «Бонапарт снова празднует победу благодаря хитрости и коварству, или, лучше сказать, благодаря низости и унижению Австрии и Пруссии. Все это несносно. Мы живем в отвратительном столетии, и Господь знает, когда это изменится»[3]. Узнав о приказе русской армии двигаться домой, М.С. Воронцов решил нанести визит отцу в Англию.

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 36. С. 110. *(Пер. с фр.)*
[2] Там же. Кн. 36. С. 112. *(Пер. с фр.)*
[3] Там же. С. 114.

Таким образом, М.С. Воронцов, находясь в составе войск корпуса П.А. Толстого, совершил в 1805 г. свой первый военный поход по Европе. При этом, как свидетельствуют документы, до Ганновера корпус не дошел и после битвы при Аустерлице вернулся в Россию. Вынужденное бездействие, трагедия Аустерлица не только не сломили моральный дух М.С. Воронцова, но еще больше утвердили его уверенность, что только русские войска в состоянии реально оказать сопротивление французам. В то же время на примере корпуса П.А. Толстого мы видим, что несогласованность в командовании, отсутствие единоначалия в союзных войсках явились одной из главных причин неудач союзников; всю остроту этой проблемы М.С. Воронцову пришлось испытать лично во время кампании 1806 г. В сентябре этого года М.С. Воронцов возвратился из Англии в Петербург, где возобновил службу в гвардии.

Но вскоре он отправлен к королю Пруссии. О цели поездки можно судить из его посланий к П.А. Толстому, которому, как начальнику штаба главной армии, было поручено наладить связь между Прусским королем и русскими войсками, шедшими на помощь Пруссии. Исполнителем этого ответственного задания был избран М.С. Воронцов. В письме от 2 (14) ноября из Грауденца М.С. Воронцов сообщал об обстановке в окрестностях Варшавы, где местные жители отказывались подчиняться прусским начальникам. Тон посланий М.С. Воронцова тревожен, он опасался, что Наполеон не допустит соединения армии Беннигсена и Буксгевдена. М.С. Воронцов замечал, что ему смешно вмешиваться в планы генералов, но если его спросит сам король о состоянии дел, то он скажет, что противостоять Франции может лишь единая армия, т. е. прусская армия, войска Беннигсена и Буксгевдена должны соединиться. Далее М.С. Воронцов сообщал, что главные французские силы идут на Позен, и буквально умолял Толстого быстрее приехать с фельдмаршалом: «...не оставляйте нас здесь под игом запутанных идей короля Прусского»[1].

Как видим, согласованных действий союзников не удалось добиться и к концу 1806 г., при этом и в самой русской ар-

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 36. С. 451.

мии после отстранения М.И. Кутузова существовала проблема взаимоотношений среди высшего командования. Так, накануне сражения под Пултуском М.С. Воронцов сообщал, что ему с трудом удалось уговорить Беннигсена написать о своих намерениях фельдмаршалу графу Каменскому. 14 декабря М.С. Воронцов участвовал в битве под Пултуском, за отличие в которой 12 января 1807 г. был произведен в полковники[1].

Не будучи ранен в предыдущих сражениях, М.С. Воронцов все же оказывается на лечении в госпитале, всему виной — удар лошади, сломавшей ему ногу. По этой причине он не участвовал в сражении 27 января у Прейсиш-Эйлау[2]. После шести недель лечения в Белостоке и по прибытии туда гвардии М.С. Воронцов назначается командиром 1-го батальона Преображенского полка и участвует в сражениях при Гутштадте и у Хайльсберга. М.С. Воронцов пишет об участии в этих битвах, как всегда, коротко, без лишних эмоций. После упорного боя 2 июня 1807 г. у Фридланда русская армия была вынуждена отойти за Неман. Во время переговоров в Тильзите М.С. Воронцову было приказано с 1-м батальоном Преображенского полка находиться в городе при Императоре Александре Павловиче. В течение двенадцати дней М.С. Воронцов каждый день видел Наполеона и присутствовал при нескольких смотрах гвардии и корпуса маршала Даву[3].

После окончания переговоров и подписания мира, по которому Пруссия лишилась половины своих владений и права содержать армию свыше 42 000 человек, М.С. Воронцов вернулся с полком через Курляндию и Ливонию в Россию и прибыл в Санкт-Петербург. «Весь год я находился в Петербурге, будучи на службе полковником гвардии, это был единственный год с 1803 по 1815, что я провел в мире»[4], — записал в воспоминаниях М.С. Воронцов.

Несмотря на возраст (в 1808 г. М.С. Воронцову исполнилось всего 26 лет), он благодаря воинским заслугам и личным

---

[1] К сожалению, не удалось обнаружить сведения об участии М С. Воронцова в этом сражении.

[2] Архив князя Воронцова. Кн. 37. С. 46. *(Пер. с фр.)*

[3] Там же. С. 47.

[4] Там же. Кн. 37. С. 47. *(Пер. с фр.)*

качествам пользовался особым уважением товарищей. Так, в один из дней конца 1807 г. у М.С Воронцова проходили переговоры по трем поединкам. Вот их предыстория. «В царствование Александра Павловича дуэли, когда при оных соблюдаемы были полные правила общепринятых условий, не были преследованы государем»[1], — вспоминал впоследствии князь С.Г.Волконский. Исключения составляли лишь поединки без соблюдения установленных правил или когда вызов был придиркой, так называемых бретеров, за что отправляли на Кавказ. «Дуэль почиталась государем как горькая необходимость в условиях общественных»[2]. Государь считал, что уголовное наказание не остановит обиженного, это может сделать другой суд, суд чести.

В конце 1807 г. Петербург в один день узнает о трех вызовах; первый последовал от князя С.Г. Волконского к К.А. Нарышкину; другой от князя А.Я. Лобанова-Ростовского к князю М.Г. Кудашеву, и, наконец, последний вызов был от Д.В. Арсеньева, старого друга Воронцова, к И.Е. Хрептовичу. Переговоры по всем трем поединкам проходили у графа М.С. Воронцова, что еще раз подтверждает особые отношения к нему в гвардии. Но если противников в первых двух вызовах графу удалось склонить к миру, то третьей дуэли, увы, предотвратить не удалось. Поединок состоялся из-за фрейлины Каролины Марии фон Рене, с которой Д.В. Арсеньев был помолвлен. Но через несколько дней после помолвки граф Хрептович, сын последнего литовского канцлера, богатый помещик, не принимая во внимание помолвку, предлагает руку невесте Арсеньева, и мать девушки уговаривает ее отказать первому жениху. Такое оскорбление не могло пройти безнаказанно. Дуэль была на пистолетах, секундантом у Д.В. Арсеньева был граф М.С. Воронцов, у Хрептовича — граф Г.К. Моден. «Арсеньев был убит на месте». Весь Петербург, за исключением весьма малого числа лиц, вполне оправдывал Арсеньева. Его похороны петербургская молодежь почтила присутствием своим, полным участия, и явно осуждала Хрептовича. После похорон Д.В. Арсеньева

[1] Волконский С Г Записки, Иркутск, 1991 С 133
[2] Там же

Хрептович, осужденный общим мнением, выехал из Петербурга, но семейство Рени поехало вслед за ним в его поместье. М.С. Воронцов лишился одного из лучших своих друзей. Эта потеря была очень серьезной для М.С. Воронцова, в силу своего характера он глубоко привязывался к друзьям и умел хранить дружбу долгие годы. Поэтому, надо полагать, М.С. Воронцов с определенным облегчением встретил свое назначение в действующую армию генерала от инфантерии князя П.И. Багратиона, сражавшуюся на Балканах с турками.

Эта война началась в декабре 1806 г. по инициативе Турции при подстрекательстве Франции. Турция намеревалась вновь утвердить свое влияние в Дунайских княжествах, которые к этому времени располагали автономией, покончить с национально-освободительным движением в Сербии и в других частях Османской империи. Россия начала оказывать существенную материальную и военную помощь сербскому национально-освободительному движению, но на первом этапе войны не могла вести широкие наступательные операции. Дунайская армия насчитывала всего 40 000 человек. Военные силы направлялись в основном на взятие и удержание крепостей, на оборону правобережья Дуная.

В 1809 г. граф М.С. Воронцов был назначен командиром Нарвского пехотного полка и поступил в армию под начало князя Багратиона. Расположившись на правом берегу Дуная, в декабре он действовал в корпусе генерал-лейтенанта Засса, но в январе 1810 г. полк был отправлен на зимние квартиры. В это время, в начале февраля, главнокомандующим вместо князя Багратиона назначается 33-летний генерал от инфантерии граф Н.М. Каменский, отличившийся в шведской войне. М.С. Воронцов в автобиографии очень сжато повествует о кампании 1810 г. (впрочем, как и о других). Он пишет, что в конце марта операции возобновились, и он был направлен на левый фланг армии под начало другого Каменского, генерал-лейтенанта графа С.М. Каменского, брата главнокомандующего.

22 мая Михаил Семенович участвует в штурме крепости Базарджик, где был разгромлен корпус Пеливана, одного из наиболее знаменитых турецких полководцев. М.С. Воронцов отме-

чает заслуги при штурме будущего фельдмаршала И.Ф. Паскевича, будущего генерал-лейтенанта графа Э.Ф. Сент-Приеста (Сен-При), смертельно раненного в Реймсе в 1814 г., и графа Валмана, наиболее близкого тогда друга Воронцова, умершего в 1812 г. За операцию под крепостью Базарджик М.С. Воронцов был произведен 14 июня в генерал-майоры, а его Нарвскому пехотному полку пожалованы знамена. В этом сражении, как было сказано в приказе военного министра, полк загладил свое унижение после Аустерлица (имелась в виду потеря знамен под Аустерлицем).

Вместе с полком М.С. Воронцов участвовал в деле под Варною, затем в генеральном сражении под Шумлою, где только верховный визирь Юсуф-паша выставил 60 000 человек, не считая других подкреплений. Желая сбить графа Каменского с его позиции, визирь дважды атаковал его, но оба раза был отбит. За два года до битвы при Бородине М.С. Воронцов участвует в сражении под Батыном 26 августа 1810 г.

Победа в этом сражении имела решающее значение. Желая закончить кампанию покорением всех крепостей на Дунае, Каменский двинулся вверх по реке. Никополь и Северин сдались без сопротивления, север Болгарии был очищен от турок. М.С. Воронцов, командуя в октябре особым отрядом, занял Плевну, Ловчу и Селви, «взял пленных и 9 пушек, за что и получил орден Святой Анны I-го класса»[1].

«Кампания 1810 года увенчалась полным успехом. Дунайские крепости взяты, живой силе турок нанесен ряд чувствительных ударов. Сербия спасена победами генерала Засса под Береговыми и вождя сербов Кара Георгия под Козницей. К концу 1810 года ни одного свободного турка не оставалось на сербской земле», — отмечал в своем исследовании, посвященном истории русской армии, А.А. Керсновский[2].

В 1811 г. М.С. Воронцов находился за Дунаем под командованием генерала от инфантерии М.И. Кутузова. И снова

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 35. С. 8.

[2] Керсновский А.А. История русской армии. М., 1992. Т. 1. С. 235—236.

одно сражение следует за другим: генеральное сражение под Рущуком, прикрытие отступающей за Дунай армии, сражение в корпусе генерал-лейтенанта Засса под Калафатом. В конце сентября 1811 г. М.С. Воронцов получил приказ М.И. Кутузова переправиться во главе своего отряда на правый берег Дуная, в тыл неприятелю и вынудить его отступить. С шестью батальонами Мингрельского, Охотского и 43-го егерского полков, с семнадцатью эскадронами Переславского, Волынского и Чугуевского полков при 19 орудиях М.С. Воронцов форсировал Дунай у Груи, где вступил в переговоры с сербским воеводой Велькой, имевшим 1500 человек, и предложил ему выступить совместно.

М.С. Воронцов построил пехоту в три каре. Драгуны и уланы составили арьергард, казаки и сербы — авангард. Русские двинулись вперед. Турки не ожидали встретить в тылу неприятеля, но у деревни Капитаница М.С. Воронцова встретило войско более 5000 человек. Турки вышли из Виддина, обошли каре правого фланга и в конном строю атаковали русскую кавалерию, но артиллерия, огонь пехоты и слаженная атака драгун и улан рассеяли неприятеля. Русские продолжали идти вперед и у деревни Киримбека были вновь атакованы противником. Но в итоге, несмотря на численное превосходство, турки были разбиты наголову[1]. За сражение под Виддином М.С. Воронцов был удостоен ордена Святого Георгия 3-й степени. Наконец, в конце 1811 г. упорство противника было сломлено. Начались мирные переговоры, столь необходимые для России. М.С. Воронцов скажет впоследствии, что это была одна из самых тяжелых кампаний, где наши войска имели дело с сильным и хитрым врагом.

Таким образом, поступив на службу поручиком в лейб-гвардии Преображенский полк в 1801 г., М.С. Воронцов был произведен в 1810 г. в генерал-майоры. При этом каждое воинское звание присваивалось М.С. Воронцову за заслуги, проявленные в конкретных боевых операциях: за сражение при Эчмиадзинском монастыре — капитан, за генеральное сражение под Пултуском — полковник, за штурм Базарджика — гене-

[1] Георгиевские кавалеры: Сборник. М., 1993. С. 222—223.

рал-майор. С 1803-го по 1812 г. М.С. Воронцов принимал участие практически во всех крупных битвах трех военных кампаний начала столетия — против Персии, Франции и Турции. Кроме того, М.С. Воронцов сделал первые шаги на дипломатическом поприще, сначала под командованием князя П.Д. Цицианова на Кавказе, затем графа П.А. Толстого — в Пруссии. По мнению Д.В. Душенкевича[1], одного из современников М.С. Воронцова, в молодом офицере, для которого военная служба — истинное призвание, должны быть развиты следующие качества: предусмотрительность, осторожность, твердость, распорядительность, находчивость, знание русского солдата, причем все эти качества должны быть направлены на сохранение чести русского оружия. Полагаю, что данные качества были присущи М.С. Воронцову, при этом нельзя не согласиться с Душенкевичем, что «кто не был отличен в звании офицерском, тот едва ли займет с пользою место генерала, — это аксиома опыта, постоянно и неизменно сбывающаяся»[2].

И здесь следует еще раз отметить, что М.С. Воронцов принадлежал к фамилии, представители которой привлекали внимание выдающихся личностей своего времени. Во время описываемых событий во Франции 16 июня 1810 г. состоялась беседа князя А.Б. Куракина с Наполеоном. Император говорил о графах Воронцове и Маркове, когда Куракин сказал о смерти А.Р. Воронцова. Наполеон спросил его: «А брат его все еще в Англии? Он, стало быть, не русский». В ответ на это Куракин стал объяснять пребывание С.Р. Воронцова в Англии состоянием его здоровья, отметив при этом, что его сын живет в России с того момента, как возраст позволил ему поступить на службу. «При этом он отказался от камергерского звания, — продолжал Куракин, — определился на военную службу и отправился воевать на Кавказ, где отличился во многих боях». — «Этот, стало быть, русский», — сказал император[3].

---

[1] 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 107 // Душенкевич Д.В. Из моих воспоминаний от 1812 года до 1815 года.

[2] Там же. С. 108.

[3] Из депеши князя А.Б. Куракина к Государственному канцлеру графу Н.П. Румянцеву. Париж. 21 июня 1810 г. // Русский архив. 1877. № 11. С. 241.

М.С. Воронцов был русским не только по рождению, но прежде всего по духу. За время участия в военных операциях на Кавказе, в Пруссии, за Дунаем он получил не только серьезный боевой опыт. Благодаря влиянию своих первых военных учителей, воспитанников школы А.В. Суворова, в М.С. Воронцове укрепились нравственные принципы, заложенные у него с детства С.Р. Воронцовым: служба на благо России составляет основной смысл жизни, потеря честного имени не может быть оправдана никакими обстоятельствами. Подобное мировоззрение и заслуженная военная слава явились причиною того, что М.С. Воронцов к началу Отечественной войны 1812 г. принадлежал к числу наиболее уважаемых офицеров русской армии[1].

М.С. ВОРОНЦОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г. И ЗАГРАНИЧНЫХ ПОХОДАХ 1813—1815 гг.

1812-й год. Несмотря на яркие события военных кампаний предшествующих лет, именно этот год стал своеобразным памятником русской военной истории. К его подножию принесены многочисленные научные труды, произведения изобразительного искусства, музыкальные и литературные сочинения. Возможно, лучшее в художественной области уже создано, но историческая наука еще долго не оставит эту тему, возвращая из небытия имена и поступки тех, кто в силу разных причин был практически забыт потомками.

Тем временем дивизия, к которой принадлежал М.С. Воронцов[2], отправилась в начале весны от берегов Днестра на Волынь, чтобы вступить в армию князя П.И. Багратиона. М.С. Воронцов выехал из Бухареста 19 (31) марта, прибыл в Луцк через десять дней, а 1 (13) апреля 1812 г. он был назначен начальником Сводно-гренадерской дивизии[3].

Еще в феврале 1812 г. 2-я армия, главнокомандующим которой был с 1811 г. князь Багратион, двинулась ближе к гра-

[1] Воспоминания А.П. Бутенева // Русский архив. 1881. Кн. 3. С. 64.

[2] М.С. Воронцов, будучи серьезно болен лихорадкой, провел остаток зимы и часть весны 1812 г. в Бухаресте.

[3] ГИМ ОПИ, ф. 440, оп. 1, ед. хр. 924, л. 43—44.

нице. «Поход этот, — писал Паскевич, — предпринятый в самую распутицу и страшную грязь от ранней весны, произвел в войсках цинготную болезнь. Из 1200 человек в полку было больных до 400»[1]. В это время 2-я армия состояла из 7-го пехотного корпуса, то есть 26-й и 12-й дивизий, из сводно-гренадерской дивизии графа М.С. Воронцова, 2-й гренадерской, 15-й и 18-й дивизий генерала князя А.Г. Щербатова и двух кавалерийских дивизий — всего до 45 000 человек. (В конце мая 15-я и 18-я пехотные дивизии и некоторые резервные батальоны были отделены и вошли в состав 3-й Западной армии генерала А.П. Тормасова. Вместо дивизии Щербатова при 2-й армии был оставлен корпус генерала Д.С. Дохтурова.) В конце мая армия, перейдя Пинские болота, остановилась.

Французская армия в июне перешла Неман. Началась Отечественная война 1812 г. Князь Багратион получил приказ следовать маршем на север, к Брест-Литовску, а затем начать отступление к Смоленску, где соединились армии Барклая-де-Толли и Багратиона. Во время этого перехода М.С. Воронцову было приказано поддерживать кавалерию арьергарда, состоявшего из казаков атамана М.И. Платова и генерала И.В. Васильчикова. «Мы имели несколько стычек с неприятелем, в которых наш арьергард брал верх, а французская, польская и вестфальская кавалерия несла огромные потери в людях, утрачивая былую славу и уверенность»[2], — писал М.С. Воронцов о сражении при Мире и Романове. В рапорте П.И. Багратиону (полученному 3 июля 1812 г. в Уречье) о сражении при Романове М.И. Платов отметил М.С. Воронцова, который был безотлучно при нем «среди сражения и под выстрелами неприятельской артиллерии»[3]. М.С. Воронцов принимал также участие в деле под Салтановкой 15 июля 1812 г., где, как он пишет в автобиографии[4], произошла первая в этой кампании схватка с французами, во время которой особо отличился, по

---

[1] 1812 г. в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 77.

[2] 1812—1814. Записки генерала М.С. Воронцова: Сборник документов из собрания ГИМ. М., 1992. С. 277 (далее 1812—1814 ..).

[3] Там же. С. 71.

[4] Там же. С. 277.

словам М.С. Воронцова, Паскевич. Дивизия Воронцова была остановлена, чтобы прикрывать отступление, но преследования неприятеля не последовало.

В 1812 г. Россия была едина против неприятеля, посягнувшего на ее Веру и землю. Приближался день, о котором в русской истории говорится особо, — День Бородина!

«Когда мы встали позицией у Бородино, мне было приказано прикрывать наш левый фланг, где 24 августа у нас произошло серьезное столкновение с неприятелем (имеется в виду сражение за Шевардинский редут. — *О.З.*). Войска первой линии несли очень чувствительные потери, моя дивизия заменила, а на следующий день, предшествующий великой битве, я получил приказ занять и защищать три флеши, которые были сооружены для прикрытия нашего и левого фланга, наиболее слабого участка линии наших войск»[1], — писал М.С. Воронцов.

Известно, что основные события 26 августа развивались на левом фланге русской армии, в районе Семеновских флешей (чаще их называют Багратионовскими). Именно в этом месте Наполеон решил прорвать оборону русской армии. Французам противостояли 2-я сводно-гренадерская дивизия М.С. Воронцова и 27-я дивизия Д.П. Неверовского; всего около 8000 солдат при 50 орудиях. Против них были брошены 15 отборных дивизий, 7 пехотных и 8 кавалерийских (в общей сложности 43 000 человек и более 200 орудий) во главе с лучшими маршалами Франции — Мюратом, Даву и Неем[2]. В официальном сообщении из русской армии говорилось: «Атака флешей была наисильнейшей, и оборона их самой ожесточенной. Борьба за них продолжалась с 7 часов утра до 10 с беспримерным ожесточением и упорством. В этом кровавом бою во время штыковой атаки на врага был ранен генерал-майор граф Воронцов»[3].

Но вернемся к воспоминаниям М.С. Воронцова о битве при Бородине, которую он называл бойней. «Я был ранен мушкетной пулей в бедро в ходе нашей первой контратаки

[1] 1812—1814... С. 277.
[2] Там же. С. 271.
[3] Бородино. Документы, письма, воспоминания М, 1962. С. 112.

на флеши, моя бравая дивизия была полностью расстроена; от почти 5000 осталось не более 300 с одним полевым офицером по имени... (фамилия не указана. — О.З.), который не был ранен или получил лишь легкое ранение; 4 или 5 наших дивизий, оборонявших флеши, постигла почти такая же участь»[1].

Кутузов в донесении Императору Александру Павловичу о Бородинской битве пишет, что французы «стремились к своей цели и не прежде обратились в бегство, как уже граф Воронцов с сводными гренадерскими батальонами ударил на них в штыки; сильный натиск сих батальонов смешал неприятеля, и он отступил в величайшем беспорядке, был повсюду истребляем храбрыми нашими войсками. При сем нападении граф М.С. Воронцов, получа жестокую рану, принужден был оставить свою дивизию»[2].

Как явствует из «Ведомости 8-го корпуса», в 11 батальонах сводно-гренадерской дивизии состояло в строю накануне Бородинской битвы 4059 человек; после битвы убитых, раненых и без вести пропавших насчитывалось 2500 человек»[3]. Серьезность ранения М.С. Воронцова подчеркивает в своих записках Ф.В. Ростопчин, полагая, что, «если бы не сила и здоровье его организма, он умер бы вследствие своей раны»[4].

Михаилу Семеновичу перевязали рану прямо на поле, извлекли пулю и повезли в небольшой крестьянской телеге, одно колесо которой было сбито пушечным ядром. «Таким манером мне удалось добраться до моей собственной коляски, которая была в обозе армии, и здесь я очень скоро увидел множество генералов и офицеров, легко и тяжело раненных; некоторые из них были моими близкими друзьями. Там же я в последний раз видел генерал-лейтенанта Тучкова и моего храброго командира князя Багратиона, которые вскоре оба скончались от ран. Эти два человека в молодости были друзьями по оружию, затем соперниками, наконец, врагами; они сухо приветствовали друг друга накануне сражения, а затем

[1] 1812—1814... С. 278.
[2] Бородино: документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 137.
[3] Там же. С. 193.
[4] Русская старина // 1889. Декабрь. С. 707—708.

вскоре увиделись вновь в этом месте, чтобы скоро встретиться в мире ином»[1].

Раненых постепенно перевезли в Можайск, где каждый дом превратился в госпиталь, но, узнав, что М.И. Кутузов решил отступать, двинулись в путь по направлению к Москве. По дороге к М.С. Воронцову присоединились его близкие друзья: генерал-майор Э.Ф. Сен-При (1776—1814) и генерал-майор Н.В. Кретов (1773—1839), раненные: первый — в грудь, другой — в кисть руки. Затем к ним прибавились другие офицеры из дивизии М.С. Воронцова и из Нарвского полка; некоторые были смертельно ранены. К счастью, здесь оказался главный хирург дивизии, слегка раненный мушкетным выстрелом в кисть руки. Через трое суток М.С. Воронцов и его товарищи прибыли в Москву. Рана, нестерпимо болевшая в течение 24 часов после ранения, перестала мучить Михаила Семеновича, и, хотя он еще не мог вставать, он почувствовал себя намного лучше и более был обеспокоен самочувствием своих товарищей. «Это может показаться невероятным, что даже при тех серьезных обстоятельствах, а возможно, отчасти вследствие их волнующего значения, мы были почти всем довольны, веселы и даже ели с большим аппетитом. На самом деле критическая ситуация нарастала, и все мы предчувствовали, что этот кризис может сыграть благоприятную роль в судьбе нашего Отечества; мы осознавали, что так сражались, что французы не могли похвастаться выигранной победой, если бы не обстоятельства, вынудившие нас отступить и покинуть древнюю столицу»[2], — рассказывал М.С. Воронцов в своих «Записках».

1 сентября, за день до того, как русская армия покинула Москву, граф М.С. Воронцов с ранеными друзьями отправляется в старое родовое имение Воронцовых — Андреевское. Воронцов не сообщает подробностей этого отъезда, вскользь лишь замечая: «Значительное количество моих друзей и товарищей по несчастью согласились поехать со мной, и мы добрались туда на своих собственных лошадях и на 3-й день»[3]. А.Я. Булгаков в своих воспоминаниях отмечал: «Привезен бу-

[1] 1812—1814... С. 278.
[2] Там же. С. 279.
[3] Там же. С. 279—283.

дучи раненый в Москву, граф Воронцов нашел в доме своем, в немецкой слободе, множество подвод, высланных из подмосковной его для отвоза в дальние деревни всех бывших в доме пожитков, как-то картин, библиотек, бронз и других драгоценностей»[1]. Но, узнав, что в соседних домах и больницах находится большое число раненых, многие из которых не получают необходимую помощь, М.С. Воронцов приказал оставить в доме все вещи, а подводы использовать для перевозки раненых воинов в Андреевское. Это поручение было возложено на адъютантов Воронцова — Николая Васильевича Арсеньева и Дмитрия Васильевича Нарышкина. Им поручалось также предлагать всем раненым, которых встретят на Владимирской дороге, отправляться в Андреевское, ставшее в то время госпиталем, где впоследствии находилось до 50 раненых генералов, штабс- и обер-офицеров и более 300 человек рядовых[2].

Среди раненых были генералы — начальник штаба 2-й армии, уже не раз упоминавшийся в книге граф Э.Ф. Сен-При и шеф Екатеринославского кирасирского полка Николай Васильевич Кретов; а также командир Орденского кирасирского полка полковник граф Андрей Иванович Гудович, лейб-гвардии Егерского полка полковник Делагард, полковой командир Нарвского пехотного полка подполковник Андрей Васильевич Богдановский и многие другие, обагрившие своей кровью Бородинское поле. «Все сии храбрые воины были размещены в обширных Андреевских палатах, самым выгодным образом. Графские люди имели особенное попечение за теми, у коих не было собственной прислуги. Нижние чины были размещены по квартирам в деревнях и получили продовольствие хлебом, мясом и овощами, разумеется, не от крестьян, а на счет графа Михаила Семеновича; кроме сего было с офицерами до ста человек денщиков, пользовавшихся тем же содержанием, и до ста лошадей, принадлежавших офицерам; а как деревни графа были оброчныя, то все сии припасы и фуражи покупались из собственных его денег»[3], — писал А.Я. Булгаков.

[1] Из записок А.Я. Булгакова // Русский архив. 1900. № 7. С. 270.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 271.

При этом стол был для всех общий, но согласно желанию каждый мог обедать с графом или в своей комнате. Два доктора и несколько фельдшеров непрерывно наблюдали за ранеными. Как и все прочее, покупки медикаментов и всего необходимого для перевязок производились за счет М.С. Воронцова. А.Я. Булгакову стало известно от одного из домашних графа, что затраты составляли 800 рублей ежедневно и продолжались с 10 сентября примерно четыре месяца, то есть до полного выздоровления всех. М.С. Воронцов заботился не только о высших офицерских чинах, в Андреевском находилось более 300 рядовых, каждый из которых после выздоровления получил денежные средства и амуницию. Воронцов снабжал каждого выздоравливающего рядового бельем, тулупом и 10 рублями, затем, сформировав небольшую команду, отправлял их с унтер-офицером в армию. В дальнейшем мы увидим, насколько внимательно относился М.С. Воронцов к положению в армии нижних чинов, стараясь защитить их от бессмысленной жестокости, принимал меры для обучения солдат основам элементарной грамотности.

Представляет интерес замечание А.Я. Булгакова, что он намеренно не пишет, как М.С. Воронцов поступил с поправившимися офицерами, полагая, что Михаил Семенович будет недоволен и предыдущим рассказом. Душевная доброта его сочеталась со скромностью. «Несмотря на то что Воронцов не мог передвигаться без костылей, он каждое утро навещал всех своих гостей, интересуясь их здоровьем и всем ли они довольны. Как было сказано, каждый мог обедать за общим столом или один в своей комнате, но все, кому позволяли раны, предпочитали обедать с графом. После обеда вечером занимались все разговорами, курением, чтением, бильярдом или музыкой. Общество людей совершенно здоровых не могло бы быть веселее всех сих собравшихся раненых»[1]. Умение сохранять спокойствие, поддерживать окружающих в трудных ситуациях, внушая своим поведением и поступками уверенность в хорошем исходе, были присущи М.С. Воронцову на протяжении всей его жизни. Его поведение во время чумы и голода в Но-

[1] Из записок А.Я. Булгакова // Русский архив. 1900. № 7. С. 272.

вороссийске в 30-х гг. XIX в, а также в период проведения операций на Кавказе подтверждают это.

А.Я. Булгаков, находясь с графом Ф.В. Ростопчиным, старым другом графа С.Р. Воронцова, во Владимире, часто приезжал в Андреевское, по его словам, чтобы развеяться и узнать для Ф.В. Ростопчина о здоровье М.С. Воронцова. Но для этих визитов была и другая причина. М.С. Воронцов часто посылал в Москву переодетых адъютантов или смелых и сообразительных из числа своих дворовых и крестьян, которые, проникая в Москву, разведывали, что там происходит, узнавали о действиях неприятеля и доносили все графу. «Я (Булгаков. — *О.З.*) составлял обыкновенно из сведений их записочки, кои граф Федор Васильевич часто отсылал к Государю. Таким образом узнали мы, например, о приготовлениях, кои делались французами в Кремле для подорвания оного перед выходом из Москвы. Первое известие о Тарутинском сражении дошло до нас также из Андреевского»[1].

В один из приездов Булгакова в Андреевское, когда все сидели собравшись у камина, в гостиную вошел М.С. Воронцов и сообщил, что, объезжая свои передовые посты, внезапно встретились Мюрат и Милорадович: «Узнавши друг друга, они перекланялись очень учтиво и обменялись несколькими фразами, я воображаю, прибавил граф смеючись, как они пускали друг другу пыль в глаза. Мюрат успел на что-то пожаловаться, как пишет мне, а Милорадович: O, ma foi, vous en verrer bien d'autres, sire! (То ли вы еще увидите, государь!)»[2] Этот рассказ М.С. Воронцова немало развеселил собравшееся общество. Погостив в Андреевском до вечера, А.Я. Булгаков вернулся во Владимир, Ф.В. Ростопчин уже почивал, Булгаков спать не хотел, он взял перо и начал вымышлять разговор между любимцем Наполеона и любимцем Суворова, желая несколько позабавить приболевшего графа. Утром Булгаков явился к Ростопчину и сообщил, что на аванпостах встретились случайно Мюрат и Милорадович, состоявшийся между ними разговор был записан, и Михаил Семенович дал Булгакову его читать: тот, в свою оче-

[1] Из записок А Я Булгакова // Русский архив. 1900. № 7 С. 274—275.
[2] Там же. С. 275.

редь, специально переписал его для графа. Но Ф.В. Ростопчин понял розыгрыш. «Выдумка эта хороша, — прибавил граф. — Знаете ли, что мы сделаем? Пошлите это в Петербург: пусть басенка эта ходит по рукам; пусть читают ее; у нас и у французов она произведет действие хорошее. Переписывайте и отправляйте»[1].

На следующий день Булгаков отправил к старому приятелю своему А.И. Тургеневу собственное сочинение, как только что полученную новость из армии. Не прошло и двух недель, как «Сын Отечества» напечатал разговор Мюрата с Милорадовичем. Но на этом история не закончилась, английский посол в Петербурге лорд Карткард поместил выдумку А.Я. Булгакова в одну из своих депеш, откуда она через несколько лет попала в сочинение французского историка Капфига «Europe pendant le consulat et l'empire de Napoléon» (Т. 2. Гл. 11. С. 350). А.Я. Булгаков в 1843 г. в «Москвитянине» (кн. 2) напечатал свой литературный труд под заглавием «Разговор неаполитанского короля Мюрата с генералом графом М.А. Милорадовичем на аванпостах армии 14 октября 1812 года» и рассказал подлинную историю появления этого сочинения. Так завершилась эта любопытная история, начатая в 1812 г. в усадьбе Андреевское М.С. Воронцова. Несмотря на трудности этого времени, Ф.В. Ростопчин, М.С. Воронцов, А.Я. Булгаков и их друзья умели сохранять чувство юмора, желание шутить и разыгрывать в любой ситуации, это был своеобразный «театр одного актера», любовь к которому питали и пронесли через всю жизнь рожденные в XVIII столетии. «Мимолетные страдания легкомыслием целя», — писал Баратынский.

Необходимую информацию М.С. Воронцов получал во многом благодаря своим связям и знакомствам со многими генералами русской армии, с некоторыми из них он состоял в переписке. Одним из постоянных корреспондентов М.С. Воронцова в это время был его старый друг А.А. Закревский, который не опасался быть предельно искренним в своих посланиях, содержание и сам тон которых пронизан искренней болью за состояние русской армии. Одним из непосредственных

[1] Из записок А.Я. Булгакова // Русский архив. 1900. № 7 С. 277.

виновников сложившейся ситуации А.А. Закревский считал М.И. Кутузова. Так, в письме от 14 сентября он с раздражением писал М.С. Воронцову, что, видимо, фельдмаршальского звания Кутузов удостоен за то, что оставил Москву, при этом Кутузов, находясь в селе Красном на Пахре, не знает, по мнению Закревского, что делать дальше: «Беспорядки преужасные, и никто не знает, что делать»[1]. В другом письме (от 26 сентября) Закревский сообщает, что распоряжения Кутузова и Беннигсена приведут в конечном итоге к «совершенному истреблению» нашей армии, так как войска, пишет Закревский, таскают ежеминутно без пути и без пользы[2] неизвестно для чего, в дождливую погоду, не имея при этом общего плана действий. В одном из октябрьских писем Закревский еще более категоричен, он пишет М.С. Воронцову, что если Румянцев, Аракчеев, Кутузов действительно хотят мира, то они «первейшие» враги России. В завершение данного письма А.А. Закревский прибавляет, что «Михаил Богданович (Барклай-де-Толли) свидетельствует вам свое почтение»[3]. Впоследствии М.С. Воронцов скажет, что Барклай-де-Толли был единственным его покровителем в армии. Мы не имеем источников, в которых бы М.С. Воронцов так откровенно, как А.А. Закревский, выражал свое неприятие действий Кутузова, что во многом связано с характером М.С. Воронцова. Так, еще в 1804—1805 гг. князь П.Д. Цицианов писал об «особой скромности и сокровенности» М.С. Воронцова, эти же качества отмечал в нем и Ф.В. Ростопчин, который заметил по этому поводу: «В его лета скрытность в нраве не может быть приобретенной воспитанием, а просто врожденная. Заметь, что в их роде ни одного нет нараспашку»[4]. Судя по корреспонденции А.А. Закревского, в армии все более становится заметным разделение офицерского состава по различным группировкам. А.А. Закревский настоятельно советовал М.С. Воронцову не спешить ехать в армию, наполненную «интриганами, пагубными нашему отечеству», он рекомендовал М.С. Воронцову отправиться в Молдавскую ар-

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 7. С. 232.
[2] Там же. С. 234.
[3] Там же. С. 337.
[4] Там же. Кн. 36. С. 8.

мию или постараться получить в командование отряд Винценгероде (попавшего в плен)[1].

Анализ приведенных источников не дает основания причислять М.С. Воронцова к какой-либо группе офицеров, хотя надо заметить, что многие бы желали видеть его в кругу своих единомышленников[2].

М.С. Воронцов пользовался уважением людей, имена которых составили гордость русской армии, но в то же время друг к другу они питали зачастую не самые лучшие чувства. Так, один из самых рьяных недоброжелателей М.Б. Барклая-де-Толли в период летнего отступления 1812 г. А.П. Ермолов (начальник штаба 1-й Западной армии) был для М.С. Воронцова преданным и искренним другом долгие годы. Можно предполагать, что подобная ситуация не могла не сказаться и на характере самого М.С. Воронцова, внутренний мир которого, его мысли и чувства становились все более закрытыми для окружающих. В то же время постепенно начинал складываться особый стиль взаимоотношений М.С. Воронцова с подчиненными — он предпочитал управлять теми, кто разделял его взгляды, действия, возражения принимались лишь от близких по духу людей. Впоследствии в Мобеже, а затем в Одессе М.С. Воронцова будет окружать, по мнению некоторых современников, своеобразная «свита», члены которой, будучи сами незаурядными личностями, с особым уважением относились к своему начальнику.

Возвращаясь к событиям 1812 г., следует заметить, что создание госпиталя в Андреевском, отношение М.С. Воронцова к раненым солдатам и офицерам способствовало еще большей известности М.С. Воронцова в армии.

Кроме того, М.С. Воронцов сумел создать в Андреевском помимо госпиталя своеобразный центр, куда стекалась важная информация о происходивших в это время событиях, которая затем передавалась графом Ростопчиным Императору Александру Павловичу.

---

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 37. С. 239.

[2] См.: Записка о тайных обществах в России, составленная в 1821 году // Русский архив. 1875. № 12. С. 426; Письмо М.С. Воронцова к В.Н. Карамзину // Письма главнейших деятелей в царствование Императора Александра I. СПб., 1883. С. 253; Письма А.Х. Бенкендорфа, А.П. Ермолова, П.Д. Киселева и других современников // Архив князя Воронцова. Кн. 36—40.

После того как 14-тысячный отряд французской армии под командованием маршала Нея захватил г. Богородск (ныне Ногинск), пребывание раненых солдат и офицеров в Андреевском могло быть опасным, если бы, как писал М.С. Воронцов, в распоряжении Нея было хоть немного легкой кавалерии, так как среди раненых в Андреевском вряд бы нашлось двенадцать человек, способных защищаться. Но почти вся французская кавалерия была выведена из строя, а оставшаяся часть находилась под командованием Мюрата, наблюдавшего за позициями Кутузова. Таким образом, в Андреевском раненые продолжили лечение, а сам М.С. Воронцов, отказавшись от костылей, но все же опираясь на трость, расстается со своими друзьями в Андреевском, чтобы присоединиться к армии.

М.С. Воронцов считал, что не стоит писать подробно о последовавших затем событиях кампании 1812 г., которые описаны в «полусотне книг, во множестве различных вариантов»[1]. М.С. Воронцов, покинув Андреевское 29 октября (ст. ст.) 1812 г., возвращается в строй. В Вильно он был назначен в армию П.В. Чичагова[2], где получил в командование авангард 3-й Западной армии. Н.Н. Раевский в одном из своих писем из Вильно (от 10 декабря 1812 г.), адресованных С.А. Раевской, перечисляя военачальников, получивших награды и повышения, среди которых были Сен-При, Ермолов, Строганов, Неверовский и др., замечал, что «граф Воронцов по-прежнему генерал-майор. Раздают много наград, но лишь некоторые даются не случайно»[3]. Надо заметить, что в свое время князь П.Д. Цицианов тоже считал, что М.С. Воронцов незаслуженно задерживается в получении воинских званий[4].

На основании исследованных источников становится очевидно, что сам М.С. Воронцов в это время практически не высказывал недовольства по поводу своего неповышения на военной службе; судя по корреспонденции, его более беспокоила про-

[1] 1812—1814... С. 286.

[2] Там же. П.В. Чичагов — адмирал, с апреля 1812 г. главнокомандующий Дунайской армией, объединенной с сентября под начальством Чичагова с 3-й Западной армией.

[3] Там же. С. 236—237.

[4] Архив князя Воронцова. Кн. 36. С. 8.

волочка в награждении подчиненных[1], чем собственное положение. Во многом этому способствовали убеждения М.С. Воронцова, его взгляды на службу, о чем мы уже говорили.

После поражения Великой армии на Березине Наполеон, бросив остатки своей армии на попечение Мюрата, устремился в Париж. Через некоторое время Европа получила 29-й Бюллетень, в котором отмечалось, что неудачи русского похода — следствие внезапных морозов, но... не военного поражения.

Император Александр Павлович предвидел, что Наполеон никогда не примирится с поражением в России. Несмотря на возражения М.И. Кутузова, он был непримирим: Россия не может постоянно ощущать угрозу со стороны Наполеона, передышки не должно быть. На Рождество 1812 г. был объявлен поход. 1 (13) января 1813 г. русская армия перешла Неман и вступила в Герцогство Варшавское. А во второй половине января продвижение уже шло по трем направлениям. На правом фланге войска Витгенштейна и Платова продвигались к Данцигу, в центре Чичагов шел к Торну, на левом фланге главная армия и войска Милорадовича направлялись к Плоцку и Варшаве. Русские войска закреплялись на важном оборонительном рубеже — Висле, которая являлась первым этапом наступательной операции.

Только продвижение, которое могло быть закреплено, только удар, который бы принес чувствительный урон, ослабил бы противника, вынудив его в конечном счете сконцентрировать на наиболее важных участках свои силы, — все это входило в замыслы М.И. Кутузова. При этом действия партизанскими, так называемыми «легкими отрядами» составляли один из главных элементов плана Кутузова. Летучий отряд М.С. Воронцова включал в себя три казачьих и два егерских полка, несколько гусарских и уланских эскадронов, гренадерских батальонов и артиллерийских рот. Он был чрезвычайно мобилен, тревожил тылы противника и участвовал во многих сражениях, действуя то самостоятельно, то вместе с другими воинскими соединениями в различных частях Германии.

---

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 37. С. 353.

Благодаря регулярным записям М.С. Воронцова с 1 (13) января по 18 (30) марта и с 1 (13) июля по 9 (21) ноября 1813 г. можно проследить действия его отряда в период кампании 1813 г. Летучий отряд М.С. Воронцова отличился уже в самом начале кампании. Так, о деле 7 января (ст. ст.) под Бромбергом (ныне польские города Свеце, Осельско, Быдгош) он писал: «Я отошел от города, не потеряв ни одного человека и поставив пехоту по деревням почти во фланг неприятелю, егерей — в Фордоне, гренадер — в Обер-Стрелице и Обер-Гонце, а Барабанщикову велел с полком идти в Фордон и послать остальные партии в Шулиц (ныне г. Солец-Куявски в Польше. — *О.З.*) им взамен. Ему же и Луковкину, который остался на большой дороге в ночь, послать неприятеля в город, отчего в 2 часа пополуночи он из оного вышел, не взяв ничего с собою, даже больных своих до 30 человек. Наши тотчас же вошли в город»[1].

В «Журнале военных действий с 8/20 по 15/27 1813 года», отмечалось, что адмирал Чичагов доносил о занятии генерал-майором графом Воронцовым Бромберга, где найдены значительные запасы муки (200 тысяч пудов), овса, гороха, соли и две тысячи пудов свинца[2]. В своих «Записках» Воронцов писал также, что многие батальоны, помимо всего сказанного выше, нашли в Бромберге «много французских панталонов»[3]. «Через несколько дней сукно и многое другое было разграблено, — как пишет М.С. Воронцов, — мужиками, которые говорят, что Наполеон их грабил, а теперь они имеют право его грабить»[4].

Записывая очень кратко, ровным и четким почерком события каждого дня, М.С. Воронцов позволил себе отступление от принятого правила и дал волю присущему ему чувству юмора. 2 января он сообщает о предложении А.И. Чернышева идти на Познань и записывает стихи своего друга И.В. Сабанеева (впоследствии генерала от инфантерии), начальника

---

[1] 1812—1814 .. С. 287.

[2] Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии: Сборник документов. М , 1964. С. 37

[3] 1812—1814... С. 288.

[4] Там же. С. 289.

Главного штаба при Барклае-де-Толли, отрывок из которого приведен ниже:

Простите, мсье, простите только стихи.
Они плохи, скажите Вы мне,
Все равно, я Вам признаюсь:
В этом прекрасном веке
Все так делается
Поэт из такого человека, как я (Сабанеев),
Из поваренка — король (Мюрат),
Из парикмахера — дипломат (Ле Ду),
Император из Бонапарта (Дьявол),
Из адмирала — генерал (Чичагов),
Из кавалериста — адмирал (Рибас),
Из Креза — св. Лазарь (их целая дюжина),
Из столицы — простой базар (Москва),
Из маленького герцогства — большое королевство (многие),
Из Великой армии — сотня человек (Великая армия),
Из сибарита — завоеватель (КО),
Из жалкого труса — партизан (КУ).
Прощайте, будьте здоровы.
Ответ в стихах или никак[1].

Познань была взята 1 февраля 1813 г., при этом захвачено около 50 пушек, члены префектуры выехали навстречу и хорошо встретили победителей. 4 февраля М.С. Воронцов записал о назначении командующим 3-й армией Барклая-де-Толли; 8 февраля в дневнике короткая запись: «В Познани. Сего числа я произведен в генерал-лейтенанты»[2].

В г. Калише 15/27 февраля был подписан договор о мире и наступательном союзе между Россией и Пруссией, стороны обязывались оказывать взаимную помощь в борьбе против Наполеона, обе державы считали необходимым привлечь к союзу Австрию, дабы усилить мощь антинаполеоновской коалиции. Русская армия под началом М.И. Кутузова двигалась вперед, освобождая все новые польские и русские города. 18 февраля (2 марта) выходит «Рапорт главнокомандующего 3-й Западной армии генерала от инфантерии М.Б. Барклая-де-Толли М.И. Кутузову о

[1] 1812—1814... С. 292. «КО» и «КУ». Вероятно, имеются в виду М.И Кутузов и его зять полковник Н.Д. Кудашев — партизан 1812 г.

[2] Там же. С. 292.

поручении генерал-майору М.С. Воронцову блокировать Кюстрин»[1]. 28 февраля (ст. ст.) М.С. Воронцов прибывает со своим отрядом во Франкфурт. Оставив там некоторое количество войск, он блокирует с остальными Кюстрин (сейчас Костшин), обеспечив тыл корпуса генерала П.Х. Витгенштейна. При вступлении Воронцова во Франкфурт он был доброжелательно встречен магистратом и жителями города, которые были «чрезвычайно нам рады и звали нас на большой обед и бал»[2].

Через одиннадцать дней после подписания Калишского договора русские войска вступили в Берлин. В письме М.И. Кутузова П.Х. Витгенштейну от 17 (29) марта 1813 г. говорилось о нецелесообразности раздробления сил и продвижения их на запад от Эльбы. Отряд Воронцова поступил под команду Витгенштейна, должен был соединиться с отрядом генерал-майора И.К. Орурка и двинуться через Берлин к Магдебургу, где после соединения с Борштелем своим положением прикрыть Берлин[3].

5 апреля (ст. ст.) корпус Воронцова сменяет в крепости Кюстрин отряд генерал-лейтенанта Капцевича. За несколько дней до этого Воронцов рапортовал о храбрости поручика Абрамовича-Барановского 1-го, который, согласно его приказу, помешал неприятелю вывезти хлеб «из магазейнов, близ Кюстрина лежащих»: пять человек были взяты в плен, а рожь и овес отданы крестьянам[4].

Население Польши, Пруссии доброжелательно относилось к русским солдатам и офицерам, и те старались платить им тем же. В ходе войны М.И. Кутузов неоднократно обращался с воззваниями к населению Германии, объясняя необходимость вступить в войну против Наполеона. М.И. Кутузову не удалось до конца завершить начатое им дело по укреплению армии резервами и объединению прусских и русских войск. 16 (28) апреля 1813 г. в силезском городе Бунцлау скончался великий человек, главнокомандующий всеми вооруженны-

[1] Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии: Сборник документов. М.,1964. С. 86.
[2] 1812—1814... С. 294.
[3] Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии: Сборник документов. М., 1964. С. 125.
[4] Там же. С. 156.

ми силами России, проделавший путь от прапорщика до генерал-фельдмаршала. Русскую армию возглавили М.Б. Барклай-де-Толли и П.Х. Витгенштейн.

Успехи Наполеона заставили союзников пойти на перемирие, которое было заключено 4 июня 1813 г. в Плейсвице. Противники постоянно вели наблюдения за действиями другой стороны, союзники создавали партизанские отряды, которые не ограничивались лишь одним наблюдением. Генерал-лейтенант граф М.С. Воронцов сообщал Барклаю-де-Толли в рапорте от 13 (25) июня о подготовке французами переправы через р. Эльбу и об укреплении г. Виттенберга. Лазутчики, посланные Воронцовым, известили его об активных действиях неприятеля: «Виттенберг крепко укрепляют, сгоняя туда для сего со всех окружных мест множество рабочих и мастеров и запасая его, как говорят, провиантом на два года, а равно слышно, что во многих местах неприятель укрепляет левый берег р. Эльбы»[1]. В следующем рапорте от 29 июня (11 июля) М.С. Воронцов сообщал о движении французских войск к Дессау, он просит Барклая-де-Толли разрешить нападение на французов, если перемирие с их стороны будет нарушено[2]. Жажда боя, желание действовать все более охватывали обе стороны.

Непримиримость Наполеона, воплощавшего лозунг — все или ничего, привела к разрыву с Австрией. 11 августа Меттерних заявил, что Австрия объявляет Наполеону войну. Перемирие кончилось. 28 августа (9 сентября) Австрия вошла в антинаполеоновскую коалицию, подписав с Россией Теплицкий договор о дружбе и оборонительном союзе. На сторону коалиции перешли государства Рейнского союза и Швеция. Приближалась к развязке кампания 1813 г. После окончания перемирия в журнале военных действий с 5/17 по 19/31 августа 1813 г. говорилось, что отдельные российские корпуса: генерал-лейтенанта барона Винценгероде, генерал-лейтенанта графа Воронцова, а также корпус генерал-лейтенанта графа Вальмодена, состоящий из российско-немецкого легиона, и прусский

[1] Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии: Сборник документов. М., 1964. С. 205.
[2] Там же. С. 209—210.

корпус генерала Бюлова — всего до 75 000 человек, соединясь со шведскими войсками, составили армию наследного принца Шведского, начав действовать со стороны Бранденбурга[1].

Записки М.С. Воронцова, как обычно, очень лаконичны, в августе 1813 г. он пишет: «15. В Зедине. Привезли Понсета, раненного накануне в ногу. 16. Принял команду над авангардом под Ютербоком. Сражение. Атаковал их арьергард. Раевский легко ранен, егерей и казаков ранено до 40. 17. Занял Ютербок. Поход до Немека. Фланговым движением Винценгероде пошел с кавалерией на Марцане, там подрался и пришел ночевать в Немек же. Фр<анцузы> остановились в позиции при Кропештедте и Марцане. 18. В Немеке. Бенкендорф (А.Х. Бенкендорф. — *О.З.*) ходил с кавалерией к деревне Люблин и отогнал от оной неприятеля»[2]. Сдержанность и четкость записей скрывает наполненную, не замирающую ни на день жизнь военных походов. Так, запись от 16 августа включает несколько фраз. «Сражение. Атаковал их арьергард», — пишет Воронцов. Но речь идет об атаке трех корпусов неприятеля авангардом графа И.К. Орурка, после чего французы отошли за Ютербок.

Обе стороны готовились к осенней кампании. С первых же чисел октября начались сложные маневрирования враждебных армий с отдельными мелкими стычками, атаками и отступлениями. Необходимость генерального сражения понимал и Наполеон, и союзники.

4 (16) октября 1813 г. у Лейпцига началась одна из величайших битв наполеоновской эпохи — Битва народов. На стороне союзников сражались русские, прусские, австрийские и шведские войска (к началу битвы — 220 000 человек), на стороне Наполеона выступали французы, поляки, бельгийцы, голландцы, итальянцы (155 000 человек). Битва длилась три дня.

При приближении к Лейпцигу по Вурценской дороге граф М.С. Воронцов с авангардом корпуса Винценгероде, командуя пехотой, составленной из 21-й и 24-й дивизий и отряда гене-

[1] Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии: Сборник документов. М., 1964. С. 213.
[2] 1812—1814... С. 296.

рал-майора Гарпе, составлявших центр армии, продвинулся в направлении заставы города. Записки М.С. Воронцова об его участии в одной из великих битв истории подобны прежним и очень лаконичны: «6. Сражение под Лейпцигом, мы перешли через Парту и пошли прямо к городу, примыкая правым флангом с Ланжероном, а левым — с Беннигсеном. Канонада жестокая. Мантейфель убит ядром, Арнольди потерял ногу. Ночевал 2 версты от города».

Если накануне 6 октября Мюрат сказал Наполеону, что такого количества убитых не было со дня Бородина (потери Наполеона в первый день составляли почти 30 000, союзников — около 40 000 человек), то дальше положение было еще страшнее. В разгаре битвы вся саксонская армия перешла в лагерь союзников, повернувшись против тех, с кем только что сражалась вместе. Несмотря на отчаянное положение, Наполеон продолжал сражение с удвоенной энергией. Развязка наступила в ночь с 6-го на 7 октября. Измены и новые подкрепления союзников заставили Наполеона отступить. М.С. Воронцов записал: «7. Сражение. Взятие Лейпцига, я вошел с 14-м егерск<им> полк<ом>. Победа совершенная, 30 000 пленных, 200 орудий, 20 генер<алов> (Лористон, Ренье, Делмас и пр.). Понятовский утонул. В городе видел Государя, Имп<ератора> Цесарского, короля Прусского, короля Саксонского. Гос<ударь> смотрел наши войска, ноч<евал> в деревне Атнаунсдорф»[1]. За сражение под Лейпцигом М.С. Воронцов был удостоен ордена Святого Александра Невского.

Наполеон с боем отступил за Лейпциг. Бои были необычайно кровопролитны. Саперы слишком рано взорвали мосты, и около 28 000 человек не успели пройти, в том числе поляки. Командир польского корпуса маршал Понятовский, будучи ранен, утонул, пытаясь верхом переплыть реку Эльстер. Наполеон двинулся со своею армией по направлению к Рейну.

Общие потери французов за 16—19 октября (н. ст.) были равны по крайней мере 65 000, союзники тоже потеряли около 60 000 человек. «Долго еще, несколько дней подряд страшные

[1] 1812—1814... С. 297—298.

вопли тяжелораненых оглашали лейпцигские поля, и разложение трупов наполняло окрестности невыносимым зловонием. Не хватало рабочих рук, чтобы очистить поле, и медицинского персонала, чтобы подать помощь искалеченным и раненым»[1].

М.С. Воронцов 15 октября (ст. ст.) занял Кассель, по направлению к которому двигалась армия наследного принца. Он находился при блокировании Гамбурга и удерживал попытки маршала Даву до тех пор, пока кронпринц завершил войну с датчанами.

В ноябре 1813 г. Наполеон явился в Париж, чтобы готовить силы против наступления европейских народов. Но записи М.С. Воронцова обрываются 9 ноября 1813 г. После «Кильского мира», как сказано в формулярном списке М.С. Воронцова, он «с отрядом пошел на Рейн, переправился в Кельне и вошел во Францию форсированными маршами»[2].

* * *

По мнению военных историков, кампания 1814 г., с точки зрения стратегического творчества императора Наполеона, была одной из замечательных страниц наполеоновской эпохи. Проиграв в октябре под Лейпцигом кампанию, начатую весной 1813 г., император, вступив в Париж в ноябре, стал готовить новые силы против союзных войск, угрожающих вторжению во Францию.

Генерал-лейтенант граф М.С. Воронцов после ратификации трактата между кронпринцем Шведским и правительством Дании получил приказ идти с отрядом во Францию. Находясь еще в начале января за Эйдером, Воронцов двинулся через Мюнстер к Кельну, перешел 27 января (8 февраля) Рейн и, двигаясь форсированным маршем на Ахен, Шарлеруа, Бомон, присоединился к корпусу Ф.Ф. Винценгероде. Тот успел собрать весь свой корпус в Реймсе и ожидал распоряжений прусского полководца Блюхера[3].

---

[1] Тарле Е.В. Наполеон. М., 1992. С. 306.

[2] Архив князя Воронцова. Кн. 35. С. 10.

[3] Отряд М.С. Воронцова, входивший в корпус Винценгероде, был переведен из Северной армии принца Шведского (Бернадота) в Силезскую армию Блюхера.

Еще до отхода из Реймса М.С. Воронцов, командуя 12-й пехотной дивизией, занял г. Ретель. В РГАДА хранится воззвание к французскому населению, составленное М.С. Воронцовым в этом городе 14 (26) февраля 1814 г.[1]. В нем, в частности, говорится, что русские не позволят себе такого поведения на землях Франции, каким отличились французы в Москве. «Мы здесь для того, чтобы сделать все возможное для уменьшения несчастий, связанных с войной». Далее М.С. Воронцов продолжает: «Я всегда готов вам помогать и защищать вас, наказывать всех тех, кто вас обижает. Я призываю вас к доверию, ни одна жалоба не останется нерассмотренной, но с другой стороны, для мирных жителей умение подчиняться и сохранять спокойствие есть единственное средство для спасения». Впоследствии жители Ретеля и Вузье поднесли М.С. Воронцову золотые медали как спасителю их от разорения.

Итак, войско графа М.С. Воронцова присоединилось к корпусу Винценгероде в Эперне. 16 (26) февраля Блюхер, узнав о наступлении Наполеона к Марне, приказал Винценгероде оставаться в Реймсе. Генерал Винценгероде, получив сведения о движении Наполеона к Ла-Ферте-Су-Жуар, уговорил Бюлова идти вместе к Суассону, чтобы, заняв этот городок и переправу через Марну, соединиться с Силезской армией. 17 февраля (1 марта) Винценгероде, оставив князя Гагарина с башкирским полком (280 человек) и 200 человек пехоты в Реймсе, выступил оттуда, подойдя на следующий день к Суассону по левому берегу реки Эны. Бюлов обложил город с правого берега. Дальнейшие события развивались довольно трагично для французской стороны.

Комендант Суассона генерал Моро дает согласие на капитуляцию города с условием, что часть вверенных ему войск должна быть сохранена, иначе готов погибнуть под развалинами своих бастионов. Посланный Винценгероде полковник Левенштерн предложил французскому гарнизону выступить с оружием, обозом и двумя орудиями. Но комендант хотел выйти из города с шестью орудиями, что не согласовывалось с условия-

[1] Воззвание к французскому населению. 1814 г. РГАДА, ф. 1261, оп 1, ед. хр. 2028.

ми капитуляции, и Левенштерн согласился исполнить просьбу Моро под собственную ответственность. Впоследствии на главной квартире Винценгероде Левенштерн извинился за то, что позволил выступить неприятелю с шестью орудиями. Присутствующий при этом М.С. Воронцов сказал: «Да мы могли бы подарить французскому коменданту несколько собственных наших пушек, лишь бы только он скорее ушел из Суассона»[1]. Это заявление было вызвано тем, что после того, как Блюхер был разбит Наполеоном под Мо и отступил, преследуемый французской армией, к Суассону, город стал своеобразным якорем спасения для союзников, так как давал им единственную возможность переправиться на другой берег реки Эны. К тому же задержка Блюхера на один или два дня позволяла Наполеону догнать Силезскую армию.

Едва союзники заняли город и два егерских полка М.С. Воронцова захватили Реймсскую заставу, а войска Бюлова устремились к мосту, как появились передовые войска Силезской армии и началась переправа корпусов Сакена и Йорка. Некоторые военные историки считают, что занятие Суассона спасло армию Блюхера от уничтожения. Состояние Силезской армии было незавидно. С 16 (18) февраля войска не получали продовольствия (в частности, корпус Йорка), а с 11-го (23) находились в постоянном движении. Вид солдатов в корпусах Йорка и Клейста был удручающим. К счастью для союзников состояние корпусов Бюлова и Винценгероде было значительно лучше. «Солдаты, вполне сохранившие свои силы, были в новых мундирах: кавалеристы имели, кроме того, для носки вне фронта, красные английские куртки; лошади были на подбор; оружие блестело»[2].

И все же Суассон спас армию Блюхера. В последнюю неделю февраля решался исход кампании 1814 г. При отступлении на Эну Блюхер расположил свою армию на возвышенной плоскости, фронтом к этой реке: корпус Винценгероде встал на левом фланге, у Борье и Краона и вверх по реке Эне до Бери-о-Бак.

---

[1] Богданович М. История войны 1814 года во Франции и низложения Наполеона I, по достоверным источникам. Т. I. СПб., 1865. С. 302.

[2] Там же. С. 303.

Блюхер отказался от нападения на армию Наполеона. Он оставил на плато между селениями Айль и Вассон пехоту корпуса Винценгероде под началом генерал-лейтенанта графа М.С. Воронцова, назначив для его поддержки корпус Сакена, стоящий у Бре. Блюхер считал, что для обороны этой местности, занятой союзниками, данных сил достаточно. Сам же Блюхер предполагал обойти французов с правого фланга конницей корпусов Винценгероде, Ланжерона и Йорка.

22 февраля (6 марта) наполеоновская армия перешла Эну. М.С. Воронцов, получив приказ держаться до последнего на занятой позиции, высылает к Краону для задержки неприятеля генерал-майора Красовского с 13-м и 14-м егерскими полками и кавалерию генерал-майора барона Палена, под общим началом генерал-лейтенанта графа И.К. Орурка. Для их поддержки ставит у мызы Гертебиз генерал-майора Михаила Ивановича Понсета с Тульским и Навагинским пехотными полками.

Около четырех часов пополудни Наполеон высылает один из батальонов своей старой гвардии под командованием своего ординарца Карамана на Краонскую высоту. Егеря генерала А.И. Красовского опрокидывают Карамана, Наполеон поддерживает его одною из бригад гвардейской дивизии и отдает распоряжения Нею отправить дивизию Менье лесом на Воклер к мызе Гертебиз, чтобы отрезать передовые войска русских у Краона. М.С. Воронцов приказывает егерям отойти к Гертебиз, чем нарушает план Наполеона. Егеря отходят шаг за шагом, сохраняя стройный порядок. В рапорте на имя Винценгероде М.С. Воронцов отмечает, что 13-й егерский полк под командованием полковника Маевского проявил «чудеса храбрости, удерживая противника, который значительно превосходил его по силе, при этом неприятель понес потери, хотя и русские лишились нескольких офицеров и нижних чинов»[1].

Войска Менье, встретясь с Тульским и Навагинским полками, вытеснили их из аббатства Воклер и овладели мызой Гертебиз. М.С. Воронцов предпринимает решительный удар, он приказал

[1] 1812—1814... С. 300—301.

14-му батальону егерского полка броситься бегом в штыковую атаку, а сам повел последний остающийся резерв бригады генерал-майора Понсета на левый фланг[1]. Русские вновь овладели мызой Гертебиз[2].

В первом рапорте на имя Винценгероде М.С. Воронцов отдает должное заслугам русских офицеров в этой операции, он отмечает особую храбрость всех солдат и многих командиров, среди которых — генерал-майоры: барон Пален, Понсет, Красовский; полковники: Маевский, Астафьев, Тюревников и полковник артиллерии Апушкин. М.С. Воронцов особо выделяет военный талант генерал-лейтенанта графа И.К. Орурка, чье воинское искусство, по словам М.С. Воронцова, хорошо известно в Европе.

Утром 23 февраля (7 марта) французы готовились атаковать М.С. Воронцова, Блюхер намеревался напасть на неприятеля в тот момент, когда кавалерия Винценгероде появится в тылу у французов. Но в 9 часов утра было получено известие, что вся кавалерия еще находится в долине реки Леты, у Шевриньи (Шиврини)[3]. Блюхер приказал генералу Сакену, имевшему под началом пехоту Воронцова и свой корпус, используя позиции на плато, удерживать движение неприятеля; в резерве его стояли войска Ланжерона. Сам фельдмаршал предполагал принять команду над кавалерией Винценгероде и ускорить ее движение.

Но в 11 часов, когда со стороны Краона уже около часа раздавалась канонада, большая часть кавалерии еще не успела миновать Шевриньи (Шиврини). Это произошло во многом из-за характера гористой местности: узкие дороги, усыпанные камнями, затрудняли движение кавалерии, к тому же переход усложнялся наличием значительного количества техники.

Краонская битва велась во время передвижения войск Блюхера, не достигших предполагаемой цели. Корпус Воронцова расположился на пространстве, представляющем плато между

---

[1] 1812—1814... С. 300—301.

[2] Там же. С. 302.

[3] Данный населенный пункт у М. Богдановича имеет название Шевриньи, а в рапорте М.С. Воронцова — Шиврини.

рекой Летой, протекающей на севере в узкой болотистой долине, и рекой Эной, ограничивающей плато с его южной стороны, изрезанной глубокими оврагами.

С востока довольно значительный овраг отделял эту плоскость от Краонского плато, и отюда местность отлого возвышалась до селения Тройон. Между Сен-Мартеном и Айлем горный скат, обращенный к Лете, был покрыт лесом. Позиции образовались оврагами, служащими прикрытием с фронта, и крутыми скатами плато, затрудняющими обходы с флангов. На одной из таких позиций, избранной генералом Понсетом, между селениями Айль и Жюминье, расположились войска М.С. Воронцова. Под его непосредственным началом состояло: 30 батальонов — всего 16 300 человек пехоты, 8 эскадронов регулярной кавалерии в числе до 1000 человек и столько же казаков. Следовательно, более 18 000 человек с 96 орудиями позади селений Серни и Тройон; на расстоянии около семи верст от фронта позиции стояли кавалерия Васильчикова в составе 32 эскадронов (всего 2700 человек) и казачий отряд Карпова в числе 1500 человек[1].

Около 9 часов утра, как пишет в рапорте на имя Ф.Ф. Винценгероде М.С. Воронцов, было замечено решительное неприятельское движение. Колонны французов показались на горе, где накануне сражалась бригада генерал-майора Красовского; выстроив там большие силы, они стали спускаться в лес, еще удерживаемый в то время Красовским, которому М.С. Воронцов приказывал тихо отступать на позиции, а артиллерии быть в полной готовности. Маршал Виктор, под личным началом которого была дивизия Бойе-де-Ребеваля, расположил ее за полуразвалившимся редутом и выдвинул вперед 12 орудий. Едва он отдал приказ, как был ранен и удалился с поля сражения. Впоследствии французы, видя удачное расположение нашей артиллерии, выставили до 100 орудий. После ранения маршала Виктора сам Наполеон открыл канонаду из гвардейских батарей около десяти часов утра. Начался жесточайший огонь с обеих сторон. Русские войска, поставленные в три линии на довольно узком месте, несли большие потери. На-

[1] Богданович М. Указ. соч. С. 316.

полеон отдает приказ маршалу Нею, командующему своим корпусом, корпусом Виктора и драгунской дивизией Русселя (всего до 1400 человек), направить главную атаку на русских с левого фланга. С правого фланга нашу позицию должен был обойти граф Нансути с дивизией Эксельмана и польскими уланами Паца (всего до 2000 человек кавалерии).

М.С. Воронцов отмечает в своем рапорте: «Но ничто не могло ни устрашить, ни расстроить пехоту нашу, а наша артиллерия, пользуясь со всем возможным искусством выгодой места, действовала таким образом, что двухкратно сильные колонны неприятельской кавалерии и пехоты, на нас наступавшие, были от огня нашего приведены в совершенное расстройство и принуждены отступить; неустрашимость и хладнокровие, оказанные в сем случае командующим всей артиллерией господином генерал-майором Мякиным и господами Винстером, Зальцманом и прочими артиллерийскими начальниками, не могут довольно быть выхваляемы»[1].

Воронцов постоянно подчеркивает заслуги солдат и офицеров, сражавшихся под Краоном, причем чувствуется его искреннее, неподдельное восхищение их подвигами.

Несмотря на то что у французов был отличный проводник, плохое состояние дорог не позволяло артиллерии поддерживать кавалерию Эксельмана и Паца под началом графа Нансути, пытавшегося обойти наш правый фланг. К тому же, как отмечает Воронцов, этому способствовало отличное действие шести орудий под командой храброго полковника Апушкина. Михаил Семенович раскрывает намерение Наполеона обойти нашу позицию со стороны селения Айль, то есть с левого фланга, для чего был послан сильный пехотный корпус маршала Нея. «Но искусными распоряжениями генерал-лейтенанта Лаптева, действиями артиллерии господина полковника Паркенсона и храбростью 2-го и 19-го егерских полков, которые в штыки ходили на неприятеля, оный сильным сопротивлением прогнан с большим уроном. При сем генерал-лейтенант Лаптев, к несчастью, ранен в ногу обломком от гранаты, и я лишился содействия и советов сего отличного ге-

[1] 1812—1814... С. 305.

нерала»[1]. Получив отпор на правом фланге, французы вновь сосредоточили усилия на левом фланге и центре русских войск. В своем рапорте Воронцов отдает должное заслугам генерал-майора Вуича, приказавшего батальону 19-го егерского полка с подполковником Царевым броситься в штыки, видя опасное положение полковника Паркенсона, а затем Ширванский пехотный полк холодным оружием атакует неприятеля, прикрывая нашу артиллерию. В это время на Ширванский полк обрушилась целая кавалерийская дивизия французов, но полк под командованием генерал-майора Заварыкина «не только не расстроился сим нападением, но принял кавалерию батальонным огнем, остановил и расстроил оную, потом пошел на нее в штыки, обратил оную в бегство с большой потерей и взял в полон несколько офицеров и солдат. Храбрый генерал-майор Заварыкин в сем случае тяжело ранен пулею навылет, когда он ободрял подчиненных и подавал пример неустрашимости. Командующий же коннобатарейною ротою полковник Паркенсон, к общему сожалению, убит»[2].

Судя по рапорту М.С. Воронцова, он постоянно держит под контролем события разворачивающейся битвы, в нужный момент направляя действия русской армии. Это подтверждают и последующие его распоряжения на левом фланге русских войск, когда Воронцов, видя продолжающиеся атаки неприятеля, подкрепляет стоявшие там войска бригадой генерал-майора Глебова (6-м и 4-м егерскими полками). Французская кавалерия тогда же лишилась своего главного начальника генерала Груши, тяжело раненного во время подготовки удара по дивизиону павлоградских гусар.

В то время как французская кавалерия, лишившись генерала Груши, находилась в бездействии под картечью, Ней и Бойе-де-Ребеваль постоянно направляют Наполеону гонцов с просьбами о подкреплении, так как их пехота понесла большой урон и значительная часть артиллерийских орудий выведена из строя. Наполеон приказывает ускорить движение дивизиям Шарпантье (корпуса Виктора) и корпусу Мортье.

---

[1] 1812—1814... С. 305.
[2] Там же.

Воронцов, заметив вдали наступление неприятельских резервов, приказывает генерал-майору Заварыкину (Зварыкину) с Ширванским полком и с одним батальоном 19-го егерского полка начать штыковую атаку на дивизии Манье, Кюриали и Ребеваля. «Это нападение имело полный успех: неприятель был отброшен в лес и, столпившись в воклерском овраге, потерпел большой урон от действий русских батарей. Дивизия Лафарьера, бросившаяся на Ширванский полк, будучи встречена огнем стрелков и батальонов, построенных в колонны к атаке, ушла в овраг вслед за пехотою. Сам Лафарьер был тяжело ранен»[1].

Удерживая около пяти часов занятую позицию, Воронцов получает приказ генерала Сакена в случае наступления французов значительными силами отступить в Лану, где Блюхер собирал свои войска. Михаил Семенович пишет в рапорте Винценгероде, что даже при сильных атаках неприятеля ему было разумнее держаться на позициях не только из-за храбрости вверенных ему войск, но и потому, что при движении он имел для прикрытия один только полк регулярной кавалерии. К тому же ему не было известно, что Блюхер уже в 2 часа отказался от обходного движения в тыл французской армии и решил встать у Лана. Воронцов же ждал подкрепления. Во втором приказе об отступлении Сакен обещал М.С. Воронцову прислать всю кавалерию генерал-адъютанта Васильчикова для прикрытия отхода войск Воронцова. Сам же Сакен с пехотой своего корпуса вышел на дорогу от Суассана к Лану (Лаону).

Начинался последний акт в кровавой драме Краонской битвы. Отправив вперед раненых и подбитые орудия (22 орудия), Воронцов отдает приказ начать отступление тихим шагом, словно на учении.

М.С. Воронцов, естественно, предполагал, что как только неприятель увидит наше намерение отступать, то атаки его сделаются сильнее и стремительнее. И тут генерал-майор Бенкендорф «при самом начале отступления, жертвуя, так сказать, собой, малочисленной своей конницей для спасения части пехоты, с одной своей бригадой бросился на сильнейшую

[1] Богданович М. Указ. соч. С. 320

неприятельскую кавалерию»[1]. Как и десять лет назад на Кавказе под началом П.Д. Цицианова, Александр Христофорович Бенкендорф рядом с М.С. Воронцоввм, и так же, как и тогда под Гянджой, они во Франции не запятнали чести русского офицера.

В то время как французы наращивали свой натиск, пытаясь справиться с корпусом Воронцова, «одна геройская твердость русской пехоты могла нас избавить от совершенного истребления», — писал в своем рапорте М.С. Воронцов[2]. Командующий бригадой 14-й дивизии генерал-майор Понсет, получивший ранение в войну 1813 г., стоя на костылях перед Тульским и Навагинским полками, получив два раза приказ отступать, отвечал: «Умру, но не отойду ни шагу». Командовавший первою линией генерал-майор Вуич подъехал к нему и, получив такой же ответ, сказал: «Ежели Вашему Превосходительству угодно умирать здесь, то можете располагать собой, но бригаде приказываю отступать»[3].

Но само слово — отступать — было оскорбительным для русской гвардии, за плечами которой были великие победы. Воронцов сообщает в рапорте, что отходили как можно тише, «как будто показывая, что не для страха врагов, а от послушания и диспозиции своего начальства ретируемся»[4]. Когда генерал-лейтенант Лаптев подъехал к Ширванскому полку, стараясь его ободрить, то стоящие в первых рядах гренадеры просили ротных командиров капитана и штабс-капитана братьев Зеленых уговорить генерала дать им возможность взять батарею, осыпавшую их картечным огнем. «С Богом!» — сказал Лаптев. Но, поведя полк вперед и получив контузию, Лаптев вынужден был оставить поле сражения. Лишился полк и своего шефа Заварыкина, простреленного навылет. Окруженные конницей французов, израсходовав патроны, ширванцы трижды под барабанный бой пробивались штыками сквозь неприятеля. При этом они не оставили на поле боя своего шефа, тела офицеров братьев Зеленых и всех раненых.

---

[1] 1812—1814... С. 306
[2] Там же
[3] Богданович М. Указ. соч. С. 321.
[4] 1812—1814... С 307.

В нужный момент на помощь Воронцову подоспела кавалерия Сакена, эта поддержка была необходима, так как, подойдя к Серни, русская пехота оказалась на открытой местности, что позволяло коннице объезжать ее с флангов. До этого неприятеля пытался сдерживать, прикрывая правый фланг, А.Х. Бенкендорф со своею бригадою. Генералы Васильчиков, Ушаков, Ланской беспрестанно возобновляли свои атаки, некоторые полки ходили в атаку по восемь раз. По определению самих французов, «мужественныя и искусныя атаки русской кавалерии остановили стремительность французских эскадронов»[1]. Нападения французского войска сделались несколько слабее после того, как неприятель, сильно напирая на русскую кавалерию, на одном из узких участков плато наткнулся на встречный огонь 6-го егерского полка, засевшего, по приказу М.С. Воронцова, за каменной стеной одного из близлежащих дворов. Далее в рапорте М.С. Воронцова говорится о том, что неприятель, заметив несколько орудий из корпуса генерала Сакена, поставленных «не доходя же до Шевриньи»[2], решил, что это новая позиция русских, и прекратил преследования.

Генерал-майор Бенкендорф был оставлен со своею бригадою «впереди д. Шиврини»[3], дожидаясь на смену генерал-лейтенанта Чернышева. Так сказано в рапорте М.С. Воронцова на имя Винценгероде, однако иного мнения относительно действий артиллерии при отступлении М.С. Воронцова придерживался А.И. Михайловский-Данилевский, основываясь на записках генерала Никитина. В последних говорится, что Сакен приказал генерал-майору Никитину поставить артиллерию на позицию позади отступавших войск и, дав им пройти, открыть огонь. На первой линии были выставлены 36 легких, а во второй (в 60 шагах) — 28 батарейных орудий. Артиллерия встретила французские войска сокрушительным огнем, нанеся противнику большой урон. Действительно, в журнале действий корпуса Сакена сказано: «Когда отступающие войска приближались к позиции (между Серни и Тройон), то открыли мы батарею на наступающего неприятеля из 36 орудий, под коман-

[1] Богданович М. Указ. соч. С. 323.
[2] 1812—1814... С. 307.
[3] Там же.

дою генерал-майора Никитина, чем удержали стремление неприятеля и привели его в большой урон»[1].

Как мы видим, это не согласуется со сведениями в рапорте М.С. Воронцова. На данное несоответствие указывает в своем труде Богданович. Посетив поле сражения при Краоне и местность, по которой отступали войска Воронцова, он приходит к выводу, «что на всем этом пространстве нет пункта, где можно было бы поставить артиллерию в две линии и действовать одновременно из орудий обеих линий, как уверяет Никитин, а за ним и Михайловский-Данилевский. К тому же подобное необычайное действие артиллерии не могло бы остаться незамеченным современниками и участниками войны 1814 года, которые, однако же, нигде не упоминают об этом»[2]. Кроме того, в «Военно-дислокационном журнале войск, под командой генерал-лейтенанта М.С. Воронцова состоящих» о событиях за 23 февраля сказано, что благодаря наступившей темноте и помощи корпуса Сакена «спокойно отступали»[3] от Ла-Ройс до селения Шовиньон.

То есть основные силы Сакена, не считая кавалерии, были подтянуты уже в сумерках. Анализ данного источника, упоминание о котором не обнаружено в работах других исследователей, ставит под сомнение информацию о действиях артиллерии под командованием генерала Никитина, так как трудно предположить, что в темноте на данной местности можно было расположить артиллерию в две линии из 36 и 28 орудий каждая.

Вечером 23 февраля (7 марта) М.С. Воронцов со своими войсками отступил на дорогу из Суассона в Лан, оставив для прикрытия арьергард Бенкендорфа. Подобное отступление большого числа войск с артиллерией по сложным дорогам было весьма опасно, но французы до десяти часов утра не трогались со своих позиций, и это облегчило отступление Воронцова и Сакена.

Утром 25 февраля (9 марта) вся армия Блюхера находилась на позициях у Лана, готовясь встретить неприятеля. Фран-

[1] Богданович М. Указ. соч. Т. II. С. 115.
[2] Там же.
[3] РГАДА, ф. 1261, оп.1, ед. хр. 2022, л. 41.

цузы к этому времени заняли Краон, Суассон, селение Этувель и Шины. В последние дни февраля решался исход кампании 1814 г. и вслед за этим — исход великих битв начала XIX столетия.

Отношение к результатам Краонского сражения весьма неодинаково как у очевидцев событий кампании 1814 г., так и у современных исследователей[1].

С.Г. Волконский, который относился к М.С. Воронцову неоднозначно, писал, в частности, о событиях, предшествующих Краонской битве, что М.С. Воронцову нужно было постепенно отступать и навести неприятеля на главные силы, но М.С. Воронцов вместо этого вводит войска в неравное сражение, причем французы так удачно воспользовались местностью, что едва не зашли в тыл отряда М.С. Воронцова и не отрезали его от армии. При этом С.Г. Волконский добавляет: «Тут надо отдать справедливость графу, что он отлично поправил свои ошибки и, взяв единственные оставшиеся у него в резерве два полка, находящиеся под начальством генерала Понсета, повел их на штыки французов и тем дал время прочему своему отряду выйти из угрожающего ему затруднительного положения»[2]. При том, что атака М.С. Воронцова удалась, потери были большими, среди убитых — подполковник Краснокутский[3], подававший, по словам С.Г. Волконского, весьма большие надежды.

Следует, однако, отметить несправедливость критики С.Г. Волконского. Так, на 22 февраля М.С. Воронцов отдал

---

[1] А.А. Керсновский отмечал, что при Краоне 18 000 русских выступили против 30 000 французов, и данное сражение — почетное для русского оружия арьергардное дело (Керсновский А.А. История русской армии. Т. 1. М., 1992. С. 282). Канадский исследователь Б. Вейдер (президент Канадского общества памяти Наполеона и член совета такого же общества в Париже) указывает в своей работе, посвященной Наполеону, что тот блокировал Блюхера на плато Краон и с 50 000 против 100 000 наносит Блюхеру поражение (Вейдер Б. Блистательный Бонапарт. М., 1992. С. 122); Е.В. Тарле дает следующее описание Краонского сражения: «7 марта Наполеон настиг его (Блюхера. — О.З.) у Краона и разбил; после тяжелых потерь Блюхер бежал к г. Лаону» (Тарле Е.В. Наполеон. М., 1992. С. 322). В сборнике «Георгиевские кавалеры» (М., 1993) сказано, что у М.С. Воронцова было 10 000 человек, за его дивизиями располагался Строганов (5000 человек) и в резерве корпус Сакена — 10 000. Наполеон вел до 50 000 опытных солдат, включая две дивизии гвардии. В результате бой доказал всей Европе, что «стойкость русской пехоты превосходит галльскую пылкость умудренных ветеранов». (С. 223—224.)

[2] Волконский С.Г. Указ. соч. С. 295—296.

[3] Более подробных сведений о подполковнике Краснокутском мы не имеем.

приказ держаться до последнего, и в этот день своими распоряжениями он срывает план Наполеона — отрезать передовые войска русских у Краона.

Непосредственно о самом Краонском сражении С.Г. Волконский пишет, что наши войска выдержали все атаки французов, пытавшихся сбить русских с их позиций. При этом С.Г. Волконский, отдавая должное поведению войск и их начальников, указывает на выгодное расположение позиций, не позволявшее обойти нас, а что «русская грудь обороняет, то тут оно непреодолимо»[1].

Но при этом С.Г. Волконский считал, что «Краонская битва наделала много шума, и немудрено, потому что она дала повод дворнослужащим Воронцова восхвалять его и приписывать его славе то, в чем он участник только как подчиненный»[2].

В данной оценке чувствуется не столько попытка дать реальную оценку сражения при Краоне, сколько весьма ревнивое отношение С.Г. Волконского к растущей популярности М.С. Воронцова в армии. С.Г. Волконский считал, что успех Краона должен быть приписан П.А. Строганову как главнокомандующему в этом сражении, который после известия о гибели сына — А.П. Строганова — сдал команду М.С. Воронцову.

Рассматривая роль М.С. Воронцова в Краонской битве, следует отметить — мы не имеем сведений, подтверждающих мнение С.Г. Волконского, что успех Краонской битвы связан прежде всего с генералом графом П.А. Строгановым. Известно, что П.А. Строганов был начальником резерва в сражении при Краоне. Не согласуется с действительностью и выглядит странным и заявление С.Г. Волконского, что М.С. Воронцову незаслуженно приписывается слава в тех операциях, где он выступал, по словам С.Г. Волконского, лишь как подчиненный. Но, согласно приказу Блюхера, на плато между Айлем и Вассоном была оставлена пехота корпуса Винценгероде под началом генерал-лейтенанта М.С. Воронцова. Таким образом, М.С. Воронцов должен был самостоятельно командовать во

---

[1] Волконский С.Г. Указ. соч. С. 289.
[2] Там же. С. 288.

время военных действий на данной местности. Из его рапортов к Винценгероде мы видим, что начиная с 9 часов утра М.С. Воронцов контролирует ситуацию, направляет действия вверенных ему войск. Следует обратить внимание и на то, насколько верно действовала в Краонском сражении артиллерия, неоднократно вынуждавшая отступать неприятеля, срывая его атаки, а пехота стремительно наступала на неприятеля в штыковой атаке. Причем уже во время наступления французских резервов М.С. Воронцов приказывает Ширванскому полку и 1-му батальону 19-го егерского полка двигаться на неприятеля, построившись в колонны.

М.С. Воронцов использует во время Краонской битвы элементы именно русской тактики, которая заключается в следующем: энергичная, быстрая, стремительная штыковая атака пехоты; грамотная огневая поддержка артиллерии; действия в колоннах против французов, эшелонирование войск в глубину; наличие боевых резервов и умелое их применение. Чрезвычайно важным обстоятельством русской тактики является то, что управление войсками в бою допускало проявление частной инициативы, каждый должен был понимать свой маневр. При этом части получают самостоятельные задачи[1].

Учитывая последнее обстоятельство, очевидно, что чрезвычайно важна роль личности командира, степень его влияния на подчиненных. Все перечисленные выше элементы русской тактической науки окончательно развиты гением А.В. Суворова, который, в свою очередь, с глубоким уважением относился к военной деятельности С.Р. Воронцова. Наследником этих традиций, их активным приверженцем становится М.С. Воронцов, применивший основы русской тактической науки в Краонском сражении. В своем исследовании, посвященном битве при Краоне, М. Богданович подчеркивает: «Сражение при Краоне, в котором со стороны русских было введено в бой не более 15 000 человек против двойных сил под личным предводительством Наполеона, есть один из знаменитейших подвигов русского оружия. Военное поприще графа Воронцова озарилось в день Краонского боя блеском славы, возвы-

[1] Керсновский А.А. Указ. соч. С. 165—170.

шенной скромностью, обычною спутницей истинного достоинства»[1].

В донесении о сражении М.С. Воронцов приписывает успех битвы прежде всего заслугам генералов Лаптева, Васильчикова, Ланского, Бенкендорфа. М.С. Воронцов отмечает удачно выбранную генералом Понсетом позицию для битвы. Необходимо заметить, что хотя местность действительно не позволяла обойти фланги, в то же время она не допускала никаких маневров. И в этой ситуации личный пример командующего, его способность воодушевить солдат значили очень много. По свидетельству очевидцев, М.С. Воронцов, несмотря на сильную боль в ноге, постоянно был в бою, принимал личную команду над некоторыми полками, встречая неприятеля за пятьдесят шагов батальонным огнем.

Современники отмечали особый боевой дух русских солдат в Краонской битве, их решимость и мужество. В приказе М.С. Воронцова, отданном после сражения при Краоне и Лаоне, сказано: «Таковые подвиги в виду всех, покрыв пехоту нашу славою и устрашив неприятеля, удостоверяют, что ничего нет для нас невозможного»[2].

Потери с обеих сторон были весьма значительны. У русских убито было 1500 человек, ранено более 3000 человек. В числе убитых: генерал-майор Сергей Николаевич Ушаков, генерал-майор Сергей Николаевич Ланской, полковник Паркенсон (имя и отчество установить не удалось), восемнадцатилетний сын П.А. Строганова — Александр Павлович Строганов, подполковник А.Г. Краснокутский. Ранены: генерал-лейтенант Лаптев; генерал-майоры Хованский, Заварыкин, Маслов и Глебов. Мариупольский гусарский полк лишился 22 штаб- и обер-офицеров; 13-й егерский полк — 16 штаб- и обер-офицеров и до 400 нижних чинов; Ширванский пехотный полк, потеряв половину наличного состава, был перестроен из двух батальонов в один.

Обе стороны приписывали победу себе — французы из-за занятия ими поля битвы, а русские — потому, что отразили

---

[1] Богданович М. Указ. соч. С. 234.
[2] Там же. С. 117.

все атаки неприятеля и нанесли ему большой урон. Один из французских историков войны 1814 г. писал: «Правда — поле битвы осталось за французами, но, приняв во внимание необычайные жертвы, которых оно и не стоило, и обстоятельства, побудившие графа Воронцова против его воли к отступлению, нельзя не сознаться, что русские в сей день приобрели столько же славы, сколько и противники их»[1].

Говоря о выдающейся роли М.С. Воронцова в этом сражении, хотелось бы еще раз отметить, что он сумел контролировать ситуацию в бою, где противником командовал сам Наполеон, причем в один из моментов поединка М.С. Воронцов предугадывает намерение императора и срывает его план обойти нашу позицию с левого фланга корпусом одного из лучших военачальников Франции, «храбрейшего из храбрых» — маршала Нея. Получив приказ держаться до последнего, М.С. Воронцов в течение пяти часов противостоит гвардии и отборным французским войскам и оставляет позиции лишь после приказа Сакена. В процессе самого отступления, весьма невыгодного для русских, было сделано все возможное для сохранения войск. Нельзя не упомянуть весьма искусный маневр М.С. Воронцова, который сначала приказывает егерям 6-го полка (засевшим за каменной стеной одного из дворов) открыть встречный огонь по неприятелю, чтобы приостановить его преследование русской кавалерии, а затем предпринимает весьма хитроумный шаг, выставив перед д. Шевриньи несколько орудий; французы, решив, что это новая позиция русских, прекращают преследование.

За сражение у Краона М.С. Воронцов получает «орден Святого Георгия 2-го класса большого креста»[2].

* * *

После Краона армия Блюхера была сильнее, чем прежде, и от нее исходила реальная угроза Парижу. Наполеону было необходимо оттеснить Блюхера как можно дальше. Под прикры-

---

[1] Богданович М. Указ. соч. С. 325 (фамилия автора данного высказывания у Богдановича отсутствует).

[2] Формулярный список о службе фельдмаршала М.С. Воронцова // Архив князя М.С. Воронцова. Кн. 35. М., 1889.

Генерал-лейтенант граф М.С. Воронцов.
Портрет работы Д. Доу

Генерал-лейтенант А.П. Ермолов.
Портрет работы Д. Доу

Генерал-лейтенант И.Ф. Паскевич. Портрет работы Д. Доу

С.Н. Марин. Портрет работы Рустема

Генерал от кавалерии, атаман Войска Донского граф М.И. Платов.
Портрет работы Д. Доу

Генерал-майор
А.Х. Бенкендорф.
Портрет работы
Д. Доу

Генерал-
лейтенант
граф
П.А. Толстой.
Портрет работы
Д. Доу

Генерал от инфантерии князь П.И. Багратион.
Портрет работы Д. Доу

Генерал-майор А.Н. Сеславин.
Портрет работы Д. Доу

Генерал-майор
Л.А. Нарышкин.
Портрет работы
Д. Доу

Генерал-
лейтенант
граф
Э.Ф. Сен-При.
Портрет работы
Д. Доу

Генерал-
лейтенант
Н.В. Кретов.
Портрет работы
Д. Доу

Генерал-майор
граф
А.И. Гудович.
Портрет работы
Д. Доу

Генерал-майор А.В. Богдановский. Портрет работы Д. Доу

Генерал-майор А.А. Закревский. Портрет работы Д. Доу

Генерал-фельдмаршал князь М.Б. Барклай де Толли.
Портрет работы Д. Доу

Герцог Веллингтон.
Портрет работы Д. Доу

Генерал-лейтенант С.Н. Ланской. Портрет работы Д. Доу

Генерал от инфантерии граф А.Ф. Ланжерон. Портрет работы Д. Доу

Генерал от инфантерии барон Ф.В. Остен-Сакен. Портрет работы Д. Доу

Генерал-лейтенант Г.И. Лисаневич. Портрет работы Д. Доу

Генерал-майор
И.И. Алексеев.
Портрет работы
Д. Доу

Вид усадьбы Андреевское

Виды усадьбы Андреевское

тием передовых войск Наполеон развернул свою армию 25 февраля между селениями Лельи и Холиом напротив Класси. Как сказано в Военно-дислокационном журнале[1], отступавшие от Краона войска пришли на позицию у г. Лан 24 февраля, где в это время уже находились прусские войска. Утром 25 февраля (9 марта) армия Блюхера, состоящая из 60 000 русских и 40 000 прусских солдат, расположилась в боевом порядке у Лана. Корпус генерала Винценгероде составлял правое крыло, корпуса Клейста и Йорка — левое крыло, корпус Бюлова был в центре. Корпуса Ланжерона и Сакена составляли главный резерв.

В Военно-дислокационном журнале войск М.С. Воронцова сказано, что «неприятель атаковал наши войска на сей позиции, и действие кончилось по темноте ночи на том же месте»[2]. 26 февраля (10 марта) союзники предупредили наступление французов атакой на Класси. Граф М.С. Воронцов направил 12-ю дивизию князя Хованского к этому селению, а генерал-майора Балка со 2-й драгунской дивизией послал правее в обход к Монсу[3]. Войска князя Хованского несколько раз врывались в Класси, но удержаться там не смогли. Воронцов посылал им на помощь несколько батальонов 21-й дивизии Лаптева, чем вынудил французского генерала Шерпантье ввести в дело почти всю пехоту двух дивизий.

Несмотря на сведения о силах Наполеона, союзники не перешли в наступление, прекратили преследование Мармона и сосредоточили армию на позициях у Лана. Совсем недавно при Краоне они не опасались встречи с Наполеоном, несмотря на численное превосходство его войска. Но к несчастью, в ночь с 25-го на 26 февраля сильно заболел Блюхер, и действиями армии было поручено управлять начальнику его штаба — генералу Гнейзенау. «Но здесь более, нежели когда-либо, подтвердилась истина, что сила воли, уменье говорить с солдатами, искусство возбуждать войска к великим подвигам не могут быть заменены ни глубокими сведениями в военном деле, ни способностью к составлению планов для действий.

[1] РГАДА, ф 1261, оп 1, ед хр 2022, л 41
[2] Там же
[3] Богданович М Указ соч С 344

Генерал Гнейзенау не мог заменить Блюхера», — отмечал в своем исследовании Богданович[1]. Хотя прусские офицеры отдавали должное графу М.С. Воронцову и русским за битву при Краоне, а русские — Йорку за поражение Мармона, но «между союзниками не было взаимного доверия»[2]. Следствием этого был приказ всем корпусам вернуться на позиции к Лану (Лаону). Наполеон воспользовался нерешительностью союзников. Уже вечером 26 февраля (10 марта) старая гвардия возвратилась в Шавиньон, куда была перенесена и главная квартира.

Приказ 26 февраля из главной квартиры Блюхера — возвратиться союзным корпусам к Лану — вызвал всеобщее недовольство. Сакен вышел из себя, М.С. Воронцов во время боя (26 февраля) сказал, подъехав к Мюффлингу: «Почему отменили диспозицию? Это истинное для нас несчастье»[3]. Несчастьем было также то, что окрестности Лана, Корбени, Краона, Бери-о-Бак были разорены, и жители приходили на биваки просить пищи.

При отступлении к Суассону Наполеон дал возможность отдохнуть своим войскам и занялся переформированием армии. Получив 28 февраля (12 марта) известие о взятии Реймса союзным корпусом графа Сен-При, Наполеон решает идти к Реймсу, чтобы повысить дух войск и выиграть время[4].

Наполеон дал армии отдохнуть в Реймсе трое суток. Но после поражения при Арси в марте надежда на противодействие союзной армии покидала противника.

Между тем боевая жизнь последних походов, проходивших в ненастную погоду, подорвала здоровье старого фельдмаршала Блюхера. «Несмотря на военные способности ближайших сподвижников его, Гнейзенау и Мюффлинга, и корпусных командиров — Сакена, Йорка, графа Воронцова, — никто не мог

[1] Богданович М. Указ. соч. С. 345—346.
[2] Там же. С. 346.
[3] Там же. С. 347.
[4] Граф Сен-При тоже решил дать отдых своему отряду. Русские войска расположились в городе, а прусские — в селениях. Перед этим он получил донесение о наступлении неприятеля, но, считая армию французов совершенно расстроенной, не придал этому значения. Во время боя Сен-При был тяжело ранен, генерал Панчулидзев, пораженный ударом, очнувшись, не принял начальства над отрядом. Таким образом, русские войска остались без начальника, будучи предоставлены самим себе...

заменить Блюхера, и победоносная Силезская армия оставалась в бездействии целую неделю»[1].

Примерно в эти дни Император Александр Павлович убеждает союзников в необходимости идти на Париж. К вечеру 12 (24) марта корпуса главной армии расположились по левой стороне реки Марны, у Витри, где находилась главная квартира союзных монархов. Корпуса Ланжерона, Сакена и пехота Воронцова и Строганова стояли у Шалона, где была главная квартира Блюхера. Приказ 14 (26) марта предписывал Ланжерону и Воронцову соединиться у Шато-Тиери и двинуться к Монмиралю «для разбития туда отступавшего от Шато-Тиери неприятеля»[2]. Корпус Ланжерона (17 000 человек) должен был атаковать Монмартр, корпуса Йорка и Клейста (18 000 человек) — со стороны Ла-Вилетт и Ла-Шапель, а пехота корпуса Винценгероде (12 000 человек) под командованием графа Воронцова следовала в резерве. «Зимнее солнце 1814 года озарило последние подвиги французского оружия, подвиги последних готских храбрецов Великой армии и необученной молодежи. Канонада Шампобера и Монмираля была последним отголоском громовых раскатов Риволи, Маренго, Аустерлица и Ваграма. Это отчаянная борьба, отчаянный вызов Наполеона своей судьбе», — писал, явно восхищаясь поведением французов, А.А. Керсновский[3]. Добавим, что те же самые дни последних подвигов мужественных французов стали и днями полного торжества оружия русского, справедливого возмездия Наполеону за сожженную Москву, за разваленность Смоленска и Малоярославца, за бесчисленные беды, принесенные на землю нашего Отечества нашествием двунадесяти языков. Несмотря на действительно отчаянное сопротивление французских войск, в первые месяцы 1814 г. русская армия вместе с союзными силами антинаполеоновского альянса с боями шла по Франции, приближаясь к Парижу. 13 марта разгорелось жестокое сражение при местечке Фер-Шампенуа восточнее столицы, в ходе которого союзная кавалерия нанесла тяжкое поражение вдвое превосходящим по численности французским пехотным корпу-

[1] Богданович М. Указ. соч. С. 463.
[2] Там же. С. 491.
[3] Керсновский А.А. Указ. соч. С. 285.

сам и открыла путь к Парижу. В этом сражении особенно отличились полки русской гвардейской тяжелой кавалерии, многим из них были высочайше пожалованы почетные отличия — Георгиевские серебряные трубы с лентами, на которых было написано «За Фер-Шампенуа». Уже на следующий день после этой битвы союзные войска вновь выступили в поход и 17 марта подошли к неприятельской столице. Решающее сражение за Париж началось утром 18 марта. Накануне, от имени союзных монархов, было обнародовано воззвание к парижанам: «Обитатели Парижа! Союзная армия у стен ваших. Цель их прибытия надежда искреннего и простого примирения с вами. Уже двадцать лет Европа утопает в крови и слезах. Все покушения положить предел ее бедствиям были напрасны, потому что в самой власти, вас угнетающей, заключается неодолимое препятствие к миру. Кто из французов не убежден в сей истине. Союзные монархи чистосердечно желают найти во Франции благотворную власть, могущую укрепить союз ее со всеми народами и правительством»[1].

Париж капитулировал 18 (30) марта 1814 года после упорного сопротивления; ожесточенный бой длился несколько часов. К четырем часам пополудни к предместью Ла-Вилетт подошли прусские батареи. М.С. Воронцов, достигнув Обербиллер, посылает к Ла-Вилетт генерал-майора Красовского с полками 13-м и 14-м егерскими, Тульским и Навагинским пехотными, 1-м Бугским казачьим и батарейною ротою подполковника Винспара. 13-й и 14-й егерские полки в парадной форме, с барабанным боем и музыкой ударили в штыки и без выстрелов вместе с охотниками Бугского полка овладели батареей у входа в Ла-Вилетт и ворвались в это селение. Император Александр Павлович прислал на следующий день по пятидесяти знаков отличия в 13-й и 14-й егерские полки и по десяти в Бугский казачий и батарейную роту Винспара. М.С. Воронцов за взятие Ла-Вилетт получил высочайший рескрипт. В это же время (4 часа 18 марта) войска графа Ланжерона продолжали обход левого фланга неприятельской позиции. Оставалось укротить лишь Монмартр, господствующие пункты высот которого

[1] Богданович М. Указ. соч. С. 521.

находились в руках французов, но в целом участь битвы была уже решена.

Во взятии Парижа принимало участие до 100 000 человек, из них русских войск — 63 400 человек. Потери союзников составляли более 8000 человек, русские потеряли 100 офицеров и 6000 нижних чинов, из которых 1500 из войск Ланжерона и Воронцова. Столицу Франции защищало более 40 000, потери убитыми и ранеными составляли приблизительно 4000 человек. Это было одно из самых кровопролитных сражений за всю кампанию 1814 г.

19 марта (ст. ст.) 1814 г. союзные войска торжественно вступили в Париж. М.С. Воронцов был среди тех, кого по праву можно назвать «молодыми генералами своих судеб».

Но союзники понимали, что даже взятие Парижа не в состоянии окончательно сломить Наполеона. Как известно, лишь узнав об измене маршала Мармона, он отказался от намерения продолжать военные действия. 23 марта М.С. Воронцов получил от начальника главного штаба Западной армии генерал-лейтенанта Сабанеева отношение, в котором тот сообщал, что «маршал Мармон со своим корпусом вступает с нами в дружественный союз и следует в Нормандию»[1].

Далее Сабанеев подчеркивает, что в данной ситуации следовало ничего «не предпринимать против жизни Наполеона»[2], и фельдмаршал Барклай-де-Толли приказывал М.С. Воронцову, что в случае преследования неприятелем корпуса Мармона оказывать немедленно ему помощь, сообщая о своих действиях тотчас командующему, а во время прохождения частей Мармона через войска союзников оказывать корпусу всяческое уважение. Не удалось обнаружить других источников, свидетельствующих, состоялась ли встреча Мармона и М.С. Воронцова во время описываемых событий 1814 г. Представляется, что весьма интересно было бы проследить дальнейшее развитие этих отношений, так как в одном из исследований, посвященных истории дворца и парка в Алупке, упоминается о присутствии Мармона в Алупке в гостях у М.С. Воронцова[3]. В память

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2026, л. 22
[2] Там же.
[3] Алупка. Дворец и парк. Киев, 1992. С. 36.

об участии во взятии Парижа М.С. Воронцов с супругой одними из первых в Крыму высадили в парке на открытом грунте магнолии, назвав это место «холм Монмартра»[1]. Столица Франции осталась целой и невредимой благодаря благородному решению Императора Александра не мстить пожаром Парижа за пожар Москвы, но пощадить этот город великой европейской культуры. В связи с этим интересен случай из биографии Императора Александра Благословенного, сообщенный С.Н. Глинкой в своих «Записках». Современники царствования Екатерины Великой, пишет он, вспоминали, что однажды в присутствии вельмож своего двора Императрица спросила внука, бывшего еще мальчиком, что ему особенно нравится в истории. «Поступок Генриха IV, — отвечал юный Александр Павлович, — когда он посылал хлеб осажденному им же Парижу». Речь шла об известном случае, когда король Генрих IV, осадив Париж, закрыл все дороги туда. Но, узнав о страданиях голодающих жителей, приказал доставлять хлеб к воротам города. «Думал ли Александр I в отроческие годы свои, что он превзойдет великодушие и самого Генриха IV? Император Александр спас тот самый город, откуда завоеватель выходил для разорения России»[2], — писал Глинка. Государь Александр Благословенный много сделал для Парижа: он освободил дома парижан от солдатского постоя, запретил воинству брать себе что-либо бесплатно и строго следил за выполнением этого приказа, он отпустил всех пленных, сказав, что никогда не воевал с французским народом, но лишь с его кровавым тираном. Поэтому и вступление русских войск в город было встречено парижанами восторженно. 19 марта 1814 г. войска торжественно вошли в Париж. Русский военный историк М.И. Богданович приводит в своей книге высказывания маркиза Лондондерри, который был свидетелем этого события: «Все, что можно сказать о русских резервах, останется ниже действительности, вид и вооружение их удивительные, когда подумаешь о трудах, перенесенных этими людьми, из коих многие, прибыв от границ Китая, в короткое время прошли пространство от Москвы до

[1] Алупка. Дворец и парк. Киев, 1992. С. 16.
[2] Записки С.Н. Глинки, СПб., 1895. С. 279.

Франции, исполняешься чувством ужаса к необъятной Российской Империи»[1].

В тот славный день звуки труб и военной музыки с утра оглашали город. Казалось, весь Париж высыпал на бульвары, по которым должны были пройти союзные войска. Балконы, террасы, окна были заполнены людьми. Полки появились на бульварах в час дня. Ярко светило солнце, и шагающие шеренги, гарцующие всадники представляли собой, по свидетельству очевидцев, незабываемое зрелище. Участник этого марша С.Н. Глинка писал об этом так: «Никто и никогда даже и из защитников собственного царства не видели такой встречи, какая сделана была союзным государям в столице Франции. Непрестанно гремели восклицания: «Да здравствует Император Александр I!», «Да здравствует Фридрих-Вильгельм!»[2]. Парижане предлагали воинам вино и еду, но, как вспоминает видевший все это, ни один солдат «ничего не брал безденежно». Парижане восхищались красотой мундиров русских военных, учтивостью и остроумием говоривших по-французски офицеров, сначала даже принимая их за своих эмигрантов — роялистов. Союзные войска, пройдя бульвары, повернули по Королевской улице на площадь Людовика XV и к Елисейским полям, где в течение нескольких часов продолжался парад. Замечено было, что на Вандомской площади толпа окружила колонну со статуей Наполеона наверху, набросила веревки на шею своего вчерашнего кумира и пыталась сокрушить его. Однако Император Александр Павлович, узнав об этом, прислал караул от Семеновского полка, что заставило буянов разойтись. На следующий день для того, чтобы избежать беспорядков, статую все же сняли с колонны, водрузив на нее белое королевское знамя. Сам Император пожелал взглянуть на памятник и заметил: «Если бы я стоял так высоко, то у меня закружилась бы голова»[3]. Император всероссийский остановился в Париже в доме князя Талейрана, в том самом, где в 1717 г. останавливался, находясь в Париже, Петр Великий. Приветствуя Императора у входа, Та-

[1] Богданович М. Указ. соч. Т. 1. С. 563—564.
[2] Записки С.Н. Глинки. СПб., 1895. С. 279.
[3] Богданович М. Указ. соч. Т. 1. С. 569.

лейран сказал, что Его Величество давно уже здесь ожидали. «В замедлении моем, — отвечал Александр, — вините храбрость французских воск»[1]. На следующий день после вступления союзных армий были назначены русский, австрийский, прусский и французский коменданты Парижа, а генерал-губернатором французской столицы стал русский генерал барон Ф.В. фон дер Остен-Сакен, будущий генерал-фельдмаршал, граф и князь. Вступив в должность, он специальным приказом запретил «тревожить и оскорблять кого бы то ни было за политические мнения или за наружные кем-либо носимые знаки»[2]. Справедливостью и строгостью, соединенными со снисходительностью, генерал-губернатор сразу же расположил к себе парижан. Где бы он ни появлялся, его радостно приветствовали, когда же он приезжал в театр, немного опоздав к началу, зрители требовали, чтобы начинали для него спектакль снова. Один из приказов Ф.В. Остен-Сакена по парижскому гарнизону гласил: «Осмотрев временный госпиталь, учрежденный в предместье Руль, я свидетельствую начальникам и чиновникам мою особенную благодарность за их старание облегчить скорбь храбрых воинов. Меня истинно тронула признательность больных к тем лицам, которым вверено о них попечение. Небо да благословит также народ, оказывающий вспомоществование раненым и больным без различия стран, коим они принадлежат»[3]. Убедительное и авторитетное свидетельство доброго отношения парижан к чужеземным воинам, с оружием вошедшим в их город.

В марте—апреле 1814 г. в Париже собрался цвет русского воинства. А этот город, как известно, способен закружить в весеннем вихре любого, и особенно если он молод и после долгой войны ему хочется жить и радоваться каждому новому дню. Русское военное начальство вполне понимало это. Офицерам было предоставлено много свободы, к тому же распоряжением Императора Александра им было роздано двойное, иногда и тройное жалованье за кампании 1812, 1813 и

[3] Записки С.Н. Глинки. СПб., 1895. С. 282.

[4] Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. IV. СПб. 1841. С. 108—109.

[5] Там же. С. 109.

1814 гг.[1]. И как пишет один из участников описываемых событий, именующий себя просто «старым лейб-гусаром», «кто бывает в Париже, тот знает, что там можно почти птичьего молока достать, только были бы деньги, можно себе представить, каков поднялся кутеж, занятый нами неприятельской столицы. Все разбрелись, не приходили в казарму и на квартиры по несколько дней сряду. Оставались при должности только несчастные дежурные офицеры»[2]. Напропалую кутили, конечно, не все, многие офицеры старались сочетать веселые удовольствия этого города с посещением музеев, театров Парижа. В те дни шли представления в восьми театрах, заполненных до отказа каждый вечер. «Многие из тех, кто попадал в зал и находил свободное место, в течение трех или четырех часов сидели в тесноте и в духоте, при этом надо было быть готовым в любой момент уступить место даме, — вспоминал «в моем путевом журнале или дорожном дневнике...» А.Д. Чирков. — Если кто-нибудь из зрителей выходил на время, то, вернувшись, он зачастую находил шляпу на полу, а место занятым. Выхода из данной ситуации было два — затеять ссору с последующим выяснением отношений в Булонском лесу, что делали многие офицеры, или уступить»[3]. Русские военные бывали во французских театрах, гуляли вечерами в парижском саду Тиволи, напоминавшем, по словам очевидцев, волшебный чертог. Многих больше притягивали музеи Парижа, где были собраны тогда Наполеоном величайшие сокровища искусств из многих стран. Иных интересовали знаменитые парижские ученые. Известный Н.И. Кривцов, например, одним из первых занялся таким образом изучением в Париже опыта ланкастерских школ и составил на основании этого особую записку, представленную Императору. По возвращении в Москву Н.И. Кривцов, как известно, вошел в круг Карамзина, Дмитриева, Жуковского, Вяземского, молодого Пушкина. Даже нижние чины не избегли очарования

[1] Из рассказов старого лейб-гусара // Русский архив. 1887. Кн. 3. С. 194—195.

[2] Офицеры, которые хотели остаться в казармах, получали на питание 5 франков, а штаб-офицеры по 10 франков. В Пале-Рояле можно было заказать обед на выбор из шести блюд на 1 франк и 50 сантимов.

[3] 1812—1814... С. 433

тогдашнего Парижа. Они, конечно, не пользовались такой свободой, как офицеры, но все же солдаты, особенно молодые кирасиры, стройные и высокие, пользовались большим успехом у парижанок. Накануне выступления войск из города в середине мая во время переклички не оказалось на месте по нескольку нижних чинов в каждом батальоне и эскадроне. После заключения в мае мирного договора между союзными державами Франции генерал барон Остен-Сакен, естественно, сложил с себя должность генерал-губернатора Парижа. Городское правление в знак признательности за его труды преподнесло ему карабин, пару пистолетов и золотую шпагу, осыпанную бриллиантами и с надписями «Мир 1814 года» и «Город Париж — генералу Сакену». В специальном определении, в котором обосновывалось это подношение, было сказано, что генерал Остен-Сакен «водворил в Париже тишину и безопасность, избавив его от лишних расходов, покровительствовал присутственным и судебным местам, и что жители, благодаря бдительности его, могли предаваться обыкновенным своим занятиям и почитали себя не в военном положении, но пользовались всеми выгодами и ручательствами мирного времени»[1].

В июне русская армия сдала караул в Париже французской национальной гвардии, а сама выступила в обратный путь. «Прощайте, поля Елисейские, прощай ты, Марсово поле! Мы расположили на вас биваки свои, застроили вас хижинами, шалашами, будками и жили в них как в палатках. Прощайте, господа повара, кондитеры, портные, сапожники, слесаря и седельники! Вы долго не забудете неимоверной щедрости русской», — так эмоционально прощался с Парижем Ф.Н. Глинка[2].

* * *

Спустя примерно месяц после торжественного марша союзных войск по Парижу граф Ф.В. Ростопчин пишет своему старому другу графу С.Р. Воронцову: «Какое вам счастье, мой

[1] Батыш-Каменский. Указ. соч. С. 110.
[2] Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1987, С. 263.

почтенный граф, иметь такого сына, как ваш. Он шел по Вашим стопам, но ему выпала счастливая доля, которой вы не имели, — сражаться и пролить кровь для блага своего Отечества. Он Русский, он ваш Сын, следовательно, он должен иметь геройскую храбрость; что за прекрасная у него душа! Скромность равна в нем доблести. Лестно знать его своим соотечественником, почетно служить с ним вместе и быть ему признательным»[1].

Находясь в Париже, М.С. Воронцов, не отказываясь от светской жизни, брал уроки по стенографии у Бретона и занимался изучением ланкастерской системы взаимного обучения. После заключения 18 (30) мая 1814 г. союзными державами мирного договора с Францией М.С. Воронцов был назначен командующим 12-й дивизией и состоял в авангардном корпусе генерал-лейтенанта А.П. Ермолова. В своих «Записках» А.П. Ермолов, под началом которого оказался М.С. Воронцов, писал: «По окончании войны с французами 1814 г. Государь перед отъездом своим из Парижа в Англию приказал мне отправиться в Краков к назначенной мне новой команде»[2].

М.С. Воронцов не сразу отправился в Польшу, к месту своего назначения. Он совершает путешествие по Европе, по окончании которого сообщает 8 (20) декабря 1814 г. из Роттердама И.К. Орурку[3], что едет прямо в Варшаву. Кроме того, из этого письма мы узнаем, что М.С. Воронцов весьма обеспокоен тем, что все его представления к наградам отличившихся в деле при Краоне и Лане были безрезультатны, тогда как «все приятели Волконского и Чернышева, из коих некоторые и ядра там не слыхали, получили чины и награждения»[4]. Далее М.С. Воронцов добавляет, что не ожидал ничего другого от Винценгероде и Волконского, но он скорее решит оставить службу, чем видеть перед собой офицеров, которые не получили заслуженных наград, тогда как он сам и другие обязаны им своим спасением в этих битвах.

---

[1] Ростопчинские письма // Русский архив. 1887. Кн. I. С. 183.

[2] Ермолов А.П. Записки. 1798—1826. М., 1991. С. 267.

[3] Граф И.К. Орурк (1763—1849) — генерал-лейтенант, в то время командир 2-й уланской дивизии.

[4] Архив князя Воронцова. 1887. Кн. 37. С. 353.

М.С. Воронцов унаследовал от своего отца правила, что между начальником и подчиненными должны существовать отношения доверия и взаимного уважения. Поэтому уже в это время начинает складываться система отношений между М.С. Воронцовым и его подчиненными. Если по каким-либо причинам их взаимоотношения не налаживались, М.С. Воронцов старался удалить такого человека из-под своего начала. «Что может быть лучше и счастливее для армии, как избавиться от дряни в генеральских чинах»[1].

Военно-административной деятельностью М.С. Воронцову особенно серьезно придется заниматься в период командования им оккупационным корпусом во Франции, но пребывание в Польше станет хорошей подготовкой к этой службе, цель которой М.С. Воронцов видит в следующем: «Кому нужнее, чтобы 12-я дивизия была хорошая и поддержала славу оружия нашего? Ведь не мне столько, не графу Воронцову, который может быть переведен и в другую дивизию и куда угодно, и может дома жить спокойно и благополучно. Армии это нужно, Александру Павловичу и Отечеству нашему, России»[2].

М.С. Воронцов старается предпринять все возможные меры, чтобы полки его дивизии не отставали от гвардейских в военной подготовке, чтобы и одеты были не хуже, чем гвардейцы. Так, в одном из писем к Ермолову в начале марта 1815 г. он докладывает, что остался доволен Смоленским полком, но амуницию в полк прислали прескверную. М.С. Воронцов понимал, что никакие его распоряжения не приведут к желаемым результатам, если в самой дивизии не будет достойных, на его взгляд, отношений между нижними чинами и офицерами. С этой целью он составляет документ «Некоторые правила для обхождения с нижними чинами 12-й пехотной дивизии», которые, по его мнению, должны улучшить исполнение воли Государя путем утверждения среди чинов дивизии благородного обхождения, необходимого для управления войсками. Вина не должна оставаться без наказания, однако незаслуженное наказание, унижающее дух солдата, обязано быть искоренено.

---

[1] Архив князя Воронцова. 1887. Кн. 37. С. 389.
[2] Там же. С. 389.

Было введено много ограничений на применение телесных наказаний: никто в роте, кроме ротного командира, не имел права наказывать нижних чинов ни одним ударом; солдату, который никогда палками не наказывался, приговор определялся в полку, а не в роте, «поелику наказание, унижающее такового солдата, в одну минуту истребляет все плоды, которые от хорошего поведения чрез долгое время он себе доставил»;[1] имеющие знаки отличия от телесных наказаний освобождаются навсегда; ротные командиры за небольшие проступки должны сажать под караул, лишать порций, при всей роте вывернуть наизнанку одежду и так носить; приклеивать бумагу с надписями: ленив, пьян, неряха — к головному убору или мундиру, но «иметь за правило, чтобы не слишком часто над одним человеком одно и то же делать, потому, что все наказания, действия которых основаны на стыде, теряют всю силу и пользу, когда от частого применения к ним привыкнут»[2].

Пьяных не наказывать, дать им протрезветь; больных в лазаретах палками не наказывать; «взять за святое и непременное правило, что на ученье никогда ни одного удара дать не должно»[3]. Ошибки при обучении, по мнению М.С. Воронцова, происходят более от непонятливости, нерасторопности или страха, эти причины от наказаний лишь возрастают, а исправляются лишь терпением и ласковым обращением с солдатом. М.С. Воронцов запрещает, по его словам, «гнусный обычай» добиваться правды из-под палок. «Столь мерзкий, подлый и как божеским, так и человеческим законам противный обычай есть не что иное, как пытка, одним варварам приличная, и я уверен, что полковые командиры все мне готовы отвечать, что такового примера у них в полках никогда не будет. Всякой же штаб- или обер-офицер, который бы в таковом поступке оказался виновным, непременно бы отдан был под военный суд»[4].

Однако существовали проступки, из-за которых ротный командир мог наложить и произвести наказание палками, но оно не должно превышать 40 ударов. К таким нарушениям отно-

[1] Русский архив. 1877. № 6. С. 168.
[2] Там же. С. 169.
[3] Там же. С. 170.
[4] Там же. С. 170.

сились: частое пьянство, потеря или порча амуниции, ссора или плохое обращение с хозяевами квартир, грубость к старшим, неисполнение приказов офицеров. За кражу или разбой ротный командир сам не наказывал, а отправлял виновных под караул с доказательством в полк, где собиралось следствие из трех офицеров и после исследования вины полковой командир определял приговор. Причем о всех наказаниях в роте капитан доносил в полк, где все записывалось в специальную полковую книгу.

Заключая эту записку, Михаил Семенович выражал надежду, что ротные и другие начальники не сочтут данное постановление проявлением недоверия к ним. «Всякой благородно мыслящий офицер всегда захочет скорее быть отцом и другом своих подчиненных, нежели их тираном»[1]. Указанные правила, писал М.С. Воронцов, есть следствие воли Всемилостивейшего Государя нашего, отца своих подданных и особливо военных»[2].

Интересен тот факт, что Воронцов предлагал офицерам, которые в силу привычки или старых убеждений не могли привыкнуть к новым правилам, честно ему об этом сказать, и он обязывался перевести их в другую дивизию, без какого-либо ущерба. Те же, кто начнет выполнять изложенные правила, скоро поймут, по мнению М.С. Воронцова, что «уже в этом есть унижение, когда кто командует людьми униженными, так ничего нет лестнее и приятнее, как предводительствовать людьми, движимыми чувствами благородными. Все таковые офицеры почтутся мною за настоящих помощников, товарищей, друзей, и я с жадностью буду искать случая преимущественно им доставлять во всех возможных случаях выгоды и награждения»[3].

Таким образом, телесные наказания не были отменены совершенно, но причины, по которым они могли применяться, — сведены к минимуму. В каждой строке этих правил видно уважение к личности человека, его достоинству, независимо от воинского звания и социального статуса. Причем в одном из своих писем М.С. Воронцов сообщал, что если он убедится, что «военная служба без пустого и без резонного

[1] Русский архив. 1877. № 6. С. 171.
[2] Там же. С. 171.
[3] Там же. С. 171.

бесчеловечения существовать не может, то в таком случае он такой системе не слуга и пойдет в отставку»[1]. Но отставки не последовало, и М.С. Воронцов со своей дивизией, в составе войска снова проследовал через Силезию, Богемию и Баварию во Францию. Русским солдатам, однако, не пришлось вновь сразиться с Наполеоном. «Полет орла длился всего 100 дней»[2]. Разгром при Ватерлоо завершил поход императора, 15 июля 1815 г. Наполеон был отправлен на Святую Елену.

В августе 1815 г. Император Александр Павлович назначил маневры на полях Шампани, недалеко от местечка Вертю (120 километров от Парижа), которые стали местом устройства и одновременно смотром блеска русской армии, в составе 150 145 человек (в том числе 87 генералов, 4413 штаб- и обер-офицеров, 146 045 нижних чинов)[3]. 26 августа, в годовщину Бородинского сражения, состоялся так называемый примерный смотр. Из Парижа прибыли Император Австрии, король Пруссии, князь Шварценберг, герцог Веллингтон, принц Леопольд Кобургский (впоследствии король Бельгии), множество сановников и военачальников. Из Парижа, Реймса, Шалона, Труа и других городов приехало немало прекрасных дам. В целом число зрителей простиралось от 8 до 10 тысяч. 29 августа 1815 г. с трех часов пополуночи войска поднялись из лагеря. В восьмом часу армия стояла в боевом порядке напротив высоты Монтэме. По первым сигналам войска приветствовали появление русского Императора и союзных монархов троекратным «Ура!». После следующих трех выстрелов почти полтораста тысяч человек пришли в движение и вскоре исчезли в облаках пыли, а когда она улеглась, то вместо прежнего порядка в несколько линий предстало каре. Александр Павлович, австрийский Император и король Пруссии в сопровождении свиты объехали все фасы каре, приветствуя войска, которые встретили их барабанным боем, музыкой и восклицаниями. Герцог Веллингтон с несколькими иностранными генералами следовал за государями, всматриваясь в русские части, объехав ко-

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 37. С. 426.

[2] Керсновский А.А. Указ. соч. С. 284.

[1] Богданович М.И. Смотр при Вертю в августе 1815 года (место и год не указаны в издании). С. 233—234.

торые монархи со свитой встали внутри каре. Войска, построясь к церемониальному маршу, прошли мимо Государя. Император Александр Павлович с обнаженной шпагой, командуя армией, обращался к венценосным союзникам, называя им по фамилиям корпусных, дивизионных и бригадных командиров, номера корпусов, дивизий, имена полков. По окончании церемониального марша войска построились в первоначальный боевой порядок: сделали «на караул», ударили «поход», в полках заиграла музыка и вместе с троекратным «Ура!» отдали честь Государю; по последнему сигналу раздался в артиллерии и пехоте беглый огонь и войска скрылись в густых облаках дыма и пламени. Весь маневр длился около двух с половиной часов. Блестящее состояние русской армии, вооружения, обмундирования, здоровый вид солдат, быстрота и правильность боевых построений вызвали немалое удивление собравшихся зрителей. Постепенно высокие гости стали разъезжаться. «Только знаменитый воин, лорд Веллингтон, облокотившись на перила ограды, оставался недвижимым несколько минут. Государь, заметив его задумчивость, тронул его за руки и вместе с ним отправился в Вертю»[1]. Очевидцы описываемых событий отмечали, что герцогу более всего понравилась русская артиллерия, а Император Александр Павлович был особенно доволен гусарами, уланами и конной артиллерией.

Нужно отметить, что в смотре принимали участие такие прославленные генералы русской армии, как: П.М. Капцевич, А.И. Цвиленев, З.Д. Олсуфьев (1-й), Е.И. Марков (1-й), Е.Е. Удом (2-й), А.В. Богдановский, И.В. Сабанеев, К.М. Полторацкий, А.П. Ермолов, Д.С. Дохтуров, Н.Н. Раевский, Ф.В. Остен-Сакен, И.Ф. Паскевич и др. М.С. Воронцов участвовал в смотре, командуя 12-й пехотной дивизией в составе 5-го корпуса[2].

На следующий день войска были собраны вновь для благодарственного молебна, который они совершили вместе с Им-

[1] Богданович М.И. Смотр при Вертю в августе 1815 года. С. 277—278.

[2] Л.Г. Бескровный в монографии «Русская армия и флот в XIX веке». М., 1973. С. 112 — ошибочно утверждает, что «для смотра был выделен русский экспедиционный корпус генерала М.С. Воронцова», в целом пехота, участвовавшая в смотре, состояла из 3-го, 4-го, 5-го, 7-го и гренадерского корпусов. Дивизия М.С. Воронцова входила в состав 5-го корпуса.

ператором Александром Павловичем. После этого армия двинулась обратно в свое Отечество, проходя мимо красивых городов Германии, богатых деревень, гор, покрытых виноградниками, встречая радушный прием местных жителей, строивших зачастую триумфальные ворота с надписью «Избавителям Европы».

Еще в начале марта 1814 г. М.С. Воронцов сообщал в письме к Н.Н. Раевскому, что надеется быть в мае в России, провести два-три месяца в Санкт-Петербурге, потом через Москву отправиться в Житомир, где квартировалась его дивизия. М.С. Воронцов пишет, что он и Ермолов хотели бы служить под началом Н.Н. Раевского и быть достойными его дружбы. Но побег Наполеона с Эльбы изменил планы не только М.С. Воронцова, но и монархов Европы. Не всем солдатам и офицерам после смотра в Вертю суждено было отправиться на Родину. Для поддержания престола Бурбонов во Франции был оставлен отдельный корпус. Для М.С. Воронцова начинался новый этап в его военной биографии.

Глава 3

М.С. ВОРОНЦОВ — КОМАНДУЮЩИЙ РУССКИМ ОККУПАЦИОННЫМ КОРПУСОМ ВО ФРАНЦИИ (1815—1819)

ОРГАНИЗАЦИЯ, УПРАВЛЕНИЕ, СНАБЖЕНИЕ КОРПУСА

26 сентября 1815 г. властители Австрии, Пруссии и России подписали декларацию, положившую начало деятельности «Священного союза».

Затем был подписан так называемый Парижский мир — 20 ноября 1815 г. Мир не был столь уж тяжелым для Франции, поскольку она хотя и обязывалась выплатить контрибуцию в 700 миллионов франков, но теряла весьма незначительные территории. Но некоторые статьи договора задевали национальное достоинство французов, в особенности о временной оккупации. В специальной инструкции[1] «О целях и задачах Русского оккупационного корпуса во Франции, составленной Императором Александром I, в частности, говорилось, что ситуация 1815 г. заставила союзников разместить на территории Франции часть своих войск числом 150 000 человек, которые должны расположиться в крепостях и содержаться за счет Франции. Герцог Веллингтон назначался главнокомандующим, оккупацию предполагалось продлить на пять лет. Император подчеркивал, что это решение было принято для гарантии безопасности в Европе и спокойствия внутри самой

[1] РГАДА, ф 1261, оп 1, ед. хр. 2095 (сентябрь 1815), л 1—3 *(Здесь и далее пер. с фр. автора.)*

Франции. Интересы Европы требовали этой меры, и Россия оставила во Франции две пехотные дивизии, одну кавалерийскую дивизию и два полка казаков.

В указанном документе содержатся важные свидетельства о причинах, побудивших Александра Павловича остановить свой выбор на М.С. Воронцове в качестве командующего оккупационным корпусом: М.С. Воронцов всей своей предыдущей службой доказал право на доверие Императора; большое значение имело уважение, которым пользовался Воронцов среди военных, а также та строгая дисциплина, которая царила в войсках, возглавляемых им. «Все эти причины, — писал Александр I, — привели меня к решению доверить Вам командование, что будет новой возможностью для Вас оправдать мое уважение и хорошее мнение о Вас»[1]. Еще одной причиной назначения Воронцова, о чем упоминал Император, было то, что командующий должен был иметь хорошие отношения и общие взгляды с главнокомандующим герцогом Веллингтоном, которого император уважал как военного и политического деятеля.

Александр I вручал герцогу абсолютные права в командовании соединенными русскими силами, и Воронцов обязан был точно исполнять его приказы, имея право не подчиняться Веллингтону лишь в том случае, если увидит в его распоряжениях угрозу целостности корпуса; русские части должны были быть сосредоточены в одном корпусе и не дислоцированы в разных местах. Если бы главнокомандующий принял решение разделить корпус, М.С. Воронцов должен был объяснить герцогу Веллингтону, что это противоречит воле Императора. Во всех же других случаях полномочия Веллингтона были безграничны, вплоть до права начать боевые действия, если безопасность короля и спокойствие Франции окажутся под угрозой. В такой экстремальной ситуации М.С. Воронцов должен был самым активным образом помогать главнокомандующему.

Император особо подчеркивал необходимость сохранения среди местных жителей доброго мнения о русском солдате, которое приобрели наши войска во время войны. Александр Павлович советует М.С. Воронцову предпринять необходимые

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2095, л. 1—3.

меры для укрепления дружеских отношений с местными жителями, чтобы военная оккупация оказалась для них менее болезненной.

В конце инструкции «О целях и задачах Русского оккупационного корпуса во Франции» Император сообщал, что даст уточняющие конкретные распоряжения, когда «общая ситуация более прояснится», при этом он должен быть всегда в курсе происходящего в корпусе, а Воронцов обязан регулярно переписываться с министром в Париже, который передаст ему инструкцию обо всем, что касается ситуации»[1].

Таким образом, приобретенное за время предыдущей службы доверие, уважение среди сослуживцев, умение поддерживать на высоком уровне военную дисциплину дали право М.С. Воронцову в 33 года занять пост командующего Русским оккупационным корпусом во Франции, имея в подчинении военачальников, участвовавших еще в походах Суворова и Румянцева-Задунайского.

Одной из причин назначения командующим М.С. Воронцова Император называл и его хорошие отношения с герцогом Веллингтоном.

В отечественных и зарубежных исследованиях, посвященных Веллингтону, нам не удалось обнаружить сведений об отношениях герцога с М.С. Воронцовым, нет материалов в собрании музея Веллингтона при Ватерлоо в Бельгии. В то же время отдельные, хотя и немногочисленные, исторические документы содержат факты о дружеских отношениях между герцогом Веллингтоном и М.С. Воронцовым. Речь идет о сведениях, которые находятся в неопубликованных материалах фонда Воронцовых в РГАДА в Москве.

Поскольку личность «железного герцога» оказала заметное влияние на М.С. Воронцова, следует остановиться на взглядах главнокомандующего на воинскую службу. Строго следя за выполнением собственных приказов, Веллингтон обязывал командиров делать то же по отношению к солдатам. Он лично демонстрировал подчиненным работоспособность, превосходство трезвого расчета над эмоциями, способность полностью подчи-

[1] РГАДА, ф.1261, оп. 1, ед. хр. 2095, л. 1—3.

нить себя делу. Каждый военнослужащий в его армии знал, что наказание за проступок неотвратимо и что командующий одинаково строг и к солдатам, и к офицерам. Английский главнокомандующий считал, что хорошо обутый, одетый и накормленный солдат и более дисциплинирован, и лучше воюет. Для укрепления боеспособности своей армии Веллингтон проделал колоссальную работу. Крайне скупой на похвалу, герцог редко одобрительно отзывался о подчиненных. Практически никто из сподвижников Веллингтона на Пиренеях не принадлежал к числу его друзей. «Он всегда соблюдал дистанцию, которая исключала не только фамильярность, но и просто человеческую привязанность», — утверждал М.М. Куриев[1].

Особую значимость приобретает мнение главнокомандующего о М.С. Воронцове: как писал Н.И. Лорер в своих «Записках», «Веллингтон о нем справедливо отнесся, назвав звездою России»[2].

Забегая несколько вперед, хотелось бы особо отметить, что в 1819 г. герцог Веллингтон будет посаженым отцом на свадьбе М.С. Воронцова и Е.К. Браницкой. Согласно русским обычаям, посаженые отец и мать заменяли жениху и невесте на свадьбе родителей, а посаженый отец должен был святым образом благословить молодых. Это лучше всего говорит, сколь доверенными были отношения между герцогом Веллингтоном и М.С. Воронцовым.

Веллингтону подчинялось четыре союзных корпуса и бригада датчан. Гоф-квартира Веллингтона находилась в Камбре.

3 сентября 1815 г. М.С. Воронцов получает приказ от Барклая-де-Толли, в котором определяются вопросы организации и порядка сношений отдельного корпуса во Франции; в нем, в частности, говорится: «Получено 3-го сентября 1815 года. Господину генерал-лейтенанту и кавалеру графу Воронцову. При переходе армии за Рейн вверенный Вашему Сиятельству корпус, во Франции оставляемый, будет считаться отдельным корпусом на тех правах, кои значатся в Учреждении для управления действующей армией, о чем вы получите в свое время

---

[1] Куриев М.М. Герцог Веллингтон. М., 1995. С. 73.
[2] Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 285—286.

особое повеление и вместе с тем дальнейшие постановления»[1]. Далее в этом приказе Воронцову отдается распоряжение выбрать чиновников для штаба отдельного корпуса и предоставить их кандидатуры для утверждения фельдмаршалу.

Вскоре М.С. Воронцов получает еще один приказ от Барклая-де-Толли со следующими указаниями: «Когда русская армия покинет регион Франции», ею занимаемый, Воронцов должен расположить в этом районе корпус, находящийся под его командованием, если этому не помешают какие-либо непредвиденные обстоятельства. Ввиду удаленности корпуса от армии и особого его назначения, согласно Учреждению для управления большой действующей армией, М.С. Воронцов выходил из-под начала Барклая-де-Толли и получал право «обо всем доносить прямо Государю Императору, и во всех случаях испрашивать высочайшее разрешение»[2]. И наконец, М.С. Воронцову предписывалось для получения дальнейших инструкций явиться в Париж к Императору Александру Павловичу.

Барклай-де-Толли отдает приказ генерал-интенданту Канкрину снабдить весь корпус двух- и трехгодовыми мундирными вещами начиная с 1816 г. и выдать жалованье по 1 сентября 1815 г., а также обеспечить корпус полным комплектом ружей, согласно специальному положению. На этом, согласно вышеприведенному приказу, подчинение М.С. Воронцова генерал-фельдмаршалу Барклаю-де-Толли заканчивалось.

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что хотя официально Парижский мир был подписан 20 ноября 1815 г., но, согласно инструкции императора, датированной сентябрем 1815 г. (точная дата не указана) и приказам Барклая-де-Толли (первый от 3 сентября 1815 г.), решение об оккупационных частях, назначении главнокомандующим герцога Веллингтона и командующим русским корпусом М.С. Воронцова было принято задолго до подписания документа в Париже. Несомненно, создание корпуса требовало серьезной подготовительной работы, касающейся вопросов управления, организации и снабжения войск. И главнокомандующий и коман-

[1] РГАДА, ф.1261, оп. 1, ед. хр. 2093, л. 1—2.
[2] Там же.

дующий, получившие столь важные назначения, должны были иметь достаточно времени, чтобы выявить основные проблемы и составить программу их решения.

Боеспособность вооруженных сил во все времена определялась такими факторами, как управление, организация, снабжение, вооружение, офицерские кадры, рядовой состав.

Рассмотрим эти составляющие применительно к Русскому оккупационному корпусу, более трех лет пробывшему во Франции под командованием графа М.С. Воронцова.

Исходя из сведений, содержащихся в специальных ведомостях, направляемых из корпуса дважды в месяц на имя главнокомандующего, общая численность корпуса на 25 декабря 1815 г. составляла 36 334 человека и 34 орудия. Эта цифра включала в себя, как сказано в ведомости, и временно занятых, не военнообязанных, находящихся при госпиталях и полках. Всего же основной состав военнослужащих по корпусу составлял на 15 декабря 1815 г. 28 887 человек[1] . Н.И. Шильдер в своем исследовании определяет состав корпуса в 27 000 человек.

Русский корпус состоял из двух пехотных дивизий и одной кавалерийской, пионерной роты, запасных парков № 2 и № 4, подвижного магазина. Корпусная квартира находилась в городе Мобеже.

Начальник 9-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Евстафий Евстафьевич Удом 2-й (1760—1831) был участником русско-турецкой войны 1787—1791 гг. и боевых действий на Дунае в 1811 г., он командовал в 1812 г. 9-й пехотной дивизией в армии Тормасова. В состав 9-й пехотной дивизии входили полки: Нотебурский, Апшеронский, Ряжский, Якутский, 10-й и 38-й егерские и артиллерийские роты — батарейная № 17 и две легкие № 17 и 18. Дивизионная квартира располагалась в крепости Авеле. Пехотная дивизия насчитывала на 15 декабря 1815 г. 11 696 человек воинского состава, из них:

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2105, л. 10. Черновик полумесячных рапортов М.С. Воронцова (на фр. языке).

генералов — 4, штаб-офицеров — 21, обер-офицеров — 240, унтер-офицеров — 778, музыкантов — 296, солдат — 10365[1].

Начальником 12-й пехотной дивизии был Григорий Иванович Лисаневич (1756—1832) — генерал-лейтенант, участник штурмов Очакова и Праги, сражений под Аустерлицем, Прейсиш-Эйлау и Фридландом, боевых действий на Дунае в 1809—1811 гг. В Отечественную войну командовал Чугуевским уланским полком в армии Чичагова. В генерал-лейтенанты произведен в 1814 г. за сражение при Бар-сюр-Об. 12-я пехотная дивизия включала полки: Смоленский, Нарвский, Алексопольский, Новоингерманландский, 41-й и 6-й егерские и артиллерийские роты — батарейную № 23 и две легкие — № 23 и 24. Дивизионная квартира находилась в крепости Мобеж. Состав 12-й пехотной дивизии включал на 15 декабря 11 507 человек, из них: генералов — 4, штаб-офицеров — 26, обер-офицеров — 215, унтер-офицеров — 777, музыкантов — 293, солдат — 10 192[2].

3-й драгунской дивизией был назначен командовать генерал-лейтенант Илья Иванович Алексеев (1773—1830) — участник штурма Измаила, русско-шведских войн 1788—1790 гг., 1808—1809 гг. и кампании 1807 г. В Отечественную войну 1812 г. командовал кавалерийской бригадой в корпусе Витгенштейна, четырежды ранен. 3-я драгунская дивизия включала полки: Смоленский, Тверской, Кинбурнский, Курляндский, два казачьих полка и конно-артиллерийскую роту № 7. Дивизия состояла на 15 декабря 1815 г. из 4324 человек, из них: 4 генерала, штаб-офицеров — 12, обер-офицеров — 136, унтер-офицеров — 394, музыкантов — 75, солдат — 3703. Два полка донских казаков насчитывали 942 человека, из них 31 офицер, 26 унтер-офицеров и 885 солдат[3]. Еще раз обратим внимание на тот факт, что в подчинении М.С. Воронцова находились очень опытные и заслуженные военачальники, что говорит о том, что высшее командование доверяло М.С. Воронцову не только как военачальнику, но было уверено, что он пользует-

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2105, л. 1—2. Черновик полумесячных рапортов М.С. Воронцова (на фр. языке).
[2] Там же.
[3] Там же.

ся достаточно большим уважением своих подчиненных любого ранга. Это было особенно важно, учитывая обстоятельства пребывания корпуса во Франции.

Обычно армии воспринимаются нами в связи со сражениями и маневрами. Это яркая, но непродолжительная страница солдатской жизни. Традиции, быт, отношения с местным населением, словом, повседневность почти всегда остаются вне изучения. В 1810 г. один из визитеров, посетивших Пиренеи, попросил Веллингтона проводить его в расположение частей. Вернувшись в штаб, он недоуменно сказал Веллингтону: «Я ничего не увидел, ничего, кроме каких-то хаотично разбросанных групп людей. Кто-то стирал, кто-то готовил пищу, а большинство — просто спали». — «Что ж,— ответил полководец, — значит, Вы и видели армию»[1].

Забота о солдате — одна из лучших традиций русской армии. Депеши М.С. Воронцова свидетельствуют, какую огромную работу выполнил командующий для снабжения корпуса всем необходимым.

В первую очередь М.С. Воронцову приходилось решать сложные административно-хозяйственные вопросы, связанные с проблемами денежного довольствия корпуса. Первоначально генерал-интендант Канкрин намеревался назначить на содержание корпуса в год 8 300 000 франков. Но в связи с уменьшением сумм, предназначенных для войск всех союзных держав, на содержание Русского корпуса с 1 декабря 1815 г. по 1 апреля 1817 г. предполагалось отпускать ежегодно по 7 142 857 франков, а всего за 16 месяцев — 9 523 809 франков. После ухода пятой части войска корпусу полагалось с 1 апреля 1817 г. по 1 декабря 1818 г. ежегодно — по 5 714 286 франков, а за 20 месяцев — 9 523 810 франков. Согласно этому расчету, всего следовало получить 19 047 619 франков[2].

Однако, как указывает М.С. Воронцов в своей докладной записке на имя Императора, французское правительство отпускало на содержание Русского оккупационного корпуса «ежегодно 4 миллионами менее получаемого войсками других держав,

---

[1] Куриев М.М. Указ. соч. С. 57

[2] РГАДА, ф.1261, оп. 1, ед. хр. 2164, л. 16.

оставленными во Франции на том же основании...».[1] Вполне закономерно, что подобная ситуация вызывала большое беспокойство М.С. Воронцова, о чем он говорит в «Записке»[2].

Одним из вариантов решения проблемы становится «выписывание некоторых вещей из России и подрядов». В результате корпус не только обошелся выделенной суммой, но и передал в казну «более двух миллионов экономии»[3]. При этом, согласно докладу М.С. Воронцова, для обмундирования использовались лучшие французские и английские сукна, войска корпуса были обеспечены жалованьем и другими денежными выдачами по 1 января 1819 г.[4].

Не следует полагать, что М.С. Воронцов старался избегать помощи Петербурга в решении финансовых проблем, целиком полагаясь на собственные средства. Так, в 1815 г., опасаясь, что в результате введенного тарифа на офицерские порции оберофицеры будут нуждаться, М.С. Воронцов обращается с письмом по этому вопросу к Императору (15 октября 1815 г.). В ответном письме Александра Павловича из Берлина от 26 октября 1815 г.[5] на имя М.С. Воронцова Император сообщает, что находит замечания его правильными, он согласен, что выделение 500 000 франков необходимо для нормального обеспечения продовольствием офицерского состава, так как офицер должен иметь возможность покупать все необходимое.

Впоследствии М.С. Воронцов сумел сэкономить практически полностью 1 500 000 франков (500 000 в год) путем заключения удачной сделки с французским правительством, которое назначило за офицерский порцион достаточное денежное содержание, в итоге корпус обошелся без новых поступлений из казны, более того, из сэкономленных средств все офицеры имели дополнительный порцион на шесть недель свыше установленного срока по контракту, а все чиновники, оставшиеся с больными корпуса, получили порционы на весь период их нахождения во Франции.

---

[1] РГАДА, ф.1261, оп. 1, ед. хр. 2164, л. 5—6.
[2] Там же. Л. 6.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.

В целом распределение порционов выглядело следующим образом:

Генералов	Полковников	Подполковников	Майоров	Капитанов и штабс-капитанов	Субалтерн-офицеров
9-я пехотная дивизия					
4	4	9	10	48	228
3-я драгунская дивизия					
4	4	5	6	36	153
12-я пехотная дивизия					
4	4	11	18	47	205
При корпусной квартире с учетом пионерной роты, запасных парков, подвижного магазина					
15	22	33	46	163	656

Всего ежедневно 1600 офицерских порционов[1]

Исходя из распоряжения Императора отпускать корпусу на офицерские порции 500 000 франков в год, было сэкономлено для казны 1 500 000 франков.

Бытовые стороны жизни корпуса требовали значительного внимания, ввиду чего М.С. Воронцову приходилось вникать во все хозяйственные проблемы и оперативно находить выход из положения.

С самого начала пребывания во Франции М.С. Воронцов много занимался размещением военнослужащих корпуса, полагая, что от решения этой задачи зависит как сохранение собственных военных привычек и традиций, так и нормальные отношения с местными жителями. Для этой цели М.С. Воронцов приказал предоставить в деревнях отдельные дома для казарм, таким образом были устроены две трети состава корпуса. Существовал и второй способ размещения — «частные лагеря, на которые выпрашивал палатки у французского правительства и герцога Веллингтона»[2].

Первый вариант имел серьезный недостаток, на который указывал М.С. Воронцов, а именно: «умножение больных», но,

[1] Ведомость о числе офицерских порционов, следующих ежедневно в офицерский корпус (РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2090, л. 8.).

[2] РГАДА, ф.1261, оп. 1, ед. хр. 2164, л. 2.

как пишет командующий, «я почитал зло сие меньшим в сравнении пользы, от них получаемой»[1]. При этом его приказы, отданные по корпусу, свидетельствуют о том, какое большое значение М.С. Воронцов придавал этой проблеме. Так, в приказе от 26 октября 1816 г. он свидетельствует, что, узнав об увеличении больных в одном из госпиталей, особенно из Смоленского полка, и посетив казармы, он нашел, что начальники не уделяют должного внимания поддержанию чистоты в казармах. «Между тем первыми и неотложными правилами должно утвердить содержание в покоях свежего воздуха, частое мытье водою с песком полов, столов, кроватей и прочих деревянных вещей и строгий надсмотр, чтобы постели были всякое утро убраны и чтобы на оных до вечера опять не ложились»[2].

М.С. Воронцов распространяет правило среди своих подчиненных: «Чистота есть первая причина здорового и веселого духа»[3]. В одном из приказов М.С. Воронцов для помощи «полкам и командам в устроении бань, совершенно необходимых для чистоты и самого здоровья солдат», приказывал выдать каждой пехотной артиллерийской роте, драгунским эскадронам, всем полковым унтер-штабам и артиллерийским паркам по 100 франков, а каждой казачьей сотне по 50 франков[4]. В результате каждая часть корпуса имела собственную баню, полки размещались частью в городах в казармах, частью по деревням на квартирах обывателей, причем в каждой деревне было положено находиться не более чем одному взводу (36—40 человек). «Для сохранения здоровья в войсках и в целях содержания их во всегдашней готовности к походу полки заставляли делать каждую неделю по два и по три раза переходы, верст по двадцать и более в полном вооружении. И как громко, на удивление французам, песенники выводили русскую песню на полях Франции»[5].

---

[1] РГАДА, ф.1261, оп. 1, ед. хр. 2164, л. 2

[2] Приказы генерал-лейтенанта графа Воронцова по отдельному корпусу во Франции (ОИК Государственной исторической библиотеки). С. 286. Далее Приказы... М.С. Воронцова.

[1] Приказы... М.С. Воронцова. С. 286.

[2] Там же. С. 83.

[3] Годунов В.И. История 3-го уланского Смоленского полка Либава, 1908. С. 163.

Но, как известно, хорошая песня на голодный желудок вряд ли сладится. Здоровье и настроение солдат и офицеров не в малой мере зависит от их питания. В 1815 г. обязательный набор продуктов, входящий в ежедневный порцион военнослужащих русской армии, находящихся во Франции, был следующий (данные приводятся из расчета на одного человека)[1].

Хлеб черный или пшеничный	2 фунта
или мука	1 $^{2}/_{3}$ фунта
или сухари	1 $^{1}/_{6}$ фунта
горох, бобы, чечевица	$^{1}/_{2}$ фунта
или картофель	1 фунт
или другие овощи	1 фунт
мясо	$^{1}/_{2}$ фунта
водка или пиво	1 порция

Для сравнения отметим, что в 1853 г. нижним чинам, находящимся в дунайских княжествах, ежедневно выдавали по три фунта хлеба (или по 1 $^{3}/_{4}$ фунта сухарей, или по два фунта золотников ржаной муки), по $^{1}/_{4}$ фунта крупы (овес, просо, ячка, полба или рис), по 5 $^{1}/_{3}$ золотника соли, по $^{1}/_{4}$ золотника перца, по $^{1}/_{2}$ чарки уксуса (уксус и соль отпускались с 1846 г. для профилактики заболеваний). Строевые, кроме того, получали мясные и винные порции три раза в неделю, нестроевые — два раза. Обер-офицерам ежедневно полагалось три фунта хлеба, одна четвертая фунта крупы и один фунт мяса; штаб-офицерам — вдвое больше. Недостаток ржаной муки заменяли пшеничной, недостаток хлеба — мясом (за фунт хлеба $^{1}/_{4}$ фунта мяса), недостаток круп — бобовыми культурами (за $^{1}/_{4}$ фунта круп — $^{1}/_{2}$ фунта) или овощами (за 1 фунт картофеля или репы)[2]. Ежедневный порцион «офицеров на биваке», как сказано в источнике, включал 2 фунта мяса и хлеба, $^{1}/_{4}$ фунта крупы и порцию ликера, пива или вина. Причем специально подчеркивалось, что для «офицеров капитанов и помощников командиров рот», находившихся на

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр 2091, л. 27. *(Пер. с фр.)*
[2] Ульянов И.Э. Регулярная пехота 1801—1855. М, 1996.

квартирах, порцион питания составлялся «согласно тарифу для солдат»[1]. При этом мясо входило в обязательный ежедневный набор продуктов для всех военнослужащих. После возвращения в Россию в 1819 г. солдаты оккупационного корпуса «ели у обывателей кашицу и очень редко по небольшой порции мясо»[2].

Чтобы упростить систему контроля расходования денежных средств, предназначенных на покупку продовольственных и других необходимых товаров, было составлено специальное «Положение», которое обязывало при получении продовольствия предъявлять другой стороне квитанции, которые были напечатаны на русском и французском языках.

Во Франции войска получали довольствие от французского правительства после заключения контрактов с подрядчиками. Так, в Смоленский полк доставлялся живой скот (весом не менее 560 фунтов в одной туше), который убивался на устроенной при полку бойне[3].

Согласно приказу Императора от 12 декабря 1816 г. было увеличено жалованье всем офицерским чинам и сверх этого назначались столовые деньги полковым и бригадным командирам, начальникам дивизии и выше. По табелю 1816 г. положено было жалованье чинам армии:

полковнику	1200	рублей;
капитану	720	рублей;
штабс-капитану	595	рублей;
поручику	525	рублей;
подпоручику	510	рублей;
прапорщику	450	рублей;
унтер-офицеру	14	рублей;
рядовому	9	рублей 50 копеек[4].

По мнению М.С. Воронцова, денежное обеспечение солдат было крайне недостаточно, поэтому, имея небольшое жалованье,

---

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2091, л. 27. *(Пер. с фр.)*
[2] Годунов В.И. Указ. соч. С. 168.
[3] Там же. С. 162.
[4] Российский М.А. Очерк истории 3-го пехотного Нарвского полка. М., 1904. С. 408.

они не могли покупать некоторые необходимые в быту предметы и продукты питания, к примеру мыло, соль, квас и прочее[1]. В приказе от 18 января 1816 г. говорится о жалобе мэра селения Шины[2], что 3-й мушкетерской роты Якутского пехотного полка нижние чины вместо полагавшейся от жителей винной порции брали у них деньги для починки старой амуниции, а потом вновь требовали водку и пиво. «А как помянуто соглашение нижних чинов со стороны ротного командира было вовсе непозволительно, ибо водка отпускается солдату в пищу и для здоровья его, а совсем не для мелкой экономии, на которую есть законные способы, и сверх того вообще при таковых злоупотреблениях нельзя полагать, куда сии деньги поступают»[3].

Учитывая создавшееся положение, М.С. Воронцов сообщает о вышеупомянутых проблемах герцогу де Ришелье и с помощью Веллингтона и находившегося тогда в Париже графа Каподистрия договаривается о выдаче оккупационному корпусу дополнительной ежемесячной суммы сверх положенной по контракту. Интересен и важен тот факт, что М.С. Воронцов расходовал часть этих средств на возмещение убытков местному населению, последовавших от учений и маневров корпуса, что не могло не сказаться положительно на взаимоотношениях сторон. По завершении срока пребывания корпуса во Франции остатки этой суммы должны были быть отправлены в Россию для устройства армейских школ, что является продолжением просветительской деятельности М.С. Воронцова, проводимой в корпусе[4].

Немаловажной задачей для М.С. Воронцова становится проблема организации в корпусе регулярных занятий по обучению основам грамоты солдат и младшего офицерского состава, причем в Докладной записке он указывает на возросшее число в войсках неграмотных унтер-офицеров и фельдфебелей. Командующий связывает этот факт с большими потерями во время предыдущих кампаний старых солдат, обучавшихся грамоте, и «грамотных из школьников солдат»[5].

---

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2164, л. 6—7.
[2] Приказы... М.С. Воронцова. С. 58.
[3] Там же.
[4] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2164, л. 7.
[5] Там же. Л. 10.

Изначально М.С. Воронцов создает в полках обыкновенные школы для солдат, учителями которых становились офицеры и полковые священники, изъявившие желание преподавать. Но, несмотря на увеличение числа школ и учащихся в них, обучение продвигалось, по словам М.С. Воронцова, крайне медленно, что заставило его обратиться к методу взаимного, ланкастерского обучения. «Стараниями находившегося при мне дипломатического чиновника Тургенева отыскан в Париже находящийся ныне в Одессе российский подданный Г. Ганри, который по приглашению моему взялся перенять методу ланкастерского учения и ввести оную в вверенном мне корпусе, что со стороны и было с успехом исполнено»[1].

Во время изучения Г. Ганри этого метода М.С. Воронцов вместе с Тургеневым, который внимательно наблюдал, по словам Михаила Семеновича, за его деятельностью, подготавливал условия для работы учебных заведений. В результате было образовано четыре училища, за которые отвечал адъютант командующего князь Голицын. Во время нахождения во Франции Император Александр I лично посетил одну из школ, находящуюся в Мобеже, и высказал одобрение по поводу ее деятельности.

Как уже отмечалось, М.С. Воронцов вырабатывал различные программы для успешного прохождения службы солдатами и офицерами вверенного ему корпуса, а также ставил перед собой задачу ввести и в России начинания, хорошо зарекомендовавшие себя во Франции.

Итоговая строка ведомости о результатах обучения грамоте в корпусе Воронцова показывает, что в целом обучение в ланкастерских школах прошел 1381 человек. При этом азбуке обучились 168, читать по складам 209, освоили начальное чтение 119, научились читать хорошо 176, писали по складам 218, освоили навыки письма 229, стали писать хорошо 109, обучились основам арифметики 266, освоили первоначальные правила 72; «к числу познаний первой части довольно достаточно — 51»[2]. Итак, грамоте обучалось примерно 4—5 солдат из 100. Если учитывать,

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2164, л. 10.
[2] Там же. Л. 15.

что, к примеру, в 1812 г. на 100 новобранцев в русской армии приходилось чуть больше 60 неграмотных (в германской — 2; в шведской — 3 неграмотных), а также что грамотные в этот список не входили, число обучавшихся не так мало[1]. Необходимо заметить, что средства на создание школ были заимствованы из остатков суммы, отпущенной в целом на содержание корпуса, при этом около 100 000 франков, по мысли М.С. Воронцова, могли быть использованы на создание подобных школ в России.

Командиры полков следили за успехами в обучении не только нижних чинов, но и подчиненных им офицеров. Так, в специальных списках «О поведении офицеров Смоленского полка за вторую половину 1817 года» содержатся аттестации тридцати восьми офицеров, в графе «каково ведет себя по службе» у 10 значится «очень хорош», у 25 «хорош» и у 2 «нет старания», у одного «старается без успеха»; в графе «каковы имеет способности ума» у одного значится «весьма хорошие», у 36 человек «хорошие», у одного «малые».

В списках подробно перечислены знания каждого офицера, согласно содержащимся там сведениям — 13 человек знали «иностранные языки», 15 человек «обучались разным наукам» и 21 человек «не обучались никаким наукам» (которым удалось лишь преодолеть «российскую грамоту» — «читать и писать умеет»[2]).

Необходимо отметить, что командир Смоленского полка полковник Г.И. Ностиц, кавалер ордена Святого Георгия 4-го класса, участник военных кампаний начиная с 1806 г., говорил и читал по-русски, по-немецки и по-французски. Таким образом, большинство командиров корпуса, начиная с командующего лично, демонстрировали своим подчиненным искреннее стремление к получению знаний в различных областях науки и искусства.

В Кинбургском полку был создан прекрасный хор, а для обучения трубачей пригласили французского преподавателя, после занятий с которым хор мог исполнять самые трудные классические произведения современных композиторов того времени.

---

[1] Давыдов М.А. Оппозиция Его Величества. М., 1994. С. 50.
[2] Годунов В.И. Указ. соч. С. 168.

После возвращения в Россию музыка полка считалась лучшей в корпусе, и в случае приезда высоких особ командование требовало трубачей Кинбургского полка[1].

Как известно, овладение танцевальной культурой было неотъемлемой частью образования русского офицера, но во Франции танцами увлеклись и нижние чины корпуса. При этом особой популярностью пользовалась французская кадриль.

Следует отдельно остановиться на одной из обязательных, по мысли М.С. Воронцова, мер, направленных на поддержание морального духа в корпусе: «Я думал тоже, что получение писем из России от родных могло действовать на расположение солдат к отечественным связям, и потому всеми мерами старался доставлять им способы отправлять и получать письма»[2]. Кстати, М.С. Воронцов подчеркивает, что особенно плохо доходили партикулярные письма к нижним армейским чинам, почти всегда пропадая в пути.

М.С. Воронцов организует строгий контроль за доставкой из почтамта корпуса всех писем путем объявления способов и времени отправки корреспонденции в Россию, по его словам, без труда и расходов. Созданию столь действенной почтовой связи немало содействовал тот факт, что в России М.С. Воронцову активно помогали люди, непосредственно занимающиеся развитием связи, о чем особо упоминает в Докладной записке М.С. Воронцов. В результате количество отправляемых в Россию писем постоянно росло, и за все время нахождения корпуса во Франции было отправлено в Россию 20 830 писем[3].

Вместе с письмами в корпус регулярно доставлялись из России газеты, бывшие буквально нарасхват. Поступавшая из России корреспонденция не только несла информацию, но словно незримая нить связывала солдат и офицеров с Родиной, в решении проблем которой они старались участвовать, находясь за сотни километров от России. Так, после прочтения воззвания к русскому обществу о сборе средств на выкуп наших пленных у кавказских горцев не только офицеры, но и солдаты корпуса

[1] Подушкин Н.А. Прошлое Кинбургских драгун. Ковель., 1898. С. 66—67.
[2] РГАДА, ф.1261, оп. 1, ед. хр. 2164, л. 2.
[3] Там же. Л. 6.

решили участвовать в данном движении, выделяя для этой цели «половину своего третного жалования»[1].

Глубоко продуманное решение социально-экономических, административно-хозяйственных, культурных проблем во многом способствовало созданию здоровой моральной атмосферы в воинских частях, солдаты и офицеры которых были оторваны от России и находились в чужой стране несколько лет. Но для граждан Франции присутствие союзных войск, оставленных на территории их государства, было прежде всего оккупацией, и данное обстоятельство налагало свой отпечаток на взаимоотношения военных с местным населением. Для М.С. Воронцова эта проблема имела особое значение не только в связи с указаниями, полученными от Императора при назначении его командующим, но и в силу его образования, воспитания и присущих ему нравственных принципов.

ОТНОШЕНИЯ С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ. ВОЕННАЯ ПОДГОТОВКА В КОРПУСЕ

К моменту назначения командующим корпусом М.С. Воронцов уже имел достаточный опыт общения с гражданским населением государств, на территориях которых проходили военные действия. Причем этот опыт носил в целом положительный характер. Достаточно напомнить о полученных М.С. Воронцовым в 1814 г. золотых медалях от жителей городов Ретеля и Вузье в знак благодарности за спасение их от разорения.

В одном из своих приказов (о таможенном досмотре на границах Франции) М.С. Воронцов особо подчеркивал, что смысл сношений Русского оккупационного корпуса с Францией заключается не только в том, чтобы никто не смел нарушать соответствующих французских законов, но и в том, чтобы каждый, в случае необходимости, оказывал помощь французским властям. «Я никак не полагаю, чтобы Российский Офицер мог забыть честь мундира своего и звания до того, чтобы делать самому контрабанду, но сего не довольно; всякой из нас заин-

[1] Годунов В.И. Указ. соч. С. 163—164.

тересован в том, чтобы никто из принадлежащих к нашему корпусу, как-то: подрядчики, маркитанты, жиды и прочие не могли бы под покровом имени русского делать таковые постыдные выигрыши»[1].

Далее М.С. Воронцов сообщает в приказе, что обратился к местным властям с просьбой специально проверять проезжающих из Российского корпуса, независимо от их звания и цели путешествия, будь то казенная или партикулярная надобность, причем это касалось и любого российского транспорта.

Запрещая своим подчиненным самовольно пользоваться подводами местных жителей, М.С. Воронцов еще раз напоминал, что корпус оставлен во Франции не на короткий срок и находится не на военном положении, поэтому следует строго соблюдать законность и порядок. М.С. Воронцов не оставляет без внимания ни одной жалобы местных жителей, о чем свидетельствуют приказы, отданные им в период нахождения корпуса во Франции.

Конвенция, заключенная с французским правительством, полагала, чтобы нарушители порядка с обеих сторон выдавались своим властям и судились по своим законам. Порядок ведения дел заключался в том, что несколько русских офицеров и один французский чиновник, собрав необходимые сведения, совершали над виновным военный суд, руководствуясь полевым уголовным уложением действующей армии. Вынесенный приговор подлежал утверждению М.С. Воронцовым и лишь затем приводился в исполнение. Так, 29 декабря 1815 г. М.С. Воронцов подтверждает приговор одному из канониров артиллерийской бригады батарейной роты, избившему до смерти жителя города Коммерси, хотя суд установил, что зачинщиком драки был француз. Суд приговорил прогнать канонира шпицрутеном три раза через пятьсот человек и затем отправить в Россию.

В другом случае русские погонщики, состоящие «при корпусе подвижного магазейна», совершили нападение в ночь с 20-го на 21 ноября 1815 г. на проезжую коляску, при этом был застрелен предводитель группы, упоминающийся в приказе как «вольный человек», то есть не состоящий, видимо, под началом М.С. Воронцова и не являющийся военным. По

[1] Приказы... М.С. Воронцова. С. 60.

приказу М.С. Воронцова военный суд при главной квартире корпуса приговорил прогнать виновных шпицрутенами через пятьсот человек каждого (приговор был исполнен в 12-й дивизии). Воронцов отдал распоряжение прочитать данный приказ при первой же перекличке в каждой роте и каждом эскадроне корпуса[1].

М.С. Воронцов старался лично вникать в каждую жалобу местных жителей на своих подчиненных. Так, в приказе по корпусу от 26 января 1816 г. содержатся сведения о том, что М.С. Воронцов получил жалобы от населения на 10-й егерский полк и на артиллерийскую роту № 17. «Причем оказались виновными того полка унтер-офицеры: Сухаченко — в причиненных одному жителю и жене его побоях, Мадич — в ударе вдовы Андре, которая от того упала и разбила себе голову, и Бирюля — в допущении товарища своего до сего поступка, артиллерийской № 17 роты готландер Федор Алексеев — в порублении хозяину тесаком в двух местах руки по неудовольствию на него за подание худо приготовленной пищи и фурлейт Игнатьев — за побои, нанесенные жене и дочери хозяина, не пускавшим его в сарай взять в подводу волов»[2]. Далее в приказе говорилось, что все вышеназванные лица признаны виновными и получили наказание, а именно: унтер-офицер Мадич разжалован в рядовые, а остальные подвергнуты телесным наказаниям.

М.С. Воронцов следил, чтобы любое нарушение общественного порядка со стороны солдат и офицеров корпуса не оставалось незамеченным. Приведем выдержку из приказа от 6 мая 1817 г.: «Предан военному суду корпусного дежурства писарь Александр Добровольский, обвиняемый в сделанных в ночное время на улице беспорядках и в непослушании офицеру, приказавшему ему от оных удержаться. Предан военному суду подвижного магазейна погонщик Семен Кисель, обвиняемый в потере в бесчувственном пьянстве двух казенных лошадей»[3].

Как было сказано, конвенция, заключенная с французским правительством, предполагала выдачу нарушителей законности с обеих сторон и совершение суда согласно закону страны, к ко-

[1] Приказы... М.С. Воронцова. С. 56.
[2] Там же. С. 73.
[3] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2164, л. 6.

торой принадлежали нарушители. Однако в начальный период пребывания корпуса во Франции русское командование сталкивалось с большой необъективностью и несправедливостью французских судебных органов, как отмечает М.С. Воронцов в докладной записке. В качестве примера он приводит решение Авенского трибунала об освобождении из-под стражи «одного таможенного»[1], убившего русского казака, при этом М.С. Воронцов возмущен лживым заявлением, что суд над убийцей совершен должным порядком. В связи с отсутствием герцога Веллингтона М.С. Воронцов оказался в ситуации, требующей незамедлительного решения. Он объявил высшим французским властям, что «после столь постыдного поступка одного из важных гражданских мест я должен был неминуемо вопреки конвенции почитать себя на военной ноге и что всякого виновного против нас француза буду судить нашими законами и подвергать по оным наказанию, хотя бы привелось и расстрелять»[2].

Это заявление сопровождалось требованием строго наказывать провинившихся французских чиновников. По корпусу М.С. Воронцов объявляет приказ, в котором говорится, что французов, замешанных в нарушениях против лиц Русского корпуса, не передавать властям, а отсылать в корпусную квартиру.

В ответ на эту меру М.С. Воронцов получает из Парижа послание с предложением продолжать следовать конвенции, из чего он делает вывод, что французское правительство уклоняется от поставленного им вопроса. Он настаивает на своем решении и в доказательство серьезности намерений приказывает привести к себе французскую команду, заподозренную в убийстве одного из российских артиллеристов. М.С. Воронцов лично рассматривает показания задержанных, находившихся под караулом 26 часов, и, не установив доказательств вины каждого из подозреваемых, приказывает всех отпустить, объявив, что если бы следствию удалось установить личность убийцы, то он точно был бы расстрелян на городской площади.

Данное происшествие вызвало столь сильный резонанс, что из Парижа последовал удовлетворительный ответ на требование

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2164, л. 8.
[2] Там же.

командующего. С этого времени, как подчеркивает М.С. Воронцов в Докладной записке, подобных разногласий с французской стороной не происходило, и судьи трибуналов демонстрировали не только беспристрастие, но усердие и ревность[1].

Одним из подтверждений того, что меры, принятые Воронцовым, возымели успех, является содержание приказа командующего от 5 марта 1816 г.[2]. В нем речь идет о двух жителях г. Нанси, которые за ранения, нанесенные двум солдатам, были осуждены уголовным трибуналом и приговорены — один к десятилетней ссылке на каторгу «с заклеймением», другой — к годичному тюремному заключению. Данный приказ с уведомлением французских властей было приказано зачитать в каждой роте и во всех эскадронах корпуса.

Проблемы взаимоотношений возникали не только между местным населением и представителями Русского оккупационного корпуса, но и среди самих русских военных. В приказе от 15 марта 1816 г.[3] М.С. Воронцов утверждает приговор суда расстрелять унтер-офицера Нарвского пехотного полка Михаила Челышева за преднамеренное убийство из пистолета в лесу рядового того же полка Григория Николаева, у которого убийца отобрал два червонца и 15 тысяч рублей ассигнациями. Приказ был прочитан в каждом эскадроне и во всех ротах корпуса в присутствии всех чинов.

Воспитанный с детских лет в духовных принципах православия, М.С. Воронцов прекрасно осознавал необходимость поддержания духа своих подчиненных, находящихся вдали от России, традициями православного вероисповедания. Так, первый приказ от 6 декабря 1815 г. гласит: «Быв отдален с вверенным мне корпусом от Отечества и находясь следующего другой с нами религии, я весьма желаю, чтобы сие не было препятствием к соблюдению обрядов нашего православного исповедания, и потому объявляю, что полки, при коих не состоит ныне церквей и кои желают иметь оные при себе, могут за ними командировать офицеров, присылая таковых в корпусную мою квартиру для снабжения их видами на проезд куда следует и

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2164, л. 8—9.
[2] Приказы... М.С. Воронцова. С. 107.
[3] Там же. С. 32.

на получение в пути продовольствия как для людей, так и казенных лошадей»[1].

В феврале 1816 г. М.С. Воронцов разрешает командирам, в связи с началом Великого поста, договариваться с поставщиками мясной продукции о получении от них в течение не более двух недель вместо мяса рыбы, так как, продав живой скот, можно было купить рыбу и овощи. Здесь же дается приказ дивизионным командирам, чтобы они, в свою очередь, сделали необходимые распоряжения, и «в течение Великого поста все чины Греческого исповедания по обряду Православной Российской церкви могли отговеть, а потому начать заранее, каким порядком и на какой неделе священникам нужно будет объехать полки и артиллерийские роты»[2].

Приказы, отданные по корпусу в 1817 г., свидетельствуют, что М.С. Воронцов последовательно и строго контролировал поведение состава корпуса, стремясь, чтобы ни один проступок не оставался безнаказанным.

Но, вынося приговор одним, корпусное начальство, как видно из донесений, не оставляло без поощрения отличившихся по службе. «Унтер-офицерам Нарвского пехотного полка, находящимся при Мобежском госпитале, предписано выдать каждому по 50 франков за усердную службу и отличное поведение»[3].

Понимая всю глубину ответственности за своих подчиненных, М.С. Воронцов старался удалить из корпуса лиц, не приносящих конкретной пользы на службе. «№ 28 майя 13. Предписано прислать в крепость Мобеж к 10 числу июня всех неспособных нижних чинов, для отправления в Россию с полками, идущими под командою генерал-майора Полторацкого»[4].

Необходимо отметить и проявления дружелюбных отношений между Русским оккупационным корпусом и местными жителями. Так, М.С. Воронцов с удовольствием, как сказано в приказе от 1 февраля 1816 г., принял благодарный отзыв от жителей селения Сар-Лотери о капитане Нарвского пехотного полка Атамонове, предпринявшем все меры для тушения пожара в этом

[1] Приказы... М.С. Воронцова. С. 32.
[2] Там же. С. 91.
[3] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2164, л. 8—9.
[4] Приказы... М.С. Воронцова. С. 107

селении: «Дав знать о сем по корпусу, я остаюсь в полном уверении, что всякой частной (так в источнике. — О.З.) командир вверенного мне корпуса не откажет себе в удовольствии помогать жителям в подобных и других требуемых помощи случаях»[1].

В приказе от 21 марта 1816 г. М.С. Воронцов рекомендует всем начальникам смотреть, чтобы люди не ходили и не ездили по вспаханным полям, тем более что есть тропинки и дорожки, через поля идущие, которых нужно держаться. М.С. Воронцов выражает признательность командирам Новоингерманландского и Алексопольского полков и командирам первых гренадерских рот этих полков за порядок в их частях, чему он был свидетелем, объезжая корпус на егерских учениях[2]. В одном из апрельских распоряжений Михаил Семенович строго запрещает воинским чинам его корпуса рыбную ловлю в реке Самбре и всякую охоту, особенно псовую: первое — потому, что река отдана на откуп одному французу, который понес бы убыток; второе — для охоты отводится определенное время года, к тому же необходимо оберегать хлеба на полях.

Приведенные выдержки из приказов М.С. Воронцова по корпусу являются проявлением тех принципов, на которых строил М.С. Воронцов свои отношения с подчиненными. Главной целью каждого являлось достойное выполнение обязанностей. Касаясь этого вопроса, М.С. Воронцов так определял свою позицию в Докладной записке Императору Александру I о пребывании Русского оккупационного корпуса во Франции в период 1815—1818 гг.[3]: «Я был всегда уверен, что, дабы укротить порки и вместе с тем поддержать дух и надежду добрых солдат, нужно строгое и неослабленное наказание за важные проступки, сопряженные с действительными мерами для укрощения бесчеловечных и без разбору на одном капризе основанных притязаний, особливо таковых, кои еще, к несчастью, у нас в армии употребляются для узнания виновных, весьма часто делается сие над невинными и честными солдатами. Пытка сия столь противна Божеским законам и Высочайшей воле Вашего Императорского Величества, нередко ввo-

[1] Приказы... М.С. Воронцова. С. 32.
[2] Там же.
[3] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2094, л. 4.

дит сих людей в отчаяние, а от оного к пьянству и в те самые пороки, коими они прежде невинно обвинялись. Одна из самых главных и самых нужных вещей есть, чтобы солдат знал, что за хорошее поведение в службе, честность, усердие и ревность в учении он должен надеяться на хорошее обращение с ним начальников, как противное поведение немедленно приведет его к строгому и справедливому наказанию»[1].

В подтверждение вышесказанному М.С. Воронцов перечисляет в Докладной записке свои требования, направленные для соблюдения обозначенных выше правил, заключавшихся в следующем:

1. Искоренение бесчеловечия, то есть жестокости по отношению начальников к подчиненным;

2. Строжайшее наказание за крупное преступление, но при этом солдаты должны ясно видеть различие, зависимость, меры наказания от степени тяжести (каждого) совершенного преступления;

3. Каждое телесное наказание, произошедшее в полку, должно было строго фиксироваться в специально предназначенной для этого книге[2].

«Меры сии, — пишет в Записке М.С. Воронцов, — возымели желаемый результат (успех): солдаты тех полков, где прежде так сему следовали, увидели, что за преступление, както за смертоубийство, разбои, кражи, неповиновение и грубость к начальству, никто не миновал строжайшего по законам наказания и что я почти не убавлял в таковых случаях приговоров судов, хотя бы они и до жизни касались. Они увидели, что за меньшие или неумышленные проступки нужная строгость по оных смягчалась и что ни в чем не виноватый — ничем никогда не наказывался»[3].

М.С. Воронцов подводит итоги нравственно-воспитательной работы в корпусе в результате принятых мер. Практически было искоренено воровство, при этом М.С. Воронцов обращает внимание Императора на тот факт, что во время расследования им строжайше было запрещено «в каком бы то случае ни было упо-

[1] РГАДА, ф 1261, оп. 1, ед. хр. 2094, л. 6.
[2] Там же. Л. 3—4.
[3] Там же. Ед. хр. 2164, л. 4.

треблять наказание и пристрастные допросы»[1]. М.С. Воронцов подчеркивает, что истязание невиновного рождает в каждом солдате мысль о возможности быть безвинно наказанным за чужой проступок, что приводит к тому, что «слабые умы, привыкая к возможности наказания, легко привыкают и к возможности преступления»[2].

Судя по неоднократному возвращению М.С. Воронцова к теме справедливого наказания и «недопущения жестокого обращения с подозреваемым», этот вопрос волновал его действительно серьезно, при этом он не желает ограничиваться в этом вопросе только рамками корпуса, которым он командовал. В той же Докладной записке Императору он пытается обратить внимание Александра I на решение данной проблемы в целом по Империи: «Смею быть уверенным, что полиция в России будет отличаться поведением, дисциплиной и субординациею»[3].

Испытывая справедливое, но при этом строгое и требовательное отношение к себе, солдаты Русского оккупационного корпуса невольно сравнивали свое положение с ситуацией в войсках союзников. Они видели, что телесные наказания применяются в Русском корпусе значительно реже, чем в английском. В британской армии были издавна широко распространены суровые меры укрепления дисциплины — розги, плеть, а в иных случаях — расстрел. Наказание в 1000 ударов считалось обычным явлением. Именно Веллингтон опустил «потолок» наказания розгами до 300 ударов, но до конца своих дней оставался принципиальным противником отмены телесных наказаний.

За трехлетний период пребывания во Франции Русского оккупационного корпуса было расстреляно 7 человек. При этом пять человек подверглись этому страшному наказанию в 9-й пехотной дивизии. Ни один человек не был расстрелян в 3-й драгунской дивизии, а также в пионерной роте, во 2-м и 4-м артиллерийском парке, в артиллерийском депо, в подвижном магазине.

Число дезертиров с 1 сентября 1815 г. по 1 сентября 1818 г. составило: в 3-й драгунской дивизии — 68 человек, число бежав-

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2094, л. 4.
[2] Там же.
[3] Там же. Л. 13.

ших из 9-й пехотной дивизии за три года составило 121 человек, из 12-й пехотной дивизии — 78 человек. Ни один человек не бежал из бывшего генерал-майора Ягодина казачьего полка; ни одного дезертира не было в легкой артиллерийской роте № 17; артиллерийской батарейной роте № 23. Среди полков дивизии наименьшие потери были в Смоленском — 35 человек[1].

Полные потери Русского оккупационного корпуса во время трехлетнего пребывания во Франции (с 1 сентября 1815 г. по 1 октября 1818 г.) составили: умершими в госпиталях — 595 человек; умершими при полках — 96 человек; «убито разными случаями» — 16 человек; утонуло — 21 человек; расстреляно — 7 человек; бежало — 280 человек. В итоге потери корпуса насчитывали 1015 человек, но, учитывая пойманных после побега и возвращенных на службу 155 человек, убыль в корпусе в течение трех лет составила 860 человек»[2]. Отдельная ведомость свидетельствует о потерях в корпусе с 1 сентября по 20 декабря 1818 г. Они составили 69 человек, из них ни один человек не был расстрелян, бежало 39 человек, из которых 12 поймано и возвращено на службу; следовательно, потери снизились до 57 человек.

Таким образом, общие потери Русского оккупационного корпуса (с учетом возвращенных бежавших) с 1 сентября 1815 г. по 20 декабря 1818 г. достигли 917 человек, что означает примерно 3 % от общего состава военнослужащих. Количество дезертиров в Русском корпусе при выводе наших войск из Франции оказалось значительно меньше предполагавшегося командованием. И это при том, что в корпусе были оставлены, согласно приговору суда, 130 дезертиров основной армии.

Таким образом, М.С. Воронцову удалось наладить в корпусе дисциплину, от которой во многом зависела военная подготовка.

* * *

Одной из сложнейших задач, которые должен был решать М.С. Воронцов на посту командующего Русским оккупационным корпусом во Франции, было сохранение на должном уровне боеспособности вверенных ему войск.

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2094, л. 13.
[2] Там же.

Решение данной проблемы осложнялось следующими обстоятельствами: обе пехотные дивизии (9-я и 12-я) находились долгое время в Молдавии, а 12-я дивизия, после шести лет пребывания там, прямо вступила в Отечественную войну, поэтому на поведении солдат, их отношении к службе не могла не сказаться многолетняя усталость. С другой стороны, после изнурительных, напряженных кампаний последних лет солдаты и офицеры оставались на территории бывшего враждебного государства сроком на несколько лет теперь уже в состоянии мира, в краю достаточно изобильном и, как указывает М.С. Воронцов, не располагающем к серьезным занятиям. Все это повлияло на отношение военных к дисциплине, субординации и военным занятиям. Необходимо отметить, что во время смотра под Вертю в августе 1815 г. Император Александр Павлович хотя и высказал одобрение 12-й пехотной дивизии за шаг, одновременно отметил целый ряд недостатков в выправке солдат обеих дивизий[1].

В докладной записке на имя Императора, после смотра войск под Вертю, М.С. Воронцов уведомляет, что полковые командиры в обучении нижних чинов соблюдали все предписания воинского устава, и командующий сожалеет, что Император не смог наблюдать отдельно батальон, чтобы убедиться в достигнутом успехе полковых и батальонных командиров, уделявших с самого начала пребывания корпуса во Франции много внимания строевой подготовке.

М.С. Воронцов периодически проводил линейные учения и маневры в своем корпусе и лично присутствовал на них. 6 января 1816 г. первую благодарность получил Курляндский полк за смотр и маневры в присутствии Веллингтона, в октябре предыдущего года при этом положительно были отмечены все полки 3-й драгунской дивизии, во время смотра 1816 г. при Ретеле и при Рокруа Курляндский полк был вновь удостоен наивысшей похвалы командования.

В марте 1818 г. в присутствии Великого Князя Николая Павловича состоялись маневры русских войск, причем национальная гвардия Мобежа стояла под ружьем вместе с наши-

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2164, л. 10.

ми частями. Николай Павлович благодарил командование за состояние войск и, судя по отзывам современников, остался доволен увиденным.

В тот же вечер М.С. Воронцов дал бал августейшему брату Императора, окна Мобежа украсились русскими и французскими флагами, собрались все офицеры корпуса и представители высшего общества Шампани.

29 сентября 1817 г. Веллингтон произвел смотр Русского корпуса. В приказе М.С. Воронцова после этих учений сказано: «Приятнейшим долгом имею изъявить мою истинную и душевную признательность гг. начальникам и вообще всем чинам за совершенный порядок, устройство всех частей и за отличное исполнение всех движений в маневре». Главнокомандующий герцог Веллингтон поручил М.С. Воронцову «объявить всему корпусу, сколь он доволен состоянием, в коем нашел русские войска, устройством и скоростью всех движений.

Во время этих учений пехота и артиллерия корпуса, маршируя колоннами, прошла более 15 верст по пахотным полям, с тремя переправами, по тогда же сделанным мостам, выполняя к тому же во время марша атаки. Причем Смоленский драгунский полк, спешившись, сделал и пешую атаку, в целом же кавалерия два раза ходила в обход, сперва восемь, а потом шесть верст, рысью и несколько раз выполняла атаку. Несмотря на трудный переход, войска завершили учения церемониальным маршем перед герцогом, словно не было позади описанных маневров. В специальном приказе по корпусу от 30 сентября 1817 г. (№ 48) М.С. Воронцов отметил: «Имев честь представить корпус войск, столь способный, как для смотра, так и для войны, знаменитому начальнику нашему и прибывшим с ним разных служб генералам, чувствуя в полной мере, сколь лестно для меня служить с почтенными товарищами моими»[1].

Таким образом в течение 1816—1817 гг. во время большого смотра в Русском корпусе М.С. Воронцов удостоился одобрения за его состояние Великого Князя Николая Павловича и главнокомандующего герцога Веллингтона.

---

[1] Годунов В.И. Указ. соч. С. 164.

Но, несмотря на это, отношение официальных властей Петербурга к деятельности М.С. Воронцова во Франции было далеко не однозначно. «Твои дела хорошо идут, ибо ты почитаем, уважаем и завидуем: последнее не меньшое обстоятельство здесь (в Петербурге), следственно, и неприятелей у тебя много: они нападают на учреждение твое. Но мне кажется, любимым быть подчиненными есть первое благополучие в свете, а ты его сыскал», — сообщал в 1817 г. своему другу И.Ф. Паскевич, который с 1817-го по 1819 г. сопровождал Великого Князя Михаила Павловича в его путешествии по России и Западной Европе[1].

В приказе от 15 июня 1816 г. М.С. Воронцов с большим удовольствием отмечает положение, в котором он нашел 3-ю драгунскую дивизию, располагавшуюся в окрестностях Ретеля. Он отмечает выправку людей, порядок и знание в маневрах, особенно скорость, живость и дух, «без коих один порядок, — как отмечает М.С. Воронцов, — не что иное, как педантство, и которое при оном будут непобедимы»[2].

М.С. Воронцов обещает принять все зависящие от него меры, чтобы доставить в дивизию лучшее оружие по сравнению с имеющимся, о чем доложил Императору. Во время маневров М.С. Воронцов старался «приучать войска к одинаковому шагу, к равнению и соблюдению дистанции между батальонами, каковы бы сии дистанции и были, то есть целое, половинное и так далее, и к скорому и точному исполнению всех перемен линии и дирекции во все стороны на марше и на месте»[3]. Необходимость столь подробного описания деталей строевой подготовки становится понятной, если учитывать особое отношение к ней Императора, Великих Князей и всей русской армии.

И.Ф. Паскевич (1782—1856), как и М.С. Воронцов, начал службу в Преображенском полку, а затем принимал участие в русско-турецкой войне. По отзывам современников, М.С. Во-

[1] Щербатов А. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 1, СПб, 1888. С. 336

[2] Приказы... М.С. Воронцова. С. 187.

[3] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2164, л. 10.

ронцов и И.Ф. Паскевич принадлежали к числу самых уважаемых военачальников русской армии начала века. Паскевич, как и Воронцов, «сколько мог боролся против немецкого превращения солдат в машины»[1].

И.Ф. Паскевич требовал соблюдения строгой дисциплины среди своих подчиненных, но был против «акробатства» с носками и коленками своих солдат. В результате этих требований, считал Паскевич, армия не выиграла и, потеряв офицеров, осталась с экзерциумейстерами. По его словам, Барклай-де-Толли преследовал старых солдат и офицеров, неспособных к «акробатству»[2]. Вероятно, в этом кроется одна из причин желания опытных военнослужащих служить под началом М.С. Воронцова, не занимавшегося муштрой своих подчиненных. В своих воспоминаниях Паскевич писал даже, что, «правду сказать, граф Воронцов весь свой век пренебрегал образованием войск, полагаясь исключительно на храбрость и расторопность русского солдата, которые считал его врожденными качествами»[3].

Подобное отношение к строевой подготовке не могло не вызвать в России неодобрения у представителей высшего военного командования. И не случайно путешествующий по Европе Великий Князь Михаил Павлович получил приказ Императора осмотреть корпус Воронцова и написать о его состоянии. Паскевич в письме Воронцову особо подчеркивал, что Великий Князь очень хорошо «знает всю экзерцицию»[4].

За четыре дня до приезда Великого Князя фельдъегерь привез М.С. Воронцову письмо от Паскевича, в котором тот указывал дату его прибытия — в воскресенье 19 (31) мая — и что во вторник будет общий смотр[5]. Накануне смотра Паскевич опасался не только плохой аттестации корпуса, но и грубого выпада Великого Князя по отношению к М.С. Воронцову. Паскевич решился воздействовать на Великого Князя. «Я видел беду, — пишет он, — ибо в корпусе не было той выучки, ко-

[1] Из записок фельдмаршала князя Паскевича // Русский архив. 1889. Кн 1. С. 418.
[2] Щербатов А. Указ. соч. С. 259.
[3] Там же. С. 336.
[4] Там же. С. 335—336.
[5] Там же. С. 337.

торая в наших войсках в то время строго требовалась. Я принужден был принять свои меры»[1].

В обращении Паскевича к Великому Князю содержится свидетельство большого авторитета М.С. Воронцова в русской армии, о чем говорит брату Императора один из лучших русских военачальников: «Ваше Высочество, сказал я Великому Князю, Вы в трудном положении. Вы можете, конечно, донести, что в корпусе плохая выучка; но подумайте, что Вы тем обидите одного из лучших и достойнейших генералов русской армии и храброе его войско, с которым надо Вам будет когда-нибудь служить, и не забудьте, что Воронцов нужен русской армии»[2].

На смотре М.С. Воронцов показал Великому Князю весь корпус, кроме части Нашебурского полка, оставленного в качестве гарнизона в районе Шарлемона и Ненна. В письме к А.А. Закревскому М.С. Воронцов сообщал: «Не знаю, что напишет (Михаил Павлович. — *О. З.*), а здесь казался довольным, особливо еще потому, что, видно, так у вас при Дворе описали нас, что он думал найти не русский, а французский корпус, а в отношении фронта даже не скрывал удивления, что Нарвский батальон хорошо учился в батальонном ученье». М.С. Воронцов специально показал Михаилу Павловичу учение своего старого полка «в движении», как он пишет, чтобы доказать, что «ежели бы у меня точно была заведена, как у вас говорят, «татарщина», то они скорее бы еще были в моей дивизии и в моем старом полку. Великий Князь сказал, что мало армейских в России так учатся, как этот батальон при нем учился»[3]. Таким образом, во время смотра Великий Князь в целом положительно оценил подготовку корпуса, особо отметив 12-ю пехотную дивизию и Нарвский полк.

Великий Князь дал М.С. Воронцову инструкцию, которая содержала требования, предъявляемые к войскам, и для примера сам решил заняться обучением одного из батальонов. Инструкция, в частности, гласила: «Солдат должен стоять всем корпусом вперед, касаясь каблуками слегка земли. При мар-

---

[1] Щербатов А. Указ. соч. С. 338.

[2] Там же

[3] Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 73. СПб, 1890 С. 493—494.

ше тихим шагом вытягивать носки вниз, чрез что колени будут выправлены, и корпусом податься вперед, на скором же шагу ставить ногу прямо, вытягивая колено. В некоторых полках замечено волнение корпусом, что отнюдь не должно быть»[1]. Подобные замечания свидетельствовали о высоких требованиях Великого Князя к выправке войск.

Между тем, несмотря на эти замечания, в своем отчете о смотре корпуса Михаил Павлович «так благородно отозвался и с такою редкою осторожностью, что Государь остался доволен и уважил его мнение»[2].

Хорошее мнение Великого Князя о корпусе вызвало одобрение не только Александра I, но и других членов Императорской семьи. Так, Великая Княгиня Мария Павловна писала Паскевичу, что Кочубей хвалил ей поведение брата в Мобеже и что она обрадована такому известию»[3].

В то же время И.Ф. Паскевич в письме к М.С. Воронцову с горечью замечает, что, хорошо написав о корпусе, Михаил Павлович «теперь трусит», опасаясь новых проверок русских войск во Франции Великим Князем Константином Павловичем и самим Императором. Паскевич дает совет М.С. Воронцову: «Поправь 9-ю дивизию, одень во все новое, тогда уверен в успехе»[4].

И.Ф. Паскевич искренне любил и уважал М.С. Воронцова, свидетельством чему является откровенность его писем, в которых он пишет о трудностях своего положения при Великом Князе и сообщает некоторые черты его характера, скрываемые от других. Хотелось бы отметить общие взгляды друзей и на самое понятие воинского долга, честного выполнения своих обязанностей.

В начале 20-х г. Паскевич не раз, возвращаясь с плаца, хотел бросить службу и уйти в отставку, но волнения в Греции предсказывали неизбежность войны с Турцией, поэтому он решил ждать своего часа, когда будет нужен России.

В 1818 г. в подобной ситуации был и М.С. Воронцов, которого возмущала клевета, распространяемая в Петербурге по

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2309, л. 4.
[2] Щербатов А. Указ. соч. С. 338.
[3] Там же. С. 340.
[4] Там же.

поводу его корпуса, продолжавшаяся и после великокняжеского смотра. В одном из писем этого времени он сообщал А.А. Закревскому: «Надо мне быть сумасшедшему или пошлому дураку и скотине, чтобы думать и сметь делать в войсках государевых не по повелению Государя, а по моей голове. Сумасшедшему же или пошлому дураку, кажется, не должно давать команду над корпусом и еще в чужой стране, где есть еще и кроме учений некоторые обязанности и хлопоты»[1].

В заключение этого письма М.С. Воронцов очередной раз подтверждает свое намерение подать в отставку, решение о которой, по его словам, еще более утвердилось в нем после полученного известия о смерти фельдмаршала Барклая-де-Толли: «Он был действительно один покровитель мой в армии, всегда ко мне милостив. Я знаю, что у вас его мало чтили, но со временем увидишь, что его заместить нелегко, да еще дай Бог, чтобы порядок, им заведенный в армии, не был скоро расстроен»[2].

М.С. Воронцов возлагал большие надежды на приезд во Францию Императора, который, как он считал, справедливо оценит сделанное командующим в корпусе и увидит, что «мы все-таки русские, а не американцы». В противном случае, то есть если Государь не приедет, М.С. Воронцов писал, что не видит конца своим неприятностям и беспокоится о роспуске корпуса»[3].

В период прохождения Ахенского конгресса Александр I и король Фридрих-Вильгельм произвели смотры стоявшим во Франции войскам. 10 октября 1818 г. союзные государи присутствовали на смотру русских войск при Киеврене, Император сказал М.С. Воронцову, что полки двигались ускоренным шагом. «Ваше Величество, этим шагом мы пришли в Париж», — отвечал Воронцов[4]. На следующий день главнокомандующий герцог Веллингтон устроил маневры союзных войск, занимавших с 1815 г. северную часть Франции. В строю было 58 батальонов, 62 эскадрона и 166 орудий. Сначала войска были выстроены колоннами в одну линию на правом

---

[1] Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 73. СПб., 1890. С. 494.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 496—498.

[4] Годунов В.И. Указ. соч. С. 163.

крыле в следующем порядке — русские, саксонцы, ганноверцы, англичане, датчане. Маневр заключался в том, что русские части обходили неприятеля справа, а другие корпуса нападали на него с фронта, продолжая атаки на пяти различных позициях. Германские войска, расположенные около Дуэ, двинулись на рассвете к Денеццу и, встретив там английский корпус, заставили его отступить, но, когда на помощь пришли русские, на высотах Фомаре, завязался упорный бой, и германский корпус был вынужден отойти обратно к Дуэ. После маневра, продолжавшегося девять часов, войска прошли мимо монархов церемониальным маршем. Главнокомандующий герцог Веллингтон остался доволен всем виденным, мнение императора Александра Павловича было не столь однозначно. По отзывам современников, Император был недоволен многими нововведениями М.С. Воронцова, но не высказывал открыто свое отношение, дорожа мнением Веллингтона, хвалившего русский корпус. Газета «Московские ведомости» сообщала, что Император был доволен состоянием своих войск во Франции[1]. На самом деле оценка императором корпуса не была столь однозначна. В одном из писем к А.А. Закревскому М.С. Воронцов подтверждает, что Император оказался доволен в целом состоянием корпуса, но во время смотра несколько раз повторял, «что люди не довольно вытягивают вниз носки»[2].

Н.И. Шильдер в своем исследовании более категоричен по поводу оценки Императором строевой подготовки в корпусе. Так, он пишет, что на совместных маневрах союзных войск, последовавших на следующий день после смотра корпуса, продолжавшегося восемь часов, Александр I и цесаревич Константин Павлович «не были удовлетворены выправкой войск Русского оккупационного корпуса»[3].

Император не выразил лично М.С. Воронцову своего отношения к результатам его деятельности, но наградил его орденом Святого равноапостольного князя Владимира. М.С. Ворон-

---

[2] Московские ведомости. 1818. 20 ноября. С. 255.

[3] Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 73. СПб., 1890. С. 499.

[4] Шильдер Н.К. Император Александр I, его жизнь и царствование. Т. IV. СПб., 1898. С. 120.

цов полагал, однако, что «мог надеяться на получение чина, ибо в мирное время никакого случая нельзя найти подобного тому, который представился в мою пользу, и, потеряв теперь и остатки куража и надежды, не могу не видеть особливое против меня неблаговоление»[1].

Таким образом, мы видим, что оценки строевой подготовки корпуса весьма противоречивы.

Нельзя сказать, что образованием и дисциплиной своих подчиненных М.С. Воронцов не занимался, но он имел свое мнение о способах решения данных вопросов. Еще от отца М.С. Воронцов унаследовал особое отношение к русским солдатам, более требователен он был к своим офицерам, считая, что от их знаний и поведения зависит подготовка частей в целом. В «Правилах обучения стрелков в пехотных и егерских полках» М.С. Воронцов писал, что: «Офицеры ... не подготовлены и одною чрезмерною храбростию думают заменить нужные для сей службы познания». Далее М.С. Воронцов подчеркивал, что офицеры не только сами становятся первыми жертвами своей необдуманной храбрости, но и «наводят на своих тот страх и недоверчивость, кои с беспорядком нераздельны»[2]. Будучи противником бездумной муштры на плацу, М.С. Воронцов считал, что учения должны развивать «как тело, так и ум солдат: видя же пользу в том, что ему показывают, он учится с особенною охотой и усердием»[3].

Подобные взгляды были, по сути, продолжением суворовских традиций в русской армии, которые начинали вытесняться прусскими методами обучения и воспитания войск, что подтверждает и высказывание И.Ф. Паскевича: «Это экзерцицмейстерство мы переняли у Фридриха Второго, который от своего характера наследовал эту выучку. Хотели видеть в том секрет его побед, не понимая его гения, принимали наружное за существенное. Фридрих был рад, что принимают то, что лишнее, и, как всегда случается, перенимая, еще более портят»[4].

---

[1] Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 73. СПб., 1890. С. 499.
[2] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2259, л. 1.
[3] Там же.
[4] Русский архив. 1889. Кн. 1. С. 417.

Таким образом, нежелание М.С. Воронцова превращать «солдат в машины» могло вызвать раздражение некоторых представителей высшего военного командования в Петербурге. В то же время причины недовольства императора могли быть вызваны и другими, главным образом, политическими причинами.

Уже упоминалось о ланкастерской системе обучения, введенной М.С. Воронцовым в корпусе. Но еще в 1814 г. в Париже данной системой обучения заинтересовались Ф.И. Глинка и Ф.Н. Толстой, которые по возвращении в Россию взялись за устройство школ по методу взаимного обучения Белля и Ланкастера. Результатом их трудов стало появление в Санкт-Петербурге «Общества учреждения училищ по методу взаимного обучения». Нужно заметить, что лица, входящие в состав этого общества, были масоны и занимали в нем должности в соответствии с положением их в ложе Избранного Михаила, основанной 18 сентября 1815 г. в Санкт-Петербурге под главенством верховной ложи «Астреи». Ф.И. Глинка был товарищем председателя.

Мы не имеем сведений о членстве М.С. Воронцова в какой-либо из масонских лож того времени. Одна из них существовала и в Мобеже. П.И. Бартенев опубликовал в журнале «Русский архив» «Список членам ложи (Св.) Георгия Победоносца на Востоке Мобежа»[1]. Одним из основателей ложи являлся надворный советник Коллегии иностранных дел С.И. Тургенев, деятельность которого по созданию школ взаимного обучения в корпусе отмечает М.С. Воронцов в Докладной записке на имя Императора. Высокообразованный человек, он с сентября 1816 г. был прикомандирован к М.С. Воронцову. Впоследствии М.С. Воронцова будут связывать дружеские отношения с его братом Н.И. Тургеневым, возлагавшим на М.С. Воронцова большие надежды в деле освобождения крестьян. Помимо С.И. Тургенева, одним из основателей ложи являлся полковник Новоингерманландского полка Д.В. Нарышкин и адъютант графа М.С. Воронцова князь В.С. Голицын. В состав ложи входили и другие адъютанты командующего: И.Т. Ягницкий и А.Я. Лобанов-Ростовский. Но в этом списке мы не встречаем имени М.С. Воронцова.

[1] Русский архив 1865 (Без деления на номера) С 495—500

В мае 1820 г. статс-секретарь граф Каподистрия передал Императору записку от графа М.С. Воронцова и князя А.С. Меншикова, подписанную Александром и Николаем Тургеневыми, о намерении создать общество под руководством управляющего Министерством внутренних дел, целью которого «должно быть изыскание способов к улучшению состояния крестьян и к постепенному освобождению их от рабства»[1]. Таким образом, Императору открыто сообщалось о намерении создать общество для поиска путей освобождения крестьян.

В «Записках» С.Г. Волконского содержатся сведения, что М.С. Воронцов подписал вместе с М.Ф. Орловым, И.В. Васильчиковым и Д.Н. Блудовым адрес о ликвидации крепостного права, представленный Императору Александру Павловичу в 1815 г. М.Ф. Орловым.

Этот документ до нас не дошел[2].

Учитывая традиционные, присущие семье Воронцовых понятия о чести, верности и долге, можно предполагать, что М.С. Воронцов не состоял в этот период в каком-либо тайном обществе, но его деятельность, направленная на просвещение нижних чинов корпуса, смягчение телесных наказаний, сочувствие идеям постепенного освобождения крестьян от крепостной зависимости и при этом умение и желание доводить любые начинания до конечного результата не могли не насторожить власти, подозревавшие М.С. Воронцова не только в участии, но и в лидерстве в одном из тайных обществ.

О предоставлении якобы М.Ф. Орловым Александру I этого документа данных нет. Автор статьи «М.Ф. Орлов и его литературное наследие» С.Я. Боровой, упоминая об этом адресе, ссылается на свидетельство С.Г. Волконского и заключает: «Этот документ до нас не дошел, и нет полной уверенности, что он вообще существовал» (Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 281). М.К. Азадовский предполагал, что Волконский спутал только датировку «Записки» Орлова, на самом деле речь идет о действительно

---

[1] Русская старина Март 1871 С 366

[2] Волконский С Г Записки Иркутск, 1991 С 363

существовавшей, но не найденной «Записке», написанной Орловым в 1817 г. и предназначавшейся Александру I (Литературное наследство. М., 1954. Т. 59. С. 628).

Однако вернемся к Русскому оккупационному корпусу во Франции.

Следует заметить, что одной из первостепенных проблем, решаемых на Ахенском конгрессе 1818 г. (27 сентября — 22 ноября), была возможность вывода армии союзников из Франции.

Данный вопрос был решен положительно, поскольку союзники беспокоились, что пребывание войск во Франции может окончательно заразить их «якобинством». Этот мотив впоследствии был раскрыт Меттернихом в его полемике с бывшим министром иностранных дел Австрии. «А знаете ли вы, — заявил Меттерних, — единственный и истинный мотив нежелания Императора Александра видеть хотя бы один только корпус армии — всего десять тысяч человек — расположенным за границей? Это его убеждение, что корпус перейдет на сторону врагов»[1].

Подозрение властей в том, что Русский корпус «офранцузился», то есть в нем сильны революционные настроения, было также одной из причин внимания Санкт-Петербурга к деятельности М.С. Воронцова на посту командующего корпусом во Франции. М.С. Воронцов был крайне уязвлен этими подозрениями в свой адрес, которые, с одной стороны, оскорбляли его нравственные принципы, а с другой — ставили под сомнение всю его последующую карьеру как военного и государственного деятеля. Свидетельством этому является информация, содержащаяся в личной переписке Воронцова, в частности в письмах А.А. Закревскому. Так, в письме Закревскому от 4 (16) мая 1818 г. из Мобежа он буквально выплескивает старому другу боль, вызванную несправедливым отношением властей к его деятельности, упрекая друга в нежелании признать, что он подвергается гонению. М.С. Воронцов пишет: «Я совсем не думаю, чтоб я нужен был по службе, напротив, она мне нужна, пото-

[1] О к у н ь С.Б. Указ. соч. С. 312.

му, что я к оной привык, что, проведши в оной лучшее время жизни моей, всякое другое состояние мне сперва покажется скучным, но нельзя с нею расстаться, когда она сопряжена с унижением, и мне лучше будет не только быть вне оной, но хоть в пустыне, нежели всякий день ждать неприятность и быть трактованным как последний человек»[1].

Это один из немногих документов, где Воронцов подробно рассказывает своему другу о служебных неприятностях, что в принципе не было свойственно Михаилу Семеновичу. О сложностях во взаимоотношениях с властями в этот период Воронцов не пишет никому, кроме Закревского, он старается не говорить на эту тему с родными и с окружающими, которые заметили его плохое настроение, но связали это с ухудшением здоровья.

Такое поведение М.С. Воронцова было вызвано не только опасениями, что его недовольство оценкой своих действий станет известно, главное, что в этой ситуации Воронцов исходил из своих принципов в отношении к службе, а именно: верховная власть — это прежде всего Император, который для русского человека того времени являлся первым защитником Отечества и Веры. Служить и одновременно подвергать критике высшую власть — значит прежде всего наносить оскорбление Государю, что, в свою очередь, равносильно нарушению присяги и измене Отечеству. Как уже отмечалось, М.С. Воронцов возлагал свои надежды на приезд Императора, который должен был справедливо оценить все сделанное им в корпусе.

Надо заметить, что М.С. Воронцов особенно щепетильно относился не только к оценке своей деятельности властями, особенно он дорожил мнением друзей и сослуживцев, что неоднократно подчеркивал в письмах на Родину. «...И ежели надо уже было бы выбирать из двух одно, т. е. чтобы наградили одного меня, а другим отказ, или чтобы меня забыть, а довольно число товарищей моих наградить, то я бы, конечно, выбрал последнее, ибо на что мне и чин, коли с оным мне было бы стыдно показаться сослуживцам моим? Вне службы все чины почти равны»[2].

[1] Сборник Императорского русского исторического общества. Т 73 СПб , 1890. С. 492.

[2] Там же. С. 802.

Мы уже писали о том, что одной из причин назначения М.С. Воронцова на пост главнокомандующего Русским оккупационным корпусом было признание Императором особого уважения, которым пользовался Воронцов в офицерской среде. Дух корпоративности был силен в этот период в русской армии. С одной стороны, это укрепляло армию, а с другой — способствовало все большему развитию тайных обществ. Вероятно, можно полагать, что об отношении к последним лучше всего за себя и близких сказал А.П. Ермолов в письме к А.А. Закревскому: «Много раз старались меня вовлечь в общество масонов, я не опровергаю, чтобы не было оно весьма почтенно, но рассуждаю как простой человек, что общество, имеющее цель полезную, не имеет необходимости быть тайным»[1].

В этом же письме, датированном февралем 1819 г., А.П. Ермолов высказывает А.А. Закревскому сожаление по поводу неприятностей М.С. Воронцова по службе: «Надобно беречь подобных ему людей: у вас нет таковых излишних! Не по дружбе к нему, но по самой справедливости оцените его, и, без сомнения, найдете, что люди с его достоинствами редки. Прибавьте и ту выгоду, что он молод и государство долго может пользоваться его услугами. Во всем свете люди на высокие ступени по большой части восходят поздно, тем лучше, что человек способный может достигнуть их в молодости»[2].

Надо заметить, что щепетильность Воронцова, его ранимость в отношении критики в свой адрес была известна его друзьям и вызывала у них неоднозначное отношение. В одном из своих писем к А.А. Закревскому П.Д. Киселев передает свою беседу с Понсетом о Воронцове: «Мы много говорили о делах их, и он согласился, что Воронцов не прав во многом, и особенно в том, что полагал геройством не скрывать пренебрежение ко всему, что свыше происходило, и порочить явно все постановления, которые по званию своему обязан был представлять не на посмещище, но на уважение подчиненных своих, либо не служить»[3].

---

[1] Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 73. СПб., 1890. С. 335.

[2] Там же. С. 325.

[3] Там же. Т. 78. С. 18—19.

Но именно к такому выводу пришел и сам М.С. Воронцов, так как еще в письме, датированном маем 1818 г., он сообщает А.П. Ермолову свое решение «просить Императора об отставке»[1].

Возвращаясь к письму Киселева, надо обратить внимание, что он отмечает и полезность многих распоряжений М.С. Воронцова по корпусу, особо подчеркивая «запрещение жестоких телесных наказаний, которое должно было распространить на всю армию»[2]. Несмотря на положительное мнение Киселева о ряде мер, предпринятых командующим, М.С. Воронцов был прав, утверждая, что даже хорошо знающие его люди, в том числе некоторые из друзей, имеют ложное представление о его деятельности во Франции, поэтому не приходится удивляться негативной оценке властей. «Совесть меня ни в чем не упрекает, корпус поддерживал в течение трех лет и даже возвысил честь имени русского, при том остался совершенно русским, не потерял ни в чем привычек, ни обычаев своей родины»[3], — писал М.С. Воронцов.

Стоит подробнее остановиться на последнем замечании Воронцова, так как современники, побывавшие в то время в Мобеже, отмечали особую, царившую там атмосферу. Так, Ф.Ф. Вигель вспоминал впоследствии, что все, начиная от слышимой повсюду русской речи, до малейших деталей быта (русская кухня, двойные рамы и печи с лежанкой в квартирах), заставляло его думать, что «как бы волшебным прутиком в одне сутки перенесен я был в Россию из центра Франции»[4].

С этим воспоминанием не расходится и рассказ Ф.В. Ростопчина. В июне 1818 г. Ф.В. Ростопчин гостил у М.С. Воронцова в Мобеже. В одном из писем он воссоздает своеобразную обстановку, которая сложилась во Франции в это время, когда, по его словам, в одно утро можно найти русских в Мобеже, датчан в Бушене, англичан в Валансьене и казаков в Брикете. Рассказывая о посещении М.С. Воронцова, он пишет: «Я был

---

[1] Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 73. СПб., 1890. С. 402.

[2] Там же. Т. 78. СПб., 1891. С. 18—19.

[3] Там же. Т. 73. С. 499.

[4] Вигель Ф.Ф. Воспоминания. М., 1866. Т. 3. С. 155.

очень доволен своею поездкою: со мной ездил Орлов, и я у графа Воронцова побыл шесть дней, воображая, что я был в России, ибо Мобеж столько же русский, как Клин и прочее; квас, сбитень, везде речи русские; брань наша. Дрожки разъезжают, песни, пляска и даже вывески на лавках русскими литерами и словами написаны. Воронцова боготворят и наши и жители, он строг, но справедлив и доступен»[1].

Последняя фраза Ф.В. Ростопчина относительно популярности М.С. Воронцова в армейских кругах и среди местных жителей не являлась преувеличением. Так, Ф.Ф. Вигель в своих воспоминаниях отмечал, что «Мобеж был полон его имени, оно произносилось на каждом шагу и через каждые пять минут. Он составил дружину из преданных ему душою, окружающих его людей. Для них имел он непогрешимость папы; он не мог сделать ничего несправедливого или ничего сказать неуместного; беспрестанно грешили против заповеди, которая говорит: не сотвори себе кумира»[2]. В знак уважения к своему командующему все офицеры корпуса, «довольные его начальством, поднесли серебряную вазу с прописанием их имен», — говорится в формулярном списке М.С. Воронцова[3]. Но существует версия, что эта ваза была подарена командующему в благодарность за оплату М.С. Воронцовым всех долгов офицеров корпуса — примерно 1,5 миллиона рублей ассигнациями (из личных средств). Русские офицеры жили во Франции на широкую ногу, не скупились в средствах.

Офицерам разрешалось вне службы носить статское платье, и «постоянно видны были компании веселых молодых офицеров в сюртуках, круглых шляпах, чулках, башмаках и с тонкими модными тростями, беззаботно мчащихся в свободное время в Париж[4].

Союзники буквально затопили Париж золотом. Один из современников отмечал, что у купцов дневная выручка удесятерилась, молодые офицеры абонировали первые ряды в театрах, кутили у Вэри. О расточительности офицеров ходили легенды.

---

[1] Русский архив. 1868. Столбец 1919.
[2] Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С. 156.
[3] Архив князя Воронцова. Кн. 35. С. 10.
[4] Годунов В.И. Указ. соч. С. 162—163

«Да здравствуют наши друзья — враги!» — кричал Париж и богател за чужой счет.

Многие военнослужащие корпуса обзавелись семьями. В октябре 1818 г. Воронцов выделил 5950 франков для нижних воинских чинов 12-й дивизии, которые имели во Франции жен и детей.

Так, дивизионный писарь Савелий Бубнов и его жена Луиза получали 250 франков. Унтер-офицер Смоленского полка Василий Савельев вместе с женой Прасковьей Терентьевой и дочерьми Марьей (2 года) и Настасьей (9 месяцев) получали 350 франков. Столько же было выделено для семьи рядового 6-го егерского полка Антона Буеновского, состоящей из жены Розалины, дочери Розалины (4 года) и сына Ивана (2,5 года). Унтер-офицер Алексопольского пехотного полка Иван Куриленко, его жена Мими и сын (1 год 6 месяцев) получали 300 франков[1]. Дарованная сумма сверх полагавшегося жалованья являлась примером заботы М.С. Воронцова о семьях военнослужащих, их социальной защиты. М.С. Воронцов пользовался репутацией гуманного и просвещенного начальника не только среди своих подчиненных. В истории не часто встречаются примеры искренней благодарности местного населения командующему армией, находившейся несколько лет на территории чужого государства. 21 октября 1818 г. в мэрии Мобежа было составлено благодарственное письмо на имя М.С. Воронцова от имени жителей города. В нем, в частности, говорилось, что благодаря деятельности М.С. Воронцова жизнь города протекала в обстановке мира и спокойствия, а сам командующий являлся истинным примером благородного поведения для своих подчиненных. «Мы просим Ваше превосходительство принять чаши чувства и искреннего уважения и признательности за благодеяния, оказанные нашему городу», — сказано в письме на имя М.С. Воронцова[2].

Вряд ли Мобеж за всю историю своего существования находился когда-либо в центре таких роскошных празднеств и видел столько известнейших людей со всей Европы, как в октяб-

[1] РГАДА, ф. 1211, оп. 1, ед. хр. 2132, л. 47.
[2] Там же. Ед. хр. 2160, л. 2.

ре 1818 г. 13 октября в город прибыли Император Александр Павлович и король Пруссии. Как вспоминает Ф.Ф. Вигель, двухэтажный дом М.С. Воронцова с небольшим садом был достаточно просторен, чтобы в нем устроить бал для «свиты обоих государей, принцев, штаба главной и всех корпусных квартир» и других многочисленных гостей города»[1]. К нижнему этажу были пристроены две палатки, соединенные с комнатами дома. Погода в эти дни стояла настолько теплая для октября, что полы палаток временами опускались, и тогда каждый гуляющий по саду становился невольным участником бала в присутствии первых лиц Европы — в полонезе участвовали Император России и король Пруссии, герцог Веллингтон.

Из письма М.С. Воронцова к А.А. Закревскому из Мобежа от 19 (31) октября 1818 г. мы узнаем, что к этому времени некоторые полки корпуса уже выступили. Надо отметить, что М.С. Воронцов не считал целесообразным отвод войск из Франции в это время года, в письме к Закревскому, датированном 4 (16) июля 1818 г., он отмечал: «Не вижу, для чего не дождаться весны, разве хотят сделать удовольствие французским якобинцам, коих теперь чересчур ласкают»[2].

4 ноября закончилось пребывание корпуса во Франции, полки потянулись на Родину.

Лично М.С. Воронцов получает разрешение отправиться с корпусом в Германию, где он имеет право оставить войска, когда сочтет необходимым, и отправляться в отпуск на любой срок по своему желанию.

О передвижении корпуса М.С. Воронцов сообщает А.А. Закревскому, что: «Мы идем благополучно и по трехлетнем пребывании в земле французской, при оставлении оной, из 30 тысяч не оставили 15 дезертиров, из коих еще большее число из людей найденных во Франции и по наказанию записанных в наши полки. Такого счастья, я признаюсь, что я не ожидал, и хотя надеялся, что беглых будет мало, но не мог думать, что во всем корпусе будет меньше, нежели в некоторых гвардейских ротах в 1814 году. Я после о сем подробно же донесу. Теперь

[1] Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С. 157—158.

[2] Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 73. СПб., 1890. С. 493.

мы идем по ужасным дорогам и проходя по 4 и по 5 миль, но все я утешаюсь тем, что вывел столь счастливо вверенный мне корпус российский из чужой и не благословенной земли. Когда меня здесь оставили, то такого успеха не ждали, впрочем, я знал, что за это спасибо не скажут, хотя в случае противном вся ответственность легла бы на меня»[1].

Действительно, мы уже обращали внимание на неоднозначную оценку Петербургом деятельности М.С. Воронцова на посту командующего оккупационным корпусом во Франции. Считая себя незаслуженно обиженным властями, М.С. Воронцов окончательно решил выйти в отставку. Для человека, который, по отзывам современников, был рожден для службы, этот шаг требовал определенного мужества.

Получив разрешение оставить корпус в Германии, М.С. Воронцов покидает его только на границе с Россией и в январе 1819 г. возвращается в Париж. В Париже он знакомится с графиней Е.К. Браницкой и просит ее руки у матери — графини А.В. Браницкой, находящейся в то время во Франции со своим семейством. Получив согласие, М.С. Воронцов уезжает к отцу в Лондон. Женитьба состоялась в Париже 20 апреля (2 мая) 1819 г., граф С.Р. Воронцов находился в это время в Париже, посаженым отцом невесты на свадьбе был герцог Веллингтон[2].

В России корпус был расформирован. Точно указать причины, побудившие власти принять такое решение, сложно. Так, Н.М. Лонгинов предупреждал М.С. Воронцова, что «многие влиятельные здесь лица, узнав о преимуществах, дарованных войскам рескриптом Государя, заявляли, что по возвращении этих полков из Франции нужно будет подыскать для них необитаемый остров, иначе прочим войскам нельзя будет примириться с их старыми распорядками». Лонгинова уверяли, что, когда подняли вопрос о формировании оккупационной армии во Франции, фельдмаршал Барклай-де-Толли сказал Государю: «Ваше Величество! Вам нужно помнить, что вы выиграли сражение, но потеряли 30 тысяч человек!»[3] М. Бестужев, прини-

[1] Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 73. СПб., 1890. С. 501—502.
[2] Русский архив. 1911. Кн. 1. С. 320.
[3] Русский архив. 1912. Кн. 7. С. 360.

мавший участие в выводе части корпуса из Франции в Россию, считал, что причины его последующего расформирования в том, что офицеры корпуса утратили присущую русской армии солдатскую дисциплину и либеральничали, что особенно проявилось в среде высшей иерархии корпуса М.С. Воронцова[1].

Примерно через тридцать лет после описываемых событий автор специального исследования, посвященного истории Мобежа, признал, что русские более, чем другие народы коалиции, симпатизировали французам. Они были общительными и человечными. Автор подчеркивал, что военные «уносили восхищение нашими обычаями и нашими институтами в деспотичную и варварскую страну»[2]. Во Франции, по мнению автора, русские познакомились со свободой и цивилизацией.

Хотелось бы отметить, что, по мнению современных французских исследователей, таким образом «закладывалось» слишком схематичное мировоззрение, в котором «отменное воспитание» русских противопоставлялось «свирепости» прусских военных, находившихся в Мобеже до конца 1815 г. Это мнение господствовало в конце XIX столетия; воспитывая ненависть к Пруссии, поощряли тем самым союз с Россией[3].

Как отмечает современный российский исследователь М.А. Давыдов, с точки зрения военной целесообразности расформирование корпуса нельзя назвать разумным шагом, к тому же десять полков корпуса, как указывает Давыдов, были отправлены к А.П. Ермолову на Кавказ, затем расформированы и отдельными частями присоединены к ермоловским полкам[4].

Но как следует из воспоминаний А.П. Ермолова, к нему прислали Апшеронский и 41-й егерский полки, о расформировании или прибытии других полков из корпуса М.С. Воронцова А.П. Ермолов не указывает[5].

Весьма сомнительно, чтобы политически неблагонадежные военнослужащие были отправлены для продолжения службы в

---

[1] Воспоминания Бестужевых. М., Л., 1951. С. 240.

[2] Pierart Z. Recherches historiques sur Maubeuge son cantonet les communes limitrophes Paris 1993. С 241 (Впервые данная работа вышла в свет в 1851 г. *Пер. с фр. автора.*)

[3] Ibid. С. 188.

[4] Давыдов М.А. Указ. соч. С. 56.

[5] Записки А.П. Ермолова, 1798—1826. М., 1991. С. 331.

регион активных военных действий, где прежде всего требовалась хорошая военная подготовка, дисциплинированность, высокий моральный дух.

Изменения в дивизионной и корпусной организации пехоты, начатые им в 1816 — 1818 гг., являлись одним из аспектов преобразования в русской армии.

К 1816 г. Россия имела сильнейшие в Европе войска, увенчанные славой победоносных кампаний начала XIX столетия, но содержание огромной армии в относительно мирной обстановке весьма тяжелое бремя для экономики государства. Характерной особенностью данного периода стал рост числа поселенных войск, создание «корпуса поселенных войск», переименованного в 1821 г. в отдельный «корпус военных поселений». По замыслу сторонников «поселенской системы», военные поселения должны были способствовать понижению стоимости содержания армии, постепенной отмене рекрутских наборов, улучшению обеспечения отставных солдат из семей военнослужащих.

В 1819 г. от 50 до 60 батальонов различных пехотных полков получили назначение в состав «корпуса поселенных войск», не избежали этой участи и полки Русского оккупационного корпуса.

Так, 2-й батальон Нарвского пехотного полка, вместе с другими батальонами 6-й пехотной дивизии — Невским, Софийским, Копорским, 11-м и 12-м егерскими, находился в Новгородском поселении, туда же был командирован и 2-й батальон Новоингерманландского полка. 25 июля 1819 г. в состав поселений попал 2-й батальон Смоленского пехотного полка.

Таким образом, возвратившиеся из Франции части оккупационного корпуса были вовлечены в процесс общих военных реформ в русской армии. Поэтому вряд ли стоит говорить о каком-либо особом отношении к судьбе корпуса; вызвано оно исключительно политическим взглядом военнослужащих его состава.

Что касается боевой и строевой подготовки частей корпуса, то на маневрах 1-й армии в 1820 г. Император высказал особое одобрение Кинбурнскому драгунскому полку, несколько раз Александр Павлович благодарил полк за вид и подготовку на высочайших смотрах 1824 г. Во время этого смотра высокой оценки за стрельбу удостоился и Нарвский пехотный

полк. В сентябре 1819 г. главнокомандующий 2-й армией генерал от кавалерии Витгенштейн отметил Смоленский полк. На смотре 1820 г. Смоленский полк был признан лучшим в дивизии. Смотры 1821—1822 гг. подтвердили отличную репутацию полка. Подобные успехи отдельных частей бывшего оккупационного корпуса не могли не сказаться на отношении Императора к Воронцову.

В ноябре 1820 г. М.С. Воронцов сообщает А.А. Закревскому, что встретился с Императором, и упоминает опубликованный в газетах рескрипт с хвалебными отзывами о корпусе и своих действиях во Франции на посту командующего: «Сей рескрипт совершенно должен успокоить меня и товарищей моих, имевших причину думать, что нами Государь не доволен, Его Величество еще лично мне изволил сказать, что поведение всех полков, возвратившихся из Франции, везде есть отлично и что все корпусные командиры оные весьма хвалят. Все сие делает, что мне не стыдно будет со старыми товарищами встретиться, ежели служба когда-нибудь меня к тому приведет, я больше и желать не был прав»[1]. Во время личной встречи с Императором М.С. Воронцов окончательно принял решение не уходить в отставку: «Отпуск у меня остается, и в чужие края на полтора года, после чего я готов служить Государю Его Величеству, только просил милости, чтобы это было в южных провинциях, что угодно было Государю обещать»[2].

Надо сказать, что друзья М.С. Воронцова были искренне рады такому решению. «Он может иметь минутныя неудачи, но несправедливо бы не пользоваться его способностями и достоинствами и он всегда будет человеком подобным»[3], — писал А.П. Ермолов А.А. Закревскому. Подобного мнения придерживался и Н.Н. Раевский: «Кому же служить можно, если не служить графу Воронцову? Его воспитание, его счастливыя способности всегда уважаемы будут достойно, и, конечно, никто затмить его не в состоянии»[4].

---

[1] Сборник Императорского русского исторического общества Т. 73 СПб, 1890 С 505

[2] Там же С. 505.

[3] Там же. С. 394—395.

[4] Там же. С. 253.

Таким образом, спустя почти два года после вывода Русского корпуса правительство высоко оценило сделанное М.С. Воронцовым во Франции, что окончательно утвердило его во мнении не подавать в отставку и продолжать службу на любом поприще.

С 1823 г. начнется новый этап военной и государственной деятельности М.С. Воронцова в качестве генерал-губернатора.

Подводя итоги деятельности Воронцова во Франции, следует подчеркнуть, что одним из главных результатов его командования явилось малое число потерь личного состава — примерно 3 % от общего состава. Все понимали, что подобный результат не мог быть достигнут без отлаженной системы управления корпусом, его организации и снабжения. Воронцов сумел правильно построить свои отношения как с высшим командованием оккупационной армией, так и с командирами своего корпуса. Обращали внимание на себя просветительская деятельность Воронцова, налаженная почтовая связь, социальная защита, пособия. Воронцов раскрылся во Франции как разумный и предприимчивый хозяйственный деятель. Требования к дисциплине сочетались в корпусе с минимизацией наказаний за проступки.

Активная позиция Воронцова, открыто выступавшего против морального и физического унижения военнослужащих, все более увеличивала его популярность в военных и гражданских кругах.

Пребывание М.С. Воронцова в должности командующего Русским оккупационным корпусом во Франции было своеобразным переходным периодом между начальным этапом его военной карьеры и деятельностью на посту генерал-губернатора. Во Франции он приобрел столь необходимый для будущей карьеры государственного деятеля политический опыт в решении военных, дипломатических, административных, экономических и культурных вопросов.

Глава 4
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР НОВОРОССИЙСКОГО КРАЯ И БЕССАРАБСКОЙ ОБЛАСТИ

НАЗНАЧЕНИЕ М.С. ВОРОНЦОВА ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОМ

Прежде чем приступить к рассмотрению административной деятельности М.С. Воронцова в должности генерал-губернатора, необходимо разобраться в том, какими правами и обязанностями наделяло российское законодательство генерал-губернаторов в целом; определить характер управления Новороссийского края и Бессарабской области и рассмотреть общую политическую ситуацию в верхах к моменту назначения М.С. Воронцова.

Ответить на первый вопрос сложно: из-за исторических особенностей возникновения и развития должности генерал-губернатора в системе государственного управления Российской Империи.

Известный указ «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. создал должность наместника (генерал-губернатора)[1]. Изначально предполагалось, что основной обязанностью генерал-губернатора будет наблюдение за администрацией и сословиями региона, за направлением административной деятельности местных властей. За действиями

[1] Полное собрание законов Российской Империи (далее — ПСЗ). Т. XX. СПб. Указ № 14 392 от 7 ноября 1775 года. С. 236.

самого генерал-губернатора наблюдали Императрица и Сенат. В то же время права и обязанности генерал-губернатора выходили далеко за рамки контроля действий местных властей. Права и обязанности государева наместника заключались в следующем. На основании законов он занимается благоустройством в наместничестве, причем «способ к удовольствию каждого законным образом от попечения генерал-губернаторов зависит»[1]. Наместник должен был следить за действиями судебных инстанций и в случае необходимости мог остановить приведение в исполнение приговора до вынесения решения Сената по этому вопросу. Кроме того, наместник контролировал запасы продовольствия в своем регионе.

В приграничных губерниях (наместничествах) генерал-губернатор обязан был следить за мерами защиты вверенной ему территории, и в случае внешней угрозы, народных волнений и стихийных бедствий генерал-губернатор отдавал приказ военному командиру о применении должных мер. Если Император поручал проведение военных операций другому военному начальнику, то наместник отвечал за снабжение войск всем необходимым.

Из-за неопределенности прав и обязанностей наместника, изложенных в Указе 1775 г., надзор, задуманный Императрицей, превратился в «личное» управление делами административного региона.

В 1781 г. Императрица отступает от изначального плана отождествления губерний с наместничествами. Все созданные губернии, кроме новороссийских, малороссийских и остзейских, соединялись по две и поручались надзору одного из наместников. Новороссийское наместничество первоначально занимало огромную территорию, в него входили Саратовская, Астраханская, Азовская и Новороссийская губернии. Во главе наместничества был поставлен Г.А. Потемкин (1739—1791).

В дальнейшем этот пост занимали видные государственные деятели: П.А. Румянцев (1725—1796), А.П. Мельгунов (1722—1788), Я.М. Сиверс (1731—1808). Можно сейчас утверждать, что при данных исторических обстоятельствах чрезвычайная власть, доверенная этим лицам, была полезна для государства.

---

[1] ПСЗ. Т. XX. СПб. Указ № 14 392 от 7 ноября 1775 года. С. 236.

Внутреннее управление вверенных наместникам территорий лежало на них. При этом указ «Учреждения для управления губерний» обозначал их деятельность лишь в целом, не указывая конкретных обязанностей[1].

За ними оставались и функции надзора, но, с другой стороны, переписка наместников как раз говорит о наделении их обязанностями управляющих во вверенных им регионах. Между собой наместники общались, как «полусуверенные государи»[2], то есть наместник превращался в управляющего внутренними и внешними делами подчинявшихся ему губерний.

В 1797 г. пост генерал-губернатора был ликвидирован в качестве общего института, но при этом деятельность губернаторов, их управление лишилось надзора вообще.

После учреждения министерств в 1802 г. возникла проблема взаимоотношений и разделения власти министерств и генерал-губернаторов. первые управляли по признаку разделения ведомств, вторые — по территориальному началу Генерал-губернаторы не могли ограничиваться лишь надзором, как было задумано изначально, для местных властей они являлись представителями главной политической и административной власти в регионе, в то время как учрежденные министерства должны были сосредоточить всю высшую отраслевую власть.

В начале царствования Александра Павловича эти противоречия были не столь заметны, как в последующие годы Само учреждение министерств воспринималось как продолжение политики Екатерины Великой. В 1812 г. значение поста генерал-губернатора заметно возрастает, во время ведения военных действий на территории России на нем лежала ответственность за политическое и экономическое состояние подведомственной ему территории.

Военные губернаторы предпочитали обращаться для разрешения различных проблем прямо к Императору, пользуясь его особым доверием. Получив указания, они начинали действовать и лишь затем ставили в известность о проводимых ими мерах министерства, которые видели в этом прямое нарушение порядка

[1] ПСЗ Т XXI СПб, 1830 С 1000

[2] Градовский А Д Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Собр соч А Д Градовского Т 1 СПб, 1899

подчинения и ведения дел. «Чем энергичнее был военный губернатор, чем большим доверием у Государя он пользовался, тем чаще были столкновения, и замечательно, что в царствовании Александра I столкновения эти чаще всего происходили между министром финансов и начальником областей»[1].

Как и в правление Екатерины Алексеевны, при Александре Павловиче генерал-губернаторами были лица, пользовавшиеся его полным доверием, например: граф М.А. Милорадович в Петербурге; граф Ф.В. Ростопчин в Москве; герцог А.Э. Ришелье, генерал А.Ф. Ланжерон и граф М.С. Воронцов в Одессе; А.П. Ермолов на Кавказе. Западные губернии в конце царствования находились в ведении Цесаревича Константина Павловича.

Видные представители петербургской бюрократии — М.М. Сперанский, Н.Д. Гурьев, Е.Ф. Канкрин — были в целом против разделения России на генерал-губернаторства. Большинство министров являлись противниками такого управления страной, нарушавшего их права и дававшего возможность вмешиваться в их дела генерал-губернаторам. Централизация управления при этом, бесспорно, страдала, но централизация управления и не была идеалом Императора Александра I, во вторую половину своего царствования слишком хорошо понимавшего, что различные части империи стоят на совершенно разных культурных степенях и имеют много исторических особенностей[2].

Деятельность генерал-губернаторов способствовала некоторой децентрализации управления: присутствие их в провинции ослабляло власть центральных учреждений, как бы приближая население к источнику верховной власти; их власть могла быть своеобразной корректировкой власти министерской, слишком отдаленной: «министр был представитель интересов дела, генерал-губернатор — интересов края»[3].

В целом права и обязанности генерал-губернаторов первой четверти XIX столетия можно определить следующим образом:

— генерал-губернатор — высший блюститель законности в своем регионе, контролировавший действия всех подведом-

[1] Исторический обзор деятельности Комитета министров Т 1. СПб , 1902 С 103
[2] Там же С 96
[3] Там же С 97

ственных ему лиц для предупреждения (а если возможно, для прекращения) нарушения законов;

— генерал-губернатор наблюдал за правильным рассмотрением дел в местных судебных инстанциях; его мнение учитывалось при составлении законов и принятии временных мер;

— генерал-губернатор имел право обращаться непосредственно к Императору по вверенным ему делам;

— никакие представления гражданских губернаторов, кроме срочных ведомостей, не поступали к министерствам, минуя генерал-губернаторов;

— генерал-губернатор должен был получать копии всех приказов министров для гражданских губернаторов, чтобы контролировать их исполнение.

Присутствие генерал-губернатора являлось своеобразным гарантом судебно-правовой дисциплины в отдельных местностях. Анализируя документы канцелярии Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора[1] и рапорты Черниговского, Полтавского и Харьковского генерал-губернатора[2], мы видим, что практически каждое дело, интересы какой бы социальной группы оно ни затрагивало, направлялось генерал-губернатору.

Генерал-губернатор в одном лице представлял интересы всех министерств, он решал различные проблемы или просил Высочайшего разрешения для связи с соответствующими инстанциями. В особых случаях генерал-губернатор отдавал самостоятельные приказы под свою ответственность, наконец, подобно министру генерал-губернатор подавал на Высочайшее рассмотрение и сообщал центральным властям подробные сведения о состоянии губернии и свои предложения по различным вопросам. При этом круг интересов, рассматриваемых генерал-губернатором, был весьма обширен, в его ведении находились проблемы полицейских и судебных учреждений, вопросы экономики и административного управления. Через генерал-губернаторов правительство проводило законы и распоряжения; генерал-губернаторы направляли деятельность местной администрации согласно распоряжениям высших властей; в свою оче-

[1] Центральный Государственный исторический архив Украины, ф 442, оп. 72, ед. хр. 444.

[2] ГАРФ, ф. 973, оп. 1, ед. хр. 83.

редь, правительство узнавало от генерал-губернаторов о потребностях края[1].

Практически до середины XIX в., несмотря на выход отдельных указов, генерал-губернаторы руководствовались в своих действиях практической необходимостью, примерами деятельности генерал-губернаторов других регионов и так называемыми наставлениями правительства.

Складывалась ситуация, при которой степень эффективности управления тем или иным регионом империи зависела от субъективного фактора, то есть системы личного управления генерал-губернатора. Можно предположить, что на определенных исторических этапах жизни Российской Империи введение поста генерал-губернатора и предоставление ему особых полномочий было необходимым условием успешного развития конкретных регионов империи.

Все проблемы, связанные с проблемами генерал-губернаторств, относились и к Новороссийскому краю и Бессарабской области. Но пограничное положение, выход к морю, необходимость заселения переселенцами из центральных областей России и колонистами ставили это генерал-губернаторство в особые условия. Здесь тоже до 1828 г. фактически, а затем и юридически новороссийские губернии и Бессарабская область возглавлялись одним лицом — генерал-губернатором.

Особую систему управления имели «иностранные колонии», которые формально не зависели от губернских властей. В течение первой четверти XIX в. эта система непрерывно расширялась. В 1818 г. в связи с возросшим числом колонистов для управления колониями Новороссии и Бессарабской области создан Попечительный комитет о колонистах Южного края России[2]. В состав комитета были образованы три конторы: Екатеринославская, Одесская и Бессарабская. Председателем комитета в звании «главного попечителя колонистов» состоял с 7 марта 1818 г. И.Н. Инзов. Он разработал новую инструкцию (1821 г.) для низовой администрации (сельских приказов) и рядовых колонистов, которая составлена в форме сове-

[1] Градовский А.Д. Указ. соч. С. 325.
[2] ПСЗ. Т. XXXV. N 27 312.

тов и разъяснений, как лучше организовать хозяйственную и общественную деятельность. Военные поселения не имели никакого отношения к губернским властям и управлялись непосредственно из центра Военным министерством.

Высочайший указ 11 декабря 1822 г. приказывал главнокомандующему Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерний именоваться Новороссийским генерал-губернатором. Сначала предполагалось, что генерал-губернатор будет жить по очереди в каждом из трех губернских городов, но А.Ф. Ланжерон (1763—1831) попросил разрешения остаться в Одессе — центре управления краем. После того как Ланжерон, согласно его просьбе, был уволен со службы, Император указом от 17 июля 1822 г. поручил управление краем И.Н. Инзову.

Центром региона стал Кишинев, где было учреждено главное управление И.Н. Инзова над колониями и Бессарабской областью, которой он временно управлял после Бахметева. В период своего правления И.Н. Инзов, предпринимая ряд мер для подъема промышленности и торговли, помогал краю, пострадавшему от неурожая, выделяя средства и казенный хлеб для помощи неимущим.

В то же время окончательно образовалось военно-кавалерийское поселение, занявшее, кроме Херсонской, часть Екатеринославской губернии, на территории которой 17 января 1822 г. губернатор В.Л. Шемиот предоставил генерал-лейтенанту графу И.О. Витте часть Верхнеднепровского уезда, назначенного для поселения кирасирских полков. После назначения М.С. Воронцова И.Н. Инзов управлял колониями Южного края империи.

В 1823 г., когда М.С. Воронцов принял руководство над новороссийскими губерниями и Бессарабией, край насчитывал примерно до двух миллионов жителей на территории, включавшей 21 161 000 десятин земли (более 10 десятин на человека). Регион был разделен на Екатеринославскую, Таврическую, Херсонскую губернии и Бессарабскую область и включал в себя 52 города, 191 колонию и 5882 местечка, селений и деревень (всего более 6000 усадеб, сильно различающихся по экономическому состоянию)[1].

[1] Скальковский А.А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. II. Одесса, 1853. С. 13.

Новороссийский край имел пять особых частей управления: 1) управление губернское; 2) управление духовное или епархиальное; 3) управление Черноморского флота, портов и адмиралтейских селений; 4) управления военных поселений, зависящих от Военного министерства; 5) попечительство над иностранными колониями Южной России, подчиненное непосредственно Министерству государственных имуществ.

Юридически генерал-губернатор имел право контролировать деятельность губернаторов, другие же вопросы управления были вне сферы его прямого руководства и контроля, исключая чрезвычайные ситуации.

Говоря о существе проблем, которые ставились и разрешались этим аппаратом управления, необходимо подчеркнуть преемственность политики, проводившейся до и после 1800 г. Когда в декабре 1801 г. начались заседания Комитета об устранении Новороссийской губернии, он отталкивался от того, что было задумано и частично осуществлено при князе Г.А. Потемкине (1739—1791). Комитет поставил много задач, разрешение которых выпало на долю как тех администраторов, которые возглавляли новороссийские губернии в данный период, так и тех, которые пришли им на смену. М.С. Воронцов, назначенный 7 мая 1823 г., считал, что ему удалось исполнить лишь малую часть выдающихся замыслов Потемкина . На внутриполитическую ситуацию 1823 г. в России заметное влияние оказал ряд крупных назначений, отставок и перестановок в высших правительственных кругах.[1] «Все, что совершалось выше, гораздо более покрыто тайною, чем ныне, — пишет Ф.Ф. Вигель. — Если же верить молве, и до меня дошедшей, то А.А. Аракчеев, от вне-

[1] Начальником главного штаба Его Императорского Величества вместо князя П.М. Волконского становится барон И.И. Дибич; с поста министра финансов уволен граф Д А Гурьев, вместо него назначен Е.Ф. Канкрин, подает в отставку министр внутренних дел граф В П. Кочубей, на его место А А. Аракчеев выдвигает барона Б.Б. Кампенгаузена (затем С.С. Ланского); в августе 1823 г. Финляндским генерал-губернатором назначен А А. Закревский, бывший до этого дежурным генералом главного штаба; с удалением от военного министерства князя П М Волконского и А.А. Закревского решает оставить должность начальника штаба 2-й армии П.Д. Киселев; пост военного министра в 1824 г. занимает А И. Татищев; в этом же году просит об отставке князь А.Е. Чарторыжский; в декабре 1823 г. издан указ об увольнении в отставку члена Государственного совета графа Ф.В. Ростопчина; вместо барона И И. Дибича, занявшего место начальника главного штаба, начальником главного штаба 1-й армии становится барон К.Ф. Толь.

шних обстоятельств, приобретая все более силы над встревоженным умом императора, старался удалить от него всех тех, кои не признавали его власти и чуждались с ним связей, и хотел заменить их людьми преданными. Ему хотелось, будто говорил он, поставить деловое и опытное на место знатного пусточванства»[1].

Действительно, почти все сменяемые лица состояли далеко не в дружеских отношениях с графом А.А. Аракчеевым, и замена для них была найдена при самом активном участии последнего.

По мнению ряда исследователей, причиной удаления из Петербурга многих лиц, включая и самого М.С. Воронцова, явилась их принадлежность к либеральным кругам своего времени, что в условиях сложившейся ситуации не могло не тревожить Императора. «Есть слухи, что пагубный дух вольномыслия или либерализма разлит, или, по крайней мере, сильно уже разливается и между войсками; что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по разным местам тайныя общества или клубы, которые имеют притом секретных миссионеров для распространения своей партии. Ермолов, Раевский, Киселев, Михаил Орлов, Дмитрий Столыпин и многие другие из генералов, полковых командиров, сверх сего большая часть штаба и обер-офицеров», — отмечал в собственноручной записке, относящейся к 1824 г., Александр Павлович[2].

К тому же внешнеполитическая обстановка в данный период была весьма тревожной.

---

[1] Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. 4. СПб., 1897—1898. С. 274—275.

[2] Русский биографический словарь. Т. 1. СПб., 1896. С. 377 Еще в 1820 г. М.С. Воронцов вместе с братьями Тургеневыми, Карамзиным и Меншиковым подписывают документ, призывающий правительство заняться проблемой освобождения крестьян. «Два человека, выдающиеся как по своему почетному положению, так и по образованию, — отмечает в мемуарах Н.И Тургенев, — граф Воронцов и князь Меншиков, приняли однажды решение начать дело об освобождении, и начать его серьезно. Я настаиваю именно на последнем, ибо в этих вопросах не редкость видеть так называемых филантропов, которые говорят беспрерывно об улучшении участи крепостных, о предоставлении им некоторых выгод, об ограничении власти господина, наконец, о пресечении злоупотреблений властью, которую имеет один человек, как помещик, над другим, все это фразы, которые свидетельствуют или о наивности, или злой воле тех, кто их расточает». Далее Н.И. Тургенев еще раз подчеркивает следующее: «И вот почему те два лица начали с того, что объявили, что их цель состоит в полном освобождении». (Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989. С. 126.)

Революционные выступления распространялись по всей Европе. Начавшись в испанских колониях Америки, они перешли в метрополию, затем в Португалию и Италию. Тревожная ситуация сохранялась и в Австрийской империи.

Можно действительно предполагать, что перемены в составе высшей администрации с последующим удалением ряда должностных лиц из столицы были связаны с политическими соображениями. Но в то же время вряд ли можно согласиться с утверждением, что подобные назначения вызваны лишь желанием правительства удалить из Петербурга неугодных лиц. Трудно предположить, что управление территориями, расположенными на границах империи (А.А. Закревский с 1823 г. — Финляндский генерал-губернатор, А.П. Ермолов с 1816 г. — на Кавказе, М.С. Воронцов с 1823 г. — генерал-губернатор Новороссийского края и наместник Бессарабии), было отдано людям, не внушающим доверия Императору.

Что касается влияния новых назначений в Петербурге на деятельность М.С. Воронцова на посту генерал-губернатора, то интересно по этому поводу мнение А.П. Ермолова, высказанное в одном из писем М.С. Воронцову, где он пишет: «Ты теперь будешь иметь дело со всеми из них и, конечно, будешь счастливее меня, к которому они не весьма благоволят. Но все-таки испытываешь немало досад»[1].

Как мы увидим далее, опасения А.П. Ермолова впоследствии подтвердились. Но мы уже говорили о столкновениях между министерской и губернаторской властями, начиная со времени учреждения министерств. Один из предшественников М.С. Воронцова, герцог Ришелье, говорил в свое время: «Пусть правительство забудет этот край на 25 лет только, и я ручаюсь, что он сделается цветущим краем, а Одесса перещеголяет Марсель в коммерческом отношении»[2].

Весьма важно помнить о том, что для М.С. Воронцова и его друзей честное выполнение служебных обязанностей являлось основой мировоззрения, единственной возможностью доказать свою любовь к Родине. Своеобразная характеристика времени

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 36. С. 240.
[2] Из записок Н.И. Лорера. Русский архив. 1874. С. 699—700.

и людей того времени содержится в письме А.А. Закревского П.Д. Киселеву: «Но, служа в своем Отечестве, я иначе думаю и служу для того, чтобы соотечественники трудам моим отдавали полную справедливость. Вот для чего мы живем на свете. В Финляндии мне будет трудно и скучно; но назначенное время вытерплю, если позволит здоровье»[1]. О должности, которая имеет высокое нравственное значение, пишет М.С. Воронцову из Тифлиса А.П. Ермолов: «Любя пользу Отечества, рад я был, что ты получил место, в котором большие можешь оказать ему заслуги»[2].

Следует подчеркнуть, что в данном случае мы имеем дело с определенной позицией, когда честь служения Отечеству неразделима с верностью Императору.

Итак, граф М.С. Воронцов становится генерал-губернатором Новороссийского края и Бессарабии в период серьезных изменений в среде ведущих государственных деятелей Петербурга, причем большинство новых назначений коснулось лиц, с которыми М.С. Воронцов состоял в дружеских отношениях и удаление которых из Петербурга лишало его известной поддержки среди высшей правительственной администрации. И тем не менее новое назначение давало М.С. Воронцову возможность проявить способности администратора и военачальника, что подтверждается и высказыванием его друзей: «Воронцов очень доволен — Государь утвердил все его представления на счет управляемых им губерний»[1].

Хотелось бы отметить и то обстоятельство, что в системе государственного устройства Российской Империи большое значение имел субъективный фактор. Так, А.П. Ермолов писал в одном из своих посланий: «Я заметил, что у нас обращается внимание на начальника, которому поручаются провинции в управление, а не самые провинции. Завтра здесь будет знаменитый человек начальником, с сильными связями, и зашумят похвалы о Грузии, следовательно, сделал сие превращение и с какой скоростью, ибо вчера еще осуждали несносную Грузию»[2]. Таким образом, власть генерал-губернатора в значительной сте-

[1] Заболоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время. СПб., 1882. С. 198.

[2] Архив князя Воронцова. Кн. 36. С. 238.

пени ставилась в зависимость от взаимоотношений его с представителями правительства, от его нравственных качеств и профессиональных навыков, способностей, черт характера и, как следствие, умения подбирать служащих.

ФОРМИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО АППАРАТА. КАНЦЕЛЯРИЯ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА. ЕГО РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Результаты деятельности руководителя любого ранга во многом зависят от личного состава его администрации. Воронцов это отлично понимал и знал, что среди чиновников края, которым ему предстояло руководить, было немало личностей со слабыми деловыми и нравственными качествами.

Это не было секретом и подтверждалось результатами обследования П.Д. Киселевым Новороссии и Бессарабии в 1815—1816 гг. П.Д. Киселев[1] обнаружил тогда крупные злоупотребления среди чиновничества. Дело касалось в основном беспорядков в области винного откупа, незаконной распродажи казенных земель и расхищения средств, отпущенных на иностранных колонистов.

Дальнейшее развитие региона во многом зависело от того, удастся ли М.С. Воронцову разобраться с возникшей ситуацией в местных органах управления и в то же время создать собственный работоспособный административный аппарат.

В связи с тем, что генерал-губернатор наделялся правами и обязанностями как военного, так и гражданского государственного деятеля, администрацию генерал-губернатора можно было условно разделить на две части: военную и гражданскую.

Из числа военнослужащих, входивших в первую группу, адъютанты занимали особое место, что определялось их правами и обязанностями. Как известно, адъютант должен повсюду следовать за своим начальником, развозить его письменные и словесные приказы; в походе или бою находиться при нем неотлучно и оставлять только для исполнения его пору-

[1] Заболоцкий-Десятовский А.П. Указ. соч. С. 24—25.

чений; адъютант мог заведовать делопроизводством в штабе, управлении или в одной из его частей, отделении.

Для М.С. Воронцова было важно среди адъютантов иметь людей, пользующихся его доверием и уважением, способных в новых условиях стать настоящими помощниками генерал-губернатора. Согласно списку от 9 декабря 1823 г. адъютантами М.С. Воронцова в этот период были: лейб-гвардии Преображенского полка штабс-капитан князь З.С. Херхеулидзев; лейб-гвардии Конного полка поручик И.Г. Сенявин; лейб-гвардии Конно-егерского полка поручик князь В.М. Шаховской и в должности адъютанта (как сказано в списке) офицер лейб-гвардии Павловского полка К.К. Варлам.

Историю определения на службу З.С. Херхеулидзева удалось обнаружить в «Записках» Н.И. Лорера, который, зная З.С. Херхеулидзева с детских лет, отмечал, что «он был отличным офицером, любим и уважаем товарищами»[1]. Но, несмотря на это, Великий Князь Михаил Павлович, — отмечал Н.И. Лорер, — не давал ему командовать ротой, придираясь к тому, что у Херхеулидзева недостаточно звучный голос. «Князь обиделся и хотел подать в отставку, но Воронцов, назначенный в это время военным генерал-губернатором Новороссийского края, зная благородные качества души Херхеулидзева, взял его к себе в адъютанты и в оправдание своего выбора часто говаривал: «По голосу можно и должно выбирать людей только в певческую капеллу»[2].

К.К. Варлам был старшим братом М.К. Булгаковой, супруги друга М.С. Воронцова — К.Я. Булгакова. В письме к брату К.Я. Булгаков сообщает, что Император дал согласие назначить К.К. Варлама адъютантом к М.С. Воронцову, и это событие было воспринято в семье с необычайной радостью. «Теперь вся его карьера зависит от него», — писал Булгаков[3]. Действительно, с течением времени большинство адъютантов, служивших у М.С. Воронцова, займут высокие государственные посты. Назовем лишь некоторых: И.Г. Сенявин — в будущем товарищ министра внутренних дел, сенатор; князь

[1] Лорер Н.И. Указ. соч. С. 229.
[2] Лорер Н.И. Указ. соч. С. 229.
[3] Из писем К.Я. Булгакова к брату его // Русский архив. 1903. № 4. С. 449—450.

В.М. Шаховской — главный смотритель странноприимного дома, младший директор Государственного коммерческого банка; князь З.С. Херхеулидзев — губернатор Смоленска, военный и гражданский губернатор Орла; князь А.М. Дондуков-Корсаков — Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор, в 1879 г. — командующий оккупационными войсками в Болгарии, в 1882—1890 гг. — главноначальствующий гражданской частью на Кавказе.

Необходимо заметить, что в Новороссии, а затем и на Кавказе военная администрация М.С. Воронцова состояла из людей, принадлежавших в основном к высшим дворянским кругам.

Одной из причин данного обстоятельства являлось то, что представители аристократических фамилий того времени имели отрицательное отношение к гражданской службе. Так, Соллогуб, в частности, писал по этому поводу, что во времена николаевские, «когда всякий служащий человек считал казенное имущество чуть ли не собственным достоянием», найти честного гражданского чиновника было трудно. При этом Соллогуб пишет далее, что: «Я не говорю, разумеется, о военных людях, которые, за исключением нескольких скорбных явлений, всегда представляли собой образцы храбрости и честности»[1]. Вынося столь категорический приговор, В.А. Соллогуб, как и другие современники, подчеркивал, что М.С. Воронцов «обладал драгоценным для государственного человека даром окружать себя людьми если не всегда замечательными, то способными, трудящимися и добросовестными»[2].

Формирование гражданской части административного аппарата М.С. Воронцова в 1823 г. усложнялось тем, что в Одессе — центре управления регионом — практически не осталось чиновников, служивших в составе канцелярий предшественников М.С. Воронцова. Так, управляющий новороссийскими губерниями и исполняющий должность полномочного наместника Бессарабской области И.Н. Инзов, заменив А.Ф. Ланжерона и сохранив за собой пост главного попечителя и председателя комитета колонистов Южного края

[1] Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 510
[2] Там же.

России, перевел членов канцелярии А.Ф. Ланжерона в Кишинев.

Учитывая данные обстоятельства и в силу своего характера, определившего во многом стиль руководства генерал-губернатора, М.С. Воронцов, еще находясь в Петербурге, начинает создавать собственный административный аппарат.

Чтобы ответить на вопрос, какие методы и критерии оценки использовал М.С. Воронцов для подбора людей, рассмотрим несколько наиболее характерных ситуаций. Одна из них связана с Ф.Ф. Вигелем, который пишет в своих воспоминаниях, что в 1823 г. ему посоветовали обратиться к М.С. Воронцову с просьбой о поступлении на службу. Ф.Ф. Вигель, неоднозначно относившийся к М.С. Воронцову, первоначально даже отказывался от встреч с ним. Первая беседа Ф.Ф. Вигеля и М.С. Воронцова продолжалась около получаса. Разговор начался преимущественно с вопросов, связанных с краем, куда был назначен М.С. Воронцов. Причем Ф.Ф. Вигель ничего не просил для себя, не выражал никаких пожеланий относительно службы. Прощаясь, М.С. Воронцов попросил Ф.Ф. Вигеля посетить его для более подробной беседы. Через несколько встреч с М.С. Воронцовым Ф.Ф. Вигель был вынужден признать, что он находился «в совершенном его распоряжении. Он обошел меня, да и я, кажется, не совсем ему был противен»[1].

В результате Ф.Ф. Вигель, незадолго до встречи с М.С. Воронцовым оставивший службу, был готов вновь поступить на нее.

Следует упомянуть, что и в последующие годы государственной деятельности М.С. Воронцов хранил верность своим методам в выборе сослуживцев, к какой бы социальной группе они ни принадлежали. Это доказывает и пример поступления на службу Н.Н. Мурзакевича, который был сыном дьякона Успенского собора Смоленска. Он обучался в семинарии, а в 1825 г. поступил на этико-политическое отделение Московского университета.

В 1836 г. Таврический губернатор А.И. Казначеев представил Н.Н. Мурзакевича М.С. Воронцову. Через некоторое время, проезжая мимо Алупки, Н.Н. Мурзакевич получил при-

[1] Вигель Ф.Ф. Записки. Т. II М, 1928. С 199.

глашение М.С. Воронцова, но, смущаясь своего внешнего вида после долгого путешествия, попросил извинения через посланного чиновника Фаццарди и не решился явиться. После второго приглашения Н.Н. Мурзакевич отправился в Алупкинский дворец в поношенных сапогах и потертом сюртуке. Будучи радушно принят М.С. Воронцовым, он целый час беседовал с генерал-губернатором, который подробно распрашивал Н.Н. Мурзакевича об увиденном в крае. М.С. Воронцов с особым удовольствием поддержал суждение Н.Н. Мурзакевича о необходимости сохранить и изучить местные памятники; так, предложение перевести на русский язык ханские надгробные надписи в Бахчисарае тут же было поручено осуществить состоявшему при М.С. Воронцове переводчику с восточных языков А.А. Борзенко. Вечером М.С. Воронцов еще полтора часа беседовал с Н.Н. Мурзакевичем, сделавшим в результате важный вывод, что М.С. Воронцов способен был находить необходимых для работы людей. Им не нужно было искать покровителей для представления генерал-губернатору, который умел найти подход и завоевать расположение заинтересовавшего его человека, чтобы затем определить его к себе на службу. Так, в одном из своих писем К.Я. Булгаков сообщает, что М.С. Воронцову удалось «выпросить» себе Казначеева, к нему же назначены Бруннов и Марини: «Все трое в восхищении, да есть отчего: приятнее начальника иметь нельзя»[1].

К сожалению, мы не имеем достаточных сведений о личности А.И. Казначеева, который был правителем канцелярии М.С. Воронцова в 1823 г. Из писем А.А. Закревского мы узнаем, что А.И. Казначеев, еще будучи старшим адъютантом А.А. Закревского, был послан к М.С. Воронцову, назначенному командиром Русского оккупационного корпуса во Франции. В одном из писем А.А. Закревский сообщает М.С. Воронцову, что Казначеев должен передать сведения, подтверждающие дружеское расположение А.А. Закревского к М.С. Воронцову[2]. Еще одним свидетельством того, что А.И. Казначеев принадлежал к кругу близких знакомых М.С. Воронцова еще со време-

[1] Из писем К Я Булгакова к брату его // Русский архив 1903 № 4 С 449—450

[2] Письма А А Закревского к М С Воронцову // Архив князя Воронцова Кн 37 С 329

ни военных кампаний начала столетия, является тот факт, что И.В. Сабанеев, близкий друг М.С. Воронцова, один из его сподвижников в походах 1812—1815 гг., хранил у А.И. Казначеева свои записки по различным военным вопросам[1].

Вероятно, А.И. Казначееву, как полковнику, было предоставлено право выбора — остаться у М.С. Воронцова по военной части или по гражданской. Он выбирает последнее, становится действительным статским советником, и в 1823 г. возглавляет канцелярию генерал-губернатора Новороссийского края и наместника Бессарабской области М.С. Воронцова. Впоследствии М.С. Воронцов писал А.Х. Бенкендорфу, что питает к А.И. Казначееву братскую дружбу, а по его характеру и сердцу уважение, что не знает более благонамеренного человека, души более чистой[2].

Во время встреч и бесед с теми, кто желал служить под его началом, М.С. Воронцов в первую очередь старается выяснить уровень профессионализма кандидатов. При этом особое значение имели их нравственные качества, репутация в обществе. Высокие требования, предъявляемые М.С. Воронцовым к своим подчиненным, определялись историческими, экономическими и политическими особенностями развития региона. «Здесь не могло быть той рутины, которая царила во внутренних губерниях страны. Сама жизнь требовала от администрации постановки множества новых, ответственных задач», — подчеркивает в своем исследовании Е.И. Дружинина[3]. На отношения М.С. Воронцова с подчиненными оказывали влияние традиции, вынесенные им из семьи, и прежде всего пример его отца Семена Романовича Воронцова. По отзывам современников, С.Р. Воронцов был образцовый руководитель и неусыпный ходатай за своих сослуживцев, готовый променять для их повышений и отличий те награды, какие предлагались ему самому. Подобный стиль был присущ и Михаилу Семеновичу, и это проявилось в полной мере на новом месте его службы.

К началу деятельности в Одессе, центре управления регионом, М.С. Воронцову удалось сформировать основу своего административного аппарата генерал-губернатора. В него вошли

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 36. С. 465.
[2] Русский архив. 1896. № 3. С. 146.
[3] Дружинина Е.И. Южная Украина. 1800—1825. М., 1970. С. 173.

упомянутые нами выше четыре адъютанта и следующие гражданские чиновники: А.И. Казначеев, в прошлом, как мы писали, боевой офицер, участник военных кампаний начала века; В.И. Туманский — потомок известного в Малороссии дворянского рода (учился в Харьковской гимназии, заканчивал образование в Париже; был близок к Рылееву, Крылову, другим литераторам того времени); Н.С. Завалиевский — сын отставного петербургского вице-губернатора, отставной офицер гвардии саперного батальона; Н.М. Лонгинов — брат статс-секретаря Императрицы; П.Я. Марини (к сожалению, биографических сведений найти не удалось); барон Ф.И. Бруннов (принадлежал к старинной фамилии курляндских дворян, завершил образование в Лейпцигском университете; начал службу в эпоху конгрессов под руководством князя Стурдзы и графа Каподистрия); А.И. Левшин (учился в Харьковском университете, служил в департаменте сельского хозяйства и одно время был председателем ученого комитета Министерства государственных имуществ).

В составе первого административного аппарата М.С. Воронцова — люди, получившие серьезное образование и к моменту поступления в администрацию к М.С. Воронцову уже хорошо зарекомендовавшие себя на начальном этапе своей служебной карьеры. Хотелось бы отметить, что в Новороссии, как и на Кавказе, к М.С. Воронцову тянулись способные молодые люди, желавшие начать служить именно под его началом. Назовем годы жизни некоторых из сотрудников Воронцова: И.Г. Сенявин (1801—1851), В.М. Шаховской (1801—1850), В.И. Туманский (1800—1860), Ф.И. Бруннов (1797—1875), А.И. Левшин (1799—1879).

Можно предполагать, что их ровесниками были и Н.С. Завалиевский и К.К. Варлам, точные даты рождения которых, к сожалению, нам пока неизвестны. Таким образом, большая часть первого административного аппарата — молодые люди, средний возраст которых 23—24 года. Предполагалось, что возглавит будущую канцелярию А.И. Казначеев, а начальником одного из отделений станет Н.М. Лонгинов, который и отразил в своих путевых записках начало деятельности М.С. Воронцова на посту генерал-губернатора.

Необходимо отметить, что М.С. Воронцов начал активно заниматься вопросами управления краем еще по дороге в Одессу. Во время путешествия он встречался с членами местных администраций, принимал представителей различных слоев населения, при этом Н.М. Лонгинов всюду следовал за М С. Воронцовым, собирая дела «в портфель». Прибыв 19 июля 1823 г. в Херсон, М.С. Воронцов получил от Таврического губернатора известие о признаках чумы в Феодосии и решил тотчас покинуть Херсон, успев принять перед этим просителей. Уже 30 июня в 9 часов утра граф с окружением находился у адмирала Грейга на его мызе в двух верстах от Николаева. Адмирал Грейг демонстрировал генерал-губернатору строительство кораблей, арсенал адмиралтейства и пр. М.С Воронцов отдал распоряжение о строгих карантинных мерах в военных портах и < вытребовал > у Грейга два военных судна в свое распоряжение для более быстрой, чем по суше, перевозки почты из Одессы в Крым[1].

В Одессу генерал-губернатор прибывает вечером 21 июля. 22 июля состоялось парадное представление всех сословий, а после обедни в церкви — прием различных рапортов «от мест и лиц подчиненных»[2].

Этот день, положивший начало многолетней деятельности М.С. Воронцова на посту генерал-губернатора, завершился спектаклем в Одесском театре, где появление графа было встречено криками «Ура!», что привело его в величайшее замешательство. Нужно заметить, что в предыдущих местах по дороге в Одессу М.С. Воронцов старался отменять торжественные приемы в свою честь. «Последующие дни пребывания нашего в Одессе, т. е. 23, 24, 25 числа, были цепью приема бесчисленных прошений и жалоб на разные отягощения. Во всем том я имел довольно хлопот, ибо в Одессе мы никого из Ланжеронской канцелярии не нашли. Инзов всех переселил в Кишинев»[3].

Столкнувшись с тяжелым положением дел в Кишиневе и в Бессарабии, М.С. Воронцов, вероятно, еще раз утвердился во

[1] Путевые письма Н М Лонгинова // Русский архив 1905 Кн 3 С 567
[2] Там же С 568
[3] Там же

мнении, что изменить ситуацию к лучшему без правильно подобранных, т. е. честных, надежных, отличающихся высокими деловыми качествами сотрудников будет невозможно. «Одним словом, край сей должно вновь создать, и если бы Бог послал графу благородных и деятельных людей, то сия земля, сама по себе благодатная, обратилась бы в рай. Теперь мы только доходим до всего повернее, а после станем расплачиваться, кому чем придется»[1]. Оставив 6 августа Кишинев и посетив Измаил, Килию, Аккерман, М.С. Воронцов возвращается в Одессу, где отдает распоряжение А.И. Казначееву и Н.М.Лонгинову заняться созданием новой канцелярии и подбором общего штата служащих.

До назначения М.С. Воронцова канцелярия генерал-губернатора А.Ф. Ланжерона делилась в целом на четыре подразделения, два из которых занимались обработкой самой разнообразной информации, поступавшей из новороссийских губерний; дела военного и медицинского характера рассматривались в специальных частях главной канцелярии. Помимо четырех управляющих, в канцелярию входили: губернские секретари, архивариус, обер-аудитор, письмоводитель и другие чиновники[2].

Для успешного делопроизводства требовалось более четко распределить обязанности между чиновниками, назначив каждого отвечать за определенное направление. При этом М.С. Воронцов подбирал для службы людей, умеющих творчески мыслить, и старался не сковывать их инициативу, поручая им в особых случаях ведение важных дел. Кроме того, М.С. Воронцов привык лично вникать во все вопросы, для чего считал необходимым постоянно объезжать территорию края с инспекционными поездками. Чтобы справиться с этой задачей, требовались специальные помощники в составе штата канцелярии генерал-губернатора.

Итак, прежде чем приступать непосредственно к созданию новой канцелярии в Одессе, А.И. Казначеев и Н.М. Лонгинов составляют план будущих действий:

---

[1] Путевые письма Н М Лонгинова // Русский архив 1905 Кн 3 С 570

[2] Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1823 Часть вторая В Санкт-Петербурге, при Императорской Академии наук Состояние чинов по 22 ноября 1822

1. Изучить все направления будущих дел и их количество, чтобы точно определить число необходимых для службы людей, производителей и писцов.

2. Установить количество всех местных чиновников, постараться определить их способности и возможное направление деятельности каждого.

3. И наконец, разобраться с суммами окладов, «чтобы знать, будет ли из чего и сколько назначить жалование тем, кто онаго не имеет»[1].

Таким образом, сотрудникам М.С. Воронцова фактически предстояло создать новый административный центр по управлению регионом.

Канцелярию решено было разместить на нижнем этаже дома градоначальника, верхние десять меблированных ко́мнат предназначались для А.И. Казначеева. Но возникла серьезная проблема с появлением новой статьи расходов на обстановку служебных помещений. Дело осложнялось тем, что от старой канцелярии не осталось никаких денежных сумм и даже был долг, примерно на две тысячи, за канцелярские материалы. Притом новые служащие М.С. Воронцова обнаружили в помещении лишь архивные шкафы, не было ни стульев, ни чернильниц и прочего необходимого для работы чиновников. «Не знаю, откуда граф возьмет на первый раз денег, необходимо просить из казны, как на единовременные издержки, так жалование новым чиновникам»[2].

1 августа М.С. Воронцов отправился вместе с Левшиным из Одессы в Крым, поручив А.И. Казначееву продолжать заниматься планом создания канцелярии. Казначеев и Лонгинов ежедневно работали вместе, классифицируя направления будущих дел. Предполагалось учредить пять отделений, которые, в свою очередь, делились на столы, и добавить отдельные четыре части: казначейскую, архивную, экзекуторскую и журналистскую.

В результате их деятельности канцелярия Новороссийского генерал-губернатора и полномочного наместника Бессарабской области, генерал-адъютанта и генерал-лейтенанта графа М.С. Во-

[1] Путевые письма Н.М. Лонгинова // Русский архив 1905. Кн. 3 С. 571.
[2] Там же.

ронцова была упорядочена. В сравнении с 1822 г. штат канцелярии увеличился, но ее структура стала более функциональной[1]. Каждое отделение имело начальника и двух-трех столоначальников, возглавлявших отдельные подразделения. Причем почти все ведущие должности заняли лица, лично выбранные М.С. Воронцовым и вместе с ним прибывшие в Одессу.

Чиновники по особым поручениям объезжали регион и собирали необходимые сведения о его состоянии, они делились на военных и статских, последние являлись в основном представителями ведомства Министерства иностранных дел. Это обстоятельство, как и наличие среди членов канцелярии значительного числа военных, объяснялось, с одной стороны, пограничным расположением региона, развитие которого имело стратегическое значение. С другой стороны, большинство членов канцелярии — участники военных кампаний начала столетия, кавалеры российских и иностранных орденов, имели медали за 1812—1814 гг. Учитывая воинское прошлое самого М.С. Воронцова, можно предположить, что именно из этой среды ему было легче выбирать себе сослуживцев.

В 1826 г. выходит распоряжение правительства, в котором штаты канцелярии военных генерал-губернаторов, военных губернаторов и генерал-губернаторов (утвержденных 13 февраля 1826 г.) были сведены в специальную таблицу, в которой губернии разделены на 12 групп с учетом каждой. Новороссийская губерния была представлена отдельно под VII пунктом с примечаниями, что штат ее канцелярии такой же, как у генерал-губернатора Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний.

Канцелярия М.С. Воронцова была, по понятиям того времени, одной из самых многочисленных — 37 чиновников (40 800 рублей отпускаемых на год средств).

Необходимо отметить, что требования следовать данному постановлению были столь строги, что малейшие изменения

[1] Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова. 1824. Часть вторая. В Санкт-Петербурге, при Императорской Академии наук.

штатного расписания разрешались лишь после Высочайшего утверждения[1].

Канцелярия Воронцова дополнительно включала в себя и 9 человек Бессарабского управления.

После выхода постановления, согласно списку от 17 ноября 1827 г., в канцелярии произошли следующие изменения: появилась должность управляющего Новороссийскими губерниями и Бессарабской областью, что было вызвано вынужденным отсутствием М.С. Воронцова. Это место занимал одесский градоначальник, тайный советник граф Ф.П. Пален; правителем канцелярии становился коллежский советник М.И. Лекс, а имя А.И. Казначеева мы встречаем среди чиновников по особым поручениям; в сравнении с 1825 г. отделения четко не выделены по своей специализации, и вместо пяти (включая Бессарабское) их оставлено четыре[2].

В 1845 г. М.С. Воронцов приступил к исполнению обязанностей Кавказского наместника и главнокомандующего кавказскими войсками, но при этом за ним сохранился пост Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. Канцелярия генерал-губернатора состояла из управляющего, заведующего делами канцелярии; пяти отделений (распорядительно-хозяйственное, судное, Бессарабское, карантинное, счетное); в каждом отделении — начальник и столоначальники. При этом сохранялись должности казначея, экзекутора, архивариуса, переводчика восточных языков и журналиста.

Отдельное подразделение именовалось «Дежурство» и включало троих дежурных штаб-офицеров, дивизионного доктора, обер-аудитора, провиантского чиновника (всего шесть чело-

[1] Так, в октябре 1855 г. выходит указ «О прибавке к штату канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора еще трех чиновников особых поручений» (ПСЗ. Т. XXX. 1856. С. 610). В нем, в частности, говорится, что, согласно ходатайству Новороссийского генерал-губернатора, Император разрешает «прибавить к штату канцелярии его, по управлению Новороссийскими губерниями, еще трех чиновников особых поручений: одного в IV классе по должности и мундиру <...> с жалованием по шестисот рублей, столовыми и квартирными по четыреста рублей в год, а двух с теми правами по службе и с содержанием, какими пользуются состоящие ныне при генерал-губернаторе чиновники особых поручений (ПСЗ. Т. XXX. 1856. С.537). Таким образом, число чиновников в канцеляриях строго регламентировалось, но при этом ответственность за выбор лиц на должности в различные учреждения губернии ложилась на губернаторов.

[2] Новороссийский календарь. 1837. Одесса, 1836.

век). Комиссия Новороссийских пароходов состояла из десяти человек, а Главный статистический комитет Новороссийского края из директора и редактора. Так выглядело Главное управление Новороссийского края и Бессарабии в 1845 г.[1].

Согласно установленным правилам, к делопроизводству канцелярий принадлежали следующие вопросы: дела секретные; переписка по обозрению губерний и составлению годовых отчетов; переписка по делам общественного самоуправления и дворянских выборов; выдача заграничных паспортов, производство дел по губернской и воинской повинности; переписка с военным начальством по движению и использованию войск; переписка по делам печати.

Для того чтобы представить стиль работы М.С. Воронцова и сотрудников его канцелярии, порядок ведения дел, исходя из немногочисленных сведений, содержащихся в воспоминаниях современников М.С. Воронцова, можно попытаться восстановить один из рабочих дней генерал-губернатора и сотрудников его канцелярии.

В семь часов утра М.С. Воронцов кратко записывал хронику предыдущего дня. Две соседние с кабинетом М.С. Воронцова комнаты были предоставлены начальнику 1-го распорядительного отделения Н.М. Лонгинову, который к тому же отвечал за частную переписку. Одна комната предназначалась для его проживания, другая находилась под ведением Н.М. Лонгинова, и в ней безотлучно находились три писца для ведения переписки и «печатания» пакетов (вероятно, имеется в виду регистрация корреспонденции). При этом записи в «Журнале исходящей корреспонденции», судя по почерку, выполнялись лично М.С. Воронцовым[2]. Следует отметить, что деловое общение между членами администрации М.С. Воронцова осуществлялось на русском языке. По отзывам современников, со времени М.С. Воронцова русский язык стал господствующим в Одессе[3].

Как вспоминал М.П. Щербинин, бывший в свое время личным секретарем М.С. Воронцова, он был обязан ежедневно являться к М.С. Воронцову в 7 часов утра. Около 8 часов в каби-

[1] Новороссийский календарь. 1846. Одесса, 1845. С. 159—161.
[2] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2447.
[3] А. де-Рибас. Старая Одесса. Одесса, 1990. С. 93.

нет входили дежурный адъютант и офицеры, полицмейстер и сотрудники М.С. Воронцова по письменной части. После беседы с ними генерал-губернатор просматривал поступившую корреспонденцию. Обычно в 9 часов следовал завтрак, который состоял из чая, куска белого подсушенного хлеба с маслом и яйца всмятку. Вообще Воронцов ел в течение дня два раза. Обедать он садился в шесть часов пополудни. По словам современников, Воронцов любил простые, особенно народные блюда. Фрукты употреблял редко, квас и другие популярные напитки не терпел, вне отведенного времени никогда не пил, как бы ни мучила его жажда. Последнее особенно поражало его молодых спутников во время долгих и изнурительных поездок верхом по Кавказу. Выносливость М.С. Воронцова была удивительной.

После чая М.С. Воронцов возвращался к письменному столу и начинал диктовать своим секретарям проекты по различным вопросам. Причем, диктуя иногда записку в течение трех часов, он переходил для отдыха к другому занятию — «разговору» с пришедшим лицом, но на следующее утро, спросив: «На чем стали?» — продолжал начатое.

Начальники отделений канцелярии ежедневно по очереди приезжали с докладами к генерал-губернатору. После обеда в 5 или 6 часов вечера М.С. Воронцов совершал пешеходную или конную прогулку, во время которой внимательно наблюдал за происходящим вокруг, сообщая о неполадках местным властям. По вторникам и субботам М.С. Воронцов в своей канцелярии на бульваре в доме графа Потоцкого принимал просителей. Во время отсутствия М.С. Воронцова к правителю канцелярии стекались сведения из разных областей региона, практически по всем вопросам управления краем. Эти данные переправлялись М.С. Воронцову.

Так, из сохранившейся переписки М.С. Воронцова с А.Я. Фабром мы видим, что правитель канцелярии регулярно сообщает генерал-губернатору сведения о дорожном строительстве, транспорте, сельском хозяйстве, торговле. В 1838 г. письма отправляются из Одессы в Англию, где находился в это время М.С. Воронцов, с интервалом буквально в несколько дней. В одном из писем Фабр уведомляет, что по приказу М.С. Воронцова объяснился с А.М. Загряжским насчет его занятий по службе. Говоря о

том, что Загряжский хотел рекомендовать что-то новое губернаторам, Фабр пишет, что ни один начальник губернии ни к чему не приступит без разрешения М.С. Воронцова. При этом все распоряжения должны быть согласованы с постановлением правительства[1].

Отчетность правителя канцелярии столь доскональна, что Фабр в 1841 г. отправляет М.С. Воронцову присланные из Симферополя деньги, пожертвованные для Елизаветграда; на документе приписка «возвращено в Одессу»[2]. В другом письме Фабр докладывает, что Херсонский военный губернатор пишет в донесении об уголовных преступлениях в Тираспольском уезде, дошедших до того, что убивают ответственных за порядок — убит вахмистр и военный поселянин. Земская полиция бездействует, несмотря на происходящие грабежи и разбои. Фабр предполагает, что губернатор донес или донесет о событиях в Петербург, откуда последует военная команда, но лучше, советует он, принять меры самим, не откладывая[3]. Таким образом, правитель канцелярии подробнейшим образом рапортует о любых изменениях в регионе. При этом губернаторы в отсутствие М.С. Воронцова ставят в известность правителя канцелярии о возникших в губерниях проблемах и своих решениях.

Правитель канцелярии являлся одним из самых доверенных лиц в администрации, что особенно проявлялось в период отсутствия М.С. Воронцова в регионе, когда правитель канцелярии был обязан принимать и изучать всю поступавшую в канцелярию информацию и оперативно докладывать о ней генерал-губернатору. Необходимо отметить, что должности правителей канцелярии или начальников отделений были прекрасной школой управления: не случайно, что многие из тех, кто занимал при М.С. Воронцове эти посты, станут впоследствии, как мы уже писали, видными государственными деятелями.

Успешная деятельность М.С. Воронцова в подборе лиц для своей администрации во многом определялась, как справедли-

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2432, л. 123.
[2] Там же. Л. 88.
[3] Там же. Л. 97—98.

во замечал А.П. Ермолов, его личными качествами, характером, образованием, социальным положением, опытом предыдущей деятельности. М.С. Воронцов стремился к доверительным, неформальным отношениям со своими подчиненными, но при этом они знали, что советы и возражения граф принимал только наедине, что противодействий своим планам не терпел, противников не щадил, не выносил нарушения правил общественного приличия, жестокого обращения с низшим классом, взяточничества, презрения к установленному порядку. Генерал-лейтенанта Загряжского и майора Иванова настойчиво преследовал, пока их не исключили со службы за нарушения карантинных и таможенных правил.

По словам Мурзакевича, за десятки лет службы М.С. Воронцов лишь однажды вышел из себя, выгнав дежурного штаб-офицера Семякина из кабинета за неточный доклад (но, увольняя, дал такую рекомендацию, что Семякин вскоре получил в командование полк). Требовательность М.С. Воронцова к своим подчиненным была столь велика, что даже близкие друзья не могли не отметить, что «сколько он приятен в частной жизни, столько по деловым отношениям он тяжел и самоуправен»[1] (писал в одном из писем П.Д. Киселев к А.А. Закревскому).

Мы уже говорили о том, что, по словам современников, М.С. Воронцов умел дорожить временем. Где бы он ни находился, он старался не менять своего привычного рабочего распорядка дня. Современники отмечали феноменальную работоспособность Александра Романовича Воронцова, называя его «душесильным, кремневым» человеком. Такое определение можно по праву отнести и к М.С. Воронцову. «Мудрые язычники утверждали, что жизнь есть должность: а для вас, возлюбленный граф, должность есть жизнь»[2], — писал в 1843 г. Ю.Н. Бартенев к М.С. Воронцову. Хотелось бы обратить внимание, насколько эти слова созвучны высказываниям самого

[1] Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 78. СПб. С. 153.

[2] Русский архив. 1898. Кн. III. С. 519. Ю.Н. Бартенев был основателем печорской компании по розыску золота и других металлов на Севере России. Бартенев возлагал на компанию большие надежды, но они не оправдались. Об этом он сообщает М.С. Воронцову, благодаря его за оказанную в трудные дни моральную поддержку.

М.С. Воронцова в период его командования Русским оккупационным корпусом во Франции, когда, думая о вынужденной отставке, он писал А.А. Закревскому: «Я совсем не думаю, чтоб я нужен был по службе, напротив, она мне нужна»[1].

Во время участия М.С. Воронцова в военных событиях первой четверти XIX столетия получили развитие такие черты его характера, как уверенность в собственных силах, настойчивость, самообладание, умение влиять на окружающих. Предъявляя высокие требования к себе, он хотел видеть подобную отдачу в работе и у своих подчиненных. В тех условиях отношения между начальником и подчиненными определялись воинским уставом, но и тогда М.С. Воронцов, наравне с А.П. Ермоловым, имел особый авторитет в армии.

Решение многочисленных хозяйственных проблем, в том числе управления, было невозможно без слаженной работы подчиненных Воронцова, многие из которых начинали свою службу без жалованья. Для канцелярии Новороссийского края в 1823 г. отводилась сумма около 13 тысяч рублей ассигнациями и для Бессарабии — 5200 рублей серебром. При этом деньги были распределены между старыми чиновниками, а вновь прибывшие из Петербурга должны были ожидать поступления дополнительных ассигнований.

Учитывая сложившуюся ситуацию, М.С. Воронцов нанимает в Одессе для некоторых чиновников дом, в котором они получили квартиры. Для поездок к генерал-губернатору, поселившемуся по прибытии в Одессу в нескольких кварталах от города, М.П. Щербинин брал лошадь из конюшни М.С. Воронцова. Известны случаи, когда М.С. Воронцов оказывал денежную помощь поступавшим к нему на службу из собственных средств[2].

В сложившихся условиях М.С. Воронцову, как руководителю, необходимо было сохранить здоровую моральную и деловую обстановку в своем окружении. По наблюдениям Ф.Ф. Вигеля, генерал-губернатору это удалось благодаря его беспристрастности и умению обращаться с подчиненными

[1] Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 73. СПб., 1890. С. 492.

[2] Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С. 213.

одновременно и «умеренно-ласково и умеренно-повелительно»[1]. Понимая непростую ситуацию, в которой оказались прибывшие с ним из Петербурга новые чиновники, он приглашал всех отобедать у него дома. Как вспоминает Ф.Ф. Вигель, пользовавшийся почти ежедневно этим приглашением, общество в доме генерал-губернатора делилось на две части. Первая состояла из «избранных» и собиралась в гостиной у графини Е.К. Воронцовой. Там можно было найти Раевского, Марини, Пушкина, Бруннова, Сенявина, Франка. В бильярдной собиралось «полуплебейское общество»[2], как называет его Ф.Ф. Вигель, т. е. состоящее в основном из служащих М.С. Воронцова, причем сам генерал-губернатор редко покидал приглашенных, по вечерам же большинство чиновников собиралось у Казначеева. Такое поведение М.С. Воронцова и его ближайших помощников принесло желаемые результаты — М.С. Воронцов сумел создать в Одессе необходимые обстановку и условия работы для своего аппарата. «Я не мог надивиться совершенно доброму согласию, царствовавшему между сим смешанным, перемешанным обществом, жившим несколько отдельно от городского; не было зависти, ни интриг, ни даже пересудов, иногда только давали необидные насмешки»[3], — писал Ф.Ф. Вигель.

Елизавета Ксаверьевна Воронцова, будучи председательницей женского благотворительного общества, привлекала для работы в нем многих жен и дочерей служащих, которые часто посещали ее салон, известный далеко за пределами Одессы. В то же время сыновья сослуживцев М.С. Воронцова могли получить в Одессе хорошее образование. Так, член «попечительского комитета» иностранных поселенцев Фадеев отдает своего сына в пансион Тритена — лучший в городе, где преподавали профессора Одесского лицея[4]. Служащие М.С. Воронцова имели право пользоваться литературой из его библиотеки.

---

[1] Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С. 218—219.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Фадеев в 1833 г был переведен в Одессу членом «попечительного комитета» иностранных поселенцев.

Император Николай I.
Портрет работы Винберга

Граф М.С. Воронцов.
Бронза. 1830-е годы.
Неизвестный художник

Граф П.Д. Киселев.
Портрет работы Ф. Крюгера

Граф К.В. Нессельроде.
Портрет работы
Жана Батиста Изабе

Граф С.С. Уваров

А.Я. Булгаков.
Портрет работы
К. Астахова

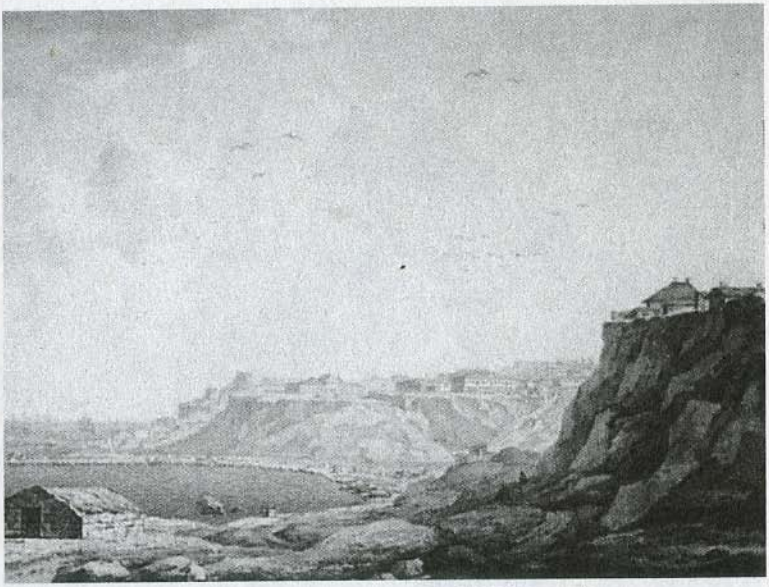
К.Я. Булгаков.
Портрет работы Жана Анри Беннера

Н.М. Лонгинов.
Портрет работы Жана Анри Беннера

Ф.Ф. Вигель.
1830 год

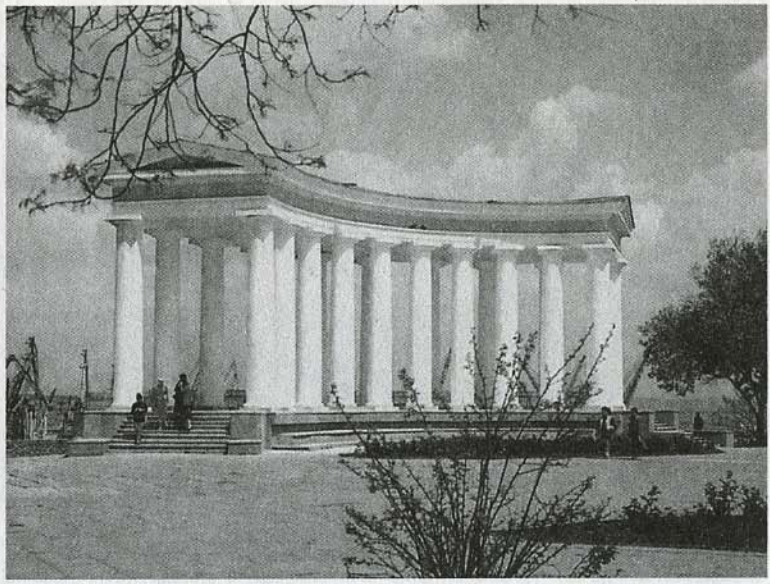
Граф М.С. Воронцов. 1820-е годы.
Портрет работы К.К. Гампельна

Графиня Е.К. Воронцова. 1834 год.
Портрет работы И. Сольферини

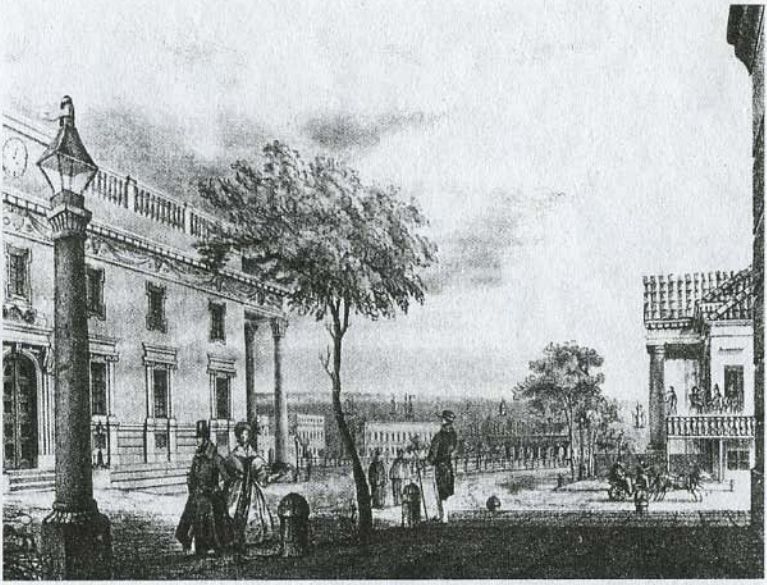


Одесса. Вид от Военной гавани. 1821 год. М.Н. Воробьев

Одесса. Приморский бульвар. Конец 1830-х годов.
Художник Гординский

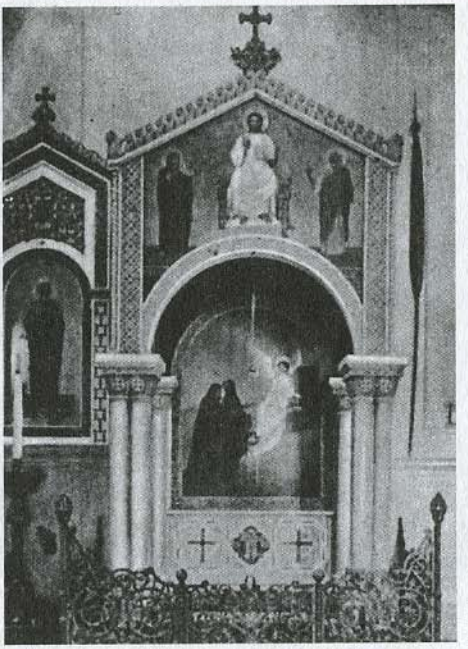


Одесса. Бельведер Воронцовского дворца. 1826 — 1829 годы

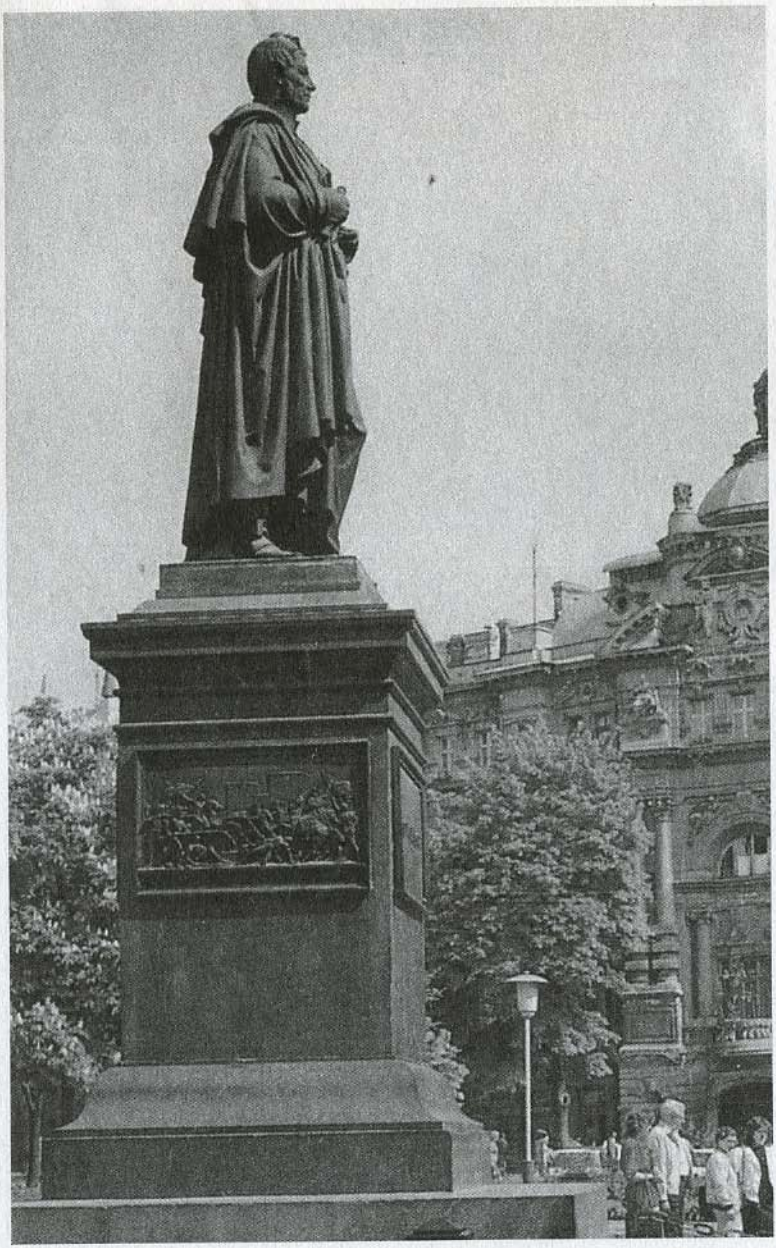


Одесса. Театр. 1830-е годы. П. Мейер с оригинала К. Бассоли

Соборная площадь в Одессе в 1870 — 1880-х годах

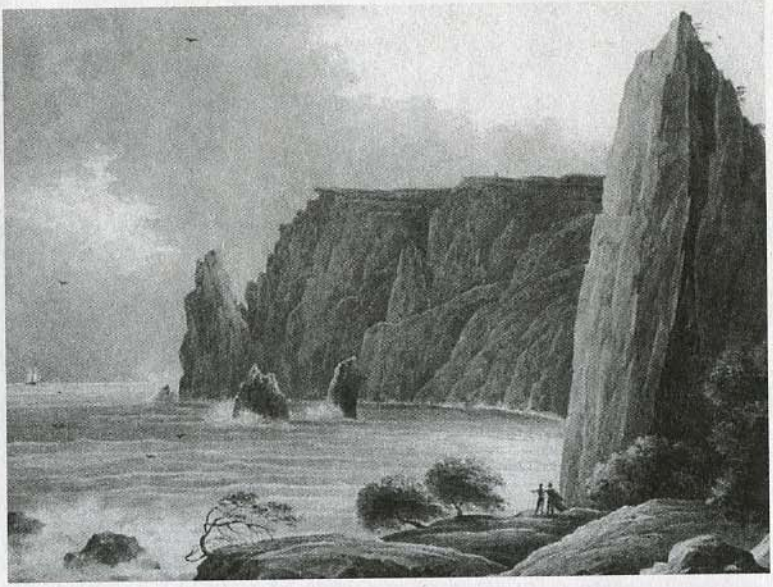


Одесский кафедральный собор. Могила М.С. Воронцова



Памятник светлейшему князю генерал-фельдмаршалу
М.С. Воронцову в Одессе (современный вид). Скульптор Ф. Бруггер

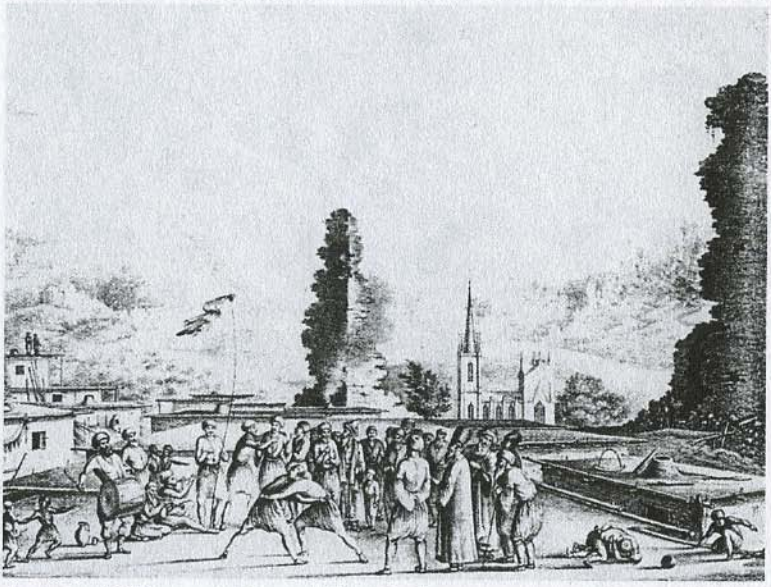
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ к 1850 г. (ЕВРОПЕЙСК. ЧАСТЬ)
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
Границы Российской империи в 1850 г.
Тула • Губернские и областные города
Железные дороги действующие
строящиеся
Шоссейные дороги
МАСШТАБ
100 0 100 200 300 400 км
Владикавказ
Кутаис
Поти
Гори
Дербент
Тифлис
Батум
Кура
Баку
Карс
Елисаветполь
Эривань
Эрзерум
ТУРЦИЯ
Аракс
Ленкорань
Тавриз
ИРАН
Торнео
Улеаборг
Архангельск
Онега
Сев. Двина
Ваза
Куопио
С. Михель
Олонецкая губ.
Або
Тавастгус
Петрозаводск
Стокгольм
Гельсингфорс
Выборг
Вел. Устюг
Свеаборг
Кронштадт
С. ПЕТЕРБУРГ
Ревель
Эстляндск. губ.
Царское Село
Волхов
Вологда
Лифлянд.
Вольмар
Новгород
Псков
Кострома
Курл. губ.
Либава
Митава
Рига губ.
Ярославль
Тверь
Волга
Владимир
Москва
Нижний Новгород
Данциг
Ковно
Неман
Полоцк
Витебск
Смоленск
Рязань
Торн
Сувалки
Вильна
Гродно
Орша
Калуга
Плоцк
Остроленка
Минск
Могилев
Тула
Варшава
Брянск
Пенза
Калиш
Седлец
Брест-Литовск
Орел
Радом
Бобруйск
Тамбов
Кельцы
Люблин
Гомель
Задонск
Ковель
Владимир Вол.
Чернигов
Курск
Воронеж
Саратов
Краков
Ровно
Житомир
Киев
Полтава
Харьков
Каменец-Подольский
Кременчуг
Качалинская
Дубовка
Екатеринослав
Новочеркасск
Кишинев
Одесса
Херсон
Таврическая
Галац
Бранлов
Бухарест
Журжево
Рущук
Плевна
Шуила
Кулевча
Варна
Симферополь
Севастополь
Евпатория
Керчь
Феодосия
Кубанская обл.
Ставрополь
Екатеринодар
Кубань
Болгария
Черное море
Австро-Венгрия
Пруссия
Швеция
Финляндия
Балтийское море
Земля Войска Донского
Румынские княжества



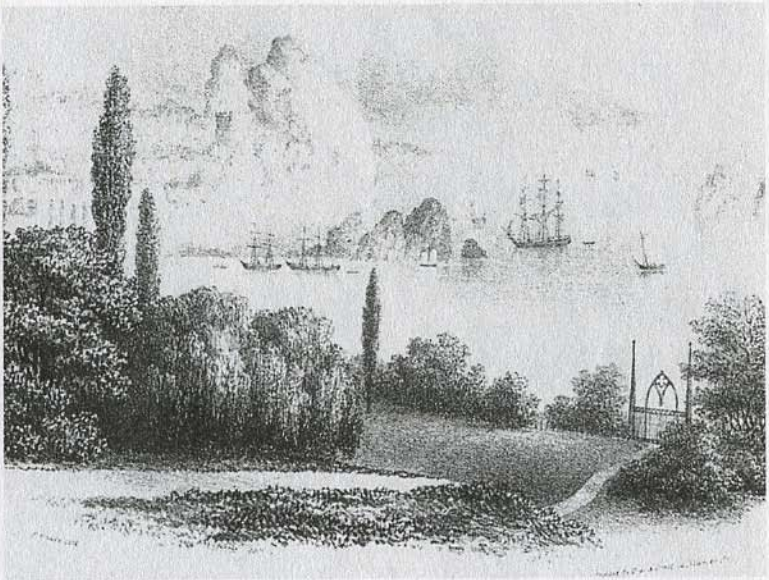
Крымский пейзаж. Н.Г. Чернецов

Южный берег Крыма. Татарские женщины у источника. Ф. Гросс

Ялта. 1840-е годы. Литография Ф. Гросса



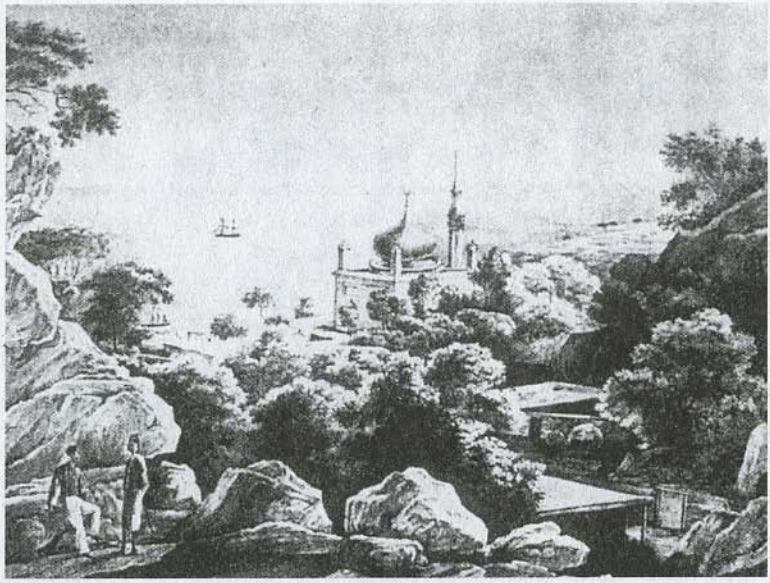
Алушта. 1840-е годы. Литография Ф. Гросса



Вид горы Аюдаг и Гурзуфа. 1830-е годы. Литография Ф. Гросса

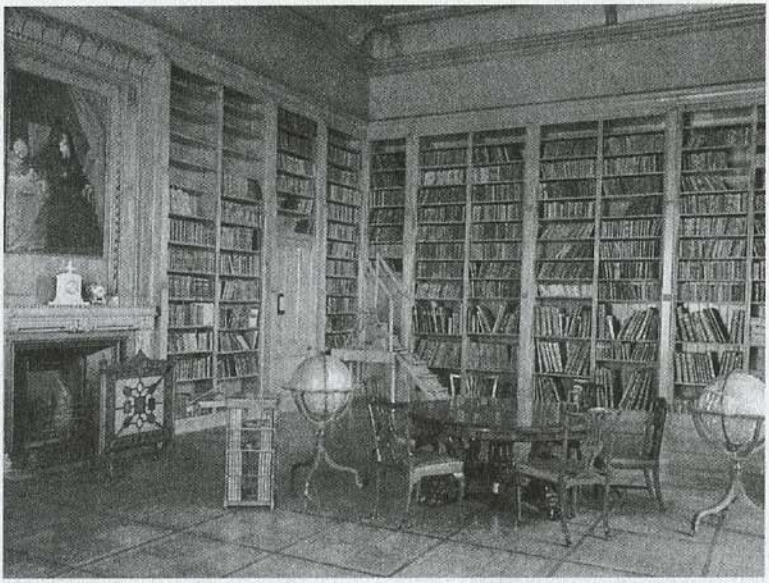
Гурзуф. 1828 год. К.И. Рабус

Алупка. 1830-е годы. Литография П. Госи

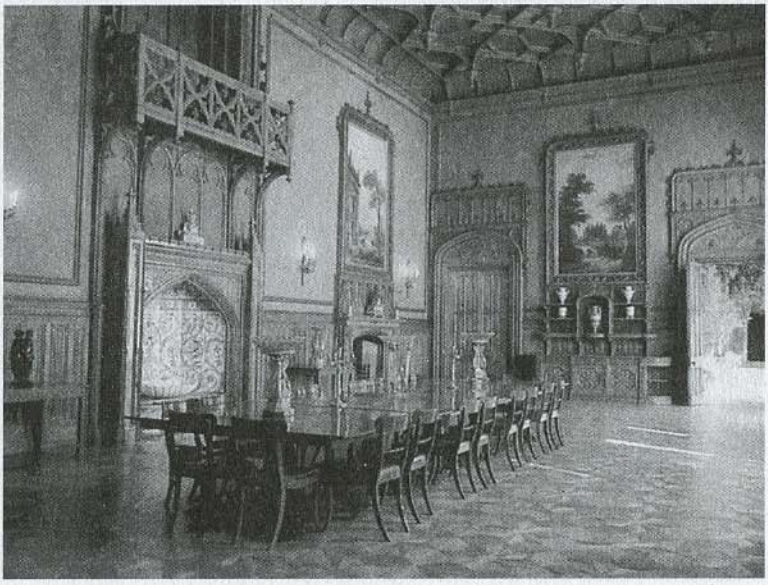


Алупка. 1830-е годы. Исленьев с оригинала Н.Г. Чернецова

Графиня Е.К. Воронцова. 1820 год.
Портрет работы Д. Доу



Библиотека во дворце в Алупке



Парадная столовая дворца в Алупке

Одесса во времена правления М.С. Воронцова стала подлинным научным, культурным и просветительским центром огромного региона. Как отмечали современники, М.С. Воронцов, как отблеск трона, «поразил и ослепил ее»[1]. В городе жили известные литераторы, художники, представители польской аристократии, видные государственные деятели, богатые негоцианты. «Светлейшего князя Воронцова обожали. Он заботился о крае, поощрял местных ученых, украсил Одессу прекрасными зданиями, был обходителен и гостеприимен»[2]. Это был период подлинного величия Одессы.

В 1837 г. Одесса принимала Императора Николая Павловича и Императрицу Александру Федоровну. В зале биржи, роскошно декорированном, состоялся бал в честь Высочайших гостей. Государь подошел к красавице графине Потоцкой и прошелся с ней в полонезе, танце истинно рыцарском, в котором каждый жест кавалера подчеркивал его преклонение перед прекрасной дамой. Одесса того времени славилась и своими красавицами. Всех великосветских дам причесывал в Одессе знаменитый Леонард, бывший куафером у Марии-Антуанетты. Беспошлинный ввоз в Одессу иностранных вин, материй, кружев, фруктов, мебели давал возможность жить одесситам с европейской роскошью и вкусом При Воронцове Одесса хорошела год от году. Набирал известность Одесский театр, в котором можно было услышать лучших европейских исполнителей. Славились рестораны, причем не только французские, но и русские. Благоустраивались и другие города региона.

В конце 1844 г. М.С. Воронцов был назначен главнокомандующим отдельным Кавказским корпусом и наместником Кавказским с оставлением в прежних званиях и должности.

По воспоминаниям современников, это назначение вызвало буквально смятение и переполох в Одессе. «Трудно вообразить, какую суматоху произвело это назначение в кругу служащих; все захотели служить при наместнике; бедному утомленному старику не давали ни отдыха, ни прохода военные и граждан-

[1] Вигель ФФ Указ соч С 230

[2] Мурзакевич НН Автобиография // Русская старина 1887 Т LIII С 169

ские чины»[1]. С шести часов утра до шести вечера М.С. Воронцов принимал доклады, различные записки. Одних просьб об адъютантстве было около двухсот. Помимо опытных служащих, находившихся с ним долгие годы, М.С. Воронцов хотел привлечь на Кавказ образованных молодых людей. На Кавказе под началом М.С. Воронцова служило немало замечательных и незаурядных людей: Г.В. Абах, Е.Л. Вердеревский, И.И. Иосилиани, В.В. Кочубей, А.Ф. Крузенштерн, Я.П. Полянский, В.А. Соллогуб, Н.В. Ханыков, И.А. Бартоломей, Г.Г. Гагарин, А.М. Дондуков-Корсаков, И.И. Ходзько. Так постепенно складывалось понятие «чиновник воронцовской школы», сохранившееся на долгие годы и после смерти М.С. Воронцова. Об этой школе мы поговорим немного позже.

ОТНОШЕНИЯ М.С. ВОРОНЦОВА С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

Я не придерживаюсь никакой партии, кроме партии моего Отечества; я русский, и только русский.

Граф М.С. Воронцов

Генерал-губернаторы 20—30-х гг. XIX в., назначаемые на этот пост, конечно, были заинтересованы в создании собственного административного аппарата, но не могли не знать при этом, что при их предшественниках уже сложился и действует аппарат чиновников, знания и опыт которых необходимо использовать. Положение генерал-губернаторов осложнялось тем, что им подчинялись несколько губерний, в каждой из которых губернатор имел свой административный аппарат.

Генерал-губернатор приступал к выполнению своих обязанностей, уже имея собственный план действий, от его административных способностей зависело, сможет ли он соединить свои представления с намерениями гражданских губернаторов, продолжить начатое предшественниками и одновременно подготовить почву для собственных начинаний.

---

[1] Скальковский К. Воспоминания молодости. СПб, 1906. С. 24.

Одним из ярких примеров участия М.С. Воронцова в административно-политическом управлении подчиненного ему региона является его деятельность в Бессарабской области.

Как было сказано выше, с первых дней пребывания в Одессе в должности генерал-губернатора Новороссийского края и наместника Бессарабской области М.С. Воронцов занимался приемом бесчисленных прошений и жалоб по различным вопросам. Придерживаясь установленного правила лично знакомиться с ходом дел на управляемых территориях (чему М.С. Воронцов останется верен на протяжении всей государственной службы), преодолев 160 верст за 13 часов, генерал-губернатор Новороссии и наместник Бессарабии в сентябре 1823 г. прибывает в Кишинев. В Кишиневе М.С. Воронцов и его подчиненные принимают сотни жалоб от просителей, заполнивших графскую квартиру. «Не могу вам описать всех тех мерзостей и беспорядков, которые мы нашли по всем частям. Законы в бездействии; финансы в запустении и без отчетности; народ в угнетении; полиция же «деспотствует»; варварство на каждом шагу»[1].

Как таковая канцелярия М.С. Воронцова еще не существовала, но для продуктивной работы в столь сложной ситуации он распределяет обязанности между служащими следующим образом: Бруннов занимается проблемами судебных мест, Марини — вопросами переселенцев из Прута; Лонгинов разбирается с жалобами на полицию. «Я (Лонгинов. — О. З.) привел в трепет всю здешнюю полицию. Много рассказывать все происходящие от нея злоупотребления и мерзости. Немногие достойны простого отрешения, но очень многие попадут под суд»[2].

Резкой критике подвергаются действия в первую очередь вышестоящих чиновников начиная с Инзова, который, по словам Лонгинова, ограничивался ведением обыкновенных бумаг, не вникая при этом в суть проблемы. Подобную характеристику заслужил и губернатор Катакази.

Ф.Ф. Вигель отмечал в своих воспоминаниях, что со времени присоединения Бессарабской области к России замет-

[1] Русский архив. 1905. Кн. 3. С. 569.
[2] Там же. С. 570.

ную роль в местной администрации играл вице-губернатор Крупенский, распоряжавшийся казенными средствами как собственными, при попустительстве Бахметева и Инзова. С приездом М.С. Воронцова он должен был оставить службу и расплатиться имением за «неосторожно сделанные казенные займы»[1]. На место Крупенского был назначен Херсонский вице-губернатор В.В. Петрулин, бывший в свое время адъютантом у герцога Ришелье. По словам Вигеля, Петрулин был чрезвычайно честным, добродушным человеком, отличавшимся особой работоспособностью. По просьбе М.С. Воронцова Петрулин сразу после прибытия посетил Вигеля для знакомства с будущим сослуживцем. Таким образом, один из первых визитов М.С. Воронцова в качестве наместника в Бессарабию завершился отстранением от должности представителей местной администрации и назначением на их место новых людей.

Об этих действиях М.С. Воронцов был обязан сообщать в Петербург.

Новый полномочный наместник Бессарабии докладывал министерству, что земское полицейское управление вверенной ему области находится в весьма расстроенном состоянии, что большинство действий управления противозаконны, а злоупотреблениям нет предела. Причем меры, принимаемые высшим начальством для улучшения создавшегося положения, подчеркивал М.С. Воронцов, бесполезны, так как избираемые дворянством исправники и заседатели весьма ненадежны[2], что, по его мнению, выражалось в халатном ведении дел (отсутствии отчетности), незнании законов и русского языка (последнее было особенно важно ввиду приближавшихся сроков переселения в Бессарабию 20 000 казенных крестьян из малоземельных губерний)[3].

---

[1] Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С 207—208.

[2] Устав об образовании Бессарабской области, окончательно еще не утвержденный Императором в 1824 г., даровал дворянству Бессарабии права, которыми пользовались российские дворяне, а именно — избирать из своей среды некоторых чиновников, в том числе земских полицейских чиновников Согласно распоряжению от 1 апреля 1819 г., это право распространялось и на назначение исправников в Бендерский, Аккерманский и Измаильский уезды, хотя дворянство в них было малочисленно.

[3] ПСЗ. Т. XXXIX. С. 510—511.

Со дня вступления М.С. Воронцова на пост наместника Верховный совет отстранил от должностей за различные преступления двух исправников и нескольких заседателей.

В своем донесении наместник утверждал, что он противник не только напрасных, но и в целом любых перемен, исключая необходимые изменения в управлении. При этом М.С. Воронцов замечал, что не желает посягать на привилегии подданных любого сословия и состояния, но в данной конкретной ситуации он просит принять меры для полезного развития доверенного ему края[1]. Он предлагал назначить в земские учреждения местных жителей Бессарабии, отличавшихся своей надежностью. Мнение М.С. Воронцова было признано справедливым, однако управляющий Министерством внутренних дел считал, что выборы на государственные должности в Бессарабии не оправдали ожиданий правительства ввиду малочисленности и бедности местного дворянства. По мнению министра, именно последнее обстоятельство служит причиной отсутствия необходимых нравственных правил у лиц, выбранных из среды дворянства Бессарабской области на государственные должности[2].

Таким образом, начало деятельности М.С. Воронцова на посту наместника ознаменовалось его прямым вмешательством в дела политического и административного управления в Бессарабской области. Причем подобные решения выносились на рассмотрение правительства лишь после внимательного изучения М.С. Воронцовым и его администрацией каждого вопроса.

29 февраля 1828 г. утверждается Положение для управления Бессарабской областью[3].

Указ 1828 г. стал своеобразным подведением итогов политико-административной деятельности М.С. Воронцова на начальном этапе его службы в должности генерал-губернатора. Как вспоминали современники, при Инзове край был своеобразной республикой. После назначения М.С. Воронцова местные власти решили, что при нем настанет полная свобода дей-

[1] ПСЗ. Т. XXXIX. С. 512.
[2] Там же.
[3] Там же. Т. III. С. 197.

ствий, зная довольно либеральные взгляды М.С. Воронцова на некоторые вопросы. «Спросили бы они в Великобританских колониях, как либеральничают там англичане. Спокойная твердость Воронцова всех поразила; в нем более чем наместника, увидели наперсника царского. Как бы то ни было, с самой первой минуты, во все время многолетнего управления своего, не встретил он и тени сопротивления»[1].

М.С. Воронцов стремился, по мере возможности, к независимому от министерской власти управлению регионом, считая, что, находясь непосредственно в крае, он лучше знает его потребности и необходимые меры для развития.

В 1828 г. министром внутренних дел Российской Империи становится А.А. Закревский, долгие годы находившийся в дружеских отношениях с М.С. Воронцовым. Это назначение способствовало тому, что отношения генерал-губернатора с верховными властями Санкт-Петербурга значительно упрощались. Так, в письме А.А. Закревского к М.С. Воронцову от 26 июня 1828 г. содержится важная информация об активном участии генерал-губернатора в административно-политическом управлении краем: «Я имею список кандидатов в губернаторы, доставшиеся мне от моего предшественника: но оный наполнен такою дрянью, что трудно сделать из него порядочный выбор, а потому и не желаю его вам сообщать»[2]. Далее А.А. Закревский сообщает М.С. Воронцову, что хотел бы ознакомиться с его предложениями по этому вопросу, более того, он готов согласиться с выбором М.С. Воронцова, но тогда ответственность за деятельность этих чиновников ляжет на генерал-губернатора.

В следующем послании к М.С. Воронцову от 4 августа 1828 г. А.А. Закревский информирует, что согласен сам найти кандидатуру на пост губернатора Бессарабии, так как М.С. Воронцов не смог предложить кого-либо на эту должность[3].

К сожалению, сведения, помогающие судить о взаимоотношениях М.С. Воронцова с главами местных администраций, немногочисленны. На основании имеющихся данных была составлена следующая таблица.

[1] Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С. 209—210.
[2] Архив князя Воронцова. Кн. 37. М., 1893. С. 340.
[3] Там же. С. 342.

Год	Екатеринославская губерния	Херсонская губерния	Таврическая губерния	Бессарабская область
1822	В.Л. Шемиот	К.Ф. Сен-При	Н.И. Перовский	К.А. Катакази
1823	Т.М. Цалабан	К.Ф. Сен-При	Н.И. Перовский	К.А. Катакази
1824	А.И. Свечин	К.Ф. Сен-При	Д.В. Нарышкин	К.А. Катакази
1825	А.И. Свечин	А.Ф. Комстадиус	Д.В. Нарышкин	В.Ф. Тимковский
конец 1826 — начало 1827	А.И. Свечин	А.Ф. Комстадиус	Д.В. Нарышкин	
1832	Н.М. Лонгинов	Я.Ф. Ганскау	А.И. Казначеев	А.И. Сорокунский
1835	Н.М. Лонгинов	Я.Ф. Ганскау	А.И. Казначеев	П.И. Федоров
1836	Н.М. Лонгинов	Я.Ф. Ганскау	А.И. Казначеев	П.И. Федоров
1838	А.А. Пеутлинг	В.Я. Рославец	М.М. Муромцев	П.И. Федоров
1840	А.А. Пеутлинг	В.И. Пестель	В.Я. Рославец	П.И. Федоров
1845	А.А. Пеутлинг	В.И. Пестель	В.Я. Рославец	П.И. Федоров
1846	А.А. Пеутлинг	В.Я. Рославец	В.И. Пестель	П.И. Федоров
1850	А.Я. Фабр	К.А. Оленич-Гнененко	В.И. Пестель	П.И. Федоров

Для М.С. Воронцова, в силу его характера и сложившегося стиля управления, было важно иметь на ведущих административных должностях своих единомышленников, готовых исполнять его планы, разделяющих его взгляды на те или иные проблемы, будь то вопросы сельского хозяйства, транспорта, торговли и др.

К моменту назначения М.С. Воронцова губернаторы подведомственных ему губерний менялись довольно часто. Приведем в качестве примера Екатеринославскую губернию:[1] 1797 г. — Селецкий, 1800 г. — Николаев, 1801 г. — М.П. Миклашевский, 1802 г. — С.А. Беклешовский, 1804 г. — П.И. Берг, 1809 г. — К.С. Гладкий, 1817 г. — И.Х. Карагеорги, 1820 г. — В.Л. Шемиот, 1823 г. — Т.М. Цалабан. Это объяснялось рядом причин, в том числе и тем, что губернатор, помимо глубокого и разностороннего образования, должен был иметь способности к административной работе, определенные черты характера, навыки и опыт. В 1825 г. М.С. Воронцов отправляет на имя Императора Александра Павловича письмо с просьбой о перемещении Херсонского и Екатеринославского губернаторов[2]. Из этого письма мы узнаем, что М.С. Воронцов, выразив желание на перемещение Херсонского губернатора в Екатеринослав и, соответственно, Екатеринославского — в Херсон, получил на это согласие Херсонского губернатора А.Ф. Комстадиуса, но губернатор А.И. Свечин ответил отказом.

М.С. Воронцов обращается с просьбой к Императору посодействовать в этом вопросе, так как считает, что подобная смена губернаторов будет полезна для развития губерний. М.С. Воронцов вновь, как впоследствии в письмах к А.А. Закревскому, подчеркивает, что в настоящее время он не может предложить на рассмотрение Императора другие кандидатуры на должности губернаторов, так как, по его мнению, большая часть достойных кандидатов уже занята. М.С. Воронцов не имел намерения наказать Свечина и еще менее — лишать его службы, единственное, о чем он просит, это осу-

---

[1] Губернаторские списки сост. кн. Туркестановым. М., 1894 г. В данном издании не удалось обнаружить списки губернаторов Таврической, Херсонской губерний, лиц, возглавлявших Бессарабскую область и Новороссийский край.

[2] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2341. *(Пер. с фр.)*

ществить предполагаемый им обмен, так как этого требуют интересы Екатеринославской и Херсонской губерний. К сожалению, удалось найти мало достоверных данных о Свечине и Комстадиусе. Известно, что А.И. Свечин в 1824 г. занимал должность губернатора Екатеринославской губернии, имел чин статского советника и был кавалером ордена Святой Анны 2-й степени. А.Ф. Комстадиус, являвшийся Херсонским губернатором в 1826 г., имел чин действительного статского советника и был кавалером орденов Святой Анны 2-й степени, Святого Владимира 4-й степени, имел золотую шпагу с надписью «За храбрость». При этом А.И. Свечин сохранил свою должность вплоть до начала 1827 г. В своих воспоминаниях А.М. Фадеев дает следующую характеристику Свечину: «Добрый, но пустой, не долго держался на месте»[1].

Вероятно, события внутренней и внешней политической жизни России с конца 1825-го по 1827 г. не позволяли М.С. Воронцову произвести желательные изменения в губернских органах управления. Но постепенно, с течением времени ведущие административные должности начинают занимать лица из его ближайшего окружения.

Опыты новых назначений не всегда были успешны. Так, назначенный Екатеринославским губернатором бывший адъютант М.С. Воронцова Франк («большой мой приятель, — пишет А.М. Фадеев, — но вовсе не созданный для того, чтобы быть губернатором»)[2], был вскоре переведен в Таганрог, а на его место назначен Н.М. Лонгинов. По данным на 1833 г., Екатеринославским губернатором был Н.М. Лонгинов, а Таврическим — А.И. Казначеев. По сведениям Новороссийского календаря на 1835 г., Керчь-Еникальским градоначальником становится князь З.С. Херхеулидзев.

Необходимо отметить, что М.С. Воронцову была предоставлена относительная свобода в подборе и расстановке кадров как для своего аппарата, так и для местных органов управления подчиненных ему губерний. Это подтверждает и письмо П.Д. Киселева к министру внутренних дел А.А. Закревскому: «Рудомоева

---

[1] Фадеев А.М. Воспоминания. Одесса. С. 92—93.
[2] Там же.

твоего определил градоначальником в Феодосию, а граф Воронцов представляет Франка, но Государь мне сказал, когда я о сем представлял, что увидишь, что он Рудомоева собьет с места, потому что не по его представлению назначен. Напиши Рудомоеву, чтобы он вел себя аккуратно и осторожно»[1]. Однако, хотя Николай Павлович и подчеркивал самостоятельность М.С. Воронцова в выборе подчиненных, окончательно утверждал кандидатов он сам.

Еще одним свидетельством вмешательства М.С. Воронцова в решение кадрового вопроса внутри органов местного управления является его участие в деле А.Н. Муравьева, занимавшего должность председателя Таврической палаты уголовного суда (числился в этой должности в Новороссийском календаре на 1836 г.).

В одном из своих писем М.С. Воронцов, говоря о конфликте, возникшем между Таврическим губернатором А.И. Казначеевым и А.Н. Муравьевым, отмечает, что излишняя подозрительность последнего мешает не только его службе, но и бросает «тень на людей, которые, хотя как и все люди, и как он сам, часто могут ошибаться, но в прямом усердии к добру и к пользе службы, конечно, ему не уступают»[2].

Далее М.С. Воронцов предупреждает, что не принимает сторону ни одной из конфликтующих сторон, и просит А.Н. Муравьева впредь отправлять свои жалобы на имя министра юстиции, минуя М.С. Воронцова. На просьбу о смещении А.Н. Муравьева с должности Воронцову последовал сначала отказ, причем в одном из писем Муравьев сообщает, что М.С. Воронцов «должен быть в бешенстве, ибо ему никогда еще ни чем не отказывали»[3]. В итоге это дело завершилось назначением Муравьева в 1837 г. Архангельским губернатором. Как мы уже говорили, М.С. Воронцову было присуще стремление твердо идти к намеченной цели, добиваясь желаемого результата в любом вопросе.

Во время отсутствия генерал-губернатора его обязанности возлагались на управляющего Новороссийскими губерниями и Бес-

---

[1] Сборник Императорского русского исторического общества. Бумаги графа А.А. Закревского. Т. 78. СПб., 1891. С. 317.

[2] Из письма графа М.С. Воронцова к С.Д. Нечаеву // Русский архив. 1893. Кн. 2. С. 145—146.

[3] М у р а в ь е в А.Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 321.

сарабской областью. Так, в 1827 г. на эту должность был назначен Одесский градоначальник, тайный советник граф Ф.П. Пален, которому Фадеев дает следующую характеристику в своих воспоминаниях: «С его выдающимися способностями, отличным образованием, он мог быть прекрасным администратором, но по беспечности характера и предвзятому предубеждению, что в России, при том направлении и ходе дел, какое было вверху, — вообще делал мало, слишком мало»[1].

Ситуация с Ф.П. Паленом еще раз подтверждает мысль, что для административной работы, помимо глубокого и разностороннего образования, высоких нравственных качеств, требовались особые черты характера и заведомая предрасположенность к подобного рода деятельности.

В конце 30-х гг., во время отпуска М.С. Воронцова должность Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора исполнял П.И. Федоров, в обычное время занимавший пост Бессарабского военного губернатора, управляющего гражданской частью и Измаильским градоначальством. В отсутствие М.С. Воронцова в Одессе, как указывают современники, плелись против него инриги, центром которых было общество, собиравшееся в доме Л.А. Нарышкина. Многие знали, что негласно направляет эти интриги инспектор всей поселенческой кавалерии граф И.О. Витте. Военный губернатор Одессы и управляющий гражданской частью граф А.П. Толстой составил ежегодный по градоначальству отчет на имя Императора таким образом, что тот, сделав более 60 замечаний, передал его на обсуждение Комитету министров. Как пишет Н.Н. Мурзакевич: «Гроза готовилась разразиться сильная»[2]. Но, благодаря распорядительности и опыту в бюрократических вопросах Федорова, дело завершилось в пользу М.С. Воронцова. Была создана комиссия для разбора изложенных в отчете непорядков, и сообщено об этом правительству. Комитет министров не мог ничего предпринять против М.С. Воронцова, в то время как Толстой был вынужден оставить службу.

---

[1] Фадеев А.М. Указ. соч. С. 108.

[2] Мурзакевич Н.Н. Автобиография. // Русская старина. Т. LIII. С. 138.

Однако недовольство некоторых членов Комитета министров было столь сильным, что занимавший до Толстого пост градоначальника Одессы А.И. Левшин сообщает М.С. Воронцову просьбу графа Строганова воздержаться от каких-либо просьб для Одессы или Новороссийского края, так как одно лишь упоминание имени М.С. Воронцова после истории с Толстым вызывает весьма негативную реакцию[1].

Эта история еще раз подтверждает существование весьма острой проблемы во взаимоотношениях между представителями генерал-губернаторской и министерской власти. Некоторые министры считали, что М.С. Воронцов пользуется чрезвычайно высокими полномочиями в Новороссии, превратив территорию края чуть ли не в собственное поместье[2]. Справедливости ради следует отметить, что столкновения между генерал-губернаторской и министерской властями происходили почти во всех регионах империи. Для М.С. Воронцова подобные отношения с министрами едва не закончились в 1827 г. отстранением его от должности. Уже будучи на Кавказе, М.С. Воронцов получил следующую характеристику сенатора К.Н. Лебедева: «Уважая Государя, он вовсе не уважает его министров. В нем много молодечества и желания польстить своему краю, хотя бы эта лесть краю и несовместна была с выгодами империи»[3]. Последнее утверждение весьма спорно, учитывая результаты деятельности М.С. Воронцова в подведомственных ему регионах, и то обстоятельство, что М.С. Воронцов считал эти территории полноправными составляющими государства, а не колониями.

«Все гг. министры знакомы с Россией по пересказам и донесениям», — писал старый боевой товарищ М.С. Воронцова И.В. Сабанеев. В 1828 г. он советовал А.А. Закревскому, назначенному министром внутренних дел, объехать внутренние губернии и Новороссийский край, чтобы познакомиться с народными чаяниями[4]. Сложные отношения с министер-

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 39. С. 163—164.

[2] Князь А.С. Меншиков называл М.С. Воронцова «крымским помещиком», который за счет казны строит маяк, чтобы судам было удобнее подходить к его имению (имеется в виду просьба М.С. Воронцова о постройке Ай-Тодорского маяка). Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 78. СПб., 1891. С. 149.

[3] Из записок сенатора К.Н. Лебедева // Русский архив. 1910. Кн. III. С. 369.

[4] Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 73. СПб., 1890.

ской властью были вызваны в основном тем, что генерал-губернатор был обязан о каждом своем проекте докладывать предварительно в соответствующие министерства, тогда как зачастую интересы края требовали немедленного его воплощения. В своих воспоминаниях (начиная с 1837 г.) В. Кокоров, перечисляя крупные «экономические провалы» этого периода, останавливается на проблеме трагического опоздания строительства железной дороги из Москвы к Черному морю, подчеркивая, что, когда был решен вопрос о Николаевской дороге, Воронцов и Кочубей представили проекты о сооружении линии от Москвы к Черному морю. Проекты не имели успеха, за медлительность в этом вопросе Россия расплатилась трагедией Севастополя.

В то же время министры могли вмешаться и в деятельность административного аппарата генерал-губернатора, отзывая из него чиновников, относящихся по роду деятельности к их министерству. Так, после слияния Киевского и Одесского округов путей сообщения его центр был переведен в Киев, и с 1 июля 1836 г. подобного округа в Одессе не стало. Благодаря настоянию М.С. Воронцова в Одессе остался инженер-полковник Морозов, причем содержание Морозова шло за счет казны города. Но край в целом был лишен помощи специалистов, и местные власти по любому поводу были вынуждены обращаться в центр. В 1837 г. М.С. Воронцов писал А.С. Танееву[1], что если нельзя создать в регионе округ со знающими чиновниками, то он просит за счет местной казны вызвать специалиста из Англии или Америки. Незадолго до этого, благодаря М.С. Воронцову, из Англии прибыл специалист, перешедший впоследствии во флотское ведомство. И в 1838 г. М.С. Воронцов писал Канкрину о необходимости прислать специалистов. В 1841 г. Фабр сообщал М.С. Воронцову, что К.Ф. Толь[2] на основе существующих постановлений отказывает в жалованье (и в целом в содержании) всем штаб-офицерам и обер-офицерам корпуса путей сообщения, находящимся в ведомстве М.С. Воронцова, и просил выдавать содержание за местный счет. Часть служащих

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2421.

[2] Граф Толь К.Ф. (1777—1842) — генерал-адъютант, генерал-лейтенант. С 1833 г. — главноуправляющий путями сообщения.

пришлось сократить, что отрицательно сказалось на строительстве новых путей сообщения[1].

Следует отметить, что М.С. Воронцов предпочитал, если позволяли обстоятельства, направлять свои проекты прямо на имя Императора. Доказательством тому служит записка об учреждении корабельных школ и заведений вольных матросов в Петербурге и Херсоне[2]. Если же какой-либо срочный проект уже был отправлен в министерство, генерал-губернатор просил Императора утвердить его, как только тот поступит к нему на рассмотрение. Отчеты с результатами развития региона М.С. Воронцов отправляет на имя Императора[3]. Нельзя не заметить, что необходимость практически по любому важному вопросу спрашивать разрешения центра не могла не тяготить М.С. Воронцова, который не боялся ответственности за принимаемые решения.

Уже к середине 30-х гг. сложился особый воронцовский стиль управления, который во многом был основан на правильном выборе и умелой расстановке кадров в местных органах власти. Причем это касалось не только чиновников в губернских правлениях. Так, в своих посланиях на имя М.С. Воронцова А.И. Левшин просит генерал-губернатора отложить на время назначение одесского полицмейстера. Градоначальник пишет, что данная должность весьма важна для жителей Одессы, которые не желают видеть на этом посту предложенную ранее кандидатуру. В другой раз по просьбе А.И. Левшина М.С. Воронцов должен был решать, кому быть смотрителем больницы. В следующем письме А.И. Левшин благодарит генерал-губернатора за то, что тот спрашивает его согласия на назначение в больницу другого доктора. В одном из писем 1837 г. А.И. Левшин просит похлопотать М.С. Воронцова перед министром юстиции об утверждении прокурором города исполняющего его должность стряпчего Карузо.

Почти все ведомства, о назначении в которые идет речь, подчинялись различным министерствам: Министерству юстиции — коммерческий суд и городовой магистрат; Министерству внут-

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2432, л. 105.
[2] ОПИ ГИМ, ф. 440, оп. 1, ед. хр. 935. л. 56—57.
[3] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2337.

ренних дел — врачебная управа, строительный комитет, градская полиция, приказ общественного призрения, градская дума, почтовый карантин, Императорский Ботанический сад в Одессе; Министерству финансов — Одесское отделение коммерческого совета, Одесская контора коммерческого банка, Одесский институт благородных девиц. И тем не менее практически любые назначения в указанные учреждения проходят при участии М.С. Воронцова. С одной стороны, это свидетельствует о его заинтересованности в отборе лучших представителей на ту или иную должность, а с другой — М.С. Воронцов не только контролирует управление регионом в целом, но в некоторых случаях заменяет деятельность местных органов управления. Так, еще в 1823 г. М.С. Воронцов сам был вынужден напомнить жителям Одессы, осаждавшим его с различными просьбами, что он не градоначальник, а Новороссийский генерал-губернатор[1].

Контроль за работой чиновников в местных органах самоуправления осуществлялся М.С. Воронцовым с не меньшим вниманием, чем в его собственной канцелярии. В РГАДА хранится записка о чиновниках Таганрогского портового карантина, в которой указаны их деловые и нравственные качества[2]. Составитель документа неизвестен, но возле каждой фамилии чиновника имеются пометки, судя по почерку, М.С. Воронцова. Так, к примеру, характеристика инспектора Гирса следующая: «Поведения хорошего. Часть карантинную по наружности знает, но внутреннего устройства не разумеет». Далее следует замечание, вероятно, генерал-губернатора: «с подчиненными обращается весьма слабо, а от сего и злоупотребления происходят (?). Достоин снисхождения»[3]. Весьма интересно замечание по поводу директора карантинного отделения Мейбовского, которого, как участника злоупотреблений, необходимо, по мнению автора, отстранить от службы. Но, учитывая 35-летнюю службу и бедность, он заслуживает снисхождения и увольнения от службы без последствий. М.С. Воронцов признал эту просьбу справедливой.

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 39. С. 23—24.
[2] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2497.
[3] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2497, л. 1.

Несмотря на недовольство отдельных представителей министерской власти и органов местного управления, Наказ 1837 г. практически узаконил все действия М.С. Воронцова и других генерал-губернаторов в выборе служащих для назначения в местные учреждения. Так, в нем, в частности, говорится, что гражданские губернаторы представляют генерал-губернатору кандидатуры и точные формулярные списки их службы, а если нужно — и особые сведения о кандидатах и свое заключение о претендентах на следующие должности: губернских и уездных землемеров, заседателей и асессоров палат уголовной и гражданской и заседателей совестного суда, чиновников особых поручений; земских исправников (где эти должности не зависят от выборов дворянства): полицмейстеров и городничих; членов губернских строительных компаний.

Таким образом, мы видим, что генерал-губернатор действует весьма самостоятельно по отношению к лицам в местных органах управления, являясь для представителей политической власти проводником решений правительства. В то же время генерал-губернатор отстаивает интересы региона перед верховной властью. Будучи ответственным за развитие края, М.С. Воронцов стремился к привлечению в местные органы управления лиц, наделенных необходимыми деловыми и высокими нравственными качествами.

М.С. Воронцову было свойственно опекать своих подчиненных с самого начала их службы, способствуя их дальнейшим успехам. Как уже отмечалось выше, постепенно складывалось понятие «чиновник воронцовской школы».

Здесь необходимо подчеркнуть, что окружение М.С. Воронцова состояло во многом из лучших представителей общества того времени в различных областях науки, образования, искусства.

«ЧИНОВНИК ВОРОНЦОВСКОЙ ШКОЛЫ»

М.С. Воронцов на протяжении всей своей государственной службы был привержен мнению, что для административной работы подходят люди, имеющие природные способности к по-

добного рода деятельности и прошедшие специальную подготовку. В 1852 г. он писал А.П. Ермолову о А.А. Закревском: «Он не рожден и не воспитан быть генерал-губернатором в Москве, даже в теперешнем фабричном положении этого древнего города»[1]. По мнению М.С. Воронцова, А.А. Закревский мог быть хорошим комиссариатским чиновником, возможно дежурным генералом.

В чем же состояла подготовка к служебной деятельности? Можно выделить следующие, наиболее общие моменты: старшие чиновники помогали младшим. Так, Щербинин вспоминал, как под руководством Казначеева и Левшина он изучал основы служебного механизма и как впоследствии он вместе со своим наставником Казначеевым заседал в Сенате. Воронцов отправлял своих служащих и в заграничные путешествия, а они ему подробно и регулярно описывали увиденное, в особенности больницы, тюрьмы, другие присутственные места, сообщали о том, что возможно перенять России из опыта городского хозяйства других стран.

Из деловых качеств М.С. Воронцов наиболее ценил работоспособность и исполнительность. Сначала он сильно нагружал подчиненного работой, строго спрашивал результат, а заметив малейшие ошибки, требовал исправления.

Но со временем М.С. Воронцов становился для некоторых из своих служащих не начальником, а другом. При этом высокие нравственные качества ценились М.С. Воронцовым не меньше, чем деловые.

Говоря о нравственных качествах служащих под началом М.С. Воронцова, необходимо упомянуть И.И. Зефиропуло. Умерший в 1886 г., бывший ялтинский уездный исправник И.И. Зефиропуло долго служил при М.С. Воронцове на Кавказе, заведовал до конца 50-х гг. воронцовскими имениями в Крыму и жил в Алупке. Он оставил эту должность с семью рублями в кармане, с которыми приехал в Ялту. В Алупке и Ялте в течение сорока лет Зефиропуло был известен всем честностью, гостеприимством и радушием. «Владея, так сказать, воронцовскими виноградниками, он, как известно, не выпил

[1] Русский архив. 1890. Кн. 1. С. 457—458.

и рюмки вина в своей жизни. Государь Александр II всегда подавал ему руку, что не видал ни один исправник Российской Империи»[1].

А.Я. Фабр, по словам современников, являлся примером образованного и исполнительного чиновника. После его кончины все его имущество, согласно завещанию, пошло на учреждение начальной школы для мальчиков Симферополя.

По-настоящему талантливый руководитель должен не только уметь подобрать нужных людей в административный аппарат и правильно организовать его работу, согласуясь с реальными условиями и потребностями подчиненного ему региона. Не менее важно, насколько администратор способствует дальнейшему профессиональному росту и интеллектуальному развитию своих сослуживцев. Как отмечалось выше, со временем сформировалось понятие «чиновник воронцовской школы», школа же подразумевает преемственность взглядов, методов и самого подхода к процессу управления. Поэтому, полагаю, имеет смысл не только назвать должности, которых достигли со временем подчиненные М.С. Воронцова, но остановиться хотя бы на отдельных эпизодах их профессиональной деятельности, где они использовали знания и навыки, полученные во время службы у Воронцова.

Среди лиц, входивших в один из первых административных аппаратов М.С. Воронцова в должности генерал-губернатора, был князь В.М. Шаховской (1801—1850), назначенный в 1823 г. адъютантом М.С. Воронцова. В 1827 г. В.М. Шаховской в чине штабс-капитана вышел в отставку, и с 1828-го по 1835 г. был Волоколамским уездным предводителем дворянства. Хотелось бы остановиться на деятельности Шаховского в должности главного смотрителя Странноприимного дома в Москве[2]. Шаховской активно занялся внутренней организацией Странноприимного дома, в чем была самая настоятельная необходимость. Кроме того, В.М. Шаховской предложил меры для урегулирования финансового положения дома. Он активно занимался подбором

[1] Браилко Н. Из воспоминаний и рассказов // Русский архив. 1897. Кн. 2. С. 294.

[2] История Странноприимного дома графа Шереметева в Москве. Составил А.И. Виноградов. (Другие сведения — год и место издания — отсутствуют.)

энергичных и сведущих в своем деле сотрудников, создавая профессиональный аппарат управления. Деятельность князя Шаховского удостоилась самой высокой оценки Императора и правительства. Практически за три года был наведен порядок во всем, будь то вопросы управления, финансов, медицины и т. д. С мая 1838 г. В.М. Шаховской уезжает для лечения за границу. Но уже в 1839 г. он — младший деректор Государственного коммерческого банка.

Князь З.С. Херхеулидзев служил адъютантом М.С. Воронцова до получения чина полковника, участвовал с Воронцовым в турецкой кампании 1828 г. Впоследствии М.С. Воронцов назначает Херхеулидзева градоначальником в Керчи, присвоив ему чин статского советника. Н.И. Лорер пишет в своих «Записках», что Керчь — создание князя, и современники называли ее маленькой Одессой. После назначения М.С. Воронцова на Кавказ Херхеулидзев не смог ужиться с заменившим Воронцова в Новороссии Федоровым, и был переведен губернатором в Смоленск. Но, как пишет Лорер: «Более способный к делам коммерческим и имевший постоянные сношения с негоциантами, людьми просвещенными по преимуществу, Херхеулидзев не мог оставаться равнодушным ко всем нашим губернским злоупотреблениям»[1]. Оставив службу, Херхеулидзев поселился в Петербурге, но в письме от 1 ноября 1849 г. на имя Н.Н. Нарышкина Лорер сообщает, что князь назначен военным и гражданским губернатором в Орел. Причем Лорер просит Нарышкина сообщить об этом В. Голицыну, который будет рад этому, поскольку знает его как «благородного и честного человека»[2]. При Императоре Александре Николаевиче, после сдачи Севастополя, Херхеулидзеву было поручено привести в порядок госпитальную часть в армии. Князь ежедневно навещал больных, следил за порядком, осматривал пищу и белье, но «получил тифозную горячку и скончался в Севастополе, где на кладбище и похоронен. Мир праху твоему, благороднейший человек и близкий друг мой! Ты кончил жизнь свою на поприще службы и до по-

[1] Лорер Н.И. Указ. соч. С. 230.
[2] Там же. С. 367. Вероятно, речь идет о Валериане Голицыне.

следней минуты приносил пользу человечеству и согражданам твоим»[1], — пишет в своих «Записках» Лорер о князе Херхеулидзеве.

В 1823 г. одним из чиновников по особым поручениям в канцелярии М.С. Воронцова был А.И. Левшин (1799—1879), впоследствии видный государственный деятель.

С 1831-го по 1837 г. А.И. Левшин — градоначальник Одессы. М.С. Воронцов оказал большое влияние на А.И. Левшина не только в плане становления его как администратора. Правомерно предположить, что подчиненные М.С. Воронцова разделяли его взгляды и на отдельные политические проблемы. Как известно, М.С. Воронцов еще в 1820 г. поставил свою подпись под документом, в котором были изложены меры к улучшению состояния крестьян и к постепенному освобождению их от рабства[2]. М.С. Воронцов был сторонником освобождения крестьян, считая, что крепостное право — позор России. С 1854-го по 1859 г. А.И. Левшин — товарищ министра внутренних дел — играл видную роль в освобождении крестьян. Ознакомившись с перепиской николаевского времени по вопросу устройства помещичьих крестьян, Левшин убедился в необходимости подготовить для Императора краткий обзор истории крепостного права в России и получил соответствующее поручение. По предложению Левшина был сформирован в 1857 г. особый секретный комитет; он не был его членом, но при существовавших разногласиях между участниками комитета сам разрабатывал основные правительственные принципы по крестьянскому вопросу. А.И. Левшин намечал проект реформы, условием которой было сохранение за помещиками прав собственности на землю и постепенное развитие всего процесса реформы. Когда же победило течение, стоявшее за сохранение собственности крестьян на землю, с вознаграждением помещиков, и за одновременное проведение реформы, Левшин составляет (исправленный Ланским и Муравьевым) проект, ставший затем знаменитым рескриптом Назимову (20 ноября 1857 г.), с которого в целом началась

[1] Лорер Н.И. Указ. соч. С. 230.
[2] Русская старина. 1871. Март. С. 366.

официальная история освобождения крестьян. Сам Левшин был против обнародования этого рескрипта, опасаясь смут. В 1858 г. Левшиным был создан земский отдел министерства, целью которого являлось предварительное рассмотрение проектов, поступающих из губернаторских комитетов. Но он все более отходил от дел. Последние годы жизни Левшин был членом Государственного совета, уступив перед этим должность товарища министра внутренних дел Милютину.

В 1825 г. А.И. Левшин, согласно распоряжению М.С. Воронцова, сделал все необходимое для определения на службу в гражданскую канцелярию генерал-губернатора М.П. Щербинина. Находясь долгие годы почти безотлучно при М.С. Воронцове, Щербинин наиболее полно перенял методы административной деятельности М.С. Воронцова, его взгляды, сам подход к выполнению служебных обязанностей. Само высказывание «чиновник воронцовской школы» относится к М.П. Щербинину в особой степени. «Как личность, он был человек старого закала, весьма образованный чиновник Воронцовской школы»[1].

В 1856 г. М.П. Щербинин заседал в седьмом департаменте Сената вместе с А.И. Казначеевым — своим первым наставником. В январе 1860 г. М.П. Щербинин — член Главного управления цензуры и председатель Московского цензурного комитета, но при этом остается сенатором. Повышения по службе продолжались: в 1865 г. Щербинин — начальник Главного управления по делам печати, а через два года он присутствует во втором департаменте Сената вместе с А.И. Левшиным, определившим в свое время его на службу в канцелярию М.С. Воронцова.

В начале своей службы в Одессе М.П. Щербинин сблизился с В.И. Туманским, который тоже был в составе первой канцелярии М.С. Воронцова. В.И. Туманский участвовал в составлении Адрианопольского договора, затем служил секретарем посольства в Константинополе, позже он — помощник статс-секретаря Государственного совета. Выйдя в отставку, Туманский состоял почетным попечителем полтавской гим-

[1] Из записок А.Е. Егорова // Русский архив. 1912. № 7. С. 450.

назии и членом комитета по улучшению быта помещичьих крестьян[1].

Другой служащий первой канцелярии М.С. Воронцова — барон Ф.И. Бруннов, как и Туманский, принимал участие в переговорах об Андрианопольском договоре и так блестяще изложил мнение Дибича о занятии Силистрии, что привел в восхищение А.Ф. Орлова (1829). Это было началом быстрой карьеры Ф.И. Бруннова. Орлов устроил ему назначение управляющим дипломатической канцелярией в Константинополе, а с 1832 г. он был определен к вице-канцлеру графу Остерману и редактировал дипломатические ноты русским уполномоченным при иностранных дворах. В последующие годы Ф.И. Бруннов принимал самое активное участие во внешнеполитической жизни России. В 1856 г. Брунов был назначен вторым уполномоченным от России на Парижский конгресс, во время которого оказывал сильное влияние на ход дел, благодаря своим знаниям и опыту. За участие в Лондонской конференции 1871 г. Бруннов получил графское достоинство и в июле 1874 г. уволился со службы и поселился в Дрездене.

После встречи с М.С. Воронцовым выбрал Одессу для постоянного жительства и Н.Н. Мурзакевич. В 1832 г. — он надзиратель за воспитанниками, проживающими постоянно в лицее, и преподаватель всеобщей истории и географии в гимназических классах Ришельевского лицея. Защитив в Московском университете диссертацию и став магистром философии, Мурзакевич в 1837 г. — адъюнкт лицея, а в 1839 г. — профессор кафедры российской истории и статистики. В 1853 г. Н.Н. Мурзакевич стал директором Ришельевского лицея. В течение 27 лет он был учителем, воспитателем, профессором и директором лицея, помимо этого, он — секретарь Общества сельского хозяйства Южной России и редактор его «Листка», а также заведовал городской библиотекой и городским музеем, занимался изданием Новороссийского календаря и «Одесского альманаха». По отзывам современников, Н.Н. Мурзакевич отличался добротой, честностью, прямотой убеждений

[1] В.И. Туманский составил историю Государственного совета (не была издана). «Стихотворения» Туманского были изданы в 1881 г.

и бескорыстием. Был он строг к себе и другим. Не допускал поблажек в нравственных вопросах. Высоко чтил звание профессора.

С одесским Ришельевским лицеем связана жизнь и Г.И. Соколова (1810—1852), который по окончании Московского университета служил в канцелярии Новороссийского генерал-губернатора, одновременно сотрудничая в «Одесском вестнике» и в «Литературных прибавлениях к «Одесскому вестнику». В 1845 г. Г.И. Соколов был назначен инспектором Ришельевского лицея, а с 1848 г. редактировал «Записки» Общества сельского хозяйства. Последние годы он состоял цензором в Одесском цензурном комитете[1].

Помимо вышеназванных замечательных имен, к окружению М.С. Воронцова принадлежали и другие лица, оставившие заметный след в различных областях науки.

Гагемейстер Юлий Андреевич (1806—1878) — известный финансист, впоследствии директор канцелярии Министерства финансов при А.М. Княжевиче. Помимо непосредственной служебной деятельности, Ю.А. Гагемейстер много занимался экономическими и финансовыми вопросами. Он автор первого сочинения по истории финансов — «Розыскание о финансах древней России» (издана в 1833 г.). Большое значение имел в свое время его труд «Теория налогов, примененная к государственному хозяйству» (1852 г.).

Кирьяков Михаил Михайлович (1810—1839) — выдающийся агроном своего времени. С 1833 г., после окончания курса в Московском университете, занялся сельским хозяйством в наследственном херсонском имении, при этом он не только поставил ведение дела на строго научную основу, но и явился новатором. В то время как хозяева земель Южной России считали облесение степи и защиту посевов лесонасаждениями делом, не заслуживающим особого внимания,

[1] Г.И. Соколов перевел «Историю ханов Крымских» (1840), «Путешествие по России Гольденштедта», «Физиологию и гигиену людей, посвятивших себя умственным трудам» (1841); составил в 1844—1845 гг. «Опись бумагам и делам, хранящимся в архиве упраздненной крепости Св. Елизаветы», которые он сам нашел. В «Записках» Одесского общества истории и древностей Соколов напечатал «Записку о содержании старых актов» (т. II), «Историческую записку о г. Елисаветграде», «Панагиодор Никовул» (т. III) и другие работы.

М.М. Кирьяков начинает серьезно заниматься этой проблемой. Уже первые его опыты были настолько удачны, что в 1836 г. он получил Высочайшее благоволение и серебряную медаль от Общества для поощрения лесного хозяйства. С 1834 г. М.М. Кирьяков помещает свои статьи в «Листках общества сельского хозяйства Южной России», сотрудничает в «Лесном журнале», «Земледельческой газете», помещает историко-географические и статистические статьи в «Журнале Министерства народного просвещения» и в «Энциклопедическом Лексиконе» Плюшара. Последние годы жизни М.М. Кирьяков трудился над работами «Статистическое описание Херсонской губернии» и «Земледельческий календарь Новороссийского края». Они остались незавершенными.

А.А. Скальковский (1808—1897) окончил курс юридического факультета Московского университета, был директором Главного статистического комитета Новороссийского края и заведовал им же организованным в Одессе Архивом Министерства внутренних дел.

Впоследствии А.А. Скальковский стал тайным советником, членом-корреспондентом Императорской Академии наук, членом различных ученых обществ. Главные его труды почти все составлены на основании архивных данных: «Хронологическое обозрение истории Новороссийского края» (Одесса, 1835 г.); «Первое тридцатилетие Одессы» (Одесса, 1837 г.); «Сношения Запорожья с Крымом. Материалы для истории Новороссийского края» (Одесса, 1844); «История Новой Сечи и последнего пана Запорожского» (Одесса, 1846) и многие другие.

Таким образом, большая часть людей, которые начинали свою служебную карьеру под началом М.С. Воронцова, занимали со временем ведущие должности в государственном аппарате управления, становились известными дипломатами и учеными.

Характерно, что большинство из них объединяет не только высокий профессиональный уровень и отменное трудолюбие, но и особое, глубоко нравственное отношение к своему делу, когда честное выполнение служебных обязанностей становилось основой жизненной позиции, успехи в карьере — критерием оценки заслуг перед Отечеством. Подобные идеи были

популярны в среде российского дворянства последней четверти XVIII — начала XIX в., но заслуга М.С. Воронцова состояла в том, что он сумел привить данное мировоззрение большому числу своих сослуживцев — «чиновников воронцовской школы».

ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИЯХ С НАЦИОНАЛЬНО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫМИ МЕНЬШИНСТВАМИ

Население Новороссийского края, как и Бессарабии, по выражению современника М.С. Воронцова А.А. Скальковского, было «разноплеменно и разноязычно»[1]. В национальном составе его можно выделить следующие более или менее значительные группы: славяноязычную, представленную русскими и украинцами; славяноязычную, представленную переселенцами с Балкан — сербами и болгарами; молдавскую (главным образом в Бессарабии); тюркоязычную, представленную крымскими татарами, ногайцами, гагаузами (Бендерский и Измаильский уезды); греческую, представленную приазовскими греками — переселенцами с Балкан; еврейскую, расселенную дисперсно; цыганскую, сосредоточенную преимущественно в Бессарабии; германоязычную, представленную переселенцами-немцами (Причерноморье, Крым).

Характерной чертой национальной политики Императорской России являлся конфессиональный подход. В соответствии с ним и велась статистика (см. таблицу № 1), и определялась политика по отношению к лицам разного вероисповедания.

Что касается православного населения, то принципиальной разницы в подходе к русским или, например, молдаванам, грекам, сербам, болгарам, гагаузам не было. Небольшие по численности группы католиков (поляки в Бессарабии, итальянцы в причерноморских портовых городах) и протестантов (немецкие колонисты) не рождали особых проблем. Наиболее сложным вопросом для Новороссийского генерал-губернатора были взаимоотношения с мусульманским населением Крыма.

---

[1] Скальковский А.А. Указ. соч. Ч. I. С. 326.

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ НОВОРОССИЙСКОГО КРАЯ И БЕССАРАБСКОЙ ОБЛАСТИ СОГЛАСНО ВЕРОИСПОВЕДАНИЮ
Данные на 1884 г.

	Граждане православного вероисповедания	Христиане других исповеданий*	Нехристианское народонаселение
Херсонская губерния	788 338	33 404	28 430
Екатеринославская губерния	755 832	14 198	6 244
Таврическая губерния	235 811	31 824	274 501
Бессарабская область и Измаильское градоначальство	718 893	21 000	53 210
Одесское градоначальство	65 280	6 074	5 424
Таганрогское градоначальство	47 195	16 440	399
Керчь-Еникальское градоначальство	8 775	555	1 461

* Католики, армяне Григорианского закона, протестанты, менониты, сепаристы, пиетисты

Исходя из вышеизложенного и наличия выявленных источников рассмотрим политику М.С. Воронцова по отношению к национально-конфессиональным меньшинствам применительно к крымским татарам, бессарабским цыганам и евреям. Вопрос о колонистах Новороссийского края — переселенцах из Германии и Балкан — в данном параграфе не фигурирует, так как этот вопрос не национально-конфессиональной, а переселенческой политики[1].

М.С. Воронцову на протяжении всей его государственной и военной деятельности приходилось постоянно решать проблемы межнациональных отношений. Это во многом объяснялось политическими, экономическими и культурными особенностями исторического развития подведомственных ему территорий, будь то Новороссийский край, Бессарабская область или Кавказ. Первый опыт урегулирования межнационального вопроса М.С. Во-

[1] Как было сказано в начале данной главы, проблема управления колониями не входила в сферу деятельности генерал-губернатора; за решение переселенческой политики отвечал И.Н. Инзов.

ронцов приобрел в 21 год, когда в 1804 г. был послан князем П.Д. Цицияновым на переговоры с Имеретинским царем.

Командование оккупационным корпусом во Франции с 1815-го по 1818 г., как уже отмечалось, стало прекрасной школой административной деятельности для М.С. Воронцова. В Мобеже им была разработана целая система урегулирования отношений между французским населением и русским корпусом.

Но в мирной обстановке, в родном государстве М.С. Воронцов не мог строить отношения с населением, руководствуясь законами военного времени. В то же время именно от межнациональных отношений зависело, насколько успешным будет практическое осуществление задуманных М.С. Воронцовым планов в том или ином регионе.

Пожалуй, больше всего внимания М.С. Воронцов должен был уделять решению национальной проблемы в Крыму, что, естественно, и рассматривается в первую очередь.

В конце XVIII столетия Россия получила широкий выход к южным морям и возможность освоения и хозяйственного развития новых земель. Российская Академия наук сразу же организовала несколько экспедиций в Крым, задачей которых было исследование природных богатств и климатических условий нового края, возможность его освоения. Первоначальное заселение края шло медленно: мешали бездорожье, пустынность Южного берега Крыма, непривычный климат и, главное, враждебное отношение местного населения. Последнее отметил еще австрийский император Иосиф II: «Что ни делает Императрица для здешнего населения и какие льготы она им ни предоставляет, нет ни одного, особенно из стариков, кто бы не рад был уйти из-под новой власти»[1].

Хотелось бы отметить, что благодаря стараниям отца М.С. Воронцова на Крымский полуостров не были отправлены английские ссыльные каторжане и вывезенные из британских колоний негры.

В конце 1785 г. С.Р. Воронцов получил от А.А. Безбородко поручение навести справки в Английском министерстве о

[1] Романовы и Крым. М., 1993. С. 11.

возможном переселении в Россию осужденных на каторгу и к высылке из Англии преступников, которыми русское правительство решило заселить «пустопорожния свои земли»[1]. В августе 1786 г. С.Р. Воронцов узнал от некоего ирландца Дилона, что тот уполномочен от имени принца де Линя набирать в Англии ссыльных каторжан и вывезенных из британских колоний негров для заселения ими определенных земель в Крыму, пожалованных принцу. С.Р. Воронцов немедленно направил послания к Безбородко и вице-канцлеру Остерману с резкой критикой данного проекта. В частности, в письме к Остерману он возмущался: «По всей Европе узнают, какими уродами селится Таврическое царство, где между тем надо будет с трудом охранять старых поселян от сих разбойников, кои, не зная никакого ремесла, ни же хлебопашества, должны будут по привычке и необходимости питаться старым своим ремеслом, то есть воровством и мошенничеством»[2].

Энергичные представления С.Р. Воронцова имели успех — план заселения свободных российских территорий, в частности Крыма, английскими каторжниками не был приведен в действие.

В укреплении военного и экономического могущества Юга России Крыму отводилась особая роль. Переселение на Южный берег Крыма по инициативе князя Г.А. Потемкина так называемых «архипелагских греков», формирование из них Балаклавского батальона усиливало военно-политическое положение России на Крымском полуострове. Эти православные жители островов Эгейского моря, неизменно поддерживающие Россию в ее борьбе против турецкого владычества, отличались неустрашимостью и стойкостью, приобретенными на Родине в борьбе с турками. В благодарность за верную службу Российской короне Екатерина II щедро одарила их землями на Южнобережье, предоставила им всевозможные льготы, убежденная в том, что только они смогут охранять берега Крыма в условиях гористой местности, переполненной враждебно настроенными мусульманами.

---

[1] Рябинин Д.Д. Указ. соч. Кн. I. С. 189.

[2] Архив князя Воронцова. Кн. 9. С. 406—407. 4-е письмо графу Остерману от 11/22 августа 1786 г.

Татарское население на Крымском полуострове со времени вступления в подданство России управлялось российскими законодательными документами, изданными в разное время, часто противоречивыми, несогласованными между собой.

8 сентября 1823 г. Государственной канцелярией был составлен «Проект положения для татар-поселян Таврической губернии». Проект состоял из нескольких частей, в первой части трактовалось о правах татарского населения в целом.

Татарское население признавалось лично свободным и приравнивалось к казенным поселянам, проект гарантировал им личную неприкосновенность, при этом наказание могло быть произведено только по судебному решению или приговору сельского общества. Татарское население наделялось правом собственности и никаких повинностей платить помещикам не было обязано. Все повинности татарского населения по отношению к помещикам определялись взаимными соглашениями, споры разрешались на основании общих законов о контрактах или третейским судом. «Общественные повинности, от которых татары не освобождаются, исполняются независимо от повинностей помещикам»[1]. На помещичьих землях, где жили татары, сельскую полицию возглавлял помещик; муллы и сельские старосты следили за тишиной и порядком, получая соответствующие распоряжения от помещиков. Утвердив право собственности на землю за татарскими обществами, отдельными лицами и семьями, проект признал необходимым разграничить права исконных владельцев, пришедших после завоевания Крыма. Комиссия для разбора земельных споров признавала неотъемлемой собственностью татар те земли, которые находились внутри помещичьих владений. Отношения татарских селений с владельцами земель других сословий — купцами, мещанами, разночинцами — должны были быть соблюдаемы на тех же условиях, как и для татар казенного ведомства, поселенных на землях помещиков; вакуфные земли[2]

---

[1] Авалиани С.Л. Граф М.С. Воронцов и крестьянский вопрос. Одесса, 1914. С. 12—13.

[2] Вакуфные земли состояли в садах, лугах, лесах, полях, частью отданных татарами при жизни мечетям и училищам, частью отказанных по духовным завещаниям, с тем, чтобы с доходов от них поддерживать училища и мечети.

должны были оставаться неприкосновенной собственностью мечетей и состоять в распоряжении магометанского духовенства.

М.С. Воронцов довольно критически проанализировал «Проект положения» Государственной канцелярии. Изучая юридические предпосылки предложенных видов земельной собственности, М.С. Воронцов пришел к выводу, что нельзя утверждать, что «татары» имели право располагать по произволу землями, принадлежавшими каждому из них в отдельную собственность»[1].

М.С. Воронцов считал, что более целесообразно предоставить татарину полную свободу в распоряжении движимой собственностью, поставив их в зависимость от специально составленных правил.

Продажа общественных земель, по мнению М.С. Воронцова, не должна быть запрещена, но при этом он критиковал правило о продаже собственности поселянам непременно того селения, в округе которого находился участок. Это ограничение, ввиду большой стоимости земельных участков на Южном берегу Крыма, «преградит путь к поселению в лучшей части Крыма таким людям, которые одни могут привести страну сию в цветущее состояние и без которых оно никогда не выйдет из настоящего грубого положения своего»[2].

В вопросе о повинностях поселян М.С. Воронцов не разделял точки зрения проекта. При старых правилах помещик не мог согнать с земли поселян, но, если будут изданы новые проекты, считал М.С. Воронцов, он получит такую возможность и «дабы по оному правительство не увидело вдруг толпы скитающихся без земли подданных своих и не подвергло их притеснениям жестоких людей», то необходимо разрешить по крайней мере двухгодичный срок для вступления предложенных правил и лишь затем разрешить татарам переселяться, объявив об этом за год татарам и земской полиции, таким образом, «всякий поселянин; видящий себя принужденным переменить место жительства, будет иметь возможность заготовить новое

[1] Авалиани С.Л. Указ. соч. С. 14.
[2] Там же. С. 14.

жилище и, не теряя жатвы, засеянного им хлеба на старой земле, сделав новый засев близ своего дома»[1].

В принципе М.С. Воронцов ничего не имел против передачи заведования земской полицией помещикам, но в Крыму, где значительная часть помещиков были татарские мурзы, самовластно управлявшие жившими на этих землях татарами и большею частью притеснявшие их, безусловное и непременное заведование помещиками и сельскою полициею «будет источником многих злоупотреблений, тем более что закон магометанский запрещает татарам жаловаться христианину на единоверцев своих»[2].

На основании этих соображений М.С. Воронцов для защиты интересов поселян предлагал дополнить проект новым пунктом, что заведование земской полицией предоставляется помещикам или поверенным их не иначе как с ежегодным утверждением их губернатором по представлении уездных предводителей дворянства, «равно как и самим помещикам, утвержденным в звании наблюдателей порядка». Им М.С. Воронцов проектирует дать наименование сельских судей «с правом входить в разбирательство ссор и распрей подчиненных им селян и прекращать оныя миролюбивыми сделками». При этом предлагается в «шалостях и маловажных винах требовать от сельского общества определения виновным наказания по положению о сельской расправе». И лишь в случаях серьезных проступков представлять об этом земской полиции; «пользование такой властью не есть служба и потому сельский судья не обязан безотлучно находиться в своем жилище, ни же просить у кого бы то ни было позволения на отлучку»[3].

Наконец, М.С. Воронцов настаивал на необходимости перевода «Проекта положения» на татарский язык. М.С. Воронцов возражал и против мнения министра финансов, считавшего, что «для удержания татарского бродяжничества не следует им переселяться с земель казенных на владельческие без важных на то причин и без разрешения министра финансов»[4].

---

[1] Авалиани С.Л. Указ. соч. С. 14.
[2] Там же. С. 14—15.
[3] Там же. С. 15.
[4] Там же.

М.С. Воронцов считал, что осуществление предложения министра финансов «нарушит вольность крымских татар, которые к земле никогда привязаны не были» и которые с «древнейших времен имели и имеют право переселяться с одного места на другое»[1]. Помимо принципиального несогласия, М.С. Воронцов полагал, что это предложение неприемлемо потому, что слишком много переписки и времени потребуется для того, чтобы министр, занятый «множеством важнейших государственных дел, давал разрешение на просьбу каждого татарина, желающего поселиться с казенной земли на помещичью»[2].

М.С. Воронцов делает важное заявление, что причина, по которой поселянин переселяется, должна определяться не правительством, но нуждою его. «Сам он находит, что ему на такомто месте выгоднее жить, нежели на другом, то несправедливо будет удерживать его против желания»[3].

Для предотвращения «бродяжничества» М.С. Воронцов предлагал объявить татарам, что каждый, намеревающийся переселиться, заявляет об этом земской полиции за год для подготовки земли.

М.С. Воронцов объяснял, что ни в коем случае не желает изгнания или принужденного переселения татарского населения, но что правительство должно принимать меры для приезда в Крым людей «промышленных и трудолюбивых» и не мешать им в приобретении земли у татар.

Одержимый идеей освоения Крыма, М.С. Воронцов подает личный пример и начинает скупать лучшие участки земли.

В мемуарах М.С. Воронцова за 1825 г. указано, что приобретение садов Алупки было первым примером продажи татарским населением части их владений, а именно — садов между деревней и морем. В этом деле своими советами М.С. Воронцову помог главный татарский муфтий Крыма, который имел влияние на людей[4]. Не обошлось без посредничества хорошо ладившего с местным населением командира греческого сторожевого батальона Феодосия Ревелиоти. За возможность занять

---

[1] Авалиани С.Л. Указ. соч. С. 15.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Архив князя Воронцова. Кн. 37. С. 76. *(Пер. с фр.)*

прибрежный район М.С. Воронцов пообещал татарскому населению построить мечеть, закладка которой состоялась сразу же после приобретения земли: строительство православного храма началось чуть позднее.

Необходимо отметить, что, глубоко просвещенный и всесторонне образованный человек, М.С. Воронцов в Новороссии, Бессарабской области, а затем на Кавказе демонстрировал глубокое уважение к духовным, культурным традициям местного населения, стремился к установлению самых дружеских отношений с представителями различных религиозных конфессий.

М.С. Воронцов понимал, что поддержка религиозных деятелей была лучшей гарантией в деле налаживания дружественных отношений с представителями различных национальностей края, в котором при М.С. Воронцове «все церкви, христианские и нехристианские, свободно в нем существуют и находят в правительстве всегдашнее покровительство»[1].

Одним из главных принципов, которым руководствовался М.С. Воронцов в вопросе национальных взаимоотношений, была его уверенность, что он должен делать все от него зависящее, чтобы граждане края могли своим мирным трудом способствовать развитию региона.

В отношении татарского населения М.С. Воронцов считал необходимым «поддерживать к утверждению в крымских татарах расположения вести мирную жизнь и заниматься сельским хозяйством»[2]. Данное заявление генерал-губернатора было вызвано его несогласием с мнением правительства о целесообразности привлечения татар к военной службе.

Комитет министров считал, что татарское население необходимо «обложить рекрутской повинностью по примеру прочих казенных крестьян»[3]. Император Николай Павлович, разделяя эту точку зрения, решил в 1829 г. «спросить гр. Воронцова: не считает ли он лучшим формировать из них конные полки наподобие тех, кои существовали во время войны 1812 г. на казачьем основании»[4]. М.С. Воронцов ответил, что

[1] Скальковский А.А. Указ. соч. Ч.1. С. 326.
[2] Авалиани С.Л. Указ. соч. С. 18.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 19.

«сформирование казачьих полков из крымских татар, не привыкших к европейской военной службе, а по давности нахождения в подданстве России гораздо более получивших навык к жизни мирной, сопряжена с весьма большими затруднениями и неудобствами»[1].

Издержки, связанные с формированием этих полков, по мнению М.С. Воронцова, настолько велики, что не будут покрыты исходящей из них пользой. При этом М.С. Воронцов в очередной раз повторял, что лучше способствовать развитию сельского хозяйства среди татарского населения, чтобы «как можно более имел Крым людей для занятия хлебопашеством и скотоводством»[2].

Что касается распространения рекрутской повинности на татар, то М.С. Воронцов считал, что те проявят покорность, но при этом генерал-губернатор опасался, что они не поймут цели, и может начаться процесс подрыва к властям доверия татарского населения, которым следует «оставить их домашний быт в беспечной простоте, нежели водворять в них воинственный дух»[3].

Как тонкий политик, М.С. Воронцов предлагал «косвенные» приемы: рекрутские наборы на татар не называть рекрутским набором, а формированием полков; составлять посемейные списки, расположить очередь набора в соответствии с большинством членов семейств, «что сблизит их (татар) к настоящему рекрутству»[4].

Таким образом, М.С. Воронцов не выступал против привлечения татарского населения к военной службе, но, хорошо зная нравы и традиции местного населения, он опасался, что любой неподготовленный проект, затрагивающий старинные обычаи, экономические интересы лиц любой национальности, может вызвать непоправимые последствия для развития региона. Насколько дальновидными оказались опасения М.С. Воронцова, свидетельствует тот факт, что после издания закона, обязывающего татарское население отбывать воинскую повинность, от

[1] Авалиани СЛ Указ соч С 19
[2] Там же
[3] Там же
[4] Там же

которой раньше они были освобождены, начались волнения, причем крымские татары стали стремиться к выселению за пределы России.

Сын М.С. Воронцова, генерал-адъютант С.М. Воронцов в 1874 г. получил приказ Императора Александра II изучить проблему и составить предложения, какими ненасильственными способами можно удержать необходимое для края население.

С.М.Воронцов после посещения Симферопольского, Феодосийского и Евпаторийского уездов Таврической губернии приходит к выводу, что действительно причиной отъезда татар из Крыма является новый закон о воинской повинности. С.М. Воронцов, ссылаясь на свои знания характера, привычек татарского населения, выражает уверенность, что «в настоящем случае важны те способы, какими будет вводиться между татарами новая повинность. Чем гуманнее и применительно к их нравам и обычаям будут эти способы, тем прочнее и скорее привьется к татарам любовь к военной службе»[1].

Кроме того, С.М. Воронцов предлагал рассмотреть жалобы татар по поводу присвоения казной принадлежащих им земель и домов; степным татарам выделить на казенных землях наделы, если не даром, тогда за умеренную плату, с рассрочкой платежей на продолжительное время. Если же нет достаточного количества земли для полевых наделов, то выделить земли для их «усадебной оседлости»[2].

Ряд предложений С.М. Воронцова, направленных на дальнейшее закрепление татарского населения в Крыму, являются прямым продолжением политики его отца — М.С. Воронцова — в Крыму. Так, С.М. Воронцов настаивает на необходимости проложить шоссейные дороги между горными поселениями возле Судака и Алушты, Феодосии и Карасубазара. Строительство этих дорог началось еще при М.С. Воронцове и было остановлено после его отъезда из региона. Другое предложение С.М. Воронцова касалось завершения процесса спорных дел о лесных дачах, которые были отобраны казной от южнобережных татар в 1838 г.

---

[1] Русский архив 1906 № 7 С 443
[2] Там же

и против чего активно выступил М.С. Воронцов[1]. Другие предложения С.М.Воронцова касались разрешения выдачи татарам паспортов для путешествия в Мекку.

В решении проблем, связанных с национальным вопросом, М.С. Воронцова, глубоко просвещенного человека, беспокоил прежде всего нравственный аспект. Но в то же время, как прагматичный политик, и эту проблему он пытался решить с точки зрения практической целесообразности, руководствуясь заботой о развитии региона в целом.

Это подтверждается, в частности, сведениями, которые содержатся в записке «О правах и преимуществах всех состояний жителей Бессарабии»[2], составленной на имя министра внутренних дел генерал-губернатором М.С. Воронцовым после того, как от Государственного совета поступило распоряжение Бессарабскому областному совету рассмотреть ряд вопросов, касающихся прав граждан различных сословий, проживающих на территории области. Областной совет, выполнив возложенную на него задачу, передал свое заключение на рассмотрение генерал-губернатора, который, в свою очередь, высказал свою точку зрения по указанным вопросам, соглашаясь или отвергая мнение совета.

Большая часть документа посвящена предложениям М.С. Воронцова по улучшению состояния цыган Бессарабской области.

Следует отметить особое внимание как местных властей, так и правительства в Петербурге к положению этого народа. Прежде всего, М.С. Воронцова волнует положение цыган, принадлежащих владельцам: «Этот беднейший класс жителей Бессарабской области, впрочем довольно значительный, требует особенного внимания правительства, по жалкой своей участи»[3].

Выполняя распоряжения Императора, Государственный совет постановил вменить в обязанность руководству Бессарабской области заняться улучшением состояния помещичьих цыган области.

М.С. Воронцов соглашается с мнением Областного совета, что необходимо обложить помещичьих цыган умеренной податью и заставить владельцев иметь в домах лишь необходимое

[1] Русский архив. 1906. № 7. С. 443.
[2] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2430.
[3] Там же. Л. 18.

число цыган в качестве прислуги, поселив последних на своих землях, что может способствовать пресечению бродяжничества и кочующей жизни этих людей.

Но М.С. Воронцов выступал против продажи цыган бояринашам и мазылам, полагая, что данное обстоятельство еще более усложнит положение цыган. Генерал-губернатор с возмущением приводит опись о продаже нескольких цыганских семейств. «Из этой описи видно, что цыгане, несмотря на возраст, оцениваются по 25 рублей, по 15, 10 рублей и даже по 4 рубля за душу. Такое унижение этих людей превосходит всякое вероятие и по чувствам человечества требует мер к отвращению оного»[1].

М.С. Воронцов предлагает следующие меры: рассмотреть внимательно документы, согласно которым помещик и другие лица в Бессарабии владеют цыганами; права на владение цыганами, согласно законным документам, признать лишь за дворянами. Притом бояринашам, мазылам, рупташам, имеющим документы на владение цыганами, оставить последних в их собственности, но лишить при этом права обретения новых, а имеющихся продавать лишь дворянам. Цыган, право владения которыми не будет подтверждено документами, обратить в казенное ведомство и поселить на казенных пустопорожних землях. Продажу, уступку цыган, оставленных при домах помещиков и поселенных на помещичьих землях, и взыскание с них казенных податей осуществлять на основе общих российских законов.

Что касается определения Бессарабского областного совета об обложении имений, принадлежавших иностранным помещикам, заграничным монастырям, купцам и разночинцам, всеми теми сборами, которые вносит бессарабское дворянство, то Воронцов был согласен с этим решением, как и с мнением совета о правилах проверки достоверности документов для привилегированного сословия. Следовательно, выступая связующим звеном, генерал-губернатор являлся для местных властей представителем высшей политической власти в регионе.

Такие же подходы применял Воронцов при решении вопросов, связанных с правами еврейского населения. Воронцов

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2430, л. 18.

считал, что не следует лишать евреев права жить в уже давно освоенных ими местах. По мнению Воронцова, неблаговидные поступки евреев объясняются их бедностью, а иногда предлагаемые радикальные меры еще более усугубят их положение. Воронцов предлагает сохранить за евреями прежнее право строительства частных домов, а что касается школ и синагог, то они должны быть расположены не ближе 100 саженей от православного храма, а если на другой улице, то на расстоянии 50 саженей. Как особо подчеркивали мемуаристы, Воронцов часто удовлетворял просьбы евреев. И не случайно в Новороссийский край и в Одессу устремились евреи почти со всей Восточной Европы. Хотя Хаджибей был посещаем ими еще до присоединения к России. Постепенно еврейские купцы вытеснили иностранцев и заняли в среде этого сословия первое место.

Пожалуй, ни один город в многонациональном государстве, каким была Россия, не мог похвастаться таким обилием «племен, рас и народов». И история Одессы является красноречивым примером того, как совместная мирная деятельность разных народов способствовала процветанию города и целого региона Российской Империи. При всем этом М.С. Воронцов оставался надежным защитником национальных и культурных интересов России. Его политика была реалистична и вытекала из трезвого понимания вещей.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (1826—1829)

Во второй четверти XIX столетия восточный вопрос был одним из главных во внешней политике России. Основные задачи того времени можно определить следующим образом: укрепление русского влияния в Константинополе; расширение черноморской торговли; поддержка национально-освободительного движения народов Балканского полуострова; достижение выгодного режима черноморских проливов.

Среди этих проблем греческий вопрос занимал особое место, и для его разрешения Император Николай Павлович отка-

зался продолжать нейтрально-пассивную политику предыдущего царствования.

Россию связывали с Грецией давние религиозные, культурные и экономические связи. Выступление на стороне греческих патриотов отвечало настроению русского народа, его духовным устремлениям. Кроме того, выступление на стороне Греции диктовалось желанием русского правительства усилить позиции России на Ближнем Востоке и обеспечить условия экономического развития Юга России. Греко-турецкий конфликт подрывал русскую черноморскую торговлю, поэтому помещики и купечество Юга России ждали от правительства конкретных действий.

Таким образом, от решения восточного вопроса зависело и развитие подведомственного М.С. Воронцову обширного региона, кроме того, как высший представитель центральной власти, он не мог не участвовать во внешнеполитических акциях правительства в этот период.

В начале 1826 г. в Петербург приезжает герцог Веллингтон, чтобы приветствовать вступление на престол Императора Николая Павловича. Он имел поручение уговорить Россию отказаться от войны с Турцией и предложить посредничество Англии для налаживания отношений между двумя странами.

Российский Император отклонил это предложение и послал в Константинополь ультиматум с требованием о восстановлении автономии 1821 г. для Дунайских княжеств и исполнении Бухарестского договора. Порта приняла ультиматум, и для урегулирования отношений был назначен съезд уполномоченных представителей в Аккермане. Со стороны России присутствовали М.С. Воронцов и А.И. Рибопьер. К сожалению, о роли М.С. Воронцова в переговорах с Турцией в конце июля, августе и сентябре 1826 г. практически не упоминается не только в учебных пособиях по истории России, но и в некоторых специальных изданиях, посвященных внешнеполитическим проблемам России этого периода[1].

---

[1] Шеремет В.И. Турция и Андрианопольский мир 1829 г. М., 1975; Гергиев В.А., Киняпина Н.С. и др. Восточный вопрос во внешней политике России конца XVIII — начала XIX в. М, 1978; Международные отношения на Балканах. 1815—1830 гг. М., 1983.

Нам известно единственное описание хода переговоров в Аккермане, сделанное М.С. Воронцовым в своих воспоминаниях, где, в частности, отмечается, что «сначала турки отказывались признать за Россией несколько крепостей на Южном берегу Черного моря, причем это являлось последним их условием для подписания мира»[1].

Но М.С. Воронцов заявил, что для России владение этими крепостями чрезвычайно важно. Турецкие представители не согласились уступить по этому пункту и решили вернуться в Константинополь, ожидая, вероятно, долгих уговоров и давления в свой адрес. В ответ на это М.С. Воронцов попросил их указать точную дату своего отъезда, чтобы успеть приготовить лошадей, но ответ каждый раз переносился на другой день. Одновременно турецкие представители просили М.С. Воронцова оформить документы для своего курьера, отправляющегося в Константинополь. В итоге обе стороны подписали конвенцию. Согласно Аккерманской конвенции, за Россией закреплялись города Анаклия, Сухум, Редут-Кале, чего раньше турецкая сторона не признавала. Была уточнена пограничная черта по Дунаю. Российские купцы получили право беспрепятственной торговли по всей Оттоманской империи. Специальный пункт говорил об устранении всяких помех в отношении использования проливов в торговых целях дружественными России державами.

Особым актом были подтверждены и расширены права Сербии и Дунайских княжеств, определен порядок назначения смены господарей, численность турецкой стражи, размеры ежегодных податей, причем жители освобождались от их выплаты в течение двух лет. Предусматривалось возвращение Молдавии и Валахии земель, отобранных под турецкие крепости. В результате этого договора Россия приобретала все, что она желала и о чем заявляла в ходе предшествующих конференций.

Следует отметить, что М.С. Воронцов был обязан принимать участие в решении внешнеполитических проблем, которые затрагивали интересы его края, но степень участия генерал-губернатора не была определена законом и в каждом отдельном случае решалась Императором и высшими властями Петербурга.

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 37. С. 80.

В данных обстоятельствах можно говорить о доверии Императора М.С. Воронцову.

30 сентября 1826 г. за окончание переговоров в Аккермане с уполномоченными Оттоманской Порты М.С. Воронцов был награжден алмазными знаками ордена Святого Александра Невского. Тогда же, вернувшись в Одессу из Аккермана, М.С. Воронцов впервые совершил путешествие на пароходе, причем вместе с турецкими представителями, которые после окончания переговоров нашли в Одессе, по словам М.С. Воронцова, весьма радушный прием. После их отъезда М.С. Воронцов получает отпуск и выезжает в Англию, куда прибывает в конце 1826 г. Почти весь 1827 г. М.С. Воронцов находился за пределами Российской Империи, в основном в Англии, с родными.

Следует обратить внимание на то, что данный отпуск был слишком продолжительным для начальника столь обширного региона юга империи, вблизи которого складывалась весьма непростая внешнеполитическая ситуация. Можно только предположить, что основной причиной отъезда М.С. Воронцова в Англию являлось то обстоятельство, что в 1827 г. Лондон становится центром, в котором Англия, Франция и Россия согласовывали позиции по восточному вопросу. Необходимо напомнить, что М.С. Воронцова связывали давние дружеские отношения с герцогом Веллингтоном, игравшим значительную роль в политической жизни Англии[1]. 8 января 1828 г. Веллингтону было поручено сформировать правительство, «популярность герцога растет день ото дня. Все партии сходятся в восхищении его талантами, здравым смыслом, энергией»[2].

Одним из доказательств того, что путешествие М.С. Воронцова было связано с решением греческого вопроса, является встреча на пути в Россию, в Брюсселе, с графом И.А. Каподистрия, который в 1827 г. был избран президентом Греции (до ухода в отставку в 1822 г. И.А. Каподистрия являлся статс-секретарем по иностранным делам).

---

[1] 4 апреля 1826 г. он подписал англо-русское соглашение, согласно которому Греции предоставлялось такое же положение, каким пользовались другие княжества Османской империи.

[2] К у р и е в М.М. Указ. соч. С. 221.

Хотя, с другой стороны, из письма П.Д. Киселева к А.А. Закревскому мы узнаем, что существовала вероятность назначения М.С. Воронцова на какой-либо пост в Москве или во 2-ю армию, а на его место выдвигался граф П.П. Пален: «Он понравился потому, что с министрами не ссорился и подписывал беспрекословно все бумаги, Лексом изготовленныя. Но сим образом край новый, обширный и полудикий не образуется, и действительно, одне текущие дела идут, а улучшения остановились и более не подвинутся. Статью сию прошу оставить собственно для себя»[1].

Итак, несмотря на то что новый Император отмечает деятельность М.С. Воронцова важными наградами, мы видим, что большая активность М.С. Воронцова в самом начале его пребывания на посту генерал-губернатора, особенно деятельность в Бессарабии, несколько насторожила правительство, предпочитавшее видеть на этом посту более покладистого человека в лице П.П. Палена, о чем сообщает П.Д. Киселев. Вероятно, это также могло стать причиной столь долгого отсутствия М.С. Воронцова в России.

После Наваринского сражения Порта не пошла на уступки, требуемые союзниками; султан по-прежнему отказывался предоставить Греции автономию и считал главным виновником греческого восстания Россию; начальникам провинций отправляется циркуляр: Россия — непримиримый враг Турции и всего мусульманского мира.

Весной 1828 г. (14 апреля) Россия объявляет войну Турции, Император приказывает своим войскам из Бессарабии вступить в турецкие пределы, одновременно выражается готовность вести переговоры о мирном решении греческого вопроса[2].

В начале 1828 г. М.С. Воронцов находится в Петербурге, в своих воспоминаниях он довольно сдержанно повествует о событиях этого времени. Из Петербурга М.С. Воронцов направляется в Одессу, где занимается управлением регионом.

С началом военных действий против Турции на М.С. Воронцова возлагается ответственность за обеспечение армии прови-

[1] Письмо графа П.Д. Киселева к графу А А. Закревскому // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 78 С. 149—150.

[2] В это же время Россия успешно завершила войну с Персией (1826—1828) подписанием мира в деревне Туркманчай (между Тавризом и Тегераном)

антом. Он не только успешно справляется с этой проблемой, но использует ситуацию для развития торгового пароходства.

Министр внутренних дел А.А. Закревский сообщал М.С. Воронцову в письме от 4 августа 1828 г.: «Я весьма рад, что Государю угодно было собственно Вам поручить выбор способов к принятию предохранительных мер по поводу сообщений с нашим флотом, ибо, как главному и местному начальнику того края, Вам должны быть лучше известны все средства, и во всяком случае, Вам же надобно приводить оные к исполнению»[1].

В июле 1828 г. к Варне подошел отряд под командованием князя А.С. Меншикова. Варна перед войной 1828 г. была первоклассной крепостью, и ее занятие приобретало весьма важное значение. Операционная линия русских войск была избрана в связи с возможной поддержкой российского флота, господствовавшего тогда на Черном море.

После подхода войска А.С. Меншикова показалась эскадра адмирала Грейга, но ее суда из-за местных условий не могли подойти к крепости и оказать помощь сухопутным войскам. В первое время А.С. Меншиков ограничивался оборонительными действиями, ожидая подхода остальных войск и осадного парка. Турки же беспокоили русских постоянными вылазками. 26 июля с двух кораблей было открыто бомбардирование, а на следующее утро отряд гребных судов под командованием капитана 2-го ранга Мелихова захватил турецкую флотилию под Варной. В начале августа начались осадные работы, местом атаки был избран северо-восточный фронт крепости для совместных действий с флотом. 5 августа осадные батареи открыли огонь, а 9 августа турки предприняли смелую вылазку, используя прибывшие подкрепления. Противник был отбит и понес большие потери. Но в этот день А.С. Меншиков был тяжело ранен. Его заменил М.С. Воронцов, отправившийся под Варну 16 августа.

Согласно Указу 1775 г. «Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи»[2], генерал-губернатор приграничного района в случае военной угрозы обязан был отдавать не-

---

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 37. С. 342

[2] ПСЗ. Т. XX СПб., 1830.

обходимые распоряжения военному командиру. После ранения А.С. Меншикова и В.А. Перовского перед Императором Николаем Павловичем был выбор — или назначение нового командующего из числа военных, находившихся на основной воинской службе, или М.С. Воронцова как генерал-губернатора края, вблизи границ которого проходили военные действия. В этом случае к гражданским обязанностям М.С. Воронцова по управлению регионом и снабжению армии прибавлялся и контроль за ходом ведения военных действий. Император объяснял свой выбор в пользу М.С. Воронцова следующими причинами: воинский опыт, усердное отношение к службе и большой авторитет в армии[1].

Необходимо вспомнить, что в 1810 г. М.С. Воронцов находился при осаде Варны, будучи командиром Нарвского полка. Самобытным памятником заветов, данных полку М.С. Воронцовым, были его «Наставления господам офицерам Нарвского полка в день сражения», где, в частности, сказано: «Вообще к духу смелости и отваги надобно непременно прибавить ту твердость в продолжительных опасностях и непоколебимость, которая есть печать человека, рожденного для войны, сия-то твердость, сие-то упрямство всюду заслужат и приобретут победу»[2].

Для М.С. Воронцова, воспитанного в традициях суворовской военной школы, высокий моральный дух в войсках — одно из главных условий победы. Приверженность этому правилу М.С. Воронцов сохранит на протяжении всей жизни.

Как отмечал впоследствии М.С. Воронцов, никому ранее не удавалось взять крепость Варну, которая была прекрасно укреплена. Со всех сторон ее окружал лабиринт траншей. В рапорте на имя М.С. Воронцова инженер генерал-майор Трузсон писал, что турецкая армия превосходила почти все армии мира в умении вести оружейную стрельбу, причем турецкая артиллерия, в основном конструкции XVII в., была весьма пригодна для осадной войны и имела преимущества в дальности полета ядер.

Назначенный командовать операцией по осаде крепости Варна, М.С. Воронцов отдает приказ войскам, в храбрости ко-

[1] Московские ведомости. 1828. № 86. Рескрипт о награждении М.С. Воронцова за взятие Варны.

[2] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2086, л. 30.

торых он не сомневался, строго соблюдать дисциплину, четко выполнять приказы (так, если неприятель будет опрокинут, то его необходимо активно преследовать, но при этом не увлекаться атакой и не расстраивать ряды).

Помня науку А.В. Суворова, М.С. Воронцов подчеркивал, что «мы имеем перед неприятелем то превосходство, что одушевлены единым чувством служить верно Отечеству, исполнять волю Всемилостивейшего Государя»[1].

Эти слова М.С. Воронцова подтвердили боевые действия русских солдат и офицеров под Варной. Так, в ночь на 19 августа две роты пехотного полка герцога Веллингтона отбили вылазку неприятеля на правый фланговый редут русской линии. Когда М.С. Воронцов прибыл на место, турки силами, превышающими прежние, сделали вторую вылазку и вновь были отбиты. После этого неприятель, используя выгодное для него месторасположение, оставляет против края правого фланга русских особый отряд. Тогда гренадерская рота под командованием капитана Павлова просит у М.С. Воронцова разрешения взять пять развевающихся неприятельских знамен. С наступлением ночи эта рота, не сделав ни одного выстрела, напала на турецкий отряд, взяла пять знамен и переколола большую часть защищавшего их войска. Капитан Павлов был награжден за эти действия орденом Святого Георгия 4-й степени.

В это время адмирал Грейг отправляет два фрегата, один шлюп и один катер под началом капитана Крутского для уничтожения турецких «запасов» в Ниаде, что за Бургасом. Несмотря на сильное сопротивление противника, этот офицер буквально срыл все турецкие батареи, увез двенадцать больших пушек, другие заклепал или разбил замки, подорвал арсенал с находившимся там порохом. Наши потери в этой операции — один убитый матрос и пять раненых. Газета «Московские ведомости» сообщала о подвигах русских солдат и офицеров под Варной как новых фактах преемственности традиций русской воинской славы[2].

Мирное население организовало помощь действующей армии. Так, М.С. Воронцов доложил Императору, находивше-

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2169, л. 1.
[2] Московские ведомости. 1828. N 71.

муся с конца августа под стенами Варны, что жители Одессы на свои средства заготовили сухарей из более чем восемнадцати тысяч четвертей муки. Николай Павлович поручил объявить благодарность «за ревность и стремление к пользе Отечества» не только жителям Одессы, но и гражданам Херсона, Николаева, Евпатории, Феодосии, Бориславля, Таганрога, Ростова с уездом, Тирасполя и Дубоссар. Добровольная помощь поступала и из других регионов империи. Жители города Митавы прислали М.С. Воронцову 150 рублей для нужд больницы и раненым во время кампании. Своими поступками россияне продолжали традиции взаимопомощи мирного населения и армии.

Первоначально русские осаждали крепость силами, не уступающими по численности турецкому войску; причем, как отмечает в донесении от сентября 1828 г. генерал-адъютант Головин[1], блокируя крепость, русские должны были отражать атаки турецкой конницы, не имея достатка в собственной кавалерии для прикрытия блокады с тыла. Ситуация осложнялась тем, что сообщение с флотом было установлено недолжным образом, а растянутое расположение отряда не позволяло оперативно контролировать ход дел. Нехватка строительного инструмента к тому же замедляла строительство нескольких редутов на самых дальних от крепости высотах в тылу блокирующихся войск — позиции, выбранной Головиным. Многочисленный турецкий гарнизон Варны ежедневно получал подкрепление людьми и продовольствием.

Блокирование крепости было завершено после прибытия под Варну гвардии. Лейб-гвардии Измайловский полк четыре недели не покидал траншеи, находясь под беспрерывным огнем неприятеля; вместе с ним находились 13-й и 14-й егерские полки. После того как с помощью осадных работ пробили путь в крепость, было решено войти через готовый пролом в ближайший к морю Северный бастион, чтобы поставить там батарею. Для этого был сформирован отряд из 110 лучших егерей и матросов и в подкрепление к ним — одна рота 13-го егерского, две роты лейб-гвардии Измайловского полка и 150 рабочих

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2172

с шурами. 25 сентября, за час до рассвета, егеря и матросы под командованием лейтенанта Зайцевского вошли в пролом, охрана противника была уничтожена на месте без единого выстрела. Не встречая сопротивления, русские воины увлеклись нападением настолько, что погнались за неприятелем по всему городу.

В это время в трех разных местах были произведены из наших редутов ложные атаки, и крепостной ров очищен от засевших в его рытвинах неприятельских стрелков. Однако численность прорвавшихся русских воинов не могла им позволить удержать бастион. Для избежания напрасного кровопролития был отдан приказ отступить. Русские отступили вместе с примкнувшими к ним христианскими женщинами и детьми, с двумя захваченными в бастионе знаменами. При этом 14 орудий, найденных в бастионе, были захвачены и одно сброшено в ров. В ходе операции потери составили до 80 человек убитыми и около 300 ранеными, со стороны неприятеля — примерно 600 человек.

В приказе М.С. Воронцова отмечалось, что войска с неустрашимой храбростью атаковали бастион, но в результате нарушения первоначального плана операции была утеряна возможность воспользоваться успехом атаки: «В храбрости войск никто сомневаться не может, но никто не должен идти далее, нежели ему приказано, и данная диспозиция должна быть в точности исполнена[1], — так считал М.С. Воронцов.

Но, несмотря на отход, именно данная атака вселила в русские войска уверенность, что гарнизон Варны ослаблен и сломить его сопротивление будет несложно. По мнению М.С. Воронцова, эта атака имела большое психологическое значение: русские еще больше поверили в себя, а противник, напротив, стал терять уверенность в своих силах.

Турецкие военачальники поняли, что крепость можно взять через проломы. В этот же день прибыли турецкие чиновники вести переговоры о сдаче города. В одной из траншей состоялась встреча А.С. Грейга с одним из главных турецких командиров Юсуф-пашой. Во время переговоров осадные работы не

[1] РГАДА, ф. 261, оп 1, ед. хр. 2169, л. 2

прекращались. Следует отметить, что, довольно кратко излагая события под Варной, М.С. Воронцов более подробно в своих воспоминаниях останавливается на переговорах с Юсуф-пашой, от успеха которых зависело скорейшее взятие крепости. Это объясняется тем, что, хотя командиром крепости был Капитан-паша, но главные силы гарнизона состояли из частей албанцев Юсуф-паши. Капитан-паша не хотел сдавать крепость. Отдельные переговоры с Юсуф-пашой привели к тому, что Юсуф-паша привел в русский лагерь албанские части[1].

Гибкая дипломатическая тактика ведения переговоров с противником, сторонником которой был М.С. Воронцов, принесла свои результаты. Капитан-паша с немногочисленными приверженцами остался в цитадели и был взят в плен нашими войсками, которые вступили в город практически без всякого сопротивления через проломы, с распущенными знаменами и с барабанным боем. Первыми вошли 13-й и 14-й егерские полки, затем лейб-гвардии саперный батальон, а за ним — лейб-гвардии Измайловский парк. Пленные утверждали, что в начале осады число гарнизона и вооруженных жителей составляло примерно 22 000 человек, но что «остается из них не более 6000»[2].

В рапорте об осаде Варны инженер генерал-майор Трузсон подчеркивал успешные действия морской артиллерии, ее твердость и неустрашимость. Рабочие матросы сумели проявить хладнокровие, хорошо выполнили траншейные работы. Основную нагрузку боя вынесла пехота, отмечает Трузсон, в особенности 3-я бригада и 7-я дивизия. Пехота и в боях, и в работе была неутомима и особенно отличалась в штыковых атаках.

При этом такие работы, как минирование, восстановление разрушенной части крепости турецкие власти заставляли делать христиан, что им и приходилось выполнять в весьма короткое время под огнем русской артиллерии. После взятия крепости в городе не было обнаружено ни одного неповрежденного дома, особенно пострадали христианские церкви[3].

29 сентября 1828 г. русские войска заняли все бастионы крепости Варны без всяких условий с неприятелем. Падение

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 37. С. 83—84. *(Пер. с фр.)*
[2] Московские ведомости. 1828. № 83. С. 35—39.
[3] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2193.

города, по словам М.С. Воронцова, вселило страх во всей турецкой империи. Как мы уже говорили, до этого Варну никто не мог взять.

Проявление милосердия к побежденным — одна из традиций русской армии в отношении к пленным. М.С. Воронцов, как и в предыдущих своих кампаниях, приказывает подчиненным придерживаться этого правила. Так, в рапорте командующего 3-й бригадой генерал-майора князя Прозоровского (от 30.11.1828 г.) говорится о благодарности пленных турецких начальников за гуманное к ним отношение. Прозоровский пишет, что рад достойному выполнению поручения М.С. Воронцова[1].

И снова, как после битвы при Краоне и других, М.С. Воронцов объявляет благодарность своим подчиненным, приписывая их действиям успех в операции. Очевидцы этих событий отмечали, что М.С. Воронцов с таким же хладнокровием, как и на гражданской службе, отдавал распоряжения для отражения войск неприятеля во время военных действий под Варной. В то же время он продолжал заниматься гражданским управлением края и решением дел, связанных с доставкой в лагерь на судах из Одессы провианта, снарядов и всего необходимого для армии. Характерно, что часть грузов доставлялась в Варну на одном из первых пароходов, осуществлявших рейсы по Черному морю, — «Одесса», инициатива построения которого во многом принадлежала М.С. Воронцову.

29 октября 1828 г. М.С. Воронцов награждается золотой шпагой, осыпанной бриллиантами, с надписью «За взятие Варны».

Таким образом, во время ведения военных действий на территории, находящейся в непосредственной близости от границ доверенного М.С. Воронцову региона империи, он активно участвует в решении военных проблем, продолжая заниматься гражданским управлением края. Подобная ситуация сохраняется и в 1829 г.

Основные задачи, которые решал М.С. Воронцов в 1829 г., были: снабжение русской армии, участвовавшей в турецкой кампании, продовольствием и борьба с эпидемией чумы, рас-

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2180.

пространение которой могло обернуться трагедией для всей страны.

Несмотря на исключительную сложность и ответственность стоявших перед ним проблем, М.С. Воронцов называет 1829 г. весьма замечательным на события. Такое определение связано с удачным продолжением русской армией кампании 1828 г. Взятие Варны открыло дорогу на Константинополь, освободив для наступления необходимые боевые силы. В своих воспоминаниях М.С. Воронцов пишет, что «ничто не мешало нам следовать маршем на Константинополь и занять столицу турецкой империи, но Император сумел настоять на своих планах касательно мира, ибо не хотел существования такой же несчастной империи, которую мы победили»[1].

Император поручает М.С. Воронцову наладить обеспечение продовольствием нашей армии: «Я был весьма счастлив в этом деле, и наша армия имела возможность перехода Балкан, находясь во всех портах, приобретать на своем пути все, что необходимо»[2].

М.С. Воронцов постоянно стремился поддерживать бодрость духа солдат, вселял в них уверенность в успешном завершении операции. Согласно науке А.В. Суворова, каждый начальник на месте может точнее оценить сложившуюся ситуацию и отдать необходимые распоряжения. Несомненно, что под началом М.С. Воронцова находились опытные и знающие командиры, именно их действиям, по его мнению, русские обязаны взятием крепости. Но при этом М.С. Воронцов четко контролировал ситуацию и благодаря своей популярности в армии обеспечивал выполнение общего военного плана.

Как считал А.В. Суворов, основа русской тактики — быстрота и натиск. Пехота под Варной действовала стремительно в штыковых атаках, но при этом наблюдалась слабость ружейного огня. Ситуация для М.С. Воронцова осложнялась тем, что он не командовал отрядом с самого начала ведения военных действий под Варной. Исправлять же ошибки всегда сложнее (рас-

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 37. С. 85. *(Пер. с фр.)*
[2] Там же.

тянутая линия, недостаточная согласованность в действиях с флотом, нехватка строительных инструментов).

Нелишне еще раз подчеркнуть, что проявление милосердия к побежденному врагу — один из основных принципов русского военного искусства, этому правилу М.С. Воронцов следует на протяжении всей своей военной деятельности, залогом успеха в которой являлось строгое следование М.С. Воронцова своему долгу перед Отечеством. Следующий этап деятельности М.С. Воронцова, вплоть до назначения его наместником на Кавказ, был связан с решением гражданских вопросов управления краем.

Подводя итоги, следует отметить, что события 1826—1829 гг., взятие Варны завершают ряд военных кампаний М.С. Воронцова первой четверти XIX столетия, в которых наиболее ярко проявились его военные и дипломатические способности. Вообще, во время боевых действий против Турции в 1828—1829 гг. под стенами Варны и на других полях сражений участники военных кампаний начала столетия показали себя отлично. В том числе и М.С. Воронцов. В 1810 г. он принимал участие в штурме Базарджика, а затем находился при осаде Варны. Спустя почти четверть века, 20 марта 1836 г., М.С. Воронцов был назначен шефом Нарвского егерского полка, которым он командовал тогда при осаде Варны. 22 июня 1855 г. полк получил приказ именоваться Нарвским егерским генерал-адъютанта графа Воронцова полком. А с апреля 1867 г. по 19 июля 1903 г. название полка было следующим — 3-й пехотный Нарвский генерал-фельдмаршала князя Воронцова полк.

Дипломатическая и военная деятельность М.С. Воронцова свидетельствует, что он, как генерал-губернатор края, занимался не только решением административных вопросов, но и принимал непосредственное участие в важных дипломатических переговорах и руководил военными действиями против Турции.

* * *

Деятельность М.С. Воронцова в должности генерал-губернатора во многом осложнялась недостатками законодательства в определении прав и обязанностей генерал-губернаторов, что

приводило к конфликтам с министерствами, мешало достаточной самостоятельности в выборе мер, необходимых для развития региона, при этом, однако, на генерал-губернатора возлагалась главная ответственность за развитие вверенного ему края.

Таким образом, власть генерал-губернатора в значительной степени становилась в зависимость от взаимоотношений его с представителями правительства, от его нравственных качеств и профессиональных навыков, способностей, черт характера и, как следствие, — умения подбирать служащих.

Что касается взаимоотношений с высшей властью, то в начале правления Императора Николая I М.С. Воронцов мог рассчитывать на поддержку ряда государственных деятелей, среди них — П.Д. Киселев, А.Х. Бенкендорф, Е.Ф. Канкрин, В.П. Кочубей, К.В. Нессельроде, М.М. Сперанский, А.Ф. Орлов.

Личные качества М.С. Воронцова во многом способствовали успешной деятельности генерал-губернатора. М.С. Воронцов представлял собой тип государственного деятеля, обладающего сильной волей, твердостью и настойчивостью в достижении поставленной цели. Он сам с особой тщательностью изучал каждую проблему, к какой бы сфере жизни она ни относилась, при этом довольно болезненно реагировал на критику в свой адрес, не терпел возражений и противодействия своим планам.

Рассматривая деятельность М.С. Воронцова на посту генерал-губернатора Новороссийского края и Бессарабской области, важно иметь в виду (основываясь на приведенных источниках), что М.С. Воронцов не только четко контролировал действия губернских властей, ставя в известность последних о распоряжениях правительства, но и, в свою очередь, уведомляя центр о проблемах региона, сам активно участвовал в управлении регионом. Именно на его примере особенно заметен политический характер власти генерал-губернаторов, что во многом вызывалось особым территориальным расположением региона, его пограничным статусом. Наиболее ярко проявилась политико-административная деятельность М.С. Воронцова в Бессарабии.

Одним из достоинств М.С. Воронцова как администратора было умение создать сильный, гибкий и послушный аппарат ис-

полнителей, подобрать себе таких умных и способных помощников и советников, при которых, сохраняя за собой все нити управления, он мог быть уверен, что проводится именно его политика и что она реализуется должным образом. М.С. Воронцов не только создавал, но и обучал работников управленческого аппарата, требовал полного, точного и безусловного исполнения своих приказаний, в противном случае немедленно расставался с нерадивыми чиновниками.

Со временем сложилось понятие «чиновник воронцовской школы», наиболее яркие представители которой занимали высокие должности в государственном аппарате Российской Империи.

Глава 5

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М.С. ВОРОНЦОВА

МЕРЫ ПО ЛИКВИДАЦИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Согласно Указу 1775 г. «Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи»[1], генерал-губернатор пограничных губерний был обязан защищать вверенную ему территорию от внешней военной угрозы, а также от проникновения эпидемических заболеваний, в случае стихийных бедствий или народных волнений он отвечал за ликвидацию последствий.

Одной из острейших проблем, с которой М.С. Воронцову приходилось сталкиваться практически все время правления в Новороссийском крае и Бессарабской области, являлась борьба с эпидемическими заболеваниями, которые угрожали распространиться по всей территории империи.

Первый опыт по борьбе с этим бедствием М.С. Воронцов получил в конце 1825 г., когда узнал о появлении чумы в Измаиле. Прибыв в город, он предпринимает все меры, чтобы предотвратить распространение эпидемии за его пределы, и находится там до конца февраля, пока не миновала опасность.

В начале лета 1829 г. чума появилась в Одессе, куда была занесена из местностей, занятых турками. М.С. Воронцов начинает применять энергичные меры, чтобы остановить бедствие.

---

[1] ПСЗ Т. XX. СПб., 1830. Указ от 7 ноября 1775 г.

Твердость характера М.С. Воронцова, его настойчивость, высокая требовательность к другим и в первую очередь к себе, умение мобилизовать эти качества, присущие М.С. Воронцову как руководителю, позволяли ему успешно решать трудные проблемы, что не могли не признать его современники. В одном из писем 1829 г. (5 августа) К.Я. Булгаков сообщает А.А. Закревскому: «Я получил от Воронцова письмо от 26-го. Он берет строгие меры против чумы, и дельно. Не надо ни шутить, ни пренебрегать этим адским злом, лучше сделать лишнее, нежели из оплошности дать ей распространиться»[1].

Меры карантина были устроены таким образом, что жители домов не могли общаться друг с другом, передвижение по улицам было запрещено. Лишь особые комиссары в каждом квартале могли выходить из домов и передвигаться по городу, каждый из них имел опознавательный знак — медаль, носимую на груди. Эти комиссары доставали для жителей все необходимое, соблюдая при этом карантинные правила.

Помимо комиссаров, заботящихся об обеспечении бедного населения города, что особо отмечал М.С. Воронцов, по улицам имели право перемещаться двадцать врачей, которые во всех кварталах осматривали окна и двери и занимались транспортировкой тех, кто был заражен инфекцией. Они же консультировались с созданным в городе высшим советом медиков и с комиссарами в сомнительных случаях, чтобы не отправлять людей без особых на то причин в карантин. Все это, а также обработка и водой, и химическими веществами различных предметов во всех кварталах города раздражали жителей и приносили им большие убытки, но зато обеспечивали заметный успех, подчеркивал в своих воспоминаниях М.С. Воронцов[2]. Однако подобные оперативные и комплексные меры, наносившие ощутимый удар инфекции в самом начале ее распространения, были бессильны против холеры, передававшейся через воздух. В то время как принимались действия против чумы в Одессе, бедствие охватило Бессарабию, где бороться с эпидемией было еще труднее. Меры, принимаемые во всех местностях, где было возможно, принес-

[1] Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 78. СПб., 1891. С. 397—398.

[2] Архив князя Воронцова. Кн. 37. С. 86. *(Пер. с фр.)*

ли положительный результат, инфекция пошла на убыль, чему способствовало во многом и создание сильной линии карантина по Днестру.

До конца года М.С. Воронцов постоянно контролировал ситуацию в крае, совершая инспекционные поездки по региону, например, несколько раз он тщательно осматривал карантинную линию в Николаеве. Сам генерал-губернатор ежедневно посещал оцепленные места, вызывающие у него какие-либо подозрения, лично следил за исполнением своих указов, объезжая карантины; занимался изучением причин заболевания чумой, каждое утро и каждый вечер принимал донесения о состоянии здоровья населения во вверенных ему местностях, лично отдавал необходимые распоряжения. Любая корреспонденция в Одессе отправлялась лишь после специального окуривания, для чего у каждого дома располагались специальные ящики; вещи и монеты протирались водой и уксусом. За восемь месяцев заболело 239 человек. Умерло 180 человек. Одесса того времени насчитывала 53 000 жителей.

Можно сказать, что для того времени эти цифры свидетельствуют об успешной борьбе М.С. Воронцова с заболеванием, причем современники отмечают именно личное участие генерал-губернатора в устранении эпидемии. Канцелярия генерал-губернатора тоже была на карантинном положении, при этом все сотрудники, вынужденные регулярно вести дела, были буквально в заточении. Только глубокое уважение к своему руководителю помогло людям в столь тяжелой ситуации достойно выполнять свои обязанности.

Не следует думать, что даже в борьбе против эпидемии М.С. Воронцову были предоставлены права самостоятельно действовать. Так, в 1829 г. из-за проволочек правительства в принятии защитных мер против эпидемии чума вспыхнула в Бессарабском крае[1].

Кроме того, многое зависело и от действий глав местных администраций. В 1837 г. причиной проникновения в регион эпидемии чумы стало, по отзывам современников, следующее обстоятельство: «Чума в город была пропущена из карантина,

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 37. С. 344.

вследствие внутренних беспорядков, там водворившихся, и контрабанды, оттуда легко пропускаемой чиновниками, а более солдатами карантинной же стражи»[1]. На предупреждение медиков, что в карантинной зоне появились признаки заболевания, градоначальник Одессы А.И. Левшин ответил, что «вы только и думаете, как бы стеснить торговлю»[2].

Через некоторое время чума проникает в город, но градоначальник (по мнению Н.Н. Мурзакевича) совершает ряд действий, не способствовавших защите от эпидемии, а именно: высылает из города несколько чумацких подвод, привозивших в Одессу пшеницу из разных губерний; известие о чуме отправляют Воронцову в Ялту на пароходе, который содержался не на карантинном положении; приказывают народу освободить Покровскую церковь во время отпевания, что вызывает протест прихожан; отсылает пакет в Санкт-Петербург на имя Императора, не подвергнув послание специальной обработке, т. е. окуриванию. Таким образом, возникла угроза проникновения страшной болезни далеко за пределы региона. Однако, как свидетельствуют современники, один лишь приезд М.С. Воронцова в город успокоил жителей. Авторитет генерал-губернатора и доверие к нему были столь велики, что, по словам очевидцев, одного слова М.С. Воронцова было достаточно, чтобы толпы народа, подстрекаемые к возмущению против карантинных мер, расходились.

При этом особый пример сохранять спокойствие в любой ситуации показал сам М.С. Воронцов[3]. Личный пример и то обстоятельство, что его друзья занимали в этот период в Санкт-Петербурге важные государственные посты, а также твердость и настойчивость позволили М.С. Воронцову не дать распространиться в 1829 г. эпидемии чумы на территории империи, принять необходимые меры к ее уничтожению в Новороссийском крае и Бессарабской области.

Но постоянная угроза возникновения эпидемических заболеваний в крае требовала принятия серьезных мер для защиты региона, а следовательно, и империи. В донесении на имя Им-

[1] Мурзакевич Н.Н. Автобиография // Русская старина. Т. LIII. С. 23.
[2] Там же. С. 123.
[3] Щербинин М.П. Воспоминания // Русский архив. 1876. С. 288.

ператора[1] М.С. Воронцов подчеркивал, что устройство карантинных линий для защиты империи от чумы — одна из важнейших обязанностей властей Новороссийского края и Бессарабии. Особая опасность исходила с берегов Прута и Дуная, и устройство на них карантинов требовало особых усилий. В этом деле М.С. Воронцов отмечает помощь Бессарабского военного губернатора, генерал-майора Федорова. «Его попечением обе линии сии доведены до возможного устройства, и, несмотря на существование чумной заразы в Турции, мы, благодаря Бога, избавлены от оной»[2]. Далее М.С. Воронцов указывает на то, что хотя карантины Одессы и Керчи не уступают европейским, но другие карантины, особенно в Бессарабии, требуют дальнейшего усовершенствования. М.С. Воронцов представил министерству проекты и планы карантинов, причем постройки должны были производиться местными способами, что потребовало значительно меньших затрат. М.С. Воронцов обращался с просьбой к Императору утвердить этот проект, как только он поступит на его рассмотрение, так как если понадобятся значительные капиталы на создание карантинных сооружений, то казна не сможет выдать карантинные средства быстро, а это задержит постройку на неопределенное время. Карантины очередной раз подтвердили свое назначение, не дав в 1836-м и 1837 гг. распространиться по всей стране эпидемии из Одессы, Измаила, Керчи и Феодосии, куда она была завезена на купеческих судах.

Необходимые, но в то же время жесткие меры карантина во время чумы создавали местному населению на зараженных территориях серьезные проблемы в различных сферах их деятельности.

И в данной ситуации многое зависело от степени влияния местной власти на людей, насколько ей удавалось создавать необходимую моральную и экономическую поддержку населению, в противном случае одна трагедия порождала другую. События в Севастополе 1830 г. во многом подтверждают вышесказанное.

---

[1] ГИМ ОПИ, ф. 440, оп. 1, ед хр 935. Донесение со «Сведениями о здешнем крае и с показаниями перемен в оном в последние 13 лет».

[2] Там же, л. 57.

М.С. Воронцов находился в Одессе и готовился к отъезду за границу своей любимой дочери Александры, когда случились так называемые севастопольские события: «В нем возгорелась борьба между чувствами отца и долгом верноподданного»[1]. М.С. Воронцов делает выбор и спешит туда, куда зовут его долг и обязанности.

Находясь на Северной стороне оцепленного из-за чумы Севастополя, под зноем, в палатках, как пишет очевидец событий М.П. Щербинин, М.С. Воронцов должен был быстро осознать причины бунта, степень виновности участников беспорядков и тех, кто вовремя не принял мер к их ликвидации. Он работал с раннего утра, единственным видом отдыха, подчеркивает Щербинин, были поездки каждый вечер на лодке через бухту с Северной к Графской пристани города, где ждали его распоряжений.

Неопубликованные материалы, хранящиеся в фондах РГАДА, — выводы следственной комиссии о причинах бунта[2] — позволяют нам оценить меры, принятые М.С. Воронцовым к ликвидации его последствий. В специальном донесении комиссии на имя М.С. Воронцова, в частности, говорилось: «Непокорные жители Корабельной слободки приносили жалобы на претерпеваемые ими нужды в продовольствии и топливе, на неприличное с ними обращение, на лишение способов к заработкам во время карантинного их положения, на деланные им угрозы и, наконец, на продолжительность оцепления»[3].

Началом к возмущению послужило выступление 27 мая женщин Корабельной слободки, следовательно, для предотвращения событий 3 июня власти имели неделю времени. Социальный состав принявших участие в восстании был довольно пестрый: наряду с рабочими и низшими военными чинами по делу проходили представители высшего командного состава армии и флота, мещане, лица духовного звания. Всех участников насчитывалось 1580 человек[4].

---

[1] Щербинин М.П. Биография генерал-фельдмаршала князя М.С. Воронцова. СПб., 1858. С. 199—200.
[2] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2384.
[3] Там же. Л. 15—16.
[4] Там же. Л. 12—13.

Ссылаясь на показания чиновников, находившихся при Севастопольском военном губернаторе Н.А. Столыпине[1], комиссия подчеркивала, что контр-адмирал Скаловский «не способствовал надлежащим образом намерениям Столыпина к усмирению непокорных оружием, но Скаловский нисколько сего не подтверждает, напротив того, объясняет, что Столыпин никогда не имел намерения и не поручил ему действовать оружием»[2].

Скаловский заявлял, что жители Корабельной слободки заверяли его, что не нарушат карантинных правил, о чем он довел до сведения Столыпина.

Комиссия пришла к выводу, что Столыпин не оценил должным образом опасности и не проявил твердости для предотвращения бунта. Поведение некоторых офицеров и нижних чинов способствовало действиям бунтующих. Некоторые из нижних армейских чинов были замечены в грабежах. Такое бездействие войск, по мнению членов комиссии, не давало свободу действий бунтующих, но склонило на их сторону тех, кто пребывал в нерешительности. В заключение следственная комиссия пришла к выводу, что бунт, с 3-го на 4-е число июня в Севастополе произшедший, в свое время был не прекращен, а «прекратился сам собой»[3].

Основным источником деятельности самого М.С. Воронцова в ликвидации последствий бунта 1830 г. в Севастополе служат его мемуары, опубликованные на французском языке (на русском языке данный источник не издавался)[4]. Согласно приказу императора, М.С. Воронцову было поручено командование всеми войсками, находящимися в городе и его окрестностях, и морским флотом; ему подчинялись все административные власти Севастополя.

Для ограничения распространения чумы М.С. Воронцов предписал адмиралу Грейгу, чтобы ни одно из судов флота вплоть до его приказа не покидало Севастопольского рейда. «Боясь, в свою очередь, заразы, адмирал Грейг поднял весь парус и ушел в море. Это страшно взволновало графа Михаила Семеновича, и он на-

[1] Н.А. Столыпин был родным братом Е.А. Арсеньевой, бабушки М.Ю. Лермонтова.
[2] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2384, л. 13.
[3] Там же. Л. 14.
[4] Архив князя Воронцова. Кн. 37.

писал письмо Государю, прося чуть ли не о предании суду Грейга»[1]. Одним из состоявших при графе был чиновник особых поручений А.Я. Фабр, которому было поручено отправить послание Императору. «Фабр стал читать и, окончив, изорвал его в мелкие куски. Граф, пораженный подобной дерзостью и дрожа от гнева, спросил Фабра, как он смел решиться на подобный поступок?

«Эта жалоба недостойна великой души вашей противу человека, которого ваше сиятельство так уважает», — спокойно ответил Фабр. Несколько минут граф оставался безмолвным, затем протянул руку Фабру, сказал: «Благодарю Вас, я погорячился». Другого письма, конечно, написано не было, а поступок Фабра еще более усилил то доверие, которым он у графа пользовался»[2]. Этот эпизод еще раз подтверждает умение М.С. Воронцова общаться с подчиненными. К тому же мы имеем свидетельство особых полномочий, имевшихся у генерал-губернатора, что выразилось в его реакции на действия адмирала Грейга, с которым Воронцова связывала многолетняя дружба. Но при всем этом он требует у Императора отдать под суд адмирала за то, что последний посмел нарушить его приказ.

Еще одним фактом, характеризующим административно-политическую деятельность генерал-губернатора, служит письмо М.С. Воронцова к А.И. Красовскому с указаниями по административной работе в связи с передачей ему временного управления губерниями Новороссийского края и Бессарабской областью, причем документ хранится в РГАДА с пометкой «секретно»[3].

В нем, в частности, говорилось, что, передавая временно управление Новороссийской губернией и Бессарабской областью А.И. Красовскому, М.С. Воронцов просит обратить особое внимание на следующие вопросы: разобраться с доносами, поступившими из Бессарабии, выполнить распоряжения о карантине и состоянии порта.

М.С. Воронцов подчеркивал, что военные обстоятельства, эпидемия чумы, бунт в Севастополе «не дозволяли мне входить в подробное на месте удостоверение насчет внутренних распоря-

[1] Из воспоминаний и рассказов // Русский архив. № 6. 1897. С. 289.
[2] Там же.
[3] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2384.

жений по некоторым управлениям, но Ваше Превосходительство по миновании обстоятельств, меня задерживающих, и по отличному усердию своему, конечно, не преминете войти в личное розыскание по двум упомянутым предметам, и тем окажете мне дружеское пособие по общему искоренению зла, если и оно где-либо существует»[1]. Таким образом, не только гражданская администрация, но и военное командование были обязаны в экстремальных ситуациях подчиняться распоряжениям генерал-губернатора, имевшего право и обязанность докладывать о своих проблемах во взаимоотношениях с различными ветвями гражданской и военной власти Императору.

При этом генерал-губернатору принадлежало право оценки степени виновности и определения меры наказания, он вправе отдавать распоряжения не только чиновникам гражданских ведомств, но и высшим чинам, а о неповиновении своим приказам — лично докладывать Императору.

Ход расследования в очередной раз доказывает, что М.С. Воронцов являлся государственным деятелем, обладающим сильной волей, одновременно с этим он — талантливый администратор, умевший в критических ситуациях найти правильный подход к своим служащим и направить их деятельность для решения поставленных перед ними задач.

М.С. Воронцов обязан был не только выявить виновников бунта и наказать их, но и восстановить карантинные меры для уничтожения чумы в городе и воспрепятствовать распространению эпидемии в глубь империи. Он называл свою задачу неприятной и нелегкой, так как именно система карантинных мер восстановила все население города, в том числе матросов и других офицеров, против властей Севастополя. Это было связано с тем, что в пригородах находились многочисленные сады, огороды и небольшие торговые лавки жителей, причем в основном их владельцами были матросские семьи, материальному положению которых карантинные меры нанесли ощутимый убыток, нарушив сообщение с городом.

М.С. Воронцов подчеркивал, что начало «брожению» в городе было положено доблестными моряками, которые неза-

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2385, л. 1—2.

долго перед этим защитили морскую славу России в кампании 1828—1829 гг., причем их взгляды разделяли некоторые высшие офицеры, которые разрешали публичное обсуждение санитарных мер и поддерживали мнение «вопреки здравому смыслу, что чумы не существует и что эпидемия — выдумка врачей и карантинных чиновников».

Ситуация обострялась тем, что признаки чумы начали проявляться в различных частях города, к счастью, подобные вспышки были немногочисленны, иначе отсутствие карантинных мер и бездеятельность морских офицеров могли привести к непоправимым последствиям.

О своих действиях М.С. Воронцов сообщает следующее: «Моей первой заботой являлся объезд всего города, во время которого я не подвергся ни одному оскорблению где-либо, я заметил равнодушие морских жен и в то же время неуверенность и бессилие батальонной пехоты, о которой я говорил выше»[1]. Установив свою штаб-квартиру в северной части города, М.С. Воронцов, обладая большими полномочиями от Императора, встретился с несколькими представителями высшего морского офицерства, проявившими хладнокровие и волю во время бунта, и с генерал-лейтенантом Тимофеевым, заменившим убитого Столыпина. Затем М.С. Воронцов отправляет в Феодосию вице-адмирала Patiniotti с целью направления в Севастополь новых войсковых частей, так как, по словам М.С. Воронцова, он не мог положиться на части, расположенные в городе. Через четыре дня войска прибыли в город, укрепив тем самым позицию властей. М.С. Воронцов размещает часть прибывших войск в городе, а других оставляет в резерве и в то же время отправляет в казармы батальоны старого гарнизона, проявившего бездействие во время бунта. В тот же день он отдает распоряжение об аресте виновных в возмущении, особенно тех, кто замешан в гибели Столыпина и других убийствах этого страшного дня. Аресты производились по списку, доставленному предварительно М.С. Воронцову, без малейших затруднений, потому что прибыли новые войска, осознавшие всю важность своей миссии.

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 37. С. 92. *(Пер. с фр.)*

М.С. Воронцов восстанавливает все санитарные меры в городе, устанавливает линию часовых вокруг южной части Севастополя и приводит в порядок прежний карантин в крепости и в казармах на северной стороне города, что, помимо медицинских целей, должно было создать необходимые условия для расследования, которое, по словам М.С. Воронцова, происходило без помех с чьей-либо стороны. В то время прибывает адмирал Грейг, который, согласно приказу Императора, поступил в полное распоряжение М.С. Воронцова.

Завершая перечень принятых мер, М.С. Воронцов пишет: «Все это вам показывает, до какой степени моя позиция была деликатной, сложной и неприятной»[1]. Все моряки, за исключением двух или трех адмиралов, другие жители видели в М.С. Воронцове, по его словам, палача, прибывшего с поручением стрелять в них.

Сложность ситуации заключалась еще и в том, что ежедневно большое число жителей города перемещалось через рейд в Южную и Северную стороны для дачи свидетельских показаний перед комиссией, ведущей расследование, при этом принимались большие предосторожности, так как почти все кварталы города были инфицированы и один беглец за пределы санитарной части города Северной стороны мог распространить чуму в Крыму и в других частях империи.

Согласно заключению следствия, виновные в убийстве Столыпина были приговорены к расстрелу, особо неистовствовавшие во время бунта наказывались публично, часть матросских экипажей, участвовавших в возмущении, была переведена в другие порты империи, а менее виновные — помилованы. Различной степени наказания подверглось 58 человек[2].

Между тем не замедлили сказаться результаты строгих санитарных мер, введенных М.С. Воронцовым. Распространение инфекции было прекращено, но при этом следовало продолжить оказание помощи выздоравливающим от чумы[3].

Отправив рапорт на имя Императора с перечислением своих действий во время нахождения в Севастополе, М.С. Ворон-

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 37. С. 92. *(Пер. с фр.)*
[2] РГАДА, ф 1261, оп. 1, ед. хр. 2384, л. 65—66.
[3] Архив князя Воронцова. Кн. 37. С. 95. *(Пер. с фр.)*

цов получает благодарность от Николая I и разрешение покинуть Севастополь, чтобы соединиться с семьей. Находясь в Севастополе, М.С. Воронцов, по его собственным словам, «подвергался мучениям и жестоким огорчениям»[1] из-за плохих известий о здоровье любимой дочери. Наконец, в середине сентября он покидает Севастополь и после нескольких дней пребывания в Одессе отправляется к супруге, уже зная, что любимой дочери нет в живых.

Подытоживая деятельность М.С. Воронцова по усмирению бунта в Севастополе, следует отметить, что ему были предоставлены Императором самые широкие полномочия не только в административно-политических вопросах, но и в военной сфере.

В 1833 г. всю территорию Центральной России охватила засуха, ставшая основной причиной голода в расположенных там губерниях. Борьба с голодом, охватившим и южные регионы империи, была главной проблемой этого года.

В конце апреля М.С. Воронцов возвращается из Крыма в Одессу, в июне он совершает деловую поездку в Бессарабию, и затем в Белую Церковь и Мошны, где остается до середины июля. В это время он начинает получать известия изо всех областей Новороссии о низком урожае и больших трудностях с продовольствием. С целью принятия безотлагательных мер он выезжает сначала в Екатеринослав, где особенно требовалось его вмешательство для борьбы с голодом, затем следует в Крым, где в конце августа присутствует при закладке первых камней дамбы в Ялте — лучшем, по его словам, порте на Южном берегу Крыма.

2 сентября М.С. Воронцов отправляется из Керчи в плавание, надеясь в скором времени быть в Таганроге, но 8 сентября начинается страшная буря, которая продлилась 11 дней. Путешественники, запасы провизии которых были рассчитаны на несколько дней, вынуждены были бросить якорь и ждать прекращения бури. 18 сентября М.С. Воронцов прибывает в новый порт Бердянск (основание которого связано во многом с его именем). В воспоминаниях он сообщает[2], что, к своему удо-

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 37. С. 94. *(Пер. с фр.)*
[2] Там же. С. 99—100. *(Пер. с фр.)*

вольствию, на том месте, где в 1825 г. находилось всего лишь несколько лачуг, он увидел поселок и что в 1833 г. Бердянск все более приобретал вид города, имевшего уже в это время довольно большой экспорт зерна и семени льна. Из Бердянска М.С. Воронцов отправляется в Мариуполь и в Таганрог.

В это время известия о голоде становились все более и более тревожными. М.С. Воронцов в воспоминаниях о событиях 1833 г. пишет, что, имея неограниченный кредит в одном из финансовых домов Одессы, он смог разослать везде, где это было необходимо, деньги для раздачи населению с целью покупки зерна.

Через Екатеринославскую губернию и Крым он возвращается в Одессу, куда прибыл 15 октября.

Еще до своего возвращения (из Одессы) М.С. Воронцов отправляет в Санкт-Петербург эстафету с рапортом о примененных им мерах против голода. Но, как он пишет в воспоминаниях, с эстафетой происходит несчастный случай, и до Петербурга она не доходит. Не зная, что его рапорт не получен, М.С. Воронцов не смог понять критики и обвинений в бездеятельности в свой адрес от высших властей.

По мнению М.С. Воронцова, если бы эстафета прибыла вовремя, то его рапорт служил бы лучшим доказательством того, что он не имел недостатка ни в рвении, ни в активности и, располагая денежными средствами, не опасался ответственности за их использование. М.С. Воронцов подчеркивает, что ему удалось сделать значительно больше в своих губерниях по сравнению с другими регионами.

В своих воспоминаниях М.С. Воронцов указывает[1], что в четырех губерниях новой России насчитывалось около 700 000 душ, лишенных всяческого продовольствия, однако он сумел организовать раздачу каждому нуждающемуся около пуда различного зерна в месяц, в результате люди не только были спасены от голодной смерти, но и многим хватило и для посева.

М.С. Воронцов недолго оставался в Одессе после плавания по Азовскому морю, вскоре он вновь покидает город, следуя

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 37. С. 101. *(Пер. с фр.)*

своему правилу лично и на месте решать важные проблемы; он отправляется в Екатеринославскую губернию, откуда возвращается в Одессу в конце ноября. Город за этот период, как отмечал М.С. Воронцов, превратился в своеобразный центр благотворительности края. В Одессе были открыты заведения для детей, потерявших родителей, налажена бесплатная раздача необходимого для пострадавших. На это ушел весь остаток 1833 г., и вначале 1834 г. ситуация, по словам М.С. Воронцова, значительно улучшилась.

В записках Ф.И. Тимирязева, отец которого был послан Императором в Малороссию для борьбы с голодом, содержатся сведения о мерах по устранению последствий засухи 1833 г. и последовавшего затем голода, здесь же дается оценка в Петербурге действиям М.С. Воронцова. Так, в частности, Ф.И. Тимирязев пишет, что «князь Воронцов (в то время еще граф) обнаруживал неусыпную деятельность, чтобы предотвратить по возможности надвигающееся бедствие, и во вверенном ему Новороссийском крае не только подготовлял и закупал в Одессе значительные запасы хлеба на правительственные суммы, но оказывал им щедрую помощь из своих собственных богатых средств. Меры, им применявшиеся, были известны в Петербурге, и все с особенным уважением и одобрением отзывались о дальновидности и бдительности государственного человека и щедрого вельможи»[1].

Представляется важным отметить тот факт, что в Петербурге сравнивали деятельность М.С. Воронцова и Малороссийского генерал-губернатора. Бедствие охватило и территорию Малороссии. При этом, как пишет Ф.И. Тимирязев, генерал-губернатор Малороссии не имел средств Воронцова и «его обстановки», не мог придать своим мерам широты и огласки, «которая сопровождала все действия Новороссийского магната»[2]. Тогда же в Петербурге формируется мнение, Малороссии грозит страшный голод: если это соответствует действительности, местная администрация должна за это нести ответственность. В связи с этим отец Ф.И. Тимирязева получает повестку явиться к

[1] Русский архив. 1884. № 2. С. 314.
[2] Там же.

Императору, который направляет его в Малороссию для ознакомления с действительным состоянием дел и принятия необходимых мер.

Таким образом, Император и представители высшей власти Санкт-Петербурга не обвиняли М.С. Воронцова в недостаточном внимании к устранению последствий засухи 1833 г., напротив, его деятельность представляется как образец для администраций других регионов империи. Однако в воспоминаниях М.С. Воронцов упоминает о негативной реакции властей на его деятельность. Скорее всего, это было связано с присущим М.С. Воронцову болезненным восприятием критики в свой адрес, о чем знали и его ближайшие друзья.

Во время устранения последствий засухи и возникшего затем голода М.С. Воронцов действовал в присущем для него стиле руководства, т. е. лично посещал наиболее неблагополучные территории края; принимал решения на местах, не боясь нести за них личную ответственность; проявлял твердость в достижении поставленной цели. Хотя деятельность М.С. Воронцова в целом приводит к положительным результатам, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что законодательство этого периода в вопросах, касавшихся обязанностей генерал-губернаторов, опиралось на указы и постановления последней четверти XVIII столетия, при этом конкретные права генерал-губернаторов к 1833 г. не были определены законодательно.

РАЗВИТИЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ И ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

В первой половине XIX столетия основными путями сообщения Новороссийского края и Бессарабской области были грунтовые дороги, реки Днепр, Днестр, Прут и Дунай, прибрежные воды Черного моря.

Грунтовые дороги подразделялись местными властями на почтовые и проселочные. Как на проселочных дорогах, так и на почтовых твердого покрытия не было. Проселочные дороги связывали селения и сельскохозяйственные угодья, были необходимы для своевременного проведения сельскохозяйственных ра-

бот, транспортировки грузов, перевозки пассажиров. Проселочные дороги соединялись с почтовыми трактами. Почтовые дороги использовались не только для перевозки почты, но пассажиров и грузов. Они соединяли между собой наиболее важные торговые и промышленные центры края, открывали доступ к морским и речным портам, связывали регионы с другими российскими губерниями, вели к границам Австрийской и Оттоманской империй.

Проложенные при Императоре Александре Павловиче, дороги требовали больших затрат на свое содержание, так как прокладывались по принципу — чтобы было красиво, т. е. прямо зачастую через овраги. О состоянии дорожного строительства к моменту назначения М.С. Воронцова генерал-губернатором наглядно свидетельствует хотя бы тот факт, что до 1823 г. в Одессе — центре управления регионом — не было шоссе, а мостовая из мелких камней существовала только на двух спусках; Ланжеронском и Херсонском (составляющих 1800 кв. сажен). Ф.Ф. Вигель вспоминал, что, когда в декабре 1823 г. он прибыл в Одессу из Кишинева, для проезда по улицам города ему понадобилось столько же времени, как на путь от последней станции. Остывшая грязь волнами покрывала улицы, пишет Ф.Ф. Вигель. Это было вызвано тем, что когда строился город, то по приказу Ришелье с обеих сторон улиц были вырыты глубокие и широкие канавы. Вынутый чернозем поднялся на середине улиц. Сообщения в городе были крайне затруднительны. Для перехода улиц горожане надевали длинные сапоги поверх другой обуви[1].

Общий взгляд М.С. Воронцова на развитие путей сообщения содержится в следующем его высказывании: «Чем более открыто путей сообщения, тем более представляется средств к развитию промышленности, торговли и, следовательно, общественного благоденствия; и ничто так не обогащает край и все состояние, как возможность беспрестанных во всякое время года сношений»[2]. При этом М.С. Воронцов подчеркивал, что необходимо искать лучшие и менее расточительные сред-

[1] Вигель Ф.Ф. Указ. соч. Т. II. С. 214—215.
[2] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2431, л. 214—215.

ства прокладывания путей сообщения[1] и что сначала нужно усовершенствовать имеющиеся земляные дороги.

Летом 1826 г. М.С. Воронцов представил проект мер для улучшения торговой дороги между Одессой и Балтой. Комитет министров отклонил это предложение генерал-губернатора. По приказу Императора проект М.С. Воронцова был отправлен графу Палену, чтобы тот, рассмотрев предложения М.С. Воронцова и замечания Комитета министров, подготовил для Императора решение по данному вопросу.

В РГАДА хранится рапорт Палена Императору Николаю Павловичу, из которого можно делать выводы, что конкретно предлагал М.С. Воронцов и какие доводы выдвигал Комитет министров против строительства дороги.

Одним из первых замечаний было то, что содержание дороги требует надзора, а это обременительно для местного населения. Пален возражает, что подобное мнение справедливо для внутренних губерний России, но природные особенности местности, по которой должна пройти дорога, таковы, что не требуется обсаживать дорогу деревьями (т. к. нет лесов); канавы вдоль дороги не нужно часто поправлять (твердость грунта), а в некоторых местах их совсем нельзя делать (в определенное время они будут создавать грязь, экипажи могут опрокидываться). Сами дороги специально стараются не поправлять, так как разравнивание их натурального грунта лишь увеличивает грязь. «По всем сим причинам дороги здешние, будучи покойны и удобны, не требуют другого содержания, кроме мостов и переправ»[2], — так заканчивает Пален свой комментарий первого возражения министров против проекта М.С. Воронцова.

Далее Комитет министров указывал, что необходимость найма помещений для почтовых станций вызовет денежные издержки из сумм земской повинности. Пален объясняет несправедливость этого замечания тем, что М.С. Воронцов предлагал делать наем этих домов из сэкономленных сумм ввиду того, что открытие дороги позволит сократить на старой дороге 22 тройки лошадей, что будет приносить до 14 945 рублей экономии. Одна

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2431, л. 214—215.
[2] Там же. Ед. хр. 2353, л.1 (оборот).

четверть этой суммы пойдет на наем почтовых домов, а три четверти дадут чистую прибыль Херсонской губернии. Таким образом, новая дорога не только не потребует лишних издержек, но принесет дополнительный доход.

Третьим препятствием воплощения проекта генерал-губернатора было запрещение Императора устраивать новые дороги по всей территории России. По этому поводу Пален пишет, что дорога между Одессой и Балтой не может считаться новой, так как путешественники давно предпочитают ее большой почтовой дороге ввиду ее меньшей протяженности.

И наконец, четвертая претензия заключалась в том, что, так как М.С. Воронцов предлагал отменить подорожный сбор, то тем самым казна лишится дохода. На это Пален возражает, что данная дорога «учреждается для людей торговых и промышленных», которые практически не ездили на почтовых лошадях, при этом гражданским и военным чиновникам лошади выделялись быстрее, что приводило к задержке в пути купцов.

Столь упорное сопротивление Комитета министров проекту М.С. Воронцова, вероятно, вызывалось тем, что участок пути от Балты до Одессы был ответвлением дороги от Санкт-Петербурга до Измаила, которая принадлежала к числу так называемых главных сообщений Российской Империи. Поэтому ее строительство и содержание должно было осуществляться Главным управлением путей сообщения за счет казенных средств; на содержание дорог взимался сбор по 25 копеек с души.

Недостаток средств был одной из причин, тормозивших развитие путей сообщения в регионе. Тем не менее М.С. Воронцов особо подчеркивал в одной из своих записок министру финансов Е.Ф. Канкрину[2], что местные власти готовы заниматься дорожным строительством, но тогда, пишет М.С. Воронцов, в каждой губернии необходимо иметь специалистов из инженерного ведомства. Ситуация в дорожном строительстве особенно обострилась после ликвидации центральными властями в Одессе отдельного округа инженеров путей сообщения.

---

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2352, л. 2.
[2] Там же, ед. хр. 2431.

М.С. Воронцов настаивал на необходимости иметь хотя бы одного штаб-офицера, управляющего всем дорожным строительством в регионе, так как весь край должен был по любому вопросу обращаться в Главное управление путей сообщения. Настойчивость М.С. Воронцова и его доводы о необходимости поддержки в регионе дорожного строительства возымели результат.

На основании утвержденного 29 октября 1833 г. доклада министра финансов о мерах по улучшению путей сообщения в Новороссийском крае с целью удешевления подвоза в Одессу из внутренних губерний товаров и различных продуктов, главное — хлебных, было решено улучшить сельские дороги, особенно купеческие, так называемые чумацкие.

Для этого предполагалось в течение четырех лет, начиная с 1839 г., выделять по 250 000 рублей ассигнациями в год. Дальнейшие же расходы должны были поступать по мере завершения запланированных работ. Часть суммы, а именно до 50 000 рублей ассигнациями в год, направлялась на реконструкцию дорог в Киевской и Подольской губерниях как хлебородных и прилегающих к Новороссийскому краю. При этом все распоряжения по данным работам в Новороссийском крае предоставлялись генерал-губернатору М.С. Воронцову.

Генерал-губернаторы имели право назначать комиссии из местных чиновников и подбирать офицеров-инженеров. Первоначально предполагалось вести работы в первую очередь по двум направлениям: на тракте из Подольской и Киевской губерний и на пути сообщения с Днепром и прилегающей к нему частью Киевской губернии. Для этого в 1839 г. были собраны необходимые сведения о состоянии торговых трактов в Херсонской губернии. Для их рассмотрения в марте 1840 г. в Одессе создана комиссия, которой поручалось заняться улучшением дорог. Эти работы заключались в срезках косогоров и подъемов, в постройке плотин, мостов, в вымощении низменных мест[1].

Строительство и благоустройство дорог осуществлялось крестьянами, обложенными соответствующей повинностью. В 1827 г., например, на исправлении дорог в Бендеровском

[1] Новороссийский календарь на 1842 год Одесса, 1841 С 117

уезде работало около 3 тысяч человек. В 1837 г. была построена дорога Кишинев — Оргеев — Сороки, связавшая центральную часть области с одной из важнейших пристаней на Днестре. Проведенная вдоль правого берега реки, эта дорога значительно облегчила транспортировку грузов с севера на юг, так как днестровский речной путь, требовавший периодической расчистки, не обеспечивал бесперебойного передвижения возрастающего потока грузов[1].

Но, несмотря на эти проблемы, М.С. Воронцов понимал, что ввиду географического положения Крымского полуострова, его природных богатств, развитие путей сообщения на полуострове имеет особое значение.

К концу XVIII столетия Россия получила широкий выход к южным морям и возможность освоения и хозяйственного развития новых земель. Но одной из причин медленного заселения края было бездорожье. В конце XVIII в. на Южнобережье Крыма появились имения российской знати: Н. Мордвинова в Ялте, М. Бороздина в Портените, Г. Потемкина в Форосе, Э. Ришелье в Гурзуфе и др. В XIX столетии освоение Южного берега Крыма продолжалось. М.С. Воронцов имел огромные имения в Алупке и Массандре, граф Л.С. Потоцкий — в Ливадии, князья Голицыны — в Кореизе и Гаспре. С 1825 г. начинается «освоение» Крыма представителями Императорской фамилии. Император Александр Павлович по пути из Ялты в имение М.С. Воронцова Алупку остановился в местечке Ореанда. Ореанда очаровала Императора, он принял решение приобрести здесь большой участок земли. После смерти Александра Павловича и его супруги Елизаветы Алексеевны имение «Нижняя Ореанда» перешло по наследству к Николаю Павловичу. Естественно, что, посещая Крым, Император и его окружение могли в целом судить о результатах деятельности в регионе генерал-губернатора.

Вероятно, можно предположить, что столь пристальное внимание М.С. Воронцова к Крымскому полуострову объяснялось еще и тем, что М.С. Воронцов был практичным хозяином.

---

[1] Гросул ЯС, Будак ИГ Очерки истории народного хозяйства Бессарабии 1812—1861 Кишинев, 1967 С 309

В Крыму ему принадлежали значительные владения, а сбыт сельскохозяйственной продукции, особенно винодельческой, требовал налаженных способов сообщения с внутренними губерниями. Кроме того, в Алупке полным ходом шло строительство дворцово-паркового ансамбля. Со всех концов России и из-за границы присылалось в Алупку все необходимое. Дуб и сосна покупались у одесских и херсонских купцов, чугунные решетки для каминов отливались на одесском заводе Фалька и у Мальцева в Туле. Остальной чугун, используемый для ограждения веранд и несущих колонн, привозился из Англии, оттуда же поступали известь и новейшие механизмы для инженерных работ.

В РГАДА удалось обнаружить документы, свидетельствующие, что на Крымском полуострове строительство дорог осуществляли военные — рядовые и унтер-офицеры[1]. Так, на участке между Байдарами и Алупкой с 14 апреля по 24 июля работали рядовые унтер-офицеры 4-го батальона (с<модлинского>?)[2] полка. Ведомость, полученная М.С. Воронцовым, содержит подробные сведения о количестве работающих за каждую неделю, а также сколько всего было рабочих дней в течение недели, учитывая погодные условия, каков был характер работ: вырубка леса, корчевание, прокладывание каменных стенок. По окончании работ батальон заработал 2799 руб. 77 коп.

В специальном издании П.П. Семенова-Тян-Шанского, посвященного Новороссии и Крыму, приводятся сведения, что «протяжение дорог с каменной одеждой в Новороссии совершенно незначительно»[3]. Исключение составляли три южных уезда Таврической губернии — Симферопольский, Ялтинский, Феодосийский. Причина такого положения заключалась, во многом, в недостаточном внимании правительства к этим проблемам, а местные власти не всегда могли оказать материальную поддержку строительным работам.

Новороссийский календарь на 1835 г. сообщал, что из Симферополя идут дороги в Керчь, Феодосию, в Севастополь и Евпаторию. Кроме того, путешественников приглашали для обозре-

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр 2427.

[2] Название полка в источнике неразборчиво.

[3] Россия Полное географическое описание нашего Отечества / Под ред. П.П. Семенова-Тян-Шанского. Т. 14 СПб, 1910 С 439.

ния Южного берега Крыма пользоваться дорогой вдоль берега моря, которая шла в том числе через Чавни, Алушту, Кучук-Ламбат, Артек, Гурзуф, Никиту, Массандру, Ялту, Ливадию, Ореанду, Гаспру, Мисхор, Алупку, Симеиз, Мухалатку, Форос, Ласпи, Байдары — всего 150 верст.

Одной из существенных проблем в развитии Крымского полуострова был недостаток способов сообщения. Чтобы купец или любой путешественник мог отправиться в то или другое место, он должен был воспользоваться почтовыми лошадьми или ехать верхом. Первый способ осложнялся тем, что подорожную можно было получить лишь в местах, где было казначейство, кроме того, требовалось свидетельство полиции и плата поверстных. Выполнение этих требований отнимало немало времени, что особенно мешало путешествующим с коммерческими целями.

Отправляться верхом тяжело физически, а с грузом практически невозможно. Специальных извозчиков в Крыму, как правило, не было, татарское население иногда занималось извозом, но найти извозчика можно было лишь случайно. Для улучшения данной ситуации с 1 июля 1832 г. было открыто движение дилижансов от Евпатории до Керчи (и обратно) через Симферополь и Феодосию. В списке четырнадцати первых учредителей конторы крымских дилижансов М.С. Воронцов числился первым.

Важно отметить, что еще в 1820 г. М.С. Воронцов составил со своими друзьями компанию дилижансов на акциях в 75 000 рублей ассигнациями. 1 сентября 1820 г. из отделения конторы дилижансов на Большой Морской отправился первый «поезд» в Москву, в составе семи пассажиров. За первые десять лет между Москвой и Петербургом проехало 33 003 человека; во второе десятилетие — до 50 000 человек. В течение двадцати пяти лет (с 1 сентября 1820 г. по 1 сентября 1845 г.) первое в России заведение дилижансов имело чистой прибыли 879 073 рублей ассигнациями[1]. Таким образом, к 1832 г. М.С. Воронцов смог убедиться в реальном получении доходов от этого предприятия и в том, что с

[1] РГАДА, ф 1261, оп 1, ед. хр. 2390, л. 4

помощью дилижансов можно улучшить транспортное сообщение.

Итак, в 1832 г. для улучшения сухопутного сообщения в Крыму было подготовлено к перевозке пассажиров первые шесть дилижансов, вмещавшие в среднем 7 человек. Из Евпатории они отправлялись каждый вторник и пятницу, а из Керчи — в четверг и воскресенье. Учредители имели право при недостаточном числе пассажиров в зимние месяцы (т. е. с 1 ноября по 1 марта) пускать дилижансы один раз в неделю.

Пассажир мог перевозить с собой груз весом от 15 до 20 фунтов. Цена за проезд зависела от расположения мест и колебалась от 4 до 10 копеек за версту, на каждый фунт груза свыше нормы бралось 5 копеек за 100 верст[1].

Дорога из Симферополя до Евпатории имела протяженность 62 версты, а из Симферополя в Феодосию и Керчь — более 200 верст, таким образом, проезд, к примеру, из Симферополя в Евпаторию стоил от 2 руб. 48 коп. до 6 руб. 20 коп. за место.

Учитывая, что работавшие у М.С. Воронцова в Крыму крестьяне за так называемую черную работу получали до 35 рублей в месяц и 2 пуда 20 фунтов муки и при том, что пуд сахара стоил от 40 до 45 рублей, можно предположить, что услугами дилижанса могли пользоваться люди не только высших сословий, но, в случае необходимости, и представители низших классов.

Не менее активное дорожное строительство велось и в Херсонской губернии, ведомости о ходе работ поступали оттуда на имя М.С. Воронцова[2].

В ведомости содержатся сведения об улучшении следующих торговых трактов в Херсонской губернии — из Одессы: до Балты через Севериновку, до Николаева, до Николаева через д. Поповку, до Вознесения, до Ольвиополя, до Тирасполя; из Вознесенска до Новомиргорода; из Херсона до Борислава; из Борислава и из Николаева до границы Екатеринославской губернии.

---

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед хр. 2390, л. 1—3. Для сравнения назовем лишь некоторые цены на Южном берегу Крыма: крупа пшенная от 2 р. 50 коп. до 3 р. 60 коп. пуд, гречневая от 3 р. 50 коп. до 4 р. 50 коп. пуд, сено от 50 коп. до 80 коп. пуд, сахар от 40 р. до 45 р. пуд. (Русский архив. 1898. Кн. 1. С.116—117).

[2] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2427.

Основными работами на этих дорогах были: исправление плотин; срезки гор и косогоров; устройство переправ.

Судя по переписке М.С. Воронцова с начальником его канцелярии Фабром и градоначальником Левшиным, генерал-губернатор внимательно следил за дорожным строительством как в регионе в целом, так и в Одессе. Мы уже говорили о существовании в Одессе мостовых на двух городских спусках и об отсутствии шоссейных дорог. С конца 1823 г. по 1825 г. было «устроено шоссе», как пишет Новороссийский календарь, на улицах Ришельевской, Рибасовской, Херсонской, части Екатеринославской, Греческой и Театральной площади. В 1829-м и 1830 гг. шоссе было распространено по улицам: «Бульварной, Екатеринославской и по переулку к Сабанеевскому мосту». Всего до 1833 г. было сделано около 25 000 кв. саженей. Но значительная часть покрытия из-за стоков воды и недостаточного покрытия пришла в негодность. В 1832-м и 1833 гг. было переделано почти 5834 сажени старого шоссе. В 1832 г. начато мощение мостовых на дороге из карантина в таможню, на таможенной площади, на карантинном спуске, в некоторых кварталах улицы Ришелье и Итальянской улицы. К 1834 г. было выполнено 4016 кв. саженей этой мостовой. Таким образом, к началу 1834 г. в Одессе было устроено мостовых и шоссе на площади 40 455 саженей.

Надо отметить, что материал для мощения — плитный камень — привозился из Италии на судах, приходящих в Одессу за хлебом, т. е. был балластом. Следовательно, поставка материалов зависела от урожая хлебных культур. Так, в 1834 г. работы по мощению в связи с неурожаем двигались медленно. В то же время была предпринята попытка использовать местный материал на площади Старого базара, и к 1 ноября $^{3}/_{4}$ пространства всей площади было вымощено[1].

Во «Всеподданнейшем донесении Государю Императору в сентябре 1837 года» М.С. Воронцов сообщает, что в Одессе за шесть лет «вымощено и шоссировано, кроме тротуаров, 64 713 квадратных саженей»[2] и на всех главных улицах города есть шоссейная мостовая.

---

[1] Новороссийский календарь на 1835 год. Одесса. С. 96—98.
[2] ОПИ ГИМ, ф. 440, оп. 1, ед. хр. 935, л. 56.

В 1835 г. Одесса имела дорожное сообщение со следующими пунктами: Екатеринославом; Кишиневом; Таганрогом; Измаилом и Аккерманом; Киевом (через Николаев, Елисаветград, Новомиргород, Белую Церковь); Москвой; Санкт-Петербургом; Яссами и Бухарестом; Веной.

Отношение к железным, или, как их называли в то время, «искусственным», дорогам было неоднозначным у М.С. Воронцова. Он признавал, что, вероятно, недостаточно сведущ в данном вопросе. В то же время его доводы против строительства железной дороги из Кременчуга весьма убедительны: содержание и ремонт сложных механизмов требует специалистов, а их в малонаселенной местности, где планируется проложить дорогу, найти трудно: кроме того, применение локомотивных паровых машин невыгодно из-за малой ценности перевозимых товаров. Что касается выбора направления строительства, то М.С. Воронцов считал, что прокладывать железные дороги в Одессу следует из тех мест, откуда поступает хлеб, т. е. из Киевской и Подольской губерний. Хлеб — главный продукт экспорта в регионе, поэтому его доставка должна быть как можно дешевле ввиду конкуренции Молдавии и Валахии с их низкими ценами на данный продукт.

Вообще-то М.С. Воронцов полагал, что для управляемого им региона несравненно выгоднее строительство судоходного канала из Киева в Одессу, который должен был увеличить торговый оборот, устранить иностранную конкуренцию в хлебной торговле, принести пользу в военной области, помочь снабжению Одессы питьевой водой[1].

В 1838 г. М.С. Воронцов видел свою задачу прежде всего в улучшении всех имеющихся в регионе земляных дорог и пытался склонить правительство на строительство судоходного канала[2]. М.С. Воронцов не был принципиальным противником строительства железных дорог, но считал, что прокладывать их надо там, где будет реальная польза для развития торговли, промышленности и, других областей экономики.

---

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2431, л. 8.
[2] Там же. Л. 9.

Уже во время наместничества на Кавказе М.С. Воронцову был представлен для рассмотрения проект о постройке железной дороги из Харькова до Феодосии. Внимательно проанализировав доводы учредителей, М.С. Воронцов выдвигает следующие возражения против данного направления: линия дороги идет по безводной местности; линия удалена на 130 верст от перекопских соляных озер и находится на значительном расстоянии от каменноугольных копей; в Феодосии мало складов для хранения хлеба; малочисленно народонаселение, число торгующих купцов и финансистов в городе крайне незначительно, дорога не будет загружена товаром. В силу этих причин М.С. Воронцов считал, что строительство железной дороги до Одессы более необходимо для развития региона. Замечание М.С. Воронцова состояло в основном в следующем: процветание железной дороги определяется интенсивностью движения по ее протяженности, а не степенью развития прилегающих к ней местностей. М.С. Воронцов неправильно оценивал перспективы развития северной части Таврида; бесплодная полоса простирается всего на сто с небольшим верст, но расположенные рядом озера дают хорошую соль, которой в 1841—1844 гг. ежегодно производилось более 900 000 пудов. И наконец, экономическая польза промышленного предприятия определяется величиной чистой прибыли, поэтому нужны были доказательства, что Одесская дорога будет приносить больший доход.

Первая железная дорога, но с конной тягой, появилась в Новороссии в 1846 г., между волжским посадом Дубовкой и Качалинской станицей на Дону, но дорога не смогла конкурировать с возчиками и через десять лет закрылась. Первой железной дорогой с паровой тягой стала открытая для движения в 1861 г. линия протяжением в 61 версту от Грушевских каменноугольных копей к Дону около Аксая. Дорога была построена по распоряжению наказного атамана Войска Донского на средства этого Войска.

М.С. Воронцов был тонкий и прагматичный политик. Любое нововведение должно быть им тщательно обдумано и обосновано практической необходимостью. Говоря о так называемых экономических провалах первой половины XIX столетия, современники отмечали, что одним из самых существенных являлся отказ

от строительства железной дороги от Москвы к Черному морю. Когда был решен вопрос о Николаевской дороге, М.С. Воронцов и князь Кочубей представили проекты о сооружении линии от Москвы к Черному морю, «являясь здесь частными предпринимателями, единственно в видах отечественной надобности; но и эта мера спасения не имела успеха»[1]. За опоздание строительства железной дороги к Черному морю Россия расплатилась трагедией Севастополя.

И здесь мы вновь сталкиваемся с проблемой несовершенства самой системы взаимоотношений представителей центральных и местных властей.

Несмотря на высокое положение М.С. Воронцова, его огромные связи, опыт, знания, ему постоянно приходилось защищать собственные проекты в министерствах. Особенно настойчиво добивался М.С. Воронцов своих целей в дорожном строительстве, где существовали две наиболее существенные проблемы — нехватка специалистов и средств. В результате и в этой области были достигнуты весьма значительные успехи.

* * *

Природные богатства Новороссийского края способствовали росту торговли. Стоимость ввоза и вывоза товаров через порты Черного и Азовского морей в 1836—1838 гг. в среднем составила 15 509 819 рублей серебром, а в 1839—1841 гг. — уже 26 321 395 рублей[2]. Быстро росло и население портовых городов, особенно Одессы. За пять лет, с 1832-го по 1837 г., число ее жителей увеличилось на 13,5 тысячи человек и к концу этого срока достигло 73,5 тысячи[3].

Торговля требовала надежных средств сообщения. Дальнейшее развитие Новороссии зависело от организации в Черноморско-Азовском бассейне регулярных пароходных сообщений. Это хорошо понимал М.С. Воронцов.

---

[1] К о к о р е в В. Экономические провалы По воспоминаниям с 1837 года // Русский архив. 1887. Кн. 2. С. 264.

[2] С е м е н о в А. Изучение исторических сведений о русской торговле и промышленности. Ч. III СПб., 1859. С. 59.

[3] К примеру, население Ростова-на-Дону насчитывало в 1854 г. 14 847 жителей.

М.С. Воронцов, вероятно, еще в 1825 г. принимает решение о постройке пароходного судна для Одессы. В письме от 16 марта 1826 г. на имя вице-адмирала (с 1828 г. — адмирала) А.С. Грейга, бывшего с 1816-го по 1833 г. главным командиром Черноморского флота и портов, он сообщает: «Пароход в Одессе устраивается для перевозки как тяжестей, так равно путешественников и их экипажей; а потому нужно устроить его таким образом, чтобы в нем были, подобно аглицким, хорошо обделанные каюты и помещения для двух или трех карет»[1]. Пароход должен был строиться за счет доходов города Одессы.

По просьбе М.С. Воронцова были составлены три чертежа парохода, и один из них был послан в Петербург на завод К. Берда для изготовления паровой машины для парохода. М.С. Воронцов предполагал строить пароход в Николаеве за счет казенных средств, но А.С. Грейг решил переложить постройку на подрядчика[2]. Данное решение не было исключением. Все последующие пароходы строились «с подряда». В Николаеве обосновалась целая группа подрядчиков, состоящая из николаевских и херсонских купцов.

Первоначально планировалось закончить постройку парохода в сентябре 1826 г., потом — «к ранней весне будущего 1827 года, но не более 15-го числа марта»[3]. Строительство парохода «Одесса» было завершено 6 июля 1828 г.

Газета «Одесский вестник» сообщила, что в Одесский порт прибыл из Николаева пароход «Одесса». Объявлялось, что первый рейс в Евпаторию и «местечко» Ялту предполагается 22 июля и пароход будет отходить из Одессы каждое воскресенье[4]. 22 июля пароход вышел из Одессы, но, пройдя примерно 1,5 мили, остановился. После устранения неисправностей, 31 июля «Одесса» снова вышла в рейс. Описание этого рейса приводится в «Путевой записке о плавании на пароходе, именуемом «Одесса», составленной чиновником канцеля-

---

[1] Залесский Н.А. «Одесса» выходит в море. Л., 1987. С. 20

[2] А.С. Грейг мотивировал свой отказ неимением при адмиралтействах Херсонском и Николаевском годных лесов и недостатком плотников, столяров и рабочих других специальностей, необходимых для постройки парохода (Залесский Н.А. Указ. соч. С. 21.).

[3] Залесский Н.А. Указ. соч. С. 21.

[4] Одесский вестник. 1828. 14 июля. Л. 56.

рии генерал-губернатора А.А. Скальковским по поручению М.С. Воронцова[1].

Весьма интересным является тот факт, что по распоряжению М.С. Воронцова в Ялте для «Одессы» было подготовлено 20 саженей дров, но рубка и погрузка их на этот пароход, как оказалось, должны были быть оплачены капитаном. Во время обратного рейса дрова были приобретены у городской думы Евпатории. Из-за отсутствия наличных денег А.Скальковским была дана расписка, а за рубку и доставку дров на пароход капитан заплатил свои 50 рублей[2].

Говоря о последующей судьбе парохода, следует отметить, что градоначальник Одессы А.И. Левшин имел намерение продать пароход «Одесса». 18 октября 1831 г. он писал находившемуся в Петербурге М.С. Воронцову: «Пароход «Одесса» стоит в порте нашем без всякого употребления» и эксплуатация его стоила бы 40 000 рублей в год, а «мы теперь в такой нищете, что занимаем деньги на жалованье чиновникам»[3]. Однако Воронцов не только не согласился с продажей парохода, но и запретил передачу «Одессы» таврическому начальству, вероятно, считая необходимым организовать в дальнейшем пароходные сообщения с Крымом, а затем с Кавказом. В 1833 г. пароход «Одесса» совершил несколько рейсов в Крым, так, 1 августа он отправился туда, имея на борту пассажиров и грузы.

В начале 1834 г. М.С. Воронцов через посредничество торгового дома Штиглица и К° заказал в Англии пароход «Петр Великий», предназначенный для рейсов из Одессы в порты Крыма и из Керчи в Таганрог. Он прибыл из Англии в Одессу 29 октября того же года. В «Коммерческой газете» было отмечено, что «изящное устройство и отделка сего парохода была предметом похвалы многих английских журналов»[4].

По приходе парохода в Одессу он был осмотрен М.С. Воронцовым и М.П. Лазаревым и признан ими «отличной конструкцией, скорым на ходу, прекрасным во всех частях отдел-

[1] РГАДА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. 2897, л. 1—5.

[2] Впоследствии пароход «Одесса» использовался для перевозки между Одессой и Варной, где войсками командовал М.С. Воронцов во время событий русско-турецкой войны в 1828 г.

[3] Залесский Н.А. Указ. соч. С. 26.

[4] Коммерческая газета. 1834. 15 ноября. № 137.

ки», причем адмирал Лазарев считал его «заслуживающим быть принятым за образец для черноморских казенных пароходов». Обошелся он в 279 547 рублей. Эту сумму Воронцов предполагал погасить за счет доходов городов Одессы и Таганрога (а впоследствии и Керчи) и за счет «татарского сбора в Таврической губернии»[1].

В июле 1835 г. М.С. Воронцов предпринял плавание к берегам Крыма и Кавказа на пароходе «Петр Великий» и 22-пушечном корвете «Ифигения» Черноморского флота.

Результатом плавания был составленный Михаилом Семеновичем, согласно распоряжению Императора, рапорт об учреждении правил торговли с черкесами и абазинцами. Этот рапорт получил название «Воронцовский перипл» по аналогии с «Периплом Арриана», который совершил путешествие вокруг берегов Черного моря во II в. от Рождества Христова. М.С. Воронцов, классически образованный, говоря о важности освоения края с занятия морского берега, подчеркивал, что подобная система была еще на вооружении у древних римлян: «Во время сего путешествия я имел и с крайним удовольствием читал письмо или донесение Арриана, описывающее все римские посты от Трапезонда по Южному и Восточным берегам Черного моря»[2]. Далее он продолжает, что данной системы придерживаются англичане в Америке и на Востоке, а Император Петр Великий имел подобное мнение о порядке действий в Закавказском крае.

В рапорте на имя Императора М.С. Воронцов не ограничивается анализом развития возможных торговых отношений с горцами, что должно было способствовать установлению дружеских отношений с местным населением. Так, в начале документа М.С. Воронцов пишет, что «если в последующем начертании я и коснусь чего-либо до сего касающегося в отношении военном или управления того края, то сие будет по одной только необходимости, описывая то, что я видел и сколько оное неизбежно связывается с предстоящим для меня предметом»[3], т. е. генерал-губернатор дает понять, что не может дать верного экономического обозрения без изучения политической и

[1] Залесский Н.А. Указ. соч. С. 56.
[2] Русский архив. 1894. Кн. II. С. 228.
[3] Там же. С. 218.

военной обстановки в крае. Он подчеркивает при этом, что, собрав предварительно многочисленные сведения о местности, пришел к выводу, что «одно личное обозрение может дать более или менее справедливое понятие о крае, столь мало известном и столь интересном во всех отношениях»[1]. Именно здесь мы находим подтверждения общего правила, которого придерживался М.С. Воронцов в решении проблем: личное проникновение во все детали вопроса, тщательное его изучение и затем решение какого-либо аспекта проблемы с учетом всех составляющих.

Но и вопросы внешней политики не остаются без пристального внимания генерал-губернатора. В самом начале своего обозрения он сообщает, что «дух мятежных и революционных партий в Париже и Лондоне не оставил и сей отдаленный и дикий край без вредного своего действия. Агенты от сих всеобщих возмутителей в течение сего лета разъезжали по горам, и по публикованному в Лондоне журналу «Portfolio» можно видеть, что они питают пустую надежду из черкесов сделать новыя орудия для вреда великой державе, которой мудрая и твердая рука более всего мешает желающим общих революций и смятений»[2]. Хотелось бы обратить внимание, что М.С. Воронцов обвинениями в адрес английских и французских властей демонстрирует не только хорошую осведомленность во внешнеполитических европейских проблемах и в том, как они влияют на ситуацию в России, но выступает представителем прежде всего российских интересов, причем не пытается оправдать позицию и действия Англии, активным поклонником которой многие считали М.С. Воронцова, как ранее и его отца С.Р. Воронцова.

13 июля экспедиция снимается с Керченского рейда. Путешествие М.С. Воронцова происходило на буксируемом пароходом корвете «Ифигения» под командованием Е.В. Путятина (впоследствии графа, министра народного просвещения). Надо заметить, что и при выборе судна для путешествия М.С. Воронцов демонстрирует, что он хорошо знает положительные и от-

[1] Русский архив. 1894. Кн. II. С. 217.
[2] Там же. С. 216.

рицательные свойства парохода. Так, он не захотел начать путь на одесском пароходе «Петр Великий», потому что во время плохой погоды с него неудобна высадка у берегов, а в случае нападения горцев у парохода недостаточно средств для защиты. При этом М.С. Воронцов заявляет, что имеет желание действовать лишь мирным способом.

Путешествие длилось около девяти суток. М.С. Воронцов подытоживает свои наблюдения следующим образом: торговля с горцами отсутствует, хотя ее наличие укрепило бы дружеские отношения местного населения и русских. Между тем, писал М.С. Воронцов, учитывая воинственный настрой горцев, военные операции прекратить будет нереально, а воевать и торговать невозможно. «Мне кажется, однако, что затруднение таковое отчасти можно устранить, если, отменяя сколь возможно всякого рода операции и походы во внутренности земель, мы бы приложили все старания только к занятию с возможною скоростию всего морского берега; и занятия сии производить морем при способах и с помощью Черноморского флота»[1].

М.С. Воронцов подчеркивал, что русские должны помнить, что черкесы являются подданными России и «с ними должно поступать дружелюбно, пока они сами сопротивляться не будут, как с армянами поступали во Франции, за Дунаем и в славном походе Эрзерумском»[2]. Далее М.С. Воронцов обращает особое внимание властей на большое число больных в гарнизонах, полагая, что причиной этому служит плохое продовольствие и отсутствие способов для нормального отдыха военных, так как вся жизнь гарнизона проходит за стенами укреплений, что не может не сказываться на нравственном и физическом состоянии людей.

В заключение М.С. Воронцов еще раз обращает внимание на заинтересованность иностранных держав в подрыве русских позиций и в ослаблении русского влияния на Кавказе. Современники отмечали, что задолго до Крымской войны М.С. Воронцов предлагал «возбранить какой-либо иностранной державе ко вреду нашему входить в сношение с Кавказом»[3]. И последним

[1] Русский архив. 1894. Кн. II. С. 228.
[2] Там же. С. 230.
[3] Там же. С. 233.

предложением М.С. Воронцова было предоставление права командующему на Кавказской линии для скорейшего разрешения важных вопросов общаться напрямую с военным министром, минуя Тифлис.

Следует заметить, что менее чем через месяц после составления приведенного документа М.С. Воронцовым, 21 сентября 1836 г., последует записка военного министра А.И. Чернышева к директору канцелярии М.М. Брискорну, в которой излагались следующие распоряжения Императора, инициированные «Воронцовским периплом»:

1. Выяснить у министра финансов, какие он принял меры для развития торговых отношений русских торговцев с местечком Пшадом и другими приморскими местами Абхазии;

2. Производить снабжение гарнизонов, находящихся на Абхазском берегу и не имеющих сухопутного сообщения, морским путем;

3. Командировать под начало генерал-лейтенанта Вельяминова француза-инженера, офицера для подготовки строительства башен в пунктах, занимаемых русскими войсками на Абхазском берегу, что предлагал М.С. Воронцов, говоря о неустроенности быта русских военных в гарнизонах; эти башни создавали своеобразное второе кольцо вокруг крепости гарнизона, позволяя спокойно гулять жителям вокруг гарнизона.

4. И наконец, наиболее важный приказ Императора касался разрешения начальнику Кавказской линии принимать самостоятельные решения по хозяйственным вопросам и отдавать военные приказы местного характера, распространяя их на правый фланг Кавказской линии, включая Черноморское войско и восточный берег Черного моря до того пункта, где начинается хорошо налаженное сухопутное сообщение.

В заключение Чернышев подчеркивал, что последнее указание требовало самой тщательной подготовки, чем и предстояло заняться немедленно. Необходимо отметить, что все эти распоряжения основаны на предложениях М.С. Воронцова, изложенных в его записках о путешествии.

Подтверждением тому, насколько хорошо изучил М.С. Воронцов не только свой регион, т. е. Новороссийский край и Бессарабскую область, но и соседние территории, служит ин-

формация, содержавшаяся в его письме к Бенкендорфу от 20 августа 1837 г. В нем, в частности, М.С. Воронцов подробно анализирует маршрут на Кавказ, который предполагал совершить император Николай I в сопровождении А.Х. Бенкендорфа[1]. Так, Воронцов советует Императору посетить Ахалцых и Эривань, совершить поездку в Мингрелию и Имеретию, Грузию, осмотреть с нашей стороны турецкую границу. Но при этом Воронцов предупреждал, что при быстром путешествии верхом нельзя будет внимательно осмотреть все необходимое и, главное, сделать нужные замечания. Любопытно заметить, что, как человек, проведший почти всю жизнь в седле и привыкший лично вникать в различные проблемы, М.С. Воронцов постоянно совершал обзорные поездки не только по своему региону, но и по граничащим с ним областям, о чем свидетельствует и приведенный «Перипл» 1836 г.

Плавание, предпринятое к берегам Крыма и Кавказа на пароходе «Петр Великий», убедило М.С. Воронцова в возможности установления регулярных пароходных рейсов по Черному морю. В ту же навигацию 1835 г. «Петр Великий» стал курсировать с заходом в Ялту, Феодосию и в Керчь, а пароход «Наследник» — из Керчи в Таганрог. Всего в эту навигацию пароходы совершили в Крым 23 рейса. Наибольшее число пассажиров перевозили между Одессой и Ялтой, затем — между Одессой и Евпаторией. Перевозки между азовскими портами были незначительными. За год пароходы перевезли 1504 пассажира и около 173 тонн груза, а выручка составила 62 000 рублей, причем наибольший доход принес «Петр Великий», как наиболее комфортабельный и быстроходный пароход — до 50 000 рублей[2]. Таким образом, в 1835 г. «открыто было в первый раз регулярное пароходное сообщение между Российскими портами Черного и Азовского морей»[3]. Привлечение на юг иностранцев, приезжавших главным образом за хлебом и сельскохозяйственным сырьем, обеспечивало транспортировку товаров с помощью морских судов.

[1] Русский архив. 1890. № 7. С. 136, 315. *(Пер. с фр.)*
[2] Залесский Н.А. Указ. соч. С. 57.
[3] Одесский вестник. 1836. 11 марта. № 2.

О том, насколько М.С. Воронцов хорошо разбирался в инженерно-технических вопросах, связанных с судостроением, свидетельствует факт, что он просил разрешения императора на строительство для специальных азовских рейсов плоскодонного парохода с небольшой осадкой. Этот пароход, получивший название «Митридат», был заложен в феврале 1837 г. в Одесском порту в присутствии М.С. Воронцова, А.И. Левшина и др.

Между тем продолжали открываться новые пароходные линии. В 1838 г. возникает идея создания пароходного сообщения между Аккерманом и Овидиополем «для содействия к увеличению сбыта соли из бессарабских озер, а равно к оживлению вообще промышленности того края»[1].

4 октября 1838 г. Император принимает решение о заказе в Англии парохода. Контракт на его постройку заключили с английской компанией «Вильям Ферберн и К°». Пароход «Граф Воронцов» 27 марта 1840 г. прибыл в Аккерман и начал совершать рейсы между Аккерманом и Овидиополем, но число пассажиров и объем грузов были столь велики, что в течение целого дня пароход почти не вставал на якорь. Опыт плавания парохода «Граф Воронцов» в 1841 г. показал, что расходы на его содержание превышали доходы от эксплуатации на 4836 руб. Однако этот дефицит, как говорилось в докладе министра финансов Царю в 1842 г., «не может входить в сравнение с той пользой, какое доставило пароходство краю»[2].

Между тем М.С. Воронцов, с присущим ему желанием доводить любое дело до конца, обратился в конце января 1842 г. к министру финансов с письмом, в котором указывал, что в случае ремонта парохода «Граф Воронцов» прервется сообщение между Аккерманом и Овидиополем, что отразится на торговле между Бессарабской областью и Новороссийским краем. Поэтому он ходатайствовал о заказе второго парохода для Днестра. Разрешение было получено, и 3 июня 1842 г. был заключен контракт с той же английской компанией, которая строила пароход «Граф Воронцов», но на этот раз сборку решили производить в России[3].

---

[1] Иловайский С.И. Исторический очерк пятидесятилетия Русского общества пароходства и торговли. Одесса, 1907. С. 3.

[2] Залесский Н.А. Указ. соч. С. 60.

[3] Там же

Средства для ремонта пароходов были сосредоточены преимущественно в Николаеве. Еще в 1837 г. М.С. Воронцов ходатайствовал об отпуске 260 000 рублей на устройство в Одесском порту специального дока — эллинга (Мортонова эллинга) «для вытаскивания и починки одесских пароходов и купеческих судов». Но М.С. Воронцову в деньгах отказали на том основании, что «пароходы принадлежат частным обществам, а купеческие корабли частным лицам», и рекомендовали построить Мортонов эллинг за счет одесских городских доходов[1].

В 1841 г. в связи с предстоящим заказом в Англии четырех пароходов возник вопрос об организации в Одессе, Севастополе и Керчи мастерских для ремонта пароходов. Кораблестроительный учетный комитет запросил мнение по этому поводу механиков-иностранцев. И хотя лишь один из них заявил, что эти мастерские возможно устроить только в Севастополе[2], черноморское интендантство решило открыть мастерские в Севастопольском порте.

М.С. Воронцов 5 сентября 1845 г. обратился к министру финансов Ф.П. Вронченко с предложением о «перенесении необходимых частей Луганского завода в Керчь как для починки и поддержания пароходов, так и для надобностей флота». Он полагал, что заказанные в Англии четыре парохода «сходиться будут в Керчи», где необходимо иметь мастерские «для их своевременного исправления, дабы они содержали сообщения безостановочно и регулярно»[3]. Ходатайство М.С. Воронцова удовлетворили 26 октября 1845 г.[4].

Все пароходы, ходившие по внутренним линиям, управлялись комиссией Новороссийских портов, находившейся при канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. По ходатайству М.С. Воронцова 9 февраля 1845 г. все управления пароходами как внутренних, так и заграничной линии (Одесса — Константинополь) были объединены в одну организацию — Новороссийскую пароходную экспедицию

[1] Залесский Н.А. Указ. соч. С. 70.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 71.
[4] С Луганского завода в Керчь предполагалось перенести вагранку, четыре кузнечных горна, слесарный цех, инструменты модельного и формовочного цехов и перевести тридцать рабочих (Залесский Н.А. Указ. соч. С. 71).

(или, как ее называли, — Одесская экспедиция). Такая же организация была и в азовских портах. Обе пароходные экспедиции подчинялись Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору.

Развитие Новороссии требовало налаживания пароходных сообщений не только на внутренних, но и на внешних линиях. В 1831 г. совершил свой первый пробный рейс в Константинополь пароход «Нева», последний из первых трех пароходов на Черном море. Надо заметить, что первые рейсы «Невы» были убыточны. Убыток рейсов вначале погашался за счет одесских городских средств. Деньги за первые два рейса были Одессе возвращены. Затем Император дает разрешение на погашение убытков и за последующие три рейса. О дальнейшем использовании парохода «Нева» в 1831 г видно из письма А.И. Левшина к М.С. Воронцову от 10 сентября, в котором он писал: «Пароход в Константинополь перестал ходить, ибо первые отправления были сделаны в виде опытов и по неимению сумм не могли быть продолжаемыми, тем более что пароход принадлежит не городу, а министерству финансов». Далее Левшин писал, что 11 сентября «отправляем пароход «Нева» в Константинополь с подарками от Двора нашего турецкому султану»[1]. Видимо, это было последнее плавание «Невы».

Возвращаясь к вопросу о пароходных сообщениях Одессы с Константинополем, следует отметить, что 31 марта 1840 г. министр финансов Е.Ф. Канкрин писал начальнику Главного морского штаба А.С. Меншикову, что Комитет министров считает налаживание постоянного и регулярного сообщения между Одессой и Константинополем одной из важнейших задач. Копию письма Меншиков отправил М.П. Лазареву с просьбой запросить мнение М.С. Воронцова, который в письме от 10 июля 1840 г. сообщал, что пароходные сообщения Одессы с Константинополем следует «поручить флотскому ведомству», предоставив в его распоряжение три парохода Черноморского флота. М.С. Воронцов оставлял на решение Лазарева вопрос о том, следует ли заказывать новые пароходы, добавив при этом, что если построить три новых парохода, то чтобы они, «служа в мирное время для

[1] Архив князя Воронцова Кн 39 С 17—18

сообщений в пользу торговли и промышленности, могли в случае войны быть обращены в военные пароходы».

Говоря вообще о пароходстве на Черном море, Воронцов писал: «Я думаю, что оно должно быть распространено как можно более и проникать во все черноморские порты, дабы овладеть наибольшим числом сношений, ибо сие немало способствует к приобретению так называемой поверхности на морях, как в торговом, так и в политическом отношении, на которое Россия по ее географическому положению имеет на Черном море все права и способы», и далее вопрошает: «Неужели теперь и в устройстве пароходного сообщения, одном из полезных сих изобретений нашего просвещенного века, суждено ей остаться позади?» В конце письма Воронцов высказал мысль, что «должно бы заняться приготовлением к общему устройству нашего пароходства на Черном море», — добавляя затем, что «необходимо теперь же заказывать в Англии от 4 до 6 новых пароходов»[1].

В ответном письме от 12 июня 1840 г. М.П. Лазарев извещал, что полностью разделяет мнение М.С. Воронцова об учреждении постоянного пароходного сообщения между Одессой и Константинополем и между портами Черного и Азовского морей, и предлагал заказать в Англии семь пароходов: три для Константинопольской линии, два для Черного моря и два для Азовского[2].

В начале июня 1841 г. для организации пароходного сообщения с Константинополем Николай I принял решение заказать в Англии четыре пароходофрегата в 250 лошадиных сил «с тем, чтобы в военное время можно было их обратить на полезное употребление при флоте»[3]. Заказ пароходов Император поручил М.С. Воронцову при участии адмирала М.П. Лазарева.

Для составления Положения о новом пароходном сообщении с Константинополем Новороссийский генерал-губернатор назначил в Одессе «временную комиссию», куда вошли действительный советник П. Марини, надворный советник А. Фиуарди, П. Пулы — представитель торгового дома Штиглица и представитель Черноморского флота капитан-лейтенант

[1] Архив князя Воронцова Кн 39 С 17—18
[2] Залесский НА Указ соч С 48
[3] Там же

А.И. Швенднер. Осенью того же года для заказа пароходофрегатов командировали капитан-лейтенанта К.И. Истомина, который 11 октября на пароходе отплыл из Петербурга в Англию[1].

Разработанное «временной комиссией» «Положение об учреждении регулярных сообщений посредством пароходов в Черном и Азовском морях» было представлено М.С. Воронцову 18 июня 1842 г.

В параграфе 1 первого раздела «Положения» говорилось, что регулярные пароходные сообщения устанавливаются для «казенных, торговых и частных сношений, сначала между Одессой и Константинополем, потом из Одессы в Крымские и Азовские порты, а со временем оные распространяются до портов восточного берега Черного моря, в Сухум-Кале и другие порты»[2]. На пароходы назначались командиры и команды от Черноморского ведомства, тогда как ранее на всех трех пароходах Черноморского общества капитанами были англичане.

Раздел третий посвящался регулярному пароходному сообщению Одессы с Константинополем. Новороссийскому генерал-губернатору и главному командиру Черноморского флота и портов, по взаимному соглашению, предоставлялось право решать следующие вопросы: выбор портов назначения для рейсов; определение числа пассажиров и количества грузов, которые можно принимать на пароход; установление таксы на сборы за перевозку пассажиров на пароходах; назначение дней выхода пароходов из портов, т. е. установление расписания движения пароходов.

Организована «Экспедиция постоянных пароходных сообщений Одессы с Константинополем» была следующим образом. В Одессе находилась главная экспедиция в составе трех членов: одного — от таможни, второго — от морского ведомства и третьего — от купцов первой гильдии. Первый член назначался по соглашению Новороссийского генерал-губернатора с

---

[1] Четыре пароходофрегата, получившие позже названия «Крым», «Одесса», «Херсон», «Бессарабия», заказали В. Питчеру. Контракт был заключен 2 февраля 1842 г. Корпуса строились в Нортфлите, а затем для достройки их переводили в Лондон (Залесский Н.А. Указ. соч. С. 49).

[2] Залесский Н.А. Указ. соч. С. 52.

министром финансов, второй — главным командиром Черноморского флота и портов, третий избирался обществом купцов первой гильдии, ведущей заграничную торговлю. Кроме того, в экспедиции имелись бухгалтеры, писари, на каждый пароход назначался надзиратель за грузом, знающий иностранные языки. В Константинополе при коммерческой канцелярии русской миссии имелся агент, назначавшийся М.С. Воронцовым[1].

«Одесский вестник» сообщал, что 4 мая 1843 г. в здании Одесской таможни в 14 часов состоялось открытие «Экспедиции постоянных пароходных сообщений Одессы с Константинополем» в присутствии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М.С. Воронцова и членов экспедиции[2]. Из Николаева в Одессу 6 мая прибыл адмирал М.П. Лазарев на пришедшем в порт пароходофрегате «Одесса». 10 мая 1843 г. в 12 часов 30 минут «Одесса» под командованием лейтенанта А.Л. Альбрандта вышла первым рейсом в Константинополь с 23 пассажирами, грузом и корреспонденцией. Перед отходом, до подъема якоря, на борту парохода находились Воронцов и Лазарев. Весьма интересен и тот факт, что на пароходофрегате статус военного судна совмещался с коммерческой службой. Команда во время отсутствия пассажиров должна была обучаться «всему тому, что относится до морской части, артиллерии и фронтовой службы»[3].

Регулярные рейсы пароходофрегатов в Константинополь продолжались вплоть до начала войны с Турцией в 1853 г. Затем эти пароходы вошли в состав Черноморского флота.

РОЛЬ М.С. ВОРОНЦОВА В СОЗДАНИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ВНУТРЕННЕГО РЫНКА И В НАЛАЖИВАНИИ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В начале XIX столетия правительство окончательно встало на путь поощрения черноморской торговли. Специальными указами было разрешено вывозить за границу хлеб, «горячее вино»,

[1] Залесский Н.А. Указ. соч. С. 57.
[2] Одесский вестник. 1843. 5 мая. № 36.
[3] Залесский Н.А. Указ. соч. С. 55.

сырые кожи и тонкую овечью шерсть[1]. Большое значение имело возобновление в мае 1803 г. закона об уменьшении пошлин во всех черноморских и азовских портах на привозные и отпускные товары на $^1/_4$ по сравнению с другими портами страны[2]. Из-за крайнего недостатка в Новороссии капиталов издавались постановления о беспошлинном хранении товаров, привезенных в черноморские порты, в особых магазинах в течение длительного срока. Такое право было предоставлено сначала Одессе в 1804 г., затем Феодосии и Таганрогу — в 1806 г.[3].

В 1820—1825 гг. оборот черноморской торговли колебался вокруг среднегодового показателя, равного 8 824 331 рублю серебром — 8,6 % общероссийского оборота, что вдвое превышало исходную цифру 1802 г.[4]. Черноморская торговля к концу первой четверти XIX в. становится важным фактором в экономике всей империи, ее состояние в значительной степени зависело от правительственной политики и международной обстановки.

В 30-х гг. XIX столетия русская торговля значительно отставала от западноевропейской. Для укрепления русских позиций во внешней торговле правительству было необходимо поощрять расширение торговли с Ближним Востоком. В августе 1834 г. статс-секретарь А.С. Танеев отправляет на имя Воронцова записку о торговле, чтобы он «старался возбудить соревнование в купечестве Новороссийского края на открытии прямых сношений с г. Трапезундом для сбыта российских мануфактурных изделий»[5].

М.С. Воронцов начинает собирать сведения о состоянии торговых отношений России с Южным берегом Черного моря, и особенно с г. Трапезундом, изучает материалы, полученные из Одесского отделения коммерческого совета и лично от опытных негоциантов в Одессе, Козлове и Феодосии. В результате М.С. Воронцов приходит к заключению, что торговля с Анатолией и Персией по сравнению с предыдущими годами нахо-

---

[1] ПСЗ. Т. XXVI, № 19 803; Т. XXVII, № 20 313, 20 885; Т. XXVIII, № 21 741.
[2] Там же. Т. XXVIII, № 20 738.
[3] Там же. Т. XXVIII, № 21 197, Т. XXIX, № 22 062, № 22 078.
[4] Дружинина Е.И. Южная Украина. 1800—1825 гг. М., 1970. С. 353.
[5] ОПИ ГИМ, ф. 440, оп. 1, ед. хр. 934, л. 23.

дится в упадке. В рапорте на имя Императора (1836 г.) генерал-губернатор исследует причины подобного положения.

Торговые отношения Малой Азии и Закавказского края были весьма налажены, и основными их участниками являлись армяне, пока Закавказский край имел право порто-франко и был открыт порт в Редут-Кале. Они отправляли туда товары из Одессы. Но одновременно правительство, борясь с конрабандными перевозками, издало ряд распоряжений, не способствовавших транзитной торговле, в результате чего уменьшилось общее количество товаров, ввозимых в Россию. Одновременно с этим снизился оборот торговли между Одессой и армянскими купцами. В 1832 г. закончился срок, на который Закавказскому краю предоставлялись особые преимущества в торговле. Армяне, наладившие отношения с Лейпцигом, решили, что выгоднее получать через Триест и Трапезунд иностранные товары, чем русские из Нижнего Новгорода. Отпуск же товаров из Одессы в Грузию был практически прекращен. Так как Трапезунд превратился в своеобразный склад для персидской торговли, то этим воспользовались иностранные купцы, особенно — англичане, торговый дом Бранде устранял один за другим своих соперников.

Ликвидация преимуществ в торговле для Закавказского края не способствовала увеличению сбыта российских товаров, так как потребность в них в Грузии была невелика, но сам Закавказский край лишился выгодных для него отношений с иностранными купцами, с одной стороны, и с Персией — с другой.

Жители Крыма долгое время имели возможность приобретать в своих городах — особенно Козлове и Феодосии — товары из Азии. При этом турки кроме хлеба, кожи, шерсти и соли получали из Феодосии до 100 000 пудов хлеба. В период написания Воронцовым рапорта Императору российского железа поступало лишь 6000 — 7000 пудов в год, так как оно было вытеснено железом из Англии.

М.С. Воронцов подчеркивал, что английское железо превосходнее российского, но при этом и стоимость его была выше, а торговцы из Азии предпочитали товар дешевый, поэтому английские производители перестали обращать внимание на качество товаров и стали продавать железо под русской маркой, а сукна — самые грубые.

Возникшие проблемы в торговле с Трапезундом не смогли не сказаться на отношениях с Персией и Турцией, так как дорога из Редут-Кале через Тифлис в Персию была намного безопаснее дороги из Трапезунда в Тифлис через Эрзерум, подвергавшийся набегам курдов. Таким образом, заключает Воронцов, купцы, торгующие с Персией, предпочитали бы следовать через Россию, если бы этому не препятствовали таможенные правила. Еще одной причиной, из-за которой уменьшилась торговля с Турцией, являлось то, что до 1824 г. существовал высокий акциз на соль, отпускаемую из Крымских портов. В итоге анатолийцы стали покупать соль, которую прежде ввозили из России, в Испании и Франции.

В сложившейся ситуации М.С. Воронцов предлагает следующие меры: разрешить транзит иностранных товаров через Закавказский край и предоставить право одному из закавказских портов на бессрочное складирование товаров, а купцам, которые решили поселиться в данном порту, — определенные льготы. Согласно проекту, составленному таможней Феодосии и Таврическим гражданским губернатором, предполагалось разрешить бессрочное хранение товаров. И наконец, главным средством для увеличения торговли с Азией М.С. Воронцов считал разрешение транзита, о чем говорилось выше. Подобная мера, по его мнению, принесла бы следующие результаты: увеличение доходов Грузии; персидские, турецкие, армянские купцы вновь предпочли бы везти товары через Россию, так как для них главным являлось устранение таможенных барьеров; товары русских фабрик получили бы возможность проникновения в соседние с Россией страны. А поставка некоторых турецких изделий из Анатолии способствовала бы началу конкуренции с английскими производителями.

М.С. Воронцов считал также, что одним из средств к расширению торговых отношений с Трапезундом является поддержка московских купцов, желавших наладить прямые связи с этим краем. Для этого правительство должно было, по мнению М.С. Воронцова, предоставить московским купцам определенные льготы, чтобы наиболее предприимчивые из них рискнули бы к освоению этого торгового пути, так как налаженная тор-

говля с Трапезундом может принести весьма «важные и благоприятные для России последствия»[1].

Необходимо заметить, что всю первую четверть XIX столетия в портах Черного и Азовского морей торговля была основана на сбыте хлеба. Неурожай в Западной Европе 1816—1817 гг. вызвал большие закупки хлеба в этом регионе по весьма высоким ценам. Но вскоре закупка хлеба упала, что доказало, что нельзя опираться лишь на хлебную торговлю, необходимо развивать продажу других товаров из внутренних областей империи в соседние государства. Этому, однако, препятствовало, по мнению Воронцова, то, что в крае существовал «недостаток капиталистов и домов с европейской репутацией»[2].

То, что край имел право порто-франко, привело к открытию известных торговых домов, имеющих крупные капиталы и выдающих значительные кредиты. К ним относился торговый дом барона Штиглица, имевшего контору в Одессе и занимавшегося торговыми операциями на территории всего края. Таким образом, благодаря инициативе М.С. Воронцова уже к 1837 г. расширился и перечень товаров, привозимых для сбыта в порты Черного и Азовского морей из внутренних губерний. Так, с берегов Кубани доставляли в Одессу или Таганрог сало, кожу, шерсть; из Белоруссии привозили строевой лес, пеньку и масло. В результате, несмотря на неурожай 1833 г., когда продажа хлеба в регионе была прекращена, торговля края не снизила свои обороты и в Одессу прибыло 486 каботажных судов с различным грузом, а отошло 461. В целом в Одессу было доставлено и одновременно вывезено за границу и во внутренние области России различных товаров на сумму до 30 миллионов рублей.

На посту генерал-губернатора М.С. Воронцов внимательно следил за развитием торговли в регионе, вынося на рассмотрение центральных властей как собственные проекты, так и предложения местных органов власти, направленные на ее улучшение. Так, 28 января 1838 г. М.С. Воронцов составляет рапорт на имя Императора, который явился ответом на распоряжение Государя Николая Павловича генерал-губернатору изложить

[1] ГИМ ОПИ, ф 440, оп. 1, ед. хр. 934, л 37.
[2] Там же. Ед. хр. 935, л. 47.

свое мнение по следующим вопросам: существует ли необходимость продления льгот купцам Таганрога; в чем, на взгляд М.С. Воронцова, заключаются причины упадка торговли в Таганроге и каковы пути к ее восстановлению? По первому вопросу М.С. Воронцов высказался еще в записке, поданной на имя Императора 26 декабря 1837 г., где предлагал продлить льготы купцам Таганрога до 1845 г.

Что касается второго вопроса, то М.С. Воронцов приводит убедительные доказательства того, что торговля Таганрога с 1833 г. не уменьшилась. В городе поселились за это время многие состоятельные люди, свидетельством чему стали выросшие новые дома; он дал разрешение на строительство в городе набережной и новой дороги почти на 600 000 рублей, что было с радостью встречено горожанами.

М.С. Воронцов отметил, что природа не создала в Таганроге условий для хорошего порта. Значительный объем торговли города — результат того, что другие порты Азовского моря находились в еще менее выгодных условиях, чем Таганрог. Так, к примеру, Мариуполь имел незначительные привилегии, а у Ростова — главного пункта всей волжской и донской торговли — не было даже таможни и, следовательно, возможностей прямой торговли.

В данное время, пишет М.С. Воронцов, все эти пункты имеют равные права для ведения торговли, что сказалось на их развитии и благосостоянии. Источники свидетельствуют, что «жители богатых хлебородных мест на севере и востоке Азовского моря, еще богатейшие пастбища, так называемого Черномория к югу того же моря, не обязаны, как прежде, несмотря на расстояние, все отправлять к единственной таможне в Таганроге, но выбирать тот пункт, который для них ближе и выгоднее. Таким образом, колонисты, нагайцы, азовские казаки и жители Екатеринославской губернии Александровского уезда отправляют свои продукты, кроме Мариуполя, еще более в Бердянск. Кожи и сало из Черномории, судя по местности, идут или в Керчь, или Таганрог и Ростов. Весь край сей, и особливо Черноморие, должны получить новую жизнь и новую деятельность»[1].

[1] ГИМ ОПИ, ф. 440, оп. 1, ед. хр. 933, л. 6.

М.С. Воронцов приходит к выводу, что благодаря плодородным почвам и улучшенному земледелию в окрестностях города в Таганрог поступает в большом количестве лучшая яровая пшеница, которая продается по более высоким ценам по сравнению с пшеницей из других частей Новороссии. Помимо этого, в городе существовали торговые дома и магазины, в которых были изделия из губерний Восточной Сибири, что положительным образом сказывалось на развитии города. В заключение М.С. Воронцов обращает особое внимание на то, что если Таганрог и будет в дальнейшем терпеть убытки ввиду уменьшения торговых оборотов, то это произойдет лишь в результате конкуренции с Ростовом, который обладал выгодными условиями для торговли. В описываемый период основные товары с востока — железо, медь, икра и прочее — идут в Таганрог через Ростов, но Воронцов полагал, что, как только в Ростове будут открыты хорошие торговые дома, значительная часть торговли пойдет прямо из Ростова в Керчь, а оттуда в другие страны, не задерживаясь в порту Таганрога. Это сэкономит время и расходы и принесет выгоды для торговли всей империи.

Заканчивает М.С. Воронцов свой рапорт Императору опровержением мнения, что десятая часть с таможенных сборов уходит на различные заведения Новороссийского края, не имеющие никакого отношения к нуждам Таганрогской торговли. В доказательство ложности данного утверждения М.С. Воронцов приводит сведения о том, что сам Император утвердил устройство в городе набережной дороги на 600 000 рублей, и лишь три года назад до описываемых событий 12 000 рублей из 10-й части таганрогских таможенных сборов в добавление к суммам, поступавшим из Одессы и Крыма, стали использоваться для содержания пароходного сообщения между Одессой, крымскими и азовскими портами, а также и на завершение строительства парохода для плавания в Азовском море (в основном между Таганрогом и Керчью). Все это доказывает, отмечает М.С. Воронцов, что указанная сумма расходуется для развития Таганрога.

Итак, речь вновь идет о степени самостоятельности генерал-губернатора и местных властей. В данном конкретном случае

М.С. Воронцов вынужден защищать власти Таганрога и оправдываться за строительство набережной в городе.

Указывая причины упадка торговых отношений с Трапезундом и предлагая конкретные меры к исправлению сложившейся ситуации, М.С. Воронцов продемонстрировал глубокое знание состояния торговли не только своего региона, но и за его пределами. При этом М.С. Воронцов выражал прогрессивный взгляд на развитие мануфактурного производства в России, призывая правительство поощрять тех, кто будет отправлять свои изделия на внешний рынок. Нельзя не согласиться с М.С. Воронцовым, что в условиях зарождавшегося рынка в России регулирование производства и сбыта производимых товаров путем принятия необходимых законодательных актов являлось необходимым условием.

Так, в связи с подъемом текстильной промышленности в Бессарабской области в 20-х гг. появились проекты увеличения вывоза ее изделий за пределы края. Они получили поддержку местной администрации, которая ходатайствовала перед центральной властью о всемерном поощрении этой отрасли производства. В 1826 г. М.С. Воронцов, обращаясь к министру финансов Е.Ф. Канкрину, предлагал: «Для поощрения сих фабрикантов к усовершенствованию их изделий даровать им льготу на десять лет в платеже всяких казенных податей и отбывания повинностей, дозволить им свободный привоз материалов и инструментов из-за границы и отпуск их произведений во внутренние губернии без взимания пошлин. Сим средством можно привлечь более охотников к заведению фабрик в Бессарабской области, нуждающейся в мануфактурных изделиях. Заведения сии не менее будут нужны и для смежных губерний, в коих фабрик вовсе почти не имеется»[1]. Канкрин одобрил эти предложения, в свою очередь подчеркнув необходимость беспрепятственного и беспошлинного перевоза бессарабских текстильных изделий на русские рынки. Всем жителям, в том числе купцам без различия гильдии, в 1826 г. было разрешено вести торговлю с другими губерниями России. В 1830 г. был издан указ о переводе таможен-

[1] Гросул Я.С., Будак И.Г. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии. 1812—1861. Кишинев, 1967. С. 336.

ной линии в Бессарабию на реку Прут, после чего таможни на Днестре были ликвидированы. Этот акт устранял существенные препятствия для торговли между Бессарабией и остальными русскими губерниями и создавал более благоприятные условия для участия в торговле зажиточного крестьянства.

Важное значение для развития бессарабской торговли имело предоставление городскому населению края, особенно купечеству, ряда льгот. Так, указ 1830 г. даровал ряд таких льгот на определенных основаниях[1].

Рост торговли вел к накоплению капиталов, увеличению численности купечества. В 1834 г. в Бессарабии насчитывалось 678 купцов трех гильдий, объявивших свой капитал в общей сумме 7128 тысяч рублей, в 1835 г. — 687 купцов с общим капиталом 7044 тысяч рублей[2]. Льготы привлекли в Бессарабию немало русских и иностранных купцов. Расширению торговли в Бессарабии способствовала и общерусская таможенная политика на территории края.

Значительную часть торговых операций составляла купля-продажа промышленных изделий, доставленных из внутренних губерний: шерстяные, шелковые, хлопчатобумажные ткани, изделия из металла и кожи, посуда, пушнина, предметы галантереи и т. д. В 1829 г. в Бессарабию было ввезено товаров из других губерний на 4 142 695 рублей[3].

В Подольскую и Херсонскую губернии из Бессарабии вывозили большое количество свежих и сушеных фруктов: в 1821 г. на 13 775 рублей, в 1823 г. — на 25 732, а в 1826 г. — на 17 901 рублей[4].

В целом экспорт хлеба через черноморские порты в начале правления М.С. Воронцова и в 1845 г. (его отъезд на Кавказ) увеличился: по пшенице — в три раза, по ржи — в двадцать пять раз, по ячменю — почти в пять раз. Кроме хлеба, продавали льняное семя, репное семя, сало (отпуск сала в Англию ежегодно увеличивался), шерсть, кожу, воск, лен, пеньку, мачтовый лес (преимущественно в Испанию и Францию).

---

[1] Гросул Я.С., Будак И.Г. Указ. соч. С. 321—322.
[2] Там же. С. 338.
[3] Журнал мануфактур и торговли. 1832. № 1. С. 113.
[4] Гросул Я.С., Будак И.Г. Указ. соч. С. 339.

Импорт товаров был следующим — в рублях серебром[1].

	По стране в целом	Через черноморские и азовские порты
1825	47 503 782	2 196 486
1845	81 234 566	7 614 510

Из-за границы привозились хлопчатая бумага, фрукты сухие, вина, мануфактурные изделия, чай и т. д. О степени развития порта в Одессе свидетельствуют следующие данные — в рублях[2]:

	Отпущено товаров	Привезено товаров
1824	13 039 573	6 947 714
1825	20 029 370	5 801 012
1833	24 412 569	15 476 686
1834	19 273 434	14 389 129

Обороты черноморской торговли, несмотря на неурожай и другие причины, постоянно росли. Через черноморско-азовские порты было вывезено в 1825 г. товаров на 6,7 миллиона рублей, а в 1845 г. более чем на 24 миллиона рублей.

При этом удельный вес черноморского экспорта по отношению к общероссийскому вырос с 11% в 1825 г. до 28 % в 1845 г.[3] Это означает, что темпы развития черноморской торговли были почти в три раза выше общероссийских.

Как известно, развитие торговли приносит не только чистую прибыль, но и поощряет предпринимательскую деятельность населения. Расцвет торговли содействует процветанию государства и обогащению частных лиц. Еще одним важным преимуществом торговли, особенно внешней, является усиление политического влияния государства, при этом развиваю-

[1] Дружинина Е.И. Южная Украина в период кризиса феодализма. 1825—1860 гг. М., 1981. С. 186.

[2] Новороссийский календарь. 1836. Одесса, 1835.

[3] Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 90—91.

ся морские силы, устанавливаются дружеские отношения с другими странами.

М.С. Воронцов внимательно контролировал развитие торговли в регионе: он не только сам лично составлял проекты, необходимые, на его взгляд, для развития торговых отношений, но и доводил до сведения центра мнения местных властей по этому вопросу. Генерал-губернатор, осведомленный о состоянии дел во всех губерниях, входящих в его регион, и способный анализировать ситуацию в целом, являлся важным звеном между правительством и губернскими органами власти, не только контролируя действия последних, но и осуществляя распоряжения высших властей. Отвечая за состояние огромного пограничного района империи, М.С. Воронцов был вынужден оправдываться лично и защищать городские власти Таганрога после строительства там набережной и конной дороги. Таким образом, ни генерал-губернатор, ни городские власти не могли самостоятельно распоряжаться доходами, получаемыми, к примеру, от таможенных сборов в городе. Подобная ситуация еще раз подтверждает ту мысль, что генерал-губернатор должен был прежде всего и непременно обладать талантом политика и дипломата, иметь опыт административной работы, что не исключало, конечно, умения разбираться в конкретных хозяйственных вопросах.

Многое удавалось делать М.С. Воронцову именно благодаря его способностям и опыту в политико-административной деятельности.

ИНИЦИАТИВЫ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА В РАЗВИТИИ ТОВАРНОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В первой четверти XIX столетия в экономике южных территорий России сельское хозяйство оставалось ведущей отраслью, а в занятиях большинства переселенцев животноводство преобладало над земледелием. Как подчеркивает в своем исследовании Е.И. Дружинина[1], к концу первой четверти XIX сто-

[1] Дружинина Е.И. Южная Украина в 1800—1825 гг. М., 1970. С. 209.

летия поселенцы овладели новыми отраслями сельского хозяйства; в области животноводства — тонкорунным овцеводством; в области земледелия — разведением винограда и шелководства. Особенно следует выделить развитие тонкорунного овцеводства.

М.С. Воронцов еще в 1823 г. собрал сведения о развитии овцеводства в регионе и конкретно об увеличении поголовья мериносов. Как оказалось, к 1823 г. их число возросло до 444 900[1] (в 1808 г. примерно 9000).

Можно полагать, что главной причиной особого внимания генерал-губернатора развитию именно этой отрасли животноводства являлась необходимость увеличения торговли шерстью, что видно из отчета М.С. Воронцова на имя Императора 1837 г. В нем М.С. Воронцов пишет, что вывоз шерсти в 1835 г. составил в России около 20 000 пудов, но, учитывая то обстоятельство, что в том же году ввоз шерсти в Англию составил 1 500 000 пудов, М.С. Воронцов подчеркивал необходимость наращивания производства шерсти для сохранения монополии сбыта в руках России[2].

В целом динамика развития отрасли в регионе была следующей (поголовье мериносов).

Губернии	1823	1837	1848
Херсонская губ.	199 280	464 600	866 250
Екатеринославская губ.	144 980	783 590	1 120 400
Таврическая губ.	112 300	685 470	965 420
Бессарабская обл.	18 650	117 040	705 220

С 1814-го по 1824 г. вывозилось всего 35 000 пудов шерсти из всех портов Российской Империи, с 1830 г. один Новороссийский край мог отпускать: в 1831 г. — 87 470 пудов, в 1834 г. — 129 030 пудов, в 1840 г. — 186 720 пудов, в 1845 г. — 485 686, в 1847 г. — 228 880 пудов. Всего на сумму от 1 000 000 рублей серебром в 1831 г., 2 000 000 в 1840 г. и до 5 120 000 в 1845 г.

[1] Скальковский А.И. Ук. соч. Ч. II. С. 363.
[2] ГИМ ОПИ, ф. 440, оп. 1, ед. хр. 935, л. 50.

Таким образом, развитие тонкорунного овцеводства имело особо важное значение для страны и приносило большие доходы в казну. Для таких перемен потребовалось вмешательство государственной власти.

Мы уже говорили, что каждый проект центральных властей поступал на имя генерал-губернатора, который высказывал о нем свое мнение. Но, учитывая особое внимание М.С. Воронцова к развитию овцеводства в 1823 г., можно предполагать, что в данном случае он был одним из инициаторов следующего предложения — выделять бесплатно земли под овцеводство всем желающим при условии вывоза из-за границы тонкорунных овец. Чтобы облегчить получение породистых животных из-за границы, в 1827 году был издан указ, согласно которому иностранцы могли «торговать в России и рогатым скотом тирольским, швейцарским, голландским, английским, а также тонкошерстными овцами, не записываясь в гильдии»[1]. Результаты такой экономической политики сказались очень быстро. Так, в Таврической губернии сначала французские, а затем и отечественные предприниматели стали разводить тонкорунных овец, снабжая ими даже соседние губернии.

Если в области животноводства новой отраслью было тонкорунное овцеводство, то в земледелии — разведение винограда.

Для развития виноградарства требовался вольнонаемный труд. Ситуация в регионе осложнялась тем, что обязанные поселяне[2] признавались некрепостными, но в то же время они были лишены свободы ухода от владельцев земель, что создавало для формально свободных людей фактически крепостную зависимость. Вопрос о положении обязанных поселян не рассматривался правительством примерно семнадцать лет, вплоть до вступления в должность генерал-губернатора М.С. Воронцова.

Изучив местные условия, М.С. Воронцов пришел к выводу, что нет необходимости издавать какие-то новые положения, достаточно только предоставить помещику право распоряжаться землей по личному усмотрению, а обязанным поселянам — са-

[1] ПСЗ. Т. II. Ч. II. № 1420.

[2] Согласно положению 1804 г., все заграничные выходцы, поселившиеся на частновладельческих землях в Тираспольском уезде Херсонской губернии, получили название «обязанных поселян».

мостоятельно распоряжаться своей личностью. По предложению М.С. Воронцова для обязанных поселян до 1 января 1828 г. действовало положение от 20 сентября 1804 г., а затем обязанные поселяне оставались на помещичьих землях лишь по соглашению с помещиками, а желающим уйти от помещика давалась возможность селиться на казенных землях как казенным крестьянам[1].

Исключительную роль играло виноградарство в Таврической губернии. Перед включением Крымского ханства в состав России виноградарство влачило в этих местах жалкое существование. Однако на рубеже XVIII и XIX вв. оно начало привлекать к себе внимание крупных ученых, администраторов Новороссии и русского правительства. Всемирно известный ученый П.С. Паллас поселился в Крыму и основал там Судакское училище виноградарства и виноделия. В 1812 г., после смерти Палласа, близ Ялты создается знаменитый Никитский ботанический сад во главе с ученым-ботаником Х.Х. Стивеном (1781—1863). Швед по национальности, рожденный в Финляндии и получивший образование в России, Стивен прочно обосновался в Крыму. При Никитском ботаническом саде в 1828 г. возникло Магарачское училище виноделия по образцу Судакского училища. О том, какую роль играли эти образцовые государственные сады и училища для развития крымского виноградарства и виноделия, обстоятельно рассказывает в своем исследовании советский историк В.Е. Потехин[2]. При организации Никитского сада его виноградная коллекция включала всего 25 сортов, в 1825 г. — уже 200 сортов, в 1841 г. в Магарачском рассаднике было собрано 420 сортов винограда. Судакская долина уже к 1820 г. становится очагом крупного виноградного предпринимательства. Об этом свидетельствует, в частности, такой факт — в 1827 г. местные помещики возбудили ходатайство об учреждении почтовых сообщений с пунктом прямо из Судакской долины. Сенат специальным указом от 9 июня 1827 г. удовлетворил ходатайство помещиков Судакской

---

[1] Авалиани С.Л. Граф М.С. Воронцов и крестьянский вопрос. Одесса, 1914. С. 10.

[2] Потехин В.Е. Никитский ботанический сад и его влияние на развитие садоводства и виноградарства на Юге в первой половине XIX столетия // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига, 1977.

долины; было решено открыть новую специальную станцию, направив туда пять троек лошадей.

Влияние Судакского и Магарачского училищ, Никитского ботанического сада на развитие крымского виноградарства и садоводства было огромным. За достаточно короткое время Южный берег Крыма покрылся виноградниками и фруктовыми садами. Таврический губернатор отмечал в одном из отчетов, что до 1833 г. «не было правильных плантаций» винограда и даже простого насаждения по обычаю татарскому мало существовало, исключая дикорастущие виноградные лозы. А в конце 1836 г. на расстоянии от Алушты до Феодосии, от Феодосии до Керчи имелось до трех миллионов кустов. Новые насаждения, полагал губернатор, «едва ли уступят в чем-нибудь существующим на Рейне и во Франции»[1].

Интересно отметить, что фруктовые сады и виноградники распространялись и на материковой части Таврической губернии, причем их заводили не только помещики; например, в Мелитополе купец Харин за 9 лет — с 1846-го по 1854 г. — насадил более 6000 виноградных лоз, 1800 тутовых деревьев, 110 плодовых деревьев[2].

В отчете 1837 г. М.С. Воронцов указывал, что в сельском хозяйстве в области виноградарства были достигнуты особые успехи. Начиная с 1823 г. в Бессарабии посажено более 24 000 000 лоз. В одной только Одессе было более 4 000 000 лоз. Если в 1828 г. в регионе было собрано 1238 пудов винограда, то в 1830 г. уже 3945 пудов.

В Никитском ботаническом саду был создан питомник, насчитывавший до 600 отборных сортов винограда. Генерал-губернатор в отчете 1837 г. писал императору, что как частный человек «старался и по долгу и по вкусу помогать и давать пример по части виноделия»[3].

Действительно (и об этом свидетельствуют архивные данные), для М.С. Воронцова как передового и практичного хозяина было чрезвычайно важным добиваться постоянного увели-

---

[1] Дружинина Е.И. Южная Украина в период кризиса феодализма 1825—1860 гг. М., 1981. С. 87.

[2] РГИА СССР, ф. 382, оп. 21, д. 30447, л. 1—2 / у Дружининой 179—180.

[3] ГИМ ОПИ, ф. 440, оп. 1, ед. хр. 935, л. 50.

чения производства вина, продажа которого приносила реальный доход помещику М.С. Воронцову[1].

Но развитию виноградарства способствовало главным образом то, что «с 1823 года, — как докладывал М.С. Воронцов Николаю Павловичу, — примерами, одобрениями и доставкою хороших лоз, при постоянных милостях и пособии от мер Вашим Императорским Величеством предписанных, для утверждения за обывателями тех земель и участков, на коих они посадили известное количество винограда»[2].

Правительственное поощрение виноградарства выразилось, в частности, в указе от 14 сентября 1828 г., который утвердил наследственное право собственности на разведение виноградников при определенном количестве посаженных кустов. Условия платежа в казну за эти участки были льготными. В распоряжение Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора решено было ежегодно отпускать 16 000 рублей на денежные награды и медали за успехи в области виноградарства[3].

Таким образом, расширению посадок виноградных лоз способствовало своевременное взаимодействие местных и центральных властей, которые принимают прогрессивные меры — дают разрешение на выгодных условиях выделять земли желающим заниматься этим видом сельского хозяйства.

Личный пример М.С. Воронцова и удачное сотрудничество генерал-губернатора с губернскими властями и правительством способствовали также успешному развитию лесоводства и садоводства в крае. Садоводством издавна занимались украинцы в северной части Херсонской губернии и молдаване по Днестру. В конце 20-х гг. под садами числилось 2089 десятин, в том числе в Одессе 1001 десятина. В Одессе в первой четверти XIX в.

[1] Из Аиданильского сада было получено в 1824 г.: белого вина первого сорта — 1270 ведер; белого вина второго сорта — 974 ведра; красного вина первого сорта — 948 ведер; сухого муската — 1029 ведер. Количество вина, добытого из сада в Массандре, было следующим: белого первого сорта — 1607 ведер; белого второго сорта — 657 ведер; красного первого сорта — 216 ведер; красного второго сорта — 411 ведер; сухого муската — 370 ведер; из вяленого винограда — 309 ведер. Из сада в Алупке было получено белого вина первого сорта — 1497 ведер, белого второго сорта — 180 ведер; красного первого сорта — 352 ведра, а сухого муската — 70 ведер. В целом в 1849 г. в садах М.С Воронцова было сделано 12 000 ведер вина. (ГИМ ОПИ, ф. 440, оп. 1, д. 932).

[2] ОПИ ГИМ, ф. 440, оп. 1, ед. хр. 935, л. 50—51.

[3] ПСЗ. Т. III. № 2281.

были основаны ботанические сады, в частности Дюковский сад. Императорский ботанический сад в Одессе постепенно превращался в крупный учебный и научный центр. Его директором был замечательный ученый-естествоиспытатель А.Д. Нордман (1803—1866). Климат Херсонской губернии позволял разводить не только яблони, груши, сливы, вишни, черешни, но и абрикосы, персики, айву, каштаны и миндаль.

Что касается личного вклада М.С. Воронцова в развитие садово-паркового искусства, то следует прежде всего отметить уникальность Алупкинского парка. В ноябре 1824 г. в Алупку прибыл садовник Карл Кебах и сразу же занялся посадками. К середине XIX в. флора парка имела более 270 видов деревьев и кустарников, не считая цветов. Со всех концов света через директора Никитского ботанического сада Н.А. Гартвиса и по личной просьбе владельцев шли посылки с растениями. Их получали из Америки, Японии, Кавказа, Карелии, Китая, Японии. Одних только роз насчитывалось более 2000 сортов. Первый в России селекционер роз Гартвис подарил Алупке специально для нее выведенные сорта. Два из них селекции 1829 г. — «Алупка» и «Графиня Элизабет Воронцова» — вошли в мировой каталог[1].

Сейчас мы привыкли считать магнолию неотъемлемым атрибутом крымских садов, но в период формирования паркового ансамбля в Алупке магнолия приносила немало забот ботаникам и владельцам. Воронцовы лично сажали магнолию на самых заметных местах парка, например, на «холме Монмартра», названного, скорее всего, в честь последнего сражения русских войск под Парижем в марте 1814 г.

А.С. Голицына писала М.С. Воронцову о посещении Алупки около 1829 г.: «Мой дорогой граф, я не нашла ничего похожего, что было при Ревильоти. Кебах английский сад перекрыл дорогами. Он посадил 6000 декоративных деревьев на побережье, питомник и 5000 гранатовых деревьев, и все обрисовано как нельзя более совершенно, со вкусом и простотой. Алупка уникальна»[2].

---

[1] Алупка. Дворец и парк. С. 16—17.
[2] Там же. С. 19.

Наибольшие успехи в области лесоводства были достигнуты в колониях, находившихся под руководством И.Н. Инзова, чью деятельность особенно отмечает М.С. Воронцов в донесении 1837 г. Эти успехи выражались в улучшении сортового состава садов, насаждении лесов в степной местности. Созданы были лесистые участки на берегу Азовского моря, недалеко от Керчи, в окрестностях Феодосии. В Одесском и Никитском ботанических садах налажена была продажа саженцев лучших пород деревьев. Причем М.С. Воронцов сообщал, что немалая заслуга в разведении лесов в указанных пунктах принадлежит направленному к нему министром финансов ученому-лесничему. Основаны также городские сады в Симферополе, Керчи, Кишиневе и Феодосии.

В заключение М.С. Воронцов указывает, что успешному развитию лесоводства мешало отсутствие средств, отпускаемых правительством для его разведения, но в данное время необходимые суммы стали поступать, и генерал-губернатор надеялся на еще более успешное развитие лесоводства в регионе[1].

С целью сохранности лесных массивов М.С. Воронцов задолго до 1837 г. занимался проблемой разработки и добычи угля[2]. Так, он пишет, что неоднократно представлял проекты по данному вопросу в министерство и лично Императору. В 1837 г., после получения специального разрешения Императора, по Дону было отправлено до 100 000 пудов каменного угля по весьма умеренным ценам. Несмотря на возникшие проблемы, связанные, в частности, с качеством угля, М.С. Воронцов подчеркивал, что: «За всем тем опыт сей будет весьма полезен, и мы уже видим возможность в случае каких-либо затруднений — политических — не быть совершенно в руках англичан, для существования почти всех наших пароходов и чугунных заводов». М.С. Воронцов называет подлинно патриотической деятельность Анатолия Демидова, вкладывающего крупные капиталы в данную отрасль и привлекающего для ее развития лучших специалистов. Все эти меры, считал М.С. Воронцов, откроют «новую эру промышленности и богатства для Южной России»[3].

[1] ГИМ ОПИ, ф. 440, оп. 1, ед. хр. 935, л. 51—53.
[2] Там же.
[3] Там же. Л. 54.

Важным вкладом М.С. Воронцова в развитие сельского хозяйства в Новороссийском крае и Бессарабской области была его деятельность в течение 27 лет на посту председателя Общества сельского хозяйства Южной России, одним из основателей которого в 1828 г. был он сам. Научная деятельность общества высоко оценивалась современниками, особенно в области земледелия, овцеводства и лесоводства. Издание «Листков», а затем «Записок Общества» распространили множество необходимых и полезных хозяйственных сведений и исподволь составили местную экономическую библиотеку. Личные труды М.С. Воронцова по лесоводству и виноделию были удостоены больших золотых медалей, присужденных в 1832 г. Санкт-Петербургскими обществами — лесоводства и Императорским вольным экономическим.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.С. ВОРОНЦОВА

> Просвещение ведет к свободе; свобода же без просвещения породила бы только анархию и беспорядок. Когда низшие классы моих соотечественников будут просвещены, тогда они будут достойны свободы, так как они тогда только сумеют воспользоваться ею без ущерба для своих сограждан и не разрушая порядка и отношений, неизбежных при всяком образе правления.
>
> *Княгиня Е.Р. Дашкова*

Любовь к наукам передавалась в семье Воронцовых, можно сказать, по наследству. Достаточно вспомнить отношения М.И. Воронцова и М.В. Ломоносова, деятельность на посту президента Российской и Петербургской Академии наук Е.Р. Дашковой, покровительство А.Р. Воронцова А.Н. Радищеву[1].

Еще находясь в должности командующего Русским оккупационным корпусом во Франции, М.С. Воронцов вводит для своих солдат систему обучения грамотности по методу Лан-

[1] Мурзакевич Н.Н. Очерк заслуг, сделанных наукам светлейшим князем Михаилом Семеновичем Воронцовым. Одесса, 1860. С. 19.

кастера и Белля. А в 1817 г. в корпусной типографии была напечатана первая в своем роде и весьма редкая уже в конце XIX столетия книжечка — «Краткая метода взаимного обучения для первоначальной школы русских солдат, приспособленная равно и для детей»[1]. В следующем году М.С. Воронцов приказал напечатать в Мобеже «Собрание стихотворений для чтения в солдатских школах отдельного Российского корпуса во Франции. Эта книга начиналась одою Державина «Бог», затем следовали отрывки из стихотворений Ломоносова, Княжнина, Карамзина и Крылова.

Глубокое и разностороннее образование М.С. Воронцова, его заботливое отношение к развитию науки и образования во многом способствовало успешному решению им различных проблем Новороссийского края и Бессарабской области.

Свою задачу генерал-губернатор видел прежде всего в том, чтобы с помощью правительства оказать практическую необходимую помощь местным властям в открытии школ, библиотек, музеев, организации научных обществ и исследовательских экспедиций, издании различной печатной продукции. В то же время, будучи прагматичным политиком и отвечая за развитие всего региона, М.С. Воронцов стремился в первую очередь осуществить проекты, от решения которых зависело политическое и экономическое процветание края. Он создает новые гимназии, уездные приходские училища, обращая особое внимание на профессиональную ориентацию учебных заведений, исходя из потребностей края. В Одессе в 1828 г. было открыто Училище восточных языков, вошедшее в 1837 г. в Ришельевский лицей[2] как отделение восточных языков. В 1827 г. в Бессарабской области основываются ланкастерские училища: в Рени, Измаиле, Килии, Аккермане, Бендерах, Кишиневе, Бельцах, Хотыне; сумма на их содержание поступала из доходов Бессарабии. Для развития торгового флота в 1834 г. М.С. Воронцов основал в прибрежных городах и селениях Херсонской, Таврической и Екатеринославской

[1] По этому методу, под руководством одного из учителей, прибывшего с отдельным корпусом из Франции и поселившегося в Одессе, в начальном классе открытого Ришельевского лицея одесские дети разных национальностей изучали грамоту

[2] Ришельевский лицей был учрежден 2 мая 1817 г., а в 1865 г. преобразован в Новороссийский университет

губерний Общества вольных матросов. В этом же году в Херсоне было открыто училище торгового мореплавания, а в Николаеве — матросское приходское училище.

В 1831—1833 гг. при активном участии своей супруги Михаил Семенович добивается создания Одесского женского благотворительного общества, под попечением которого находились дети, оставшиеся сиротами после эпидемии и голода. В Доме призрения сирот дети изучали Закон Божий и ремесла, необходимые для будущей жизни. В 1833 г. в Керчи основан Институт для девиц, а в 1843 г. в Одессе — Училище глухонемых. В этом же году Воронцов добивается введения в Ришельевском лицее должности лектора английского языка, содержание которого шло за счет средств Одессы.

М.С. Воронцов направлял специалистов для описания тех или иных местностей региона, а затем выдавал денежные пособия для опубликования исследовательских трудов. В частности, были организованы экспедиции для изучения Новороссийского края в историческом и статистическом отношениях; для описания торговых портов Черного и Азовского морей и на Дунае: для организации в Египте опытов по изучению очистки вещей, зараженных чумой, и собирания различных памятников древности.

В 1823 г. И.А. Стемиковский (1789—1932) — известный археолог, который, как адъютант герцога Ришелье, участвовал в его экспедициях, подает М.С. Воронцову записку на французском языке (напечатанную по-русски в 1827 г.) под заглавием «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае». Итогом исследовательской деятельности И.А. Стемиковского стало устройство в Одессе (1825 г.) и Керчи (1826 г.) археологических музеев, личная коллекция монет Стемиковского[1] была впоследствии приобретена для Императорского Эрмитажа.

Директором музеев в Одессе и Керчи был один из видных археологов своего времени — Иван Павлович Бларамберг (1771—1831), который с 1810-го по 1825 г. служил в таможенном ведомстве Одессы, а затем состоял чиновником по особым поручениям при М.С. Воронцове, действительный статский советник

[1] С 1829 г. по 1832 г. И.А. Стемиковский — Керченский градоначальник.

(1830). Находясь в Одессе, И.П. Бларамберг серьезно заинтересовался изучением археологии Южной России[1]. Благодаря раскопкам и изучению археологической литературы ему удалось достигнуть значительных научных результатов: он открыл существование пятисоюзия, составленного из городов и портов западного берега Черного моря, в следующем порядке — Томи (Кистенджи), Каллатия (Мангалия), Одиссос (Варна), Месемврия и Аполлония (Сизополи); точно определил местоположение целого ряда древних городов, крепостей и селений — Тиры, Никонии, Фиска и других; первый разработал нумизматику Ольвии и соседних с ней древнегреческих поселений. Для музеев была приобретена у Бларамберга обширная коллекция монет и вещей из Ольвии.

Надо обратить внимание, что именно по распоряжению М.С. Воронцова И.П. Бларамберг вел раскопки керченских курганов. Эти и другие археологические раскопки приобрели европейскую известность, а Императорский Эрмитаж — немало бесценных экспонатов[2].

Для изучения природных богатств в регионе М.С. Воронцов поручил горному чиновнику Кульшину собрать все виды деревьев и минералов Новороссийского края и Бессарабии и на их основе создать музей естественных произведений Новороссии и Бессарабии, который насчитывал впоследствии 1132 номера минералов и пород деревьев, собранных из Таврической, Херсонской и Екатеринославской губерний, Бессарабской области (а породы деревьев — из Кавказской области)[3].

Уже упомянутый ранее Н.Н. Мурзакевич тщательно ознакомился с памятниками истории и археологии Новороссийского края, он обследовал многочисленные частные архивы. Ему удалось обнаружить Псковскую судную грамоту, подлинник письма царевича Алексея Петровича — сына Императора Петра Великого — и другие ценнейшие документы. Более того, Н.Н. Мурзакевич обследовал районы, где когда-то находились

---

[1] Сапожников С.А. Шевченко, Бларамберги и Мавромихали. Москва; Оренбург, 1999. С. 5—11.

[2] См. «Древности Босфора Кимерийского» в трех книгах, напечатанных в 1854 г. в Петербурге.

[3] Мурзакевич Н.Н. Указ. соч. С. 18.

древнегреческие поселения, и подготовил научный труд: «Географическая карта древних эллинских поселений при берегах Черного и Азовского морей, 1836 г.». При финансовой поддержке М.С. Воронцова Н.Н. Мурзакевич совершил несколько научных экспедиций в Крым и в 1837 г. написал исследование «История Генуэзских поселений в Крыму»

Н.Н. Мурзакевич был одним из основателей в 1839 г. Одесского общества истории и древностей. Почетным президентом данного общества, согласно единодушному решению его первых членов, был избран М.С. Воронцов. Н.Н. Мурзакевич отправил М.С. Воронцову записку с изложением нужд общества, а также со следующими предложениями: выделить Обществу истории и древностей до 5000 рублей; утвердить покровителем одного из великих князей; предоставить обществу право вести археологические изыскания на всей территории Южной России. Некоторое время от М.С. Воронцова не поступало на этот счет никаких известий, поэтому Н.Н. Мурзакевич решил, что записка пропала. Но в конце 1839 г. в Одессу пришел высочайший указ Сенату о том, что Император утвердил выделение Обществу истории и древностей Одессы с 1 января будущего года по 5000 рублей ассигнациями в год. Обществу разрешалось производить раскопки по всей Южной России. Покровителем общества стал наследник Государя — Цесаревич Александр Николаевич. В 1841 г. Государственный заемный банк выдал ссуду 3950 рублей на 37 лет для строительства помещения заседаний, библиотеки и коллекции Общества истории и древностей.

С целью развития статистики, сведения которой необходимы для управления краем, в 1843 г. в Одессе был основан Главный статистический комитет Новороссийского края.

До назначения М.С. Воронцова генерал-губернатором Новороссийского края и наместником Бессарабской области в Одессе существовала единственная газета для иностранных негоциантов на французском языке «Messager de la Russie meridional», однако это издание не только не удовлетворяло самих негоциантов, но было практически неизвестно в крае. В 1828 г. М.С. Воронцов начинает выпуск газеты на русском и французском языках — «Одесский вестник», при этом русский отдел поручается известным литераторам того времени: А.И. Левшину, В.И. Ту-

манскому и П.Т. Морозову[1]. Чиновники для особых поручений, состоящие при графе, доставляли для «Вестника» официальные сведения, собранные во время служебных поездок. Иногда сам М.С. Воронцов писал для газеты небольшие полемические статьи. В 1831 г. «Одесский вестник» был разделен на две самостоятельные газеты: русскую и французскую. Редактором «Русского вестника» становится М.П. Розберг[2], дополнительно к газете он издает «Литературные листки», особенно популярные среди молодежи. Благодаря М.П. Розбергу и П.Т. Морозову в 1830 г. в Одессе выходил «Одесский альманах», который во многом способствовал развитию местной литературы. Кстати сказать, «Одесский вестник» получает широкое распространение по всей Новороссии и становится, по отзывам современников, настольным изданием жителей края.

С 1832 г. в Одессе начал выходить Новороссийский календарь под редакцией П.Т. Морозова, который немало и настойчиво ходатайствовал об его выпуске перед Академией наук. С 1838 г. Календарь поступает из ведомства канцелярии генерал-губернатора в собственность Ришельевского лицея. При этом М.С. Воронцов ставит условие, чтобы на получаемую от продажи издания прибыль воспитывались несколько беднейших учеников Одесского учебного округа. И первый год после передачи Календаря М.С. Воронцов лично следил за выбором помещаемых там статей. О популярности издания свидетельствует тот факт, что продажа Календаря с 600 экземпляров увеличилась к 1860 г. до 1500 экземпляров.

Казенные библиотеки основывались в крае и до М.С. Воронцова, но они предназначались в основном для специалистов, например, библиотека в Николаеве при Черноморском ведомстве. В 1829 г. М.С. Воронцов направляет просьбу на имя Императора об учреждении в Одессе Городской публичной библиотеки.

---

[1] Об А.И. Левшине и В.И. Туманском подробно уже говорилось, П.Т. Морозов (1808—1881) — писатель, главные его сочинения: «История Одессы» (1831); «Борьба христианства с язычеством» (М., 1845); «Мое знакомство с М.Л. Магницким» (М., 1877) и др.

[2] М.П. Розберг (1804—1874) впоследствии станет профессором русской словесности в Дерптском университете. Главные его труды: «О содержании форм и значении изящно-образовательных исскуств» (Одесса, 1832); «О развитии изящного в искусствах и особенно словесности» (Дерпт, 1838).

В ответ был получен рескрипт: «Господину Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору. По представлению вашему об учреждении в Одессе Городской публичной библиотеки. Я дозволяю употреблять из доходов города Одессы ежегодно: на содержание сей Библиотеки и пополнение оной вновь выходящими книгами, картами и прочие по две тысячи рублей и на жалование библиотекарю оной по тысяче пятисот рублей[1]. Петербург, 13 сентября 1829 г. НИКОЛАЙ». Для здания Публичной библиотеки был выделен дом в лучшей части города на Приморском бульваре. Сам М.С. Воронцов дарит библиотеке сотни книг. Перед отъездом на Кавказ М.С. Воронцов передает библиотеке 368 томов, а к концу 1856 г. библиотека насчитывала 6316 сочинений, или 15849 томов. Право назначать библиотекарей осталось за М.С. Воронцовым в знак благодарности за его помощь. Библиотеки были основаны также в Керчи и Кишиневе.

Личные библиотеки М.С. Воронцова находились в Одессе, Алупке, Санкт-Петербурге, Москве, Мошнах (Киевская губерния). Современников поражало обилие и весьма разностороннее содержание представленных в этих библиотеках книг, документов, газет, различных политических и литературных памфлетов, музыкальных нот и многих других изданий.

Главное собрание М.С. Воронцова в Одессе включало в основном издания начиная с XVI в., однако имелись книги и более раннего периода.

Книги, журналы, газеты и другие материалы были представлены на русском, английском, французском, немецком, итальянском, испанском, латинском, датском, норвежском, польском и грузинском языках; некоторые экземпляры — на языках народов Востока. Необходимо выделить, прежде всего, огромное количество собранных справочных изданий. Это русские словари — от «Лексикона» Татищева до известного «Энциклопедического лексикона» Плюшара, большинство энциклопедий, издававшихся в странах Европы во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Собрание содержало значительное число описаний путешествий по России и странам Европы, Азии, Африки, Америки.

---

[1] Мурзакевич Н.Н. Указ. соч. С. 13—14.

Значительное количество материалов относилось к истории современной Воронцову Англии, ее экономическому развитию на протяжении двух-трех столетий, касалось ее науки, культуры и колониальной политики, быта и нравов различных общественных слоев. Французская часть коллекции была не менее разнообразна, чем английская, содержащиеся в ней издания позволяли изучать многие проблемы истории, экономики, политики, науки и культуры Франции за ряд столетий. Немало в библиотеке и итальянских публикаций. По существу, редким можно считать собрание поэтов Италии XIV—XVIII вв.; не менее интересен подбор книг по истории Польши.

Особо хотелось бы выделить материалы о России. Как и в других частях собрания, здесь имелись редкие своды законов, указов, уставов и пр. «В частности, в фонде можно было ознакомиться со знаменитым «Морским уставом» Петра I. Текст Устава дан параллельно на русском и голландском языках. Большинство изданий, составляющих русскую часть фонда, мало или вообще не использовались историками», — подчеркивает в своем исследовании, посвященном обозрению фонда Воронцовых в Одессе, И.М. Шкляж[1].

Надо отметить, что Воронцовы охотно предоставляли возможность пользоваться рукописными и печатными документами в исследовательских целях. Одним из самых известных посетителей Воронцовской библиотеки был А.С. Пушкин, которому М.С. Воронцов дал полную свободу в выборе необходимых ему документов и книг. Русский пушкинист М.П. Алексеев приводит весьма любопытный факт о том, что А.С. Пушкин сумел снять копию с «Записок Екатерины II», которые содержались в большой тайне. Таким образом, у Пушкина оказался исключительно важный исторический документ. Следует подчеркнуть, что книгами из собраний библиотеки пользовались многие знакомые М.С. Воронцова, но к рукописям допускались лишь избранные.

Весьма убедительным, на мой взгляд, выглядит мнение И.М. Шкляжа, что предположение о желании М.С. Воронцова использовать талант и эрудицию Пушкина для разбора архив-

[1] Ш к л я ж И.М. Сокровища семьи Воронцовых. Одесса, 1992. С. 75

ных документов сомнительно, ибо такой работой уже занимался чиновник канцелярии генерал-губернатора И.З. Постников. Кроме того, «А.С.Пушкин, и это не секрет, мало утруждал себя служебными обязанностями, стал бы он много времени и сил тратить на воронцовские бумаги?»[1].

Можно предположить, что А.С. Пушкин сумел извлечь немалую пользу из общения с архивом и книжным собранием М.С. Воронцова. Обнаруженные в библиотеке генерал-губернатора материалы позволили поэту создать произведения, в основу которых положены исторические события. Это прежде всего «Борис Годунов» и «История Пугачевского бунта».

И впоследствии собрание Воронцовых оказывало большую помощь в научной деятельности исследователям. Как явствует из письма М.В. Воронцовой ректору Новороссийского университета С.П. Ярошенко от 23 мая 1884 г., ее муж, Семен Михайлович, неоднократно говорил о своем желании «отдать его библиотеку, находившуюся в майоратном доме в Одессе, Новороссийскому университету, в знак горячей любви к бывшему Ришельевскому лицею, где он получил свое образование»[2]. Сам С.М. Воронцов, занимавший ряд лет должность городского головы Одессы, был любителем-археологом. Он, кроме традиционных для семьи изданий, пополнил фонд материалами историко-археологических изысканий, краеведения Юга России и тому подобными. Возвращаясь к письму М.В. Воронцовой, отметим, что совет университета 31 мая 1884 г., выразив признательность княгине, с благодарностью принял этот дар и опубликовал свое решение в центральной и одесской прессе. Официальное оприходование фонда Воронцовых зарегистрировано было позднее — в декабре 1898 г. Сейчас библиотека Одесского университета — одна из крупнейших на Украине. «В настоящее время фонд Воронцовых насчитывает 130 690 единиц хранения — 52 801 том»[3].

Благодаря непосредственному и активному участию М.С. Воронцова за период его нахождения в должности генерал-губернатора Новороссийского края и Бессарабской области (вклю-

[1] Шкляж И.М. Указ. соч. С. 78
[2] Там же. С. 50
[3] Там же. С. 52.

чая Кавказское наместничество) увидело свет 63 книги и тетради, в числе которых: 1 — по педагогике; 2 — по правоведению; 10 — по археологии; 17 — по истории; 15 — по географии и топографии; 3 — по статистике и торговле; 2 — по гидрографии; 4 — по литературе; 6 — по сельскому хозяйству и ботанике; 3 — по медицине[1].

Таким образом, значительные успехи в области науки и образования закономерны, ибо они никогда не являлись второстепенными для генерал-губернатора, более того, в некоторых случаях вопросы науки и образования предваряют или идут параллельно с решением экономических и административных проблем края. Классическое образование приучило М.С. Воронцова внимательно изучать истоки любого вопроса, историю его развития в России и других странах мира. Важно еще раз отметить и тот факт, насколько разносторонне образованными были большинство членов администрации генерал-губернатора, которым М.С. Воронцов поручал решение различных задач.

«ВСЯКАЯ ЧЕРТА ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЖА ПРИНАДЛЕЖИТ ИСТОРИИ»

Нельзя не признать, что, какими бы правами ни наделяло законодательство личностей, занимающих ведущие административные должности, результаты их управления во многом зависят от целого ряда субъективных факторов: социального статуса, воспитания, образования, черт характера[2].

Первые три составляющие мы уже рассмотрели ранее в данной работе, что позволило сделать вывод, что в семье Воронцовых существовали определенные традиции в подготовке молодых людей к государственной службе, благодаря этому честное выполнение служебных обязанностей составляло основу их жизненной

---

[1] Мурзакевич Н.Н. Указ. соч. С. 40.

[2] Кричевский Р.Л. Если вы руководитель. Элементы психологии и менеджмента в современной работе. М, 1993. С. 13. Р.Л. Кричевский взял за основу классификацию американского исследователя М. Шоу. Shaw M.E. Group dynamics the psichology of small group behavior. N.Y. 1971.

позиции. М.С. Воронцов получил под началом отца С.Р. Воронцова глубокое и разностороннее образованиие; высокие нравственные принципы, присущие М.С. Воронцову, его воинские заслуги снискали ему особую популярность в армии. Во время военных кампаний начала XIX столетия М.С. Воронцов наиболее ярко проявил себя на военно-административном поприще, особенно в период командования Русским оккупационным корпусом во Франции.

Небезынтересно отметить, что само слово «администратор» в переводе с латыни означает «управитель», человек, выполняющий управленческую работу. Один из этапов управленческого процесса — руководство людьми. Для эффективного управления руководитель, назначенный на свой пост официальными властями, должен восприниматься окружающими, и в первую очередь подчиненными, как лидер. Эти понятия различаются следующим: руководство — социальный феномен по своей сущности, а лидерство — психологический.

Современные отечественные и зарубежные исследователи проблем управления выделяют определенные личностные черты, необходимые для эффективного руководства: доминантность, в переводе с английского — господство, преобладание, влияние; уверенность в себе; эмоциональная уравновешенность — умение контролировать эмоции и иметь средства для эмоциональной разрядки (досуг личности); креативность, т. е. способность к творческому решению проблем; стремление к достижению цели; независимость — руководитель имеет профессиональное лицо и поддерживает это свойство у подчиненных, к тому же руководитель обладает своей точкой зрения на проблемы, самостоятельно принимает решения, но при этом независимость не должна перерастать в самодурство. И наконец, личные качества, которые не нуждаются в пояснении, — ответственность в выполнении заданий и общительность.

Рассмотрим первую составляющую из необходимых качеств, которые, по мнению исследователей, должны быть присущи руководителю для эффективного управления, а именно — доминантность (влияние на окружающих).

Подтверждением тому, что М.С. Воронцов в полной мере обладал этим качеством, являются воспоминания его подчинен-

ных во время пребывания его на посту генерал-губернатора Новороссии и наместника Кавказа. Обратимся к некоторым из них. Так, Ф.Ф. Вигель, далеко не однозначно, как мы писали ранее, относившийся к личности М.С. Воронцова, отмечает в своих «Записках»: «Кто не знает, как увлекателен бывает его прием тех, коих он желает при себе иметь? Разве один Александр бывал очаровательным, когда хотел нравиться? Он имел какую-то щеголеватую неловкость, следствие английского воспитания, какую-то мужественную застенчивость, и голос, который, не переставая быть твердым, бывал отменно нежен»[1]. Ф.Ф. Вигель лишь по настоянию друзей пришел на встречу с М.С. Воронцовым, но после получасовой беседы и последовавших вслед нескольких встреч он признается: «Не знаю, как это сделалось, я признал себя в совершенном его распоряжении. Он обошел меня, да и я, кажется, не совсем ему был противен»[2]. Через некоторое время, уже находясь на службе в Одессе, Ф.Ф. Вигель приходит к окончательному выводу, что М.С. Воронцов «от природы получил счастливый дар заставлять без усилий равных себе признавать его превосходство»[3].

М.С. Воронцов умел завоевывать расположение людей различных социальных слоев общества. Так, во время чумы 1828—1829 гг., как вспоминал Н.Н. Мурзакевич, он не только принял необходимые меры для устранения этого бедствия, но сумел вызвать к себе всеобщее доверие, причем в такой степени, «что от одного его слова толпы черни, возбуждаемые неверующими в чуму, немедленно и при этом мирно расходились»[4].

Впоследствии, уже во время службы М.С. Воронцова на Кавказе, современники подчеркивали, что в трудных ситуациях улыбка наместника, выражавшая спокойную уверенность, вселяла и в других уверенность в победе над трудностями и опасностями. В 1842 г. М.С. Воронцов приезжает навестить заболевшего Ю.Н. Бартенева, который после его визита оставил следующее воспоминание: «О, этот человек, монументаль-

[1] Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С. 199.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 230.
[4] Мурзакевич Н.Н. Автобиография. СПб., 1886. С. 123—124.

ный и наружностью и психизмом, немало доставляет утешение разбиенному духу моему»[1].

Влияние М.С. Воронцова на окружающих было поразительным, что отмечалось современниками на протяжении всей жизни М.С. Воронцова. М.П. Розберг, впоследствии профессор русского языка в Дерптском университете, писал в 1830 г. Н.И. Розанову, что: «Его обращение, его поступки — все отзывается благородством, какого мы не привыкли видеть в наших знатных сановниках, образованием он опять-таки станет выше всех их»[2]. В 1842 г. с М.С. Воронцовым встречается декабрист Н.И. Лорер, который также подчеркивает внимательность, особую манеру общения М.С. Воронцова, его европейское образование, «какими в то время не многие из наших сановников отличались»[3]. Графиня А.Д. Блудова вспоминала, что М.С. Воронцов обладал тонким умом, достоинством, приветливостью, его аристократическая красота устояла под бременем времени. Но в то же время, пишет Блудова: «Воронцов смотрел истым лордом, без всякой примеси родной беспечности и laisser-aller»[4]. Говоря о родной беспечности, А.Д. Блудова, вероятно, имеет в виду прямодушие и эмоциональность отца М.С. Воронцова, эти качества проявились у С.Р. Воронцова не только в общении с друзьями, но и в его служебной деятельности.

Почти три десятилетия, отданные государственной службе в России, не могли не оказать влияния на черты характера М.С. Воронцова. Полагаю, что по своему стилю руководства он ближе к Александру Романовичу Воронцову, человеку «кремневого» характера, как говорили о нем современники.

Подчиненные очень тонко чувствуют состояние руководителя, обязанного в любой, даже экстремальной ситуации сохранить спокойствие и уверенность в себе. Во время осады Варны в августе 1828 г. М.С. Воронцов, как вспоминал М.П. Щербинин, так же хладнокровно, как и на гражданской службе, отдавал распоряжения для отражения неприятеля.

---

[1] Ю.Н. Бартенев в Крыму // Русский архив. 1898. Кн. 2. С. 71.
[2] Русский архив. 1900. № 6. С. 199—200.
[3] Там же. № 9. С. 699—700.
[4] Воспоминания гр. А.Д. Блудовой // Русский архив. 1889. Кн. 1. С. 64.

Уверенность в собственных возможностях необходима руководителю не только при общении с подчиненными, но и в отношениях с равными себе по рангу, а также с вышестоящим руководством.

В данном случае интересен эпизод, произошедший после взятия Варны. Император и все сопровождавшие его, в том числе М.С. Воронцов, были застигнуты страшной бурей на линейном корабле «Императрица Мария», возникла угроза быть снесенными к турецким берегам. Император держался необычайно спокойно и хладнокровно. П.И. Бартенев, ссылаясь на слова одного из очевидцев, указывает, что М.С. Воронцов на совещании в царской каюте предлагал при угрозе овладения кораблем турками не сдаваться в плен и взорвать корабль[1].

Согласно воспоминаниям современников, спокойствие и уверенность в себе не покидали Воронцова во многих экстремальных ситуациях, как во время проведения боевых операций, так и в годы гражданского управления. «Каждый чиновник смело мог прийти к нему (М.С. Воронцову) и объяснить свое недоразумение или промах, и граф хладнокровно говорил: в таком случае, любезнейший, это надо уладить так»[2]. После чего следовали необходимые распоряжения, при этом, как уже упоминалось выше, слова приказаний, сказанные ровным спокойным голосом М.С. Воронцова, без признаков раздражения и недовольства, имели, по отзывам современников, своеобразную магическую силу, и подобное мнение в источниках встречается не единожды.

Твердость духа, невозмутимое хладнокровие отмечает в Воронцове М.П. Щербинин и в борьбе с эпидемией чумы в Одессе 1837 г., и во время похода из Дарго через Ичкеринский лес. В период военных действий на Кавказе в начале 50-х гг. эти качества удивляли молодых сослуживцев М.С. Воронцова. Сохранился следующий отзыв князя А.И. Барятинского: «Храбрость это была истинно джентельменская, всегда спокойная, всегда ровная. Часто случалось, что во время сна главнокомандующего раздавалась тревога в самой квартире. Князь Ворон-

[1] Щербинин М.П. Воспоминания // Русский архив. 1876. №. 11.
[2] Мурзакевич Н.Н. Автобиография. СПб., 1889. С. 108.

цов просыпался, спокойно вынимал шпагу и спокойно говорил: «Господа, будем защищаться»[1].

В.А. Соллогуб, также служивший на Кавказе под началом М.С. Воронцова, дает следующую характеристику наместнику: «Он обладал в высшей степени тремя очень редкими между русскими людьми качествами: необыкновенной настойчивостью, непреклонной твердостью убеждений и самой утонченной вежливостью». Но далее Соллогуб подчеркивает, что зачастую эта вежливость становилась оскорбительной. Так, М.С. Воронцов мог с неизменной утонченной улыбкой отдать приказ повесить шпиона, а перед этим вежливо беседовать с ним. «Чем объяснить это вечно улыбающееся самообладание? Презрительностью большого барина, считающего, что все, что его окружает, ниже его, а поэтому равно относящегося ко всем? Но Воронцов был слишком умен и человечен, чтобы поддаваться близорукой спеси, свойственной ограниченным людям знатного происхождения. Я скорее полагал, что им руководила высокогосударственная задача людьми управлять даже тогда, когда их приходится вешать...»[2]

Уверенность руководителя в собственных силах связана и во многом влияет на его эмоциональную уравновешенность, умение владеть собой, что, в свою очередь, по мнению исследователей, является необходимым качеством административного деятеля. При рассмотрении этой личностной характеристики специалисты в области управления рекомендуют обращать внимание также и на досуг руководителя. Мы уже упоминали о хладнокровии М.С. Воронцова при осаде Варны в 1828 г., выдержке и спокойствии во время севастопольского возмущения 1830 г., борьбы с эпидемией чумы в 1837 г. Все это требовало от М.С. Воронцова определенного напряжения, при этом сильно возрастала эмоциональная и физическая нагрузка. Тем не менее М.С. Воронцов умел переходить от занятий, требовавших сосредоточения и глубоких раздумий, к разнообразным веселым беседам, что особенно было важно в ситуациях сложных, требующих от начальствующего лица силы духа. Распорядок дня,

[1] Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 670.
[2] Там же.

образ жизни М.С. Воронцова был практически целиком подчинен разрешению различных служебных проблем. Современники говорили, что для графа М.С. Воронцова время — драгоценнейший капитал. Уже в семь часов утра М.С. Воронцова можно было застать за письменным столом, записывающим в небольшую разлинованную книжечку кратко хронику дня. «Если человек не мелочной и не педант без пропуску в продолжении пятидесяти лет день в день записывает, где был, что делал, то уже одно это обстоятельство не дает ли нам некоторого об нем понятия?»[1] После заполнения дневника М.С. Воронцов занимался своими делами. Примерно в восемь часов утра М.С. Воронцов приступал к выполнению административных обязанностей, неразрывно связанных с деятельностью его канцелярии.

Рабочий его день мы уже описывали.

Отличаясь особой простотой в обращении (как и в одежде — любимый сюртук Нарвского егерского полка), даже некоторой скромностью и застенчивостью, М.С. Воронцов тем не менее (и подчиненные помнили об этом) был долгопамятен как в добре, так и в зле; составив о ком-либо хорошее или плохое мнение, с большим трудом мог изменить его.

После обеда М.С. Воронцов совершал пешую или конную прогулку; если это происходило в подведомственном ему регионе, то во время ее он внимательно наблюдал происходящее вокруг, сообщая о замеченных недостатках властям. Зачастую М.С. Воронцов выходил в открытое море на однопарусной яхте. М.С. Воронцов особенно любил море. Летом 1823 г. он вместе с семьей совершал путешествие на трехмачтовой яхте «Утеха» к берегам Крыма. Из Гурзуфа они предприняли трудные поездки по Южному берегу на татарских лошадях по едва проходимым тропам, скалистым утесам, каменистым ущельям.

По вечерам в доме Воронцовых собирались многочисленные гости. По словам современников, расчетливый в быту, М.С. Воронцов был чрезвычайно добрым хозяином. Так, в Одессе, зимой, помимо еженедельных вечеров и нескольких великолепных ба-

[1] Андреевский Э.С. Записка о князе М.С. Воронцове // Архив князя Воронцова. Кн. 40. С. 527.

лов, он давал каждую неделю два обеда, на которые приглашался по очереди весь город, но если вдруг оказывались лишние гости, то М.С. Воронцов лично беспокоился об их приборах и вине.

В Алупке, где М.С. Воронцов бывал обыкновенно летом и осенью, за обедом собирались от 70 до 120 особ. Каждый гость имел в Алупке две комнаты, третью — для слуги, а для прогулок — экипаж или верховую лошадь. Распорядок дня самого М.С. Воронцова оставался незыблемым, где бы он ни находился. Подобная пунктуальность, верность старым привычкам налагала свой отпечаток и на взаимоотношения с людьми.

Рассматривая следующую необходимую черту характера подлинного руководителя — креативность, необходимо подчеркнуть, что она связана с самой возможностью личности действовать независимо, т. е. со степенью ее самостоятельности в выборе и принятии решений, так как само понятие «творческий» подразумевает самостоятельную деятельность человека по созданию чего-либо нового. Так, во время чумы 1829 г. М.С. Воронцов спешит во все зараженные пункты, устраивает по днестровской линии карантин, делает необходимые распоряжения для защиты границ империи от заразы. Воронцов ежедневно посещает все оцепленные местности, лично следит за исполнением своих указаний, посещает карантин, присутствует при исследовании случаев чумы, каждое утро и вечер принимает донесения от чиновников и комиссаров о состоянии здоровья вверенных ему частей, отдавая при этом самостоятельные распоряжения.

Во время голода 1833 г. для распространения правительственной помощи Воронцов создал комитеты, которые обязаны были вникать во все нужды, раздавая продовольственную и денежную помощь, снабжать крестьян зерном для сева, скотом для полевых работ. Тогда же М.С. Воронцов успевает участвовать в организации благотворительных спектаклей в Одессе, выборе пьес, посещает репетиции.

После приезда в 1845 г. М.С. Воронцова на Кавказ в качестве наместника в его гражданской канцелярии в Тифлисе сосредоточились все нити по управлению Кавказом, Закавказьем, Новороссийским краем. М.П. Щербинин, управляющий гражданской канцелярией наместника, считал себя исполнителем творческих

замыслов Воронцова, удивляясь «гениальным замыслам и быстроте, с которой он разрешал самые трудные вопросы»[1].

Другой сослуживец М.С. Воронцова — А. Зиссерман вспоминал впоследствии о начале деятельности наместника на Кавказе: «В деле общего благоустройства и преуспевания края так были уверены, что только и слышны были толки: князь Михаил Семенович намерен построить тут мост, театр, там дорогу, тут учебные заведения, там склад товаров, тут канал, завести пароходы или развести шелководство, улучшенные породы животных и т.д.»[2].

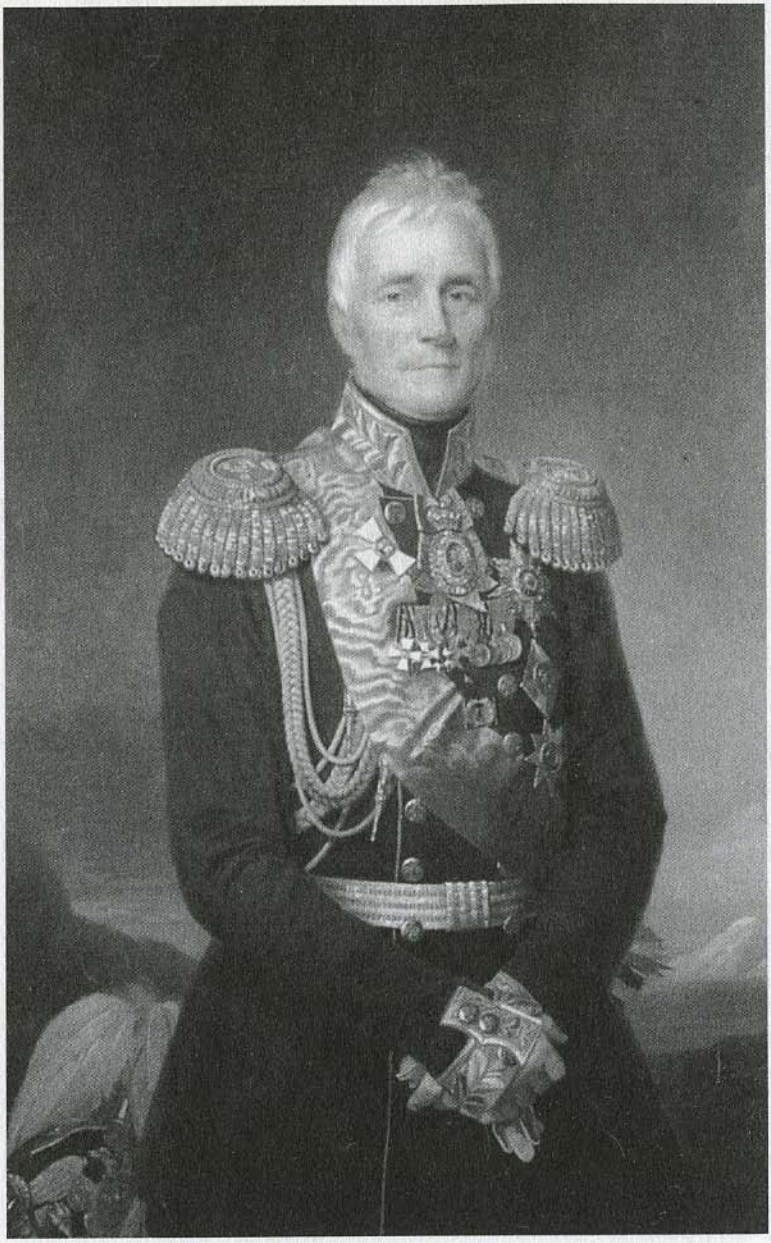
Умение принимать самостоятельные решения воспитывалось в Воронцове с детства, а во время военных кампаний начала века это качество получило еще большее развитие в его характере. Уже говорилось о том, что советы и возражения граф принимал только наедине, противодействий своим планам не терпел, противников не щадил. «Он поступал благоразумно, справедливо, но, признаться должно, довольно самоуправно. Устройство края, улучшения во всех частях кипели в голове наместника, и все это отозвалось на мне», — отмечает в своих «Записках» Ф.Ф. Вигель[3].

Почти все современники, по-разному характеризуя личность М.С. Воронцова, единодушны в том, что ему были присущи отменное трудолюбие, твердость и настойчивость в достижении поставленных задач. Умение руководителя четко осознавать цель своей деятельности современные исследователи относят к важнейшим характеристикам.

Воспоминания людей, хорошо знавших М.С. Воронцова, свидетельствуют, что он умел твердо идти к поставленной цели, причем неудачи не могли поколебать его терпения и решительности. Стремление к достижению цели должно сочетаться с ответственностью за тех, кого эта деятельность касается напрямую, а для руководителей такого ранга, как М.С. Воронцов, это ответственность и перед всем обществом.

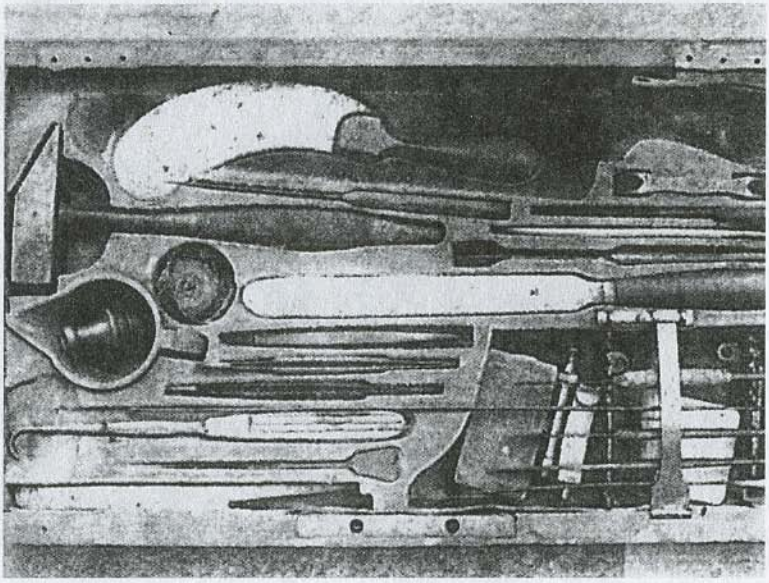
Девиз Воронцовых — «Верность никогда не поколебима»; это высказывание было для многих представителей этой се-

[1] Щербинин М.П. Воспоминания // Русский архив. 1876. № 11. С. 307.
[2] Из воспоминаний А. Зиссермана // Русский архив. 1896. Кн. 1. С. 312.
[3] Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С. 233.

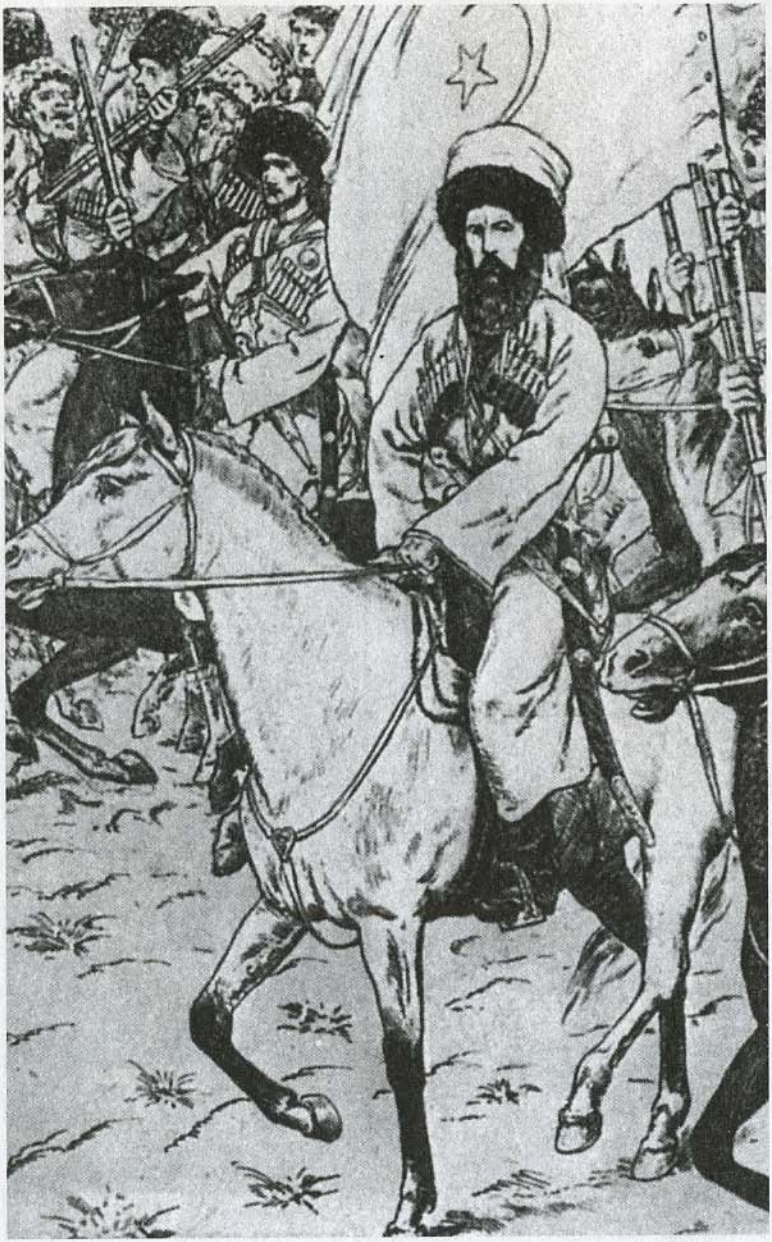


Светлейший князь М.С. Воронцов.
Портрет работы Франца Крюгера

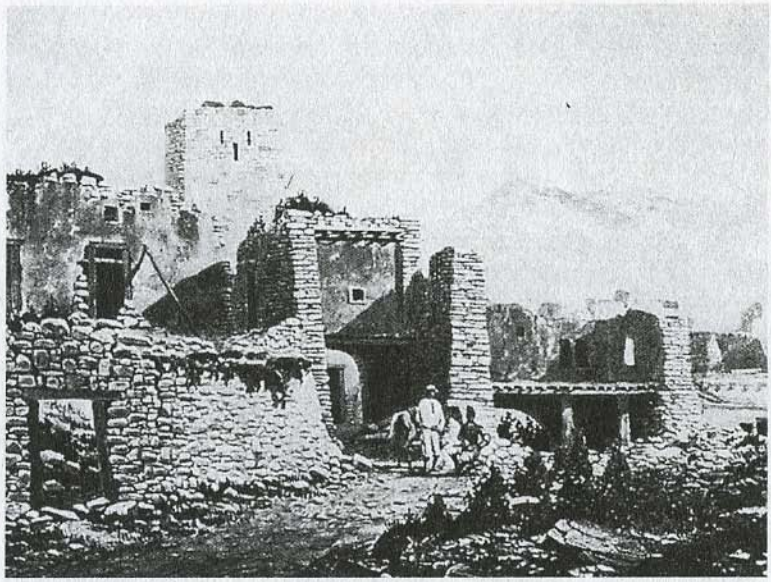
Старый дворец времен князя Воронцова в Тифлисе



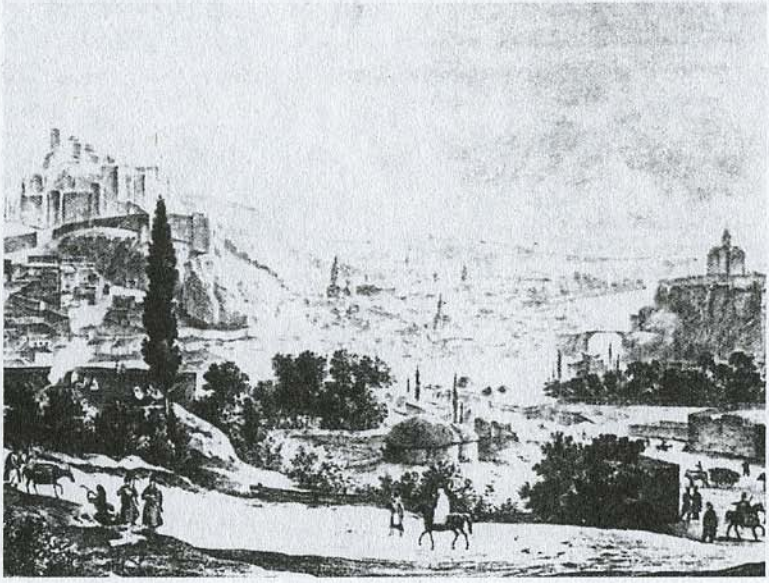
Хирургические инструменты Пирогова, которыми он сделал в 1847 году, в разгар Кавказской войны, первую операцию с применением наркоза



Имам Шамиль. Хромолитография неизвестного художника XIX века



Сакля Шамиля в Гунибе. И.Н. Занковский



Тифлис. Литография. 1820-е годы. К.П. Беггров

Модель памятника М.С. Воронцову, установленного в 1867 году в Тифлисе. Н.С. Пименов

Князь А.И. Барятинский. Литография В. Тимма

Возвращение из набега

Тифлис. 1830-е годы

Знак отличия Шамиля

Посещение Шамилем 1-го Кадетского корпуса.
Из «Русского художественного листка» В. Тимма. 1859 год. № 136

Прогулка Шамиля по улицам Санкт-Петербурга

Посещение Шамилем Императорской Публичной библиотеки.
Из «Русского художественного листка» В. Тимма. 1859 год. № 136

Шамиль у профессора мирзы Казем-Бека

Шамиль с сыном и мюридами в театре.
Из «Русского художественного листка» В. Тимма. 1859 год. № 136

Поручик Гребенского казачьего полка Федюшкин и его жена. Альбом акварелей князя Гагарина

Портрет Акимовой. Неизвестный грузинский художник середины XIX века

Дореволюционные открытки «Типы Кавказа»

Абазинка

Черкес

В окрестностях Тифлиса.
«Русский художественный листок» В. Тимма. 1861–1862 года

Лезгинка на террасах в Тифлисе.
С рисунка князя Г.Г. Гагарина

Казачка станицы Червленной. Альбом акварелей князя Гагарина

мьи своеобразным жизненным кредо, что доказывают их конкретные действия в различных исторических ситуациях. Ответственность, надежность были присущи и М.С. Воронцову. Впоследствии он говорит своему сыну С.М. Воронцову: «Люди с властью и с богатством должны так жить, чтобы другие прощали им эту власть и богатство»[1].

И еще одно из рассматриваемых качеств, необходимых для руководителя, — общительность и контактность. В данном случае нас интересует умение М.С. Воронцова находить понимание среди своих сослуживцев. Таких примеров можно найти достаточно в воспоминаниях того времени. Мы уже упоминали о беседе М.С. Воронцова с Ф.Ф. Вигелем в 1823 г.: более получасовой разговор и последовавшие затем несколько встреч привели к признанию Вигеля себя побежденным, позже он дает согласие на службу под началом М.С. Воронцова.

В декабре 1836 г. на одном из балов М.С. Воронцов почти два часа беседует с Н.Н. Мурзакевичем об архитектуре древних церквей, а затем почти еженедельно приглашает Н.Н. Мурзакевича к себе в кабинет. Впоследствии Н.Н. Мурзакевич станет одним из верных помощников М.С. Воронцова.

М.С. Воронцов говорил М.П. Щербинину, что он готов с благодарностью принимать мнения людей, которых он любит и уважает.

Во время чумы 1837—1838 гг. в Одессе были запрещены общения между жителями. В губернаторском доме были прекращены приемы, и хозяин поражал остроумием, любезностью, познанием и в областях науки и искусства, стараясь тем самым скрасить вынужденное затворничество своих домочадцев. М.С. Воронцов умел переходить от серьезных занятий к веселью. При подобных обстоятельствах, по воспоминаниям М.П. Щербинина, он однажды, получив стихотворение, посланное от заведующего библиотекой Спады, поделился им с М.С. Воронцовым, тот немедленно импровизировал ответ в стихах. Затем, каждый из приглашенных к обеду выучил по одному стиху, и мимо посаженного в кресло Спады прошла процессия, в которой каждый произносил выученный стих.

[1] Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив 1910 Кн III С 685

Тогда же, во время эпидемии, чтобы украсить вынужденное полузатворничество, М.С. Воронцов предложил, чтобы все поочередно готовили к обеду по своему усмотрению любое блюдо. Сам он взялся за любимый рисовый суп. Эти эпизоды, возможно, обыденные, но говорят они о многом; в тяжелой обстановке во время чумы и в городе, и в своем доме М.С. Воронцов берет на себя решение всех проблем, и здесь дает о себе знать воинская закалка человека, привыкшего с юношеских лет, не сгибаясь под ударами судьбы, своими поступками отвечать за тех, кто рядом. К тому же в приведенных эпизодах мы еще раз наблюдаем разносторонне образованного человека.

Говоря об обширном образовании, полученном в детстве, повторим, что М.С. Воронцов имел библиотеки в Санкт-Петербурге, Москве, Мошнах (Киевской губернии), в Алупке, но главное собрание было в Одессе. Хорошие русские сочинения доставлялись в нескольких экземплярах для всех библиотек. Что значили книги для М.С. Воронцова, можно понять из одного примера: 1 февраля 1854 г. князь и княгиня Воронцовы более всего беспокоятся о древних манускриптах, оставшихся в одесском доме.

В.П. Толстой, служивший под началом М.С. Воронцова на Кавказе с 1845 г., в своих воспоминаниях отмечает, что М.С. Воронцов «не рожден быть мудрым и гениальным организатором, он сделался таковым (как он это доказывал многими опытами) благодаря силе своей воли, усидчивому изучению и настойчивости, с которыми он обдумывал способы, как бы развить в управляемых им странах процветание и благоденствие. Следствием такого постоянного напряженного умственного труда были быстрые и мудрые решения князя на все многочисленные административные задачи, беспрестанно ему встречавшиеся. Всегда занятый соображениями о средствах преуспевания и счастия им страны управляемой, он никогда ни в коем случае не предавал значения мелочам — и это-то сообщало его управлению очаровательную простоту, чуждую наименьшей натяжки, и делало его беспримерно доступным для всякого»[1].

---

[1] Толстой В. Князь Михаил Семенович Воронцов // Русский архив. 1877. Кн. III. С 298

Так, основываясь на воспоминаниях, дневниках, письмах современников, лично знавших М.С. Воронцова, мы видим, что ему были присущи такие черты характера, как умение влиять на окружающих, уверенность в себе, уравновешенность, способность к творческому решению проблемы, настойчивость в достижении цели, ответственность за свои слова и поступки, надежность в выполнении порученных распоряжений и общительность. Следовательно, те качества, которые необходимы для успешного руководства людьми, в целом были присущи М.С. Воронцову, бывшему для своих сослуживцев не только формальным руководителем, но и подлинным лидером.

Будучи сыном XVIII столетия, М.С. Воронцов мог, с одной стороны, по праву занять место среди выдающихся сподвижников Екатерины Великой, и в то же время он являлся представителем нового поколения административных деятелей России, создателем «воронцовской школы» по подготовке чиновников для государственной службы.

Глава 6
КАВКАЗСКИЙ НАМЕСТНИК

ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Кавказ хранит на своей земле следы глубокой древности. Почти все народы Старого Света, передвигаясь по Азии в Европу, оставляли на Кавказе поселения, которые, смешиваясь между собой и местными племенами, образовывали множество типов языков; «многоязычный Кавказ», «муравейник народов» — так называли эту землю. Могущественные нации древности — финикийцы, египтяне, греки, римляне, арабы — стремились обосновать здесь колонии и, поселившись, распространяли среди жителей свои языки, нравы, верования. Поэты, писатели древних времен воспевали красоты этой земли, храбрость, свободолюбие ее обитателей.

В 30-х г. XIX столетия в российском правительстве сталкивались два взгляда на проблему управления Кавказом. Первый заключался в отношении к региону как к колонии, такой подход отстаивал министр финансов Е.Ф. Канкрин.

В то же время главноуправляющий Г.В. Розен считал: «Конечно, улучшений и усовершенствований для здешнего полудикого края предстоит множество, но повторяю: взгляд на него как на Индию или Америку есть преувеличение»[1].

[1] Тунян В.Г. Административная и экономическая политика самодержавия в Восточной Армении от Туркманчанского мира до Крымской войны 1828—1853 гг. М., 1982. С. 12.

В 1838 г. был образован Совет главного управления Закавказским краем, и 16 декабря 1839 г. Комитет об устройстве Закавказского края определяет свое отношение к региону как к части России.

В «Наказе Главному управлению Закавказским краем» подчеркивается, что сближение его с Россией основывается, в первую очередь, на внедрении в местную гражданскую жизнь монархических начал империи.

Главное управление должно направлять «<...> все свои действия к доставлению жителям всех сословий, в общественном и частном их быту, всех тех выгод и преимуществ, коими пользуются жители империи <...>»[1].

Главное управление покровительствует всем вероисповеданиям, согласно законам империи.

Развитие просвещения в крае должно учитывать потребности и обычаи местных жителей. В целом действия правительства утверждают среди народов Кавказа «<...> не словами, а делом непоколебимую преданность к Престолу, доверие и уважение к правительству и властям, им поставленным»[2].

Сложность и многоступенчатость аппарата управления, медлительность делопроизводства, увеличение расходов заставили правительство Николая I вспомнить и апробированную административную форму — кавказское наместничество, впервые организованное в 1785 г. Оно состояло из Екатеринодарского, Кизлярского, Моздокского, Александровского и Ставропольского уездов. К началу 40-х гг. территория наместничества значительно расширяется, и, согласно Положению о разделении Закавказского края 1846 г., к вышеуказанным областям влияния наместника добавляются губернии Тифлисская, Кутаисская, Шемахинская, Дербентская и с 1849 г. — Эриванская.

27 ноября 1844 г., находясь в Алупке, генерал-губернатор Новороссийского края и Бессарабской области М.С. Воронцов получил личное послание Императора, в котором тот сообщил ему об обострении ситуации на Кавказе, где к прежним проблемам края прибавилась еще одна, быть может, самая опас-

[1] Наказ Главному управлению Закавказским краем. СПб., 1842. С. 9.
[2] Там же.

ная — среди разобщенных племен, не знавших одной власти, появился лидер, сплотивший всех под своим началом.

Как известно, бороться с объединившимся противником несравненно труднее, чем с разобщенным.

«<...> считаю нужным избрать исполнителем моей непременной воли лицо, облеченное всем моим неограниченным доверием и соединяющее с известными военными доблестями опытность гражданских дел, в сем поручении равномерно важных»[1], — писал Император Николай Павлович Воронцову, подчеркивая при этом, что ввиду особого уважения к графу М.С. Воронцову желает узнать его мнение по этому поводу и только затем обнародовать приказ о его назначении.

Как вспоминал впоследствии М.П. Щербинин, прочитав письмо, Михаил Семенович сказал: «Государю угодно меня назначить на Кавказ; но могу ли я, при настоящем положении этого края, принесть ему какую-либо пользу? Я стар и дряхл; тут нужны силы свежия, неизнуренныя летами и трудами. Я должен отклонить от себя высокое назначение, которое не в состоянии буду выполнить»[2].

Но через некоторое время М.П. Щербинин был вызван к генерал-губернатору и услышал от него слова, в которых содержится основной смысл жизненной позиции М.С. Воронцова: «Я был бы не Русский, если б посмел не пойти туда, куда Царь велит»[3]. Решение было принято.

Назначение М.С. Воронцова на Кавказ стало неожиданным даже для близкого окружения графа. Согласно воспоминаниям Н.Н. Мурзакевича, выше приведенные письма Императора М.С. Воронцову с предложением быть наместником и главнокомандующим на Кавказе, были никому не известны, и до приезда графа из Алупки в Одессу это назначение держалось в тайне. Как мы уже писали, М.С. Воронцов был буквально атакован просьбами военных и гражданских чинов служить при нем на Кавказе.

В январе 1845 г. Михаил Семенович выехал в Петербург, где вскоре произошла отставка «правой руки» военного министра

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 40. С. 499.
[2] Воспоминания М.П. Щербинина // Русский архив. 1876. Кн. II. С. 300.
[3] Там же. С. 300.

генерала Позена. Современники связывали это событие с его намерением урезать права наместника, принятые Императором в «Высочайшем рескрипте графу Воронцову от 30-го января 1845 года № 18 679». Они заключались в следующем:

1. Кавказская область входит в состав территории, на которую распространяется гражданское управление, и областное начальство при решении дел, превышающих его полномочия, обязано обращаться к наместнику, минуя министерство.

2. Наместник должен сам решать, прибыв на место, какие вопросы может рассматривать Совет Главного управления самостоятельно, а какие имеет право утвердить лишь наместник. Причем в совете обязан присутствовать начальник гражданского управления, вместо М.С. Воронцова.

3. Наместник приобретает право принимать лично на месте решения по делам, которые ранее представлялись на разрешение министерствам от Главного управления Закавказским краем. Дела законодательные подчинялись старому порядку.

4. Сверх указанных мер, М.С. Воронцову предоставлялось право, исходя из необходимости, на месте принимать любые меры, донося о них лично Императору.

М.С. Воронцов имел возможность самостоятельно принять практически любое решение, если этого требовали обстоятельства, и уже затем сообщить о действиях и причинах Императору.

Исходя из вышеуказанного, можно говорить о еще большей децентрализации управления Кавказского края, в сравнении с теми правилами, которые и были высказаны в «Наказе Главному управлению Закавказским краем», изданному в 1842 г.

Данная мера позволяла, минуя многочисленные инстанции, быстрее воплощать задуманное, что еще более превращало Кавказский край в самостоятельную административную единицу.

7 марта 1845 г. было назначено время отъезда М.С. Воронцова на Кавказ. «Чудесная, весенняя, ясная, тихая погода на море, почти весь город, высыпавший на Приморский бульвар и на пристань пароходную, представляли картину великолепную. Толпы простого народа, от искреннего сердца, провожая князя, высказывали ему пожелания всяких благ. Меховая кавказская шапка, надвинутая на глаза, отчасти прикрывала слезы доброго б о л я-

рина, за всех болеющего. Такое всеобщее народное заявление начальнику края, удаляющемуся, может быть, навсегда, есть венок гражданский <...> в наше время, награда, выходящая из уровня всех существующих знаков отличий!»[1]

Передав управление Новороссийским краем генерал-лейтенанту Федорову, граф Михаил Семенович отправился к месту своего нового назначения и 25 марта (по ст. ст.) 1845 г. он был в Тифлисе.

М.С. Воронцов прибыл на землю, первая встреча с которой состоялась еще в юности, почти сорок лет назад. Но есть и более поздние свидетельства того, что Воронцов интересовался Кавказом, еще будучи генерал-губернатором Новороссийского края и Бессарабской области. Свидетельство этому мы находим в письме 1837 года графу А.Х. Бенкендорфу[2]. В этом послании М.С. Воронцов подробно комментирует предполагаемый маршрут Императора Николая Павловича на Кавказ.

В связи с обострением военной обстановки на Кавказе М.С. Воронцов не имел возможности полностью сосредоточить свою деятельность на вопросах гражданского управления регионом, «где неприятель отбивал наши пушки и составлял из них свою артиллерию, то и дело забирая в Дагестане наши крепости и укрепления»[3], — писал В. Толстой.

Вскоре после прибытия в Тифлис М.С. Воронцов был обязан начать подготовку к Даргинскому походу, основной план которого «не им был предначертан, да и войска были собраны еще до его прибытия»[4].

После смотра войск 22 апреля М.С. Воронцов 24 апреля покинул Тифлис, 1 мая он был в Грозном, а 6-го числа в станице Червленой, где находилась главная квартира главнокомандующего и куда направлялись все прибывшие из Петербурга гвардейские офицеры.

Среди флигель-адъютантов, приехавших из Петербурга, были: граф К.К. Бенкендорф (племянник Александра Христо-

---

[1] Мурзакевич Н.Н. Автобиография // Русская старина, 1887. Т. LIII. С. 170.
[2] Русский архив, № 7. С. 309—313.
[3] Там же. 1877. Кн. III. С. 293.
[4] Там же. С. 294.

форовича); граф А.С. Строганов; князь Ф.И. Паскевич (сын фельдмаршала); князь А.И. Барятинский (впоследствии фельдмаршал); флигель-адъютант И.Г. Сколков (впоследствии адмирал и генерал-адъютант); полковник Н.И. Вольф.

На главную квартиру в Червленой прибыли с М.С. Воронцовым адъютанты, состоявшие при нем в Одессе: князь А.И. Гагарин (впоследствии Кутаисский генерал-губернатор); граф Ганатерси (впоследствии генерал); полковник Алекс. Голицын. Спустя некоторое время из Петербурга в штаб прибыли вновь избранные Воронцовым в адъютанты: князь С.И. Васильчиков; князь Р.А. Андроников; Р. Давыдов; А. Маслов; Лисаневич; А.Н. Лонгинов и прикомандирован поручик австрийской службы А.А. Едминский.

В штаб были зачислены также лица, состоявшие при командире корпуса генерале Нейдгарте: Глебов; князь Козловский; князь Дондуков-Корсаков; князь Трубецкой; полковник Дружинин; А.Н. Веревкин; барон Миквиц и другие.

Сначала отношения «старых кавказцев» с вновь прибывшими были натянутыми, но вскоре все наладилось. Военная обстановка заставила многих усмирить свои амбиции и забыть мелкие обиды. В то же время, несмотря на отправку на Кавказ новых войсковых частей с целью укрепления русского военного присутствия, «старые кавказцы» справедливо отмечали, что для успешного ведения боевых операций в крае требуются специально подготовленные войска, имеющие опыт сражений в местных условиях, закаленные морально и физически. Главнокомандующему и его подчиненным требовалось время для приобретения военного опыта.

Но, получив приказ, М.С. Воронцов был обязан его исполнять.

Несмотря на взятие аула Дарго, согласно воспоминаниям участников экспедиции, отряд «неминуемо весь бы погиб в Ичкеринских дебрях, если бы не главнокомандующий, Краонский исторический герой, князь М.С. Воронцов, сам неоднократно подвергавшийся опасности»[1].

Так, во время одного из сражений, получив известие от начальника главного штаба генерала Бурко, что «позиция непри-

[1] Русский архив. 1877. Кн. III. С. 294.

ступна, войска не идут; приходится самим погибать», М.С. Воронцов лично повел в бой егерей Кабардинского полка, и в результате этой атаки укрепление было захвачено. К счастью, М.С. Воронцову удалось вывести отряд из «Ичкеринских трущоб», после чего первой его заботой было беспокойство о раненых (помимо медицинской помощи, Воронцов раздал каждому по 15 рублей собственных денег).

За взятие аула Дарго М.С. Воронцов был удостоен княжеского титула. По этому поводу он шутил, что ранее был самым старым графом, а теперь он самый молодой князь. Участвуя в походах, Воронцов поражал своих современников необычайной выносливостью, храбростью, удивительным хладнокровием.

Во время одного из сражений, когда неприятель забрасывал русский лагерь ядрами, М.П. Щербинин, будучи директором походной канцелярии князя, вошел в палатку М.С. Воронцова для доклада. М.П. Щербинин, видя вкатившееся ядро, прервал донесение. «Эх, любезный друг, — заметил граф, — видно, что ты не был под Бородином! Ни минуты не проходило там без подобных явлений»[1].

Пройдя через Бородино и Краон, Воронцов научился не сгибаться под пулями.

Во время Даргинского похода главнокомандующий во всех приказах «постоянно восхваляет войска за исполнение ими священной Высочайшей воли»[2]. Таким образом, М.С. Воронцов не только поддерживал боевой дух своих подчиненных, но и подчеркивал, что поход был исполнением плана, составленного в Петербурге без его участия.

1 сентября 1845 г. Воронцов выехал в Севастополь, где состоялась его встреча с Императором. Во время беседы с Николаем Павловичем М.С. Воронцов, вероятно, постарался еще раз подтвердить свои полномочия и реальную независимость от министерских властей.

Планы военных операций должны составляться в главном штабе действующих войск на Кавказе, с учетом реальной политической обстановки в регионе. При этом многое зави-

[1] Русский архив. 1876. С. 306.
[2] Там же. 1877. Кн. III. С. 295.

село от личности начальника штаба. После отъезда генерала В.И. Гурко М.С. Воронцову доставили из Петербурга список кандидатов на должность начальника его главного штаба.

Ознакомившись с этим документом, Воронцов заявил, что лично ему никто из предлагаемых кандидатов не известен, и попросил назначить на эту должность генерал-квартирмейстера действующей армии П.Е. Коцебу, отличившегося на посту начальника штаба Кавказского корпуса. Как свидетельствует В. Толстой, с прибытием П.Е. Коцебу в Тифлис «всеобщая распущенность заменилась строгим порядком»[1].

На Кавказской линии М.С. Воронцов предоставил управление всецело местному начальнику, генерал-лейтенанту Черноморского Казачьего войска Завадовскому.

Воронцов отдавал распоряжения Завадовскому только в экстренных случаях (преимущественно это касалось дел в районе Терека).

Военное управление самым тесным образом связано с гражданским.

В описываемый нами период действия полиции и представителей местных органов управления вызывали недовольство в различных слоях населения. По отзывам современников, «злоупотребления, лихоимства и грабежи по внутреннему управлению страны превосходили всякое вероятие»[2].

У одного дивизионного начальника в Закавказском крае в услужении находилось более 60 человек нижних военных чинов. В то же время многие солдаты, вместо службы в полках, под предлогом изучения ремесел шли в услужение к иностранным содержателям магазинов.

Подобная ситуация не только не привлекала на русскую сторону новых сторонников, но и отталкивала прежних соратников. Так, полковник Гродненского гусарского полка бек Мехтулинский, будучи одним из «преданнейших Русскому правительству туземцев, покинул свое хорошее имение, получаемое им содержание и по местности высокое положение и бежал к Шамилю»[3].

[1] Русский архив. 1877. Кн. III. С. 300.
[2] Там же. С. 296—297.
[3] Там же.

Некоторые отряды, прибывавшие из России, стали истинным бедствием для Кавказа — побеги к горцам были постоянными, и Шамиль составил из этих дезертиров целую команду личных телохранителей. Но самыми отвратительными деяниями предателей была тайная передача неприятелю наших боевых припасов. В Дарго князь лично убедился, что найденные там гранаты и патроны взяты из русских запасов.

Для возвращения дезертиров М.С. Воронцов добился разрешения освобождать их от суда и наказания в случае их добровольного возврата и определять их на службу в отдаленные от границ части. Эта мера возымела положительный результат: на пограничные посты стали являться множество дезертиров.

Против незаконной торговли порохом были возбуждены многочисленные следственные дела. Это не на шутку напугало начальников, обязанных хранить боевые припасы. Позорный торг был вскоре прекращен.

Дороги внутри края подвергались непрерывным нападениям: брали в плен и убивали людей; грабили путников и т. д.

Подготовкой к окончательному покорению Кавказа было распоряжение наместника М.С. Воронцова о вырубке лесов в зимние месяцы и прокладке просек по всем направлениям, занимаемым враждебными племенами. «При Людовике XIV во Франции, — говорил князь Воронцов, — маршал Виллар, после семи лет серьезной и не всегда удачной войны, из религиозных споров в горах Севенских, приказал пролагать дороги по всем направлениям, внутри гор. Последствием того было, что жители этих гор, отказавшиеся, при начале революции, повиноваться кровавому и безрассудному правлению в Париже, отражавшие некогда лучшие войска, предводительствуемые искуснейшими вождями, принуждены были смириться пред ничтожною горстью национальной гвардии, проникнувшей во все бывшие трущобы»[1].

Согласно приказам Воронцова, вырубались леса и открывались дороги в Большой и Малой Чечне, Дагестане и Черноморье, и Воронцов был уверен, что непроходимость путей сообщения —

[1] Русский архив. 1872. С. 716.

одна из главных преград в покорении края, поэтому он делал все возможное для ее устранения.

Уже спустя три года после назначения Воронцова ситуация на дорогах и внутри региона значительно улучшилась: разбои прекратились, хлебопашество стало развиваться столь стремительно, что поставки провианта для войск производились только местными средствами по умеренным ценам. Прекратился переход местных христиан в магометанство, целые селения раскольников и племя ингильгойцев обратились в православие.

Воронцов настоял, чтобы в Закавказье было открыто депо изделий московских фабрик. Фабриканты составили ассоциацию, сняли в Тифлисе дом, в каждой комнате которого были выставлены различные товары. В течение двух лет два раза в неделю отправлялись по экстра-почте десятки тысяч рублей. Но современные московские фабриканты стали продавать свои изделия дороже армянских, и в результате торговлей со склада не была достигнута цель Воронцова, желавшего иметь в Тифлисе центр покупки местного сырья и затем отправлять его в Москву.

Вскоре после возвращения из Даргинского похода Воронцов отдал распоряжение В. Толстому произвести строгое следствие в Таманском, Анапском и Новороссийском госпиталях, обращая особое внимание на то, «<...> достаточно ли пользуют, продовольствуют и успокаивают больных нижних чинов»[1]. Кроме того, Воронцов приказал использовать в Таманском госпитале вместо дров каменный уголь, при этом наместник очень доходчиво объяснил Толстому, как это нужно сделать. В ответ на удивление Толстого, откуда князь обладает этими познаниями, Михаил Семенович сказал, что «<...> когда в Одессе дрова непомерно вздорожали, он задумал в казенных зданиях заменить их каменным углем и для этого у себя в доме делал опыты, за которыми сам следил»[2].

Следует отметить, что еще в конце XVIII столетия отец наместника, граф С.Р. Воронцов, писал из Лондона в Россию, что у нас беспощадно истребляют леса, тогда как имеются большие запасы каменного угля.

---

[1] Русский архив. 1877. Кн. III. С. 298.
[2] Там же. С. 298—299.

Заветной мыслью Воронцова было создание в наместничестве условий, способствующих накоплению капиталов частными лицами. Этим он надеялся поощрить частную предприимчивость к разработке местных природных богатств. Воронцова поддержали Тамашев, братья Мирзоевы, Атакуни и другие. В результате улучшилось содержание в военных госпиталях, несмотря на то что расходы на них сократились на миллионы рублей. Воронцов часто навещал больных, благодаря его заботам число смертных случаев значительно уменьшилось.

Воронцов постоянно совершал личный надзор за всеми отраслями управления. Он не только сам объезжал край, но и рассылал по нему доверенных лиц.

После прибытия на Кавказ М.С. Воронцов в течение нескольких месяцев до начала декабря 1845 г. посещает Мингрелию, Имеретию, Карталинию, Кавказскую область, Северный и Нагорный Дагестан и Черноморье, Ахалинский уезд, Кахетию, Джаро-Белоканский округ.

В отчете за период с 25 марта 1845 г. по 1 января 1846 г. наместник составил обзор географического пространства Закавказского края и его политического устройства. Отдельные разделы посвящены развитию промышленности, путей сообщения, проблемам образования и внутреннего управления.

В своих последующих отчетах за 1846—1848 гг. и за 1849—1851 гг. М.С. Воронцов продолжает предлагать меры для совершенствования административной и судебной системы на Кавказе.

Реформы, проводимые наместником, учитывали национальные особенности края. Воронцов действует осторожно, полагая, что каждая проблема требует глубокого и разностороннего изучения: «<...> все делать разом невозможно, и ежели хотят, чтобы я еще по возможности на несколько времени здесь остался, то не надобно меня принуждать делать то, что я полагаю ненужным, по крайней мере, на это время»[1].

М.С. Воронцов считал, что без поддержки представителей местной аристократии, пользующихся авторитетом среди населения, никакие реформы в крае не осуществимы.

---

[1] Архив князя Воронцова. Кн. 38. С. 411. Из письма к С.В. Сафонову. 1848.

Существовала версия, что М.С. Воронцов считал, что во избежание огромных жертв России необходимо заключить специальный договор с Шамилем, «провозгласив его князем Дагестанским, с жалованьем от нашего правительства»[1].

К моменту приезда М.С. Воронцова на Кавказ главные административные и военные должности занимали лица, назначенные в Петербурге, и, следовательно, имевшие поддержку в правительстве.

В 1845 г. П.А. Ладинский был произведен в генерал-лейтенанты и назначен начальником гражданского управления Закавказского края. «Как агент военного министра Чернышова и П-на (Позена — *О.З.*), он составил себе значительный кружок, посреди которого постоянно отзывался о самом наместнике безупречно, но зато беспощадно порицал как его окружение, так и их деятельность; в сущности же, беспощадно осуждал управление князя Воронцова»[2].

Подобная обстановка отрицательно сказывалась на состоянии внутреннего управления регионом. Несмотря на свои полномочия, Воронцов понимал, что если Даргинский поход выявил недостатки в военном управлении на Кавказе и позволил ему сделать в штабе необходимые кадровые замены, то для подобных мер в области гражданского управления требуется время, так как слишком поспешные действия вызовут обострение отношений с представителями министерских властей.

Как и в Новороссии, М.С. Воронцов настойчиво и постепенно двигался к поставленной цели и в итоге достигал необходимых результатов. В 1847 г. Ладинский был уволен со службы по состоянию здоровья (его преемником стал князь В.О. Бебутов).

После приезда в 1845 г. М.С. Воронцова на Кавказ в качестве наместника в его гражданской канцелярии в Тифлисе сосредоточились все нити по управлению Кавказом, Закавказьем, Новороссийским краем. Как и при всех главнокомандующих, при М.С. Воронцове на Кавказе состояли адъютанты, имелась не только центральная в Тифлисе, но и походная канцелярия. М.П. Щербинин, управляющий гражданской канцелярией наместника, считал себя исполнителем творческих планов Ворон-

[1] Русский архив. 1872. С. 717.
[2] Там же. 1877. Кн. III. С. 297.

цова, удивляясь его замыслам и той быстроте, с которой он разрешал «самые трудные вопросы»[1].

Одним из первых донесений М.С. Воронцова было «Отношение князя Воронцова к графу Киселеву, от 8-го июня 1845 года, № 557». Оно касалось переселения раскольников в Закавказский край. Воронцов просил дать ему время для активного сбора сведений о землях, пригодных для жизни переселенцев, и для личного посещения некоторых поселений раскольников. К тому же М.С. Воронцов предполагал создать комиссию, которая должна была объехать селения раскольников для выяснения их нужд и потребностей. М.С. Воронцов считал, что распространение русских поселений — дело чрезвычайно важное для социально-экономического развития края. Впоследствии во время приема депутации в Прочном Окопе, объезжая край, М.С. Воронцов, услышав от раскольников об их притеснениях, приказал открыть молельню и разрешить богослужение. Этот эпизод характеризует веротерпимость князя, не совсем даже согласовывавшуюся с тогдашними законами. «Если бы нужно было здесь исполнение законов, — говорил Воронцов, — то Государь не меня бы прислал, а свод законов!» Эта смелая фраза, сказанная с некоторой долей вызова, еще раз напоминала о тех широких полномочиях, данных М.С. Воронцову Императором.

М.С. Воронцов, назначенный на пост главнокомандующего Кавказской армией, не отказался от проведения военных операций в регионе. Но М.С. Воронцов стремился к нравственному покорению Кавказа, к естественному слиянию всех его частей с землями Российской Империи, а это возможно прежде всего через социально-экономическое и культурное развитие края.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

М.С. Воронцов с рвением занимался устройством дорог. Он один из первых начал завоевание Кавказа «с помощью топора»: были построены мосты на реках Куре и Тереке, Сунже, Лабе,

[1] Щербинин М П Воспоминания // Русский архив 1876 № 11 С 307

Белой, положено начало пароходным сообщениям по Черному и Каспийскому морям и по реке Куре, проведено размежение закавказских земель, устроение в 1850 г. Оллагирского сребросвинцового завода. Так же как и в Новороссии, М.С. Воронцов заботился о развитии в крае виноградарства, виноделия, шелководства, коневодства и других направлений в сельском хозяйстве. И все же одной из главных сфер деятельности князя было развитие просвещения, науки, искусства на Кавказе. Будучи прекрасно образованным человеком, он стремился к развитию культуры и в Новороссии и на Кавказе, считая, что это содействует улучшению нравов в обществе, без чего невозможно ведение никаких дел. Так, в Тифлисе в 1848 г. начинает издаваться газета «Кавказ», преобразуется «Закавказский вестник», заменивший для всех закавказских губерний «Губернские ведомости». Совокупное действие четырех газет в Одессе и Тифлисе приблизило отдаленные территории Новороссии и Кавказа к России. Успех Новороссийского календаря побудил М.С. Воро́нцова издавать в 1847 г. подобный в Тифлисе. Календарь содержал богатый исторический, географический, топографический и другой материал, собранный талантливыми и трудолюбивыми людьми.

Открыв публичную библиотеку в Одессе, М.С. Воронцов дарит ей перед отъездом на Кавказ 368 томов своих дорогих и редких изданий, а в 1846 г. учреждает при канцелярии наместника библиотеку из книг, пожертвованных им самим, частными лицами, присланных из разных университетов. После подготовки достойного здания, в 1859 г. и в Тифлисе была открыта Публичная библиотека, что для многоязычного разноплеменного края было событием.

Владея древними языками — латинским и греческим, еще в детстве зачитываясь древними классиками, М.С. Воронцов прекрасно осознавал важность изучения древних цивилизаций на территории Кавказа. В 1846 г. в Тифлисе при наместнической канцелярии было положено начало местной нумизматической коллекции. Труды известных ученых, приглашенных князем, среди которых Броссе, Бартоломей, Иосселиани, Ханыков и др., внесли неоценимую роль в изучение Кавказского края.

Для научного подхода в развитии сельского хозяйства в 1850 г. в Тифлисе учреждено Закавказское общество сельского

хозяйства, подобное Обществу сельского хозяйства Южной России, открытому М.С. Воронцовым в 1828 г. в Одессе. В 1850 г. на Кавказе было положено начало Кавказскому отделу Русского географического общества: магнитной и метеорологической обсерватории, составлен план восхождения на Арарат.

Вскоре по прибытии в Тифлис Воронцов учредил мусульманское училище Алиевой секты, основал в 1849 г. отдельный Кавказский учебный округ, преобразовал и открыл уездные училища во многих городах.

При участии супруги М.С. Воронцова Елизаветы Ксаверьевны были открыты для дочерей недостаточно обеспеченных семей заведения Святой Нины в Тифлисе, Кутаиси, Шемахе, Святой Александры в Ставрополе, Святой Рипсилии в Ереване.

Патриарх Нерсес сделал крупное денежное пожертвование для женского училища Святой Рипсилии и уговорил отдать туда девочек не только из армянских семей, но и дочерей мусульманских беков. 2 января 1850 г. училище было открыто и вверено попечению жене Эриванского губернатора Елизавете Егоровне Назоровой.

Первые работы учащихся — вышивки — получил в дар Патриарх Нерсес. В ответ училище получило лестный отзыв Патриарха и 300 рублей из его личных средств. По этому поводу Елизавета Ксаверьевна писала Нерсесу, что благодарит Патриарха за щедрое пожертвование и между тем она считает своим долгом представить ему отчет об использовании этих средств.

Летом 1851 г. Нерсес подарил заведению Святой Рипсилии значительный участок церковной земли в урочище Дарачичаг для летнего помещения. На протяжении всей жизни Патриарх Нерсес содействовал развитию женского образования в Армении.

Уже после смерти Воронцова Елизавета Ксаверьевна пожертвовала 200 тысяч рублей серебром на пять основанных ею женских благотворительных учреждений, в том числе выдачу при выпуске каждой воспитаннице 200 рублей пособия.

М.С. Воронцов отправлял специалистов для исследований малоизученных областей Кавказского края. Так, академик Г.В. Абих совершал путешествие по Кавказу и на Арарат, И.А. Бартоломей по всему Кавказу, академик М.И. Броссе по Грузии, Кахетии.

Ученые, военные, чиновники, художники, литераторы, приезжая в то время на Кавказ, в большинстве своем останавливались в Тифлисе, в резиденции наместника.

Будучи административным центром Грузинской губернии (с 1846 г. Тифлисской), Тифлис являлся центральным пунктом на Кавказе по закупке сырья и реализации продуктов. Через Тифлис Россия устанавливала дипломатические и торговые отношения со странами Востока. Французский консул Гамба, находившийся в городе в 20-х г. XIX столетия, писал: «В Тифлис в один и тот же день приезжают — негоцианты из Парижа, курьеры из Петербурга, купцы из Константинополя, англичане из Калькутты и Мадраса, армяне из Смирны, езиды и узбеки из Бухары, так что этот город может посчитаться главным узловым пунктом между Европой и Азией»[1].

В Тифлисе европейские обычаи преломлялись сквозь призму местных традиций. Фрак и чоха, чепчик и чадра, караван и карета, итальянская ария и строгая грузинская полифоническая песня, полонез и лезгинка, европейские магазины и восточный базар.

Став после присоединения Грузии к России резиденцией главнокомандующих кавказской армией, Тифлис повидал многое и многих. В разные периоды город становился резиденцией генералов Кноринга 2-го, князя Цицианова, графа Гудовича, Ртищева, Ермолова, Нейндгардта и других.

Конечно же каждый из главнокомандующих занимался делами гражданского устройства Кавказа. Но в целом их деятельность была связана с проведением военных операций в регионе.

Согласно воспоминаниям современников, с приездом М.С. Воронцова в Тифлис жизнь города начала приобретать иной склад и характер, отличный от прежнего.

Воронцов умел приближать людей способных, трудолюбивых и исполнительных. «От самого обнищавшего туземца до горделивой княгини, ведущей свой род от царя Давида, все невольно покорялись воронцовской обаятельности и умению приласкать и покорять людей <...>. Общество русское, хотя тогда еще небольшое, было тем не менее в Тифлисе избран-

[1] Квирквелия Т.Р. Архитектура Тбилиси. М., 1985 С. 45.

ное, общество туземное <...> с каждым днем все более и более примыкало к нему»[1].

Люди, прибывшие с князем в 1845 г. в Тифлис и приезжающие впоследствии из столиц, вносили в жизнь города новые понятия, новые взгляды. Европейская культура постепенно начала теснить восточную патриархальную обстановку. Модистки из Одессы и Парижа прививали вкус к европейским туалетам, постепенно заменяющим грузинские чадры и шелковые платья. Куафер Влотте, приехавший в Тифлис с ножницами и гребенкой, открывает огромный магазин и модное ателье. «На левом берегу Куры образовывались целые новые кварталы до самой немецкой колонии со всеми условиями европейского города, особенно с устройством нового Воронцовского моста, взамен прежнего <...>. <Князь и княгиня> давали пример своею домашней обстановкой простоты и не особенной изысканности. В доме главнокомандующего оставалась та же казенная меблировка, стол князя, всегда, впрочем, вкусный, не отличался никакою изысканностью, вино подавалось кахетинское или крымское, в походе же и в дороге князь решительно ничем особенно не отличался от прочих, разве только в размерах широкого своего гостеприимства и обаяния своего простого и приветливого со всеми обращения <...>. Именно вследствие естественной простоты его всякий сознавал невольно, что он принадлежит к другому высшему кругу, как по понятиям, так по нравам и привычкам прошлого»[2]. С годами доброта князя к некоторым лицам стала доходить до крайности. Он не мог отказывать слишком настойчивым просителям, чем не замедлили воспользоваться многие из тех, кто последовал в Тифлис, узнав о назначении М.С. Воронцова. Но в целом тифлисское общество тех лет состояло из людей ярких, незаурядных личностей, многие из которых по праву вошли в историю Грузии и России.

Как и в Новороссии, на Кавказе среди лиц, составлявших окружение М.С. Воронцова, было немало замечательных ученых-исследователей, оказавших своими трудами неоценимую пользу краю. Среди них известный нумизмат Иван Александ-

[1] Соллогуб В.А. Указ. соч. С. 513—514.

[2] Воспоминания князя Дондукова-Корсакова // Старина и новизна. Кн. 6. 1903. С. 168—169.

рович Бартоломей, не жалевший ни средств, ни времени на поиск и покупку монет, автор «Чеченского Букваря» (Тифлис, 1866). Иван Александрович собирал также коллекции насекомых. Князь А.А. Дондуков-Корсаков вспоминал, как в 1851 г., находясь в походе с отрядом за Кубанью, на реке Белой, И.А. Бартоломей собрал коллекцию насекомых, которых хранил в жестяных кружках и в крепком спирте, в своей палатке. Коллекция существовала недолго, во время одного из визитов к исследователю гости почувствовали неприятный запах в его палатке, оказалось, что казаки выпили весь спирт, хранивший ценные экспонаты, хозяин долго не мог прийти в себя от бешенства, гости же не могли удержаться от смеха.

Среди ученых, долгое время проживавших на Кавказе, был также академик Г.В. Абих, профессор Дерптского университета, совершивший в 1845 г. восхождение на Арарат и ставший в 1853 г. академиком за описание Кавказского края. Генерал-лейтенанту Ходзько Кавказ обязан организацией топографических работ в крае.

Воспитанник Царскосельского лицея Н.В. Ханыков приехал в Тифлис в конце 40-х гг., изучив самостоятельно восточные языки, был хорошо знаком с восточной литературой, географией. Его записка об изучении языков и наречий Кавказа была удостоена в Париже большой золотой медали Географического общества.

При всем уважении к историческому прошлому городов современное их лицо определяют личности, которые пользуются наибольшим уважением современников. В то время в Тифлисе почитались дома князей Орбелиани и Чавчавадзе, Г.В. Абиха, Н.В. Ханыкова, И.И. Ходзько. Тех, кто с честью служил этой многострадальной земле, измеряя свою любовь к ней количеством добрых дел, свершенных для ее блага.

Тифлис 40-х и 50-х гг. жил удивительно насыщенной, по-восточному колоритной жизнью. В числе оригинальных личностей того времени барон А.К. Майндорф, пожилой человек, необыкновенно светский и любезный, постоянно создающий невозможные проекты в области торговли, финансов и промышленности. Желая воплотить свои проекты, он изъездил весь Кавказ. Он решил очистить русло Куры для устройства

пароходного сообщения и, несмотря на годы и лихорадку, активно принялся за дело.

Самобытной личностью Тифлиса был и англичанин Сеймур. Он ехал в Персию и должен был задержаться в Тифлисе на пять дней, а вместо этого оставался на Кавказе три года, не давая о себе никаких известий, родственники разыскивали его через князя М.С. Воронцова. Сеймур отправился в Ереван и, найдя там попутчиков, взобрался на Арарат, на вершине которого и написал свое первое письмо в Англию.

Приблизительно в 1850 г. в Тифлисе произошел случай, еще раз подтверждающий, что в жизни трагедия и комедия присутствуют рядом. Ропот и недовольство жителей города вызвало решение мясных торговцев повысить цены на свою продукцию без видимых причин. Князь М.С. Воронцов приказал понизить таксы и строго наблюдать за его распоряжением. Это не понравилось мясникам, и они, договорившись, внезапно закрывают свои лавки. В течение двух дней город пребывал в посте, мясо нельзя было купить ни за какие деньги. Князь вызвал губернатора князя Андроникова и отчитал его за беспорядки в городе. Храбрый на войне, неприхотливый в быту князь, несмотря на то что в молодости служил в гвардии в Петербурге, остался по нраву и обычаям азиатским человеком, к тому же он слабо разбирался в русских законах. Раздраженный полученной взбучкой, князь направился в городскую Думу, где при полном стечении думцев стал кричать на городского голову, обвиняя его в происшедшем с мясными торговцами, на что тот резонно возразил, что за порядком в мясных лавках должна следить полиция, которая подчиняется Андроникову. Эти слова еще более вывели из себя пылкого генерала, закричавшего: «Если бы у меня теперь был кинжал, я бы тебя сейчас же заколол!» Затем он приказал ошеломленному секретарю высечь городского голову на площади. Князь Андроников приказал сообщить торговцам, что если они не начнут торговать мясом, то солдаты разобьют их лавки и выбросят их содержимое на улицу. Угроза подействовала, и мясо вновь стало продаваться в городе.

Спустя несколько лет, во время Крымской войны, князь Андроников, командуя Гурийским отрядом, при реке Чолок раз-

бил 34-тысячный корпус Селим-паши, забрав в трофеи знамена и множество оружия.

Сохранение народных традиций — это сбережение души народа, его неповторимости, как бы ни удивительны они казались для тех, кто получил европейское образование и был непривычен к подобным действиям. Но, видимо, талант администратора и состоит в умении анализировать события, находить их истоки и причины возникновения, помня, что управлять — значит предвидеть. С древних времен в Тбилиси устраивались так называемые тамаши, похожие на русские кулачные бои. В них участвовали люди не только всех сословий, но и разных возрастов. В первое время после присоединения Грузии к России в Тбилиси тамаши были запрещены, но с прибытием князя Цицианова, благодаря просьбам жителей, тамаши разрешили. «Князь Цицианов сам выезжал на оные, не столько потому, что в нем текла грузинская кровь, как потому, что он считал сей обычай свойственным здешним характерам и приличным народу воинственному, окруженному повсюду неприятелями и в котором личная смелость и молодечество всегда <нужна была> для поддержания необходимого воинствующего духа»[1].

Воронцов предлагал во избежание беспорядков вынести тамаши за пределы города, где больше простора и нет общественных зданий, могущих пострадать. Это предложение поддержал Император Николай Павлович: «За городом дозволять, но с тем, чтобы, кроме рук, других орудий в драке не употреблять и всегда под надзором полиции, и кончать по данному от оной знаку, когда слишком разгорячатся»[2].

Среди народных праздников особенной любовью пользовался в Тифлисе массовый шумный карнавал — ксеноба. Он проводился в следующий за Масленицей понедельник и был последним всплеском веселья перед Постом. В XIX столетии считалось, что празднование ксеноба связано с победой грузинских войск над персами, которые сначала захватили город, но впоследствии были разбиты, причем персидский шах попал в плен. Он был переодет в шутовской наряд, и его с вымазан-

[1] Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией. Т. X. С. 826.
[2] Там же. С. 827.

ным сажей лицом возили по городу. Тифлисцы стали устраивать праздничное действо, представляя в игре эпизоды борьбы с персами. Воронцов любил ксеноба, встречая во дворце процессию с мнимым шахом, бросал в толпу горсти серебра.

Тифлис того времени был наполнен молодыми военными, по разным причинам желавшими служить на Кавказе под началом Воронцова. Многие из них никогда не вернутся в Россию, другие же, спустя время, займут высокие посты в государстве.

«Для окружающей его молодежи и приближенных, — вспоминал князь Дондуков-Корсаков, — нельзя было вообразить себе более снисходительного, внимательного и доброго начальника. Все шалости молодежи, разумеется, не имеющие характера ни буйства, ни явного неприличия, встречали скорее в нем симпатичный интерес к проявлению молодости, чем взыскательное отношение начальника к своим подчиненным»[1].

Однажды, возвращаясь из театра в прекрасную весеннюю тифлисскую ночь, Дондуков-Корсаков зашел поужинать в клуб, расположенный на площади перед домом главнокомандующего. К зданию клуба примыкал сад, в котором он нашел князя Васильчикова и двух-трех приятелей, ужинающих на открытом воздухе.

Молодые люди решили, что для услаждения слуха следует послать за оркестром. Менее чем через час 60 музыкантов развлекали в саду нескольких русских офицеров. Затем процессия отправилась гулять по городу, устраивая серенады своим товарищам.

Проснувшись в первом часу ночи от неимоверного шума, М.С. Воронцов приказал камердинеру разобраться, в чем дело. Узнав о происходящем, он не только запретил тревожить собравшихся, но даже говорить, что они его разбудили, сказав при этом: «Слава Богу, что моя молодежь довольна и веселится». Может быть, в эти минуты князь вспомнил свои шалости, когда в 1802 г. он служил в Тифлисе под началом князя Цицианова.

---

[1] Воспоминания князя Дондукова-Корсакова // Старина и новизна. Кн. 5. 1902. С. 139.

М.С. Воронцов всегда принимал участие даже в частных делах его приближенных. Князь никогда не отказывал в помощи нуждающимся, причем делал это с присущим ему тактом.

Всеобщим уважением пользовался среди офицеров комендант Тимергоевского укрепления на правом фланге на Лабе полковник Гениг. Этот человек имел большое влияние на соседние с укреплением черкесские племена. «Его справедливость, честность, в случае нужды боевая энергия, а главное — знание характера населения и широкое гостеприимство были известны почти всем черкесам правого фланга. Он никогда не изменял раз данному слову, и часто немирные князья приезжали к нему судиться или советоваться по своим частным внутренним делам»[1].

Полковник Гениг, согласно восточным обычаям, одарял гостей богатыми подарками. Выполняя местные обычаи, ему приходилось жить не по средствам и тратить значительные суммы на приемы. М.С. Воронцов хорошо знал и ценил Генига. Услышав о его затруднениях, он приказал отправить полковнику 4000 рублей из своих собственных средств. Честь старого офицера была спасена.

Здесь нельзя не вспомнить еще об одном известном поступке Воронцова. Оставляя Францию в 1818 г., М.С. Воронцов, будучи командующим Русским оккупационным корпусом, заплатил все долги не только офицеров, но и нижних чинов корпуса — примерно один миллион франков собственных денег, дабы никаких претензий у французов не было.

Своеобразным центром для молодых офицеров были квартиры князей Васильчикова, Дондукова-Корсакова и Кочубея. «Наша квартира, — писал Дондуков-Корсаков, — считалась каким-то сборным пунктом всего нашего кружка: у нас совершались проводы отъезжающих в поход товарищей, обеды и встречи благополучно возвратившихся из экспедиции, у нас составлялись все предложения различных пикников, увеселений, всех шуток и школьничеств, на которые всегда так отечески смотрел князь Воронцов»[2].

[1] Воспоминания князя Дондукова-Корсакова // Старина и новизна. Кн. 5. 1902. С. 143—144.

[2] Там же. Кн. 6. 1903. С. 182.

Молодые люди придумывали различные фарсы, привлекая к себе внимание всего города.

Однажды молодые офицеры распустили по Тифлису слух, что намерены дать на холостяцкой квартире бал знакомым дамам. В условный день, осветив нижний этаж дома лампами и канделябрами и подняв шторы окон, вся молодежь собралась в мундирах и фраках, причем некоторых офицеров нарядили в европейские и грузинские дамские туалеты. «Дамы с усами» сидели спиной к окнам. Бесподобен был в бальном наряде поручик Ф.Л. Гейден (впоследствии начальник главного штаба). Весь вечер гремела музыка, многочисленные экипажи подкатывали к парадному подъезду, у дверей которого для соблюдения порядка дежурили городовые и жандармы. На другой день весь город говорил об этом празднике. При этом офицеры лично посетили с объяснениями дома хозяек, которых они представляли на бале.

В другой раз молодые люди устроили мнимый въезд в город персидского посланника, которого с огромной свитой представлял князь Кочубей. Навстречу ему выехал полицейский с переводчиком и произнес приветственную речь. Были также ночные серенады с хором под окнами мирных жителей. Эти шалости происходили в перерывах между военными экспедициями, из которых возвращались не все. И нужно отдать должное обществу, которое с пониманием относилось к этим проявлениям безудержной молодости, снисходительно и добродушно прощая молодых людей. «Замечательно, — отмечал Дондуков-Корсаков, — что общество тифлисское, несмотря на отдаленность свою от Петербурга, а может быть, и вследствие этой отдаленности, не имело того характера местной провинциальной жизни, которая существовала и существует доселе во всех прочих провинциальных городах обширного нашего царства. Не было тех мелких интриг, тех сплетен, которые делают невыносимой нашу жизнь в провинции»[1].

Удаленность Кавказа от центральных губерний Российской Империи благоприятствовала возникновению там особой атмосферы, со своими нравами, интересами, особенностями. Сообще-

[1] Воспоминания князя Дондукова-Корсакова // Старина и новизна Кн 6 1903 С 184

ния со столицею были редки, почта приходила два раза в месяц, иногда же, из-за завалов, сообщение с Россией прекращалось совсем. Кавказский край, и Тифлис в частности, жили своей жизнью, на которую влияло также тревожное военное положение. Местные административные проблемы приобретали в этих условиях государственное значение. К тому же нельзя было забывать о приграничном расположении Закавказья, его соседстве с Турцией и Персией. Все это заставляло людей, живущих между войной и миром, дорожить каждым днем, не оставляя времени на мелкие интриги и сплетни.

Тифлис, как столица края, стал для многих вторым домом, где, находясь между походами, хотелось вспомнить и приблизиться к тому дорогому, что осталось в России.

25 сентября 1850 г. в Тифлис прибыл Государь Наследник. На другой день приезда в честь Его Высочества был дан торжественный обед у князя М.С. Воронцова, а вечером — большой бал у Елизаветы Ксаверьевны. 27-го числа Наследник присутствовал на бале грузинского дворянства, состоявшемся за городом, в Ортачалах, в саду Н. Тершмавонова. «В 9 часов вечера губернский предводитель дворянства ген.-м. Кн. Орбелиан, с почетнейшими князьями, встретил Государя Наследника в воротах сада, а хозяин оного, восьмидесятилетний старик Тершмавонов, по древнему грузинскому (восточному) обычаю, подостлал под ноги Августейшему посетителю богатый парчевой ковер (пиандаз). По обе стороны виноградной аллеи, среди яркой зелени листьев коей и золотистых гроздей спелого винограда светились тысячи разноцветных фонарей, стояли в два ряда князья и дворяне всех уездов Тифлисской губернии. По этой аллее Государь Цесаревич был введен в залу, сооруженную в мавританском вкусе, собственно для этого торжественного случая. В зале уже находились: Персидский принц Бехмен-Мирза с сыновьями, дамы в великолепных уборах и почетнейшие лица города»[1].

Бал открылся европейскими танцами, которые вскоре сменились национальными. Блистательный фейерверк прервал танцы.

[1] Е р и ц о в А.Д. Патриарх всех армян Нерсес V и князь Михаил Семенович и княгиня Елисавета Ксавериевна Воронцовы, в частной переписке. Тифлис, 1898 г. С. 13—14.

Огненные декорации на противоположном берегу реки Куры сменяли одна другую. Наконец вспыхнул щит с вензелевым изображением Августейшего гостя. Одновременно небо рассеяли ряды огромных огненных снопов, рассыпавшихся вверху букетами блестящих и разноцветных звезд. Потом снова начались танцы, продолжавшиеся до полуночи.

В одной из аллей парка был накрыт на возвышении так называемый европейский стол; перед ним, на коврах, разостланных на земле, разместились более 200 грузинских князей и дворян. Началось пиршество по древним обычаям Грузии.

Наследник Престола сначала удостоил вниманием этот пир. Под крики «Ура!» Его Высочество прошел между двух рядов пирующих и затем занял место за столом в беседке с почетными гостями праздника.

В конце ужина губернский предводитель дворянства провозгласил тосты за здравие Императора, потом за здравие Наследника. Местные и полковые хоры музыкантов исполнили «Боже, Царя храни», а крики «Ура!» собравшегося вокруг народа потрясали окрестности. Наследник Престола в свою очередь провозгласил тост в честь грузинского дворянства. В час пополуночи Его Высочество еще раз поблагодарил присутствующих и был провожаем до экипажа всеми знатными гостями церемониала.

На следующий день, в 8 часов вечера Наследник посетил торжественный прием, организованный для него обществом тифлисских граждан — армян, в Караван-сарае Арцруни (рядом с Сионским собором).

Между групп пирующего народа были разложены разнообразные товары; в других лавках разыгрывались импровизированные комедии.

Из ротонды, куда пригласили Высокого гостя, открывался прекрасный вид на двор Караван-сарая, иллюминированный китайскими фонариками, светившими сквозь цветы и зелень деревьев, обвитых виноградными лозами. В фонтане плескалась рыба, а на площади играла музыка. Над карнизом крыши блестел транспарант с вензелевым именем Наследника.

Посетив так называемые темные ряды, где лавки и стены были увешаны богатыми материями, и провозгласив тост в

честь граждан, Цесаревич возвратился в Караван-сарай, внутренние залы которого были убраны с восточной роскошью; золотая парча покрывала своды, шитые шелками по сукну, ковры украшали стены, дорогие турецкие шали драпировали фестонами карнизы, а бархатные диваны окружали гостиные.

Выйдя на балкон, Наследник увидел поистине сказочное зрелище: весь скат Авлабарской горы был очерчен огненными линиями, Кура, освещенная заревом, воды ее переливались золотым цветом, и на крутящихся водоворотах показывались иллюминированные плоты с танцующими на них лезгинку зрителями праздника.

Поблагодарив граждан Тифлиса за прием, Наследник в 12 часов ночи отправился в дом главнокомандующего.

По удалении Высокого гостя Караван-сарай был открыт для всех желающих, и сотни любопытных угощались в нем до 3 часов ночи, а на Армянском базаре народ пировал до рассвета.

29 сентября Цесаревич выехал из Тифлиса. После отбытия Августейшего гостя в воскресенье, 1 октября, в Ванкском армянском соборе была отслужена Божественная литургия. После молебствия духовенство отправилось на монастырский двор, где архиепископ Минас освятил столы с пищей для 1500 человек бедных людей, собравшихся у врат храма. Священник Патканов объявил им причину торжества, и тогда радостные крики, благословляющие имя Наследника, и громкое «Ура!» долго повторялись народом. Почетные граждане разносили нуждающимся вино, хлеб, зелень, мясо. На молебне присутствовали тифлисский военный губернатор и другие высокие гости.

Наследник Русского Престола посетил Эчмиадзинский монастырь. За 200 сажен перед северными вратами обители он был встречен многочисленным духовенством монастыря, в полном облачении, с крестом, хоругвями и образами, и при пении священных гимнов и колокольном звоне Его Высочество, идя рядом с Патриархом Нерсесом, вступил по золотой парче в монастырь и в собор.

Отслушав краткий молебен, Цесаревич прикладывался к иконе святого Копия и мощам угодников, «после чего, пишет

Нерсес, Его Высочеству подали мы приветственную записку на армянском языке, изобразив в ней с искони одушевляющия всех армян заветныя чувства усерднейшей верноподданности к всемилостивейшему Престолу великой державы Российской»[1].

Из церкви Наследник отправился в палаты Патриарха, где для него были отведены специальные комнаты.

В девятом часу вечера состоялся обед на 16 кувертов. По правую сторону от Цесаревича сидел Нерсес с двумя архиепископами, по левую — князь В.О. Бебутов и другие. После обеда Цесаревич и Патриарх кушали кофе в отдельном кабинете и почти до 11 часов вели беседу на русском языке.

На другой день, 7 октября, после литургии Его Высочество осматривал древности Эчмиадзинского храма и прикладывался к святым мощам апостолов и других угодников. Посетив трапезный зал, помещение Эчмиадзинского Синода и древнюю монастырскую библиотеку, наследник пил чай у Патриарха, после чего, поблагодарив Его Святейшество за прием, Цесаревич простился с Нерсесом и отправился в Эривань.

Эчмиадзинский прием был подробно описан Патриархом в письме к княгине Воронцовой, на что княгиня отвечала: «Муж мой, совершив в течение нынешнего года два раза объезд почти целого края, вверенного его управлению, возвратился в совершенном, слава Богу, здоровии. Мы с восхищением узнали о прекраснейшем приеме, сделанном вашим св-ством Государю Наследнику, и душевно сожалели, что не могли быть оному свидетелями. Графиня Шуазель преисполнена чувствами живейшей признательности за драгоценную вашу о ней память. Она вместе со мною, с мужем моим и сыном испрашивает вашего, милостивый архипастырь, благословения. Кн. Елисавета Воронцова»[2].

В свою очередь князь М.С. Воронцов писал Патриарху Нерсесу от 29 декабря 1850 г.: «<...> Его Императорское Высочество с восхищением говорил об Эчмиадзине и о вашем там приеме; и мы должны все радоваться, что Великий Князь к нам

[1] Ерицов А.Д. Указ. соч. С. 52.
[2] Там же. С. 54—55.

приехал, и что Бог нам помог таким образом, что у Наследника Престола останется самое лучшее впечатление обо всем, что он видел на Кавказе, и что все жители Кавказа узнали будущего их Государя и узнали, сколько он достоин высокого своего назначения <...>»[1].

В программе нравственного покорения Кавказа Воронцов умело использовал народные традиции и светские церемониалы. Как отмечал М.П. Щербинин, устраиваемые наместником в Тифлисе еженедельные вечера, балы и концерты имели цель «<...> слияние туземцев с русскими и уничтожение <...> враждебной розни, искони существовавшей между <...> обитателями Кавказа <...>»[2].

Расходы на проведение светских церемониалов осуществлялись не за счет казенных, но личных средств князя.

В 1845 г. доходы Закавказского края достигали 1 649 151 рубля; в 1849 г. — примерно 2 000 000 рублей, а в 1852 г. — 6 226 492 рублей[3].

С первого года своего пребывания в Тифлисе Воронцов занимался его благоустройством.

Город рос — если в 1835 г. он насчитывал 25 000 жителей, то в 1847 г. население его составляет 43 862 человека.

Воронцов — инициатор многих градостроительных преобразований. Тифлис хорошел. Большая часть его покрывается мостовыми. Вдоль северной городской стены (по линии будущей Мухранской улицы) строится крепостной бульвар. Недалеко от последнего в 1867 г. будет воздвигнут памятник светлейшему князю М.С. Воронцову. Император Александр Николаевич утвердил ходатайство князя А.И. Барятинского о сборе добровольных пожертвований на памятник М.С. Воронцову. Сам Государь внес три тысячи рублей. В 1867 г. памятник был открыт, как признание заслуг человека, покинувшего в 1854 г. Кавказ и о котором, как об истинно государственном деятеле, можно судить по тем делам, по той пользе, которую он принес своей деятельностью подвластным ему землям.

---

[1] Ерцов А.Д. Указ. соч. С. 59.

[2] Кн. Воронцов М.С. и Муравьев Н.Н.: Из служебных воспоминаний М.П. Щербинина // Русская старина. Т. XI. 1874. С. 100.

[3] Там же. С 103.

ОТНОШЕНИЯ М.С. ВОРОНЦОВА С ДУХОВНЫМИ И ПОЛИТИЧЕСКИМИ ЛИДЕРАМИ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Глубоко просвещенный и всесторонне образованный человек, М.С. Воронцов в Новороссии, Бессарабской области и на Кавказе демонстрировал глубокое уважение к духовным, культурным традициям местного населения, стремился к установлению самых дружеских отношений с представителями различных религиозных конфессий.

Долголетняя дружба связывала М.С. Воронцова с Патриархом всех армян Нерсесом V. В феврале 1803 г. архимандрит Нерсес, будучи посланцем эриванского хана, прибыл в Тифлис, чтобы вести переговоры с главнокомандующим на Кавказе князем П.Д. Цицияновым о возведении на Эчмиадзинский патриарший престол сторонника России — архиепископа Даниила. Выслушав Нерсеса, Цицианов командировал в Эривань своего адъютанта поручика графа М.С. Воронцова с требованием исполнения приказа русского правительства. Перед отъездом граф познакомился с архимандритом Нерсесом. Миссия Воронцова кончилась неудачно, князь Цицианов возглавил поход на Эривань. Но еще до войны с Персией дружба Воронцова с Нерсесом упрочилась при взятии Гянджи, когда они жили в одной палатке.

Судьба свела старых друзей спустя годы в Новороссии. Епархиальный начальник Бессарабской области Нерсес часто ездил навещать из Кишинева в Одессу Новороссийского генерал-губернатора и наместника Бессарабской области графа М.С. Воронцова. Любимой темой бесед старых друзей были обсуждения природных богатств Кавказа и проблем местного населения.

Следует заметить, что при посредничестве Нерсеса Воронцову прислали из Эривани и Нахичевани черенки 35 различных сортов винограда.

Спустя время граф, получив из Китая чайные кусты и другие тропические растения, переправил часть Нерсесу с просьбой отправить их в Эривань.

На соборе 1843 г. армяне избрали Нерсеса в патриархи. Император Николай I не только утвердил этот выбор, но и пригласил архипастыря в Петербург для личного знакомства.

Граф М.С. Воронцов. 1823 год.
В. Рейнольдс по оригиналу Т. Лоуренса

Графиня Е.С. Пемброк.
Г.З. Фициус с оригинала Т. Лоуренса

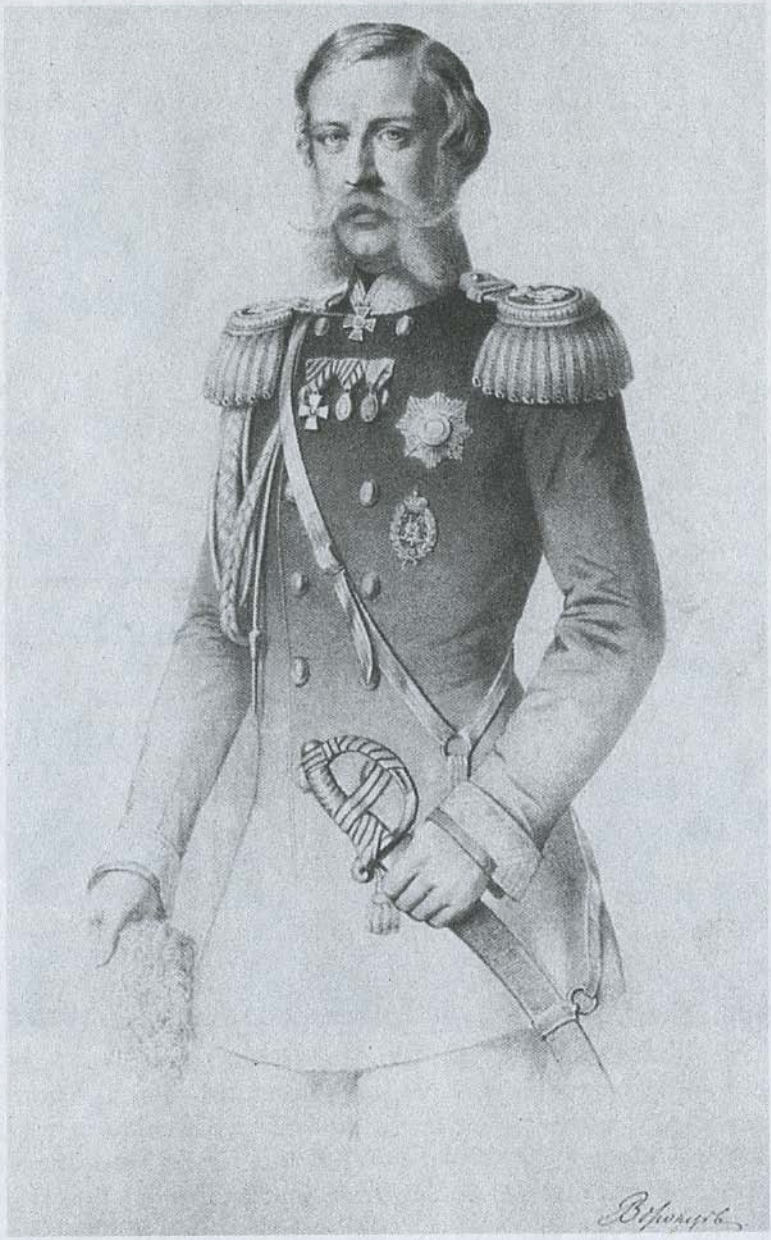
Лорд Сидней Херберт.
Р. Уорд с оригинала Ф. Гранта

Светлейшая княгиня М.В. Воронцова.
Леон Ноэль с оригинала Ф. Винтерхальтера

Светлейшая
княгиня
Е.К. Воронцова.
1852 год.
Принцкофер с
оригинала
К. Блааса

Графиня
С.М. Воронцова.
В 1844 году стала
женой графа
А.П. Шувалова.
Портрет работы
К. Робертсон

Граф А.П. Шувалов.
Демезон с оригинала М. Зичи



Светлейший князь С.М. Воронцов.
Портрет работы А. Леграна

Граф И.И. Воронцов-Дашков

Тяжелая болезнь задержала прибытие Нерсеса в Эчмиадзин почти на два года.

В декабре 1845 г. состоялся въезд в Тифлис Патриарха Нерсеса. По распоряжению наместника высшие местные власти приветствовали его, начиная с Душета. Особенно растрогала Патриарха встреча его от имени своих родителей молодым князем С.М. Воронцовым — сыном наместника. По окончании церемонии, едва Патриарх вступил в архиерейские покои, к нему прибыли князь и княгиня. Теплая встреча старых друзей вызвала восторг у собравшихся. Будучи до конца весны 1846 г. в Тифлисе, Нерсес большую часть вечеров проводил у Воронцовых, которые, в свою очередь, любили приезжать к Патриарху. Беседы Нерсеса с Воронцовым касались в основном проблем края.

В начале 1846 г. Воронцов был озабочен открытием в Тифлисе коммерческого училища. Тифлисское купечество с радостью отозвалось на предложение Патриарха и постановило: «На средства Гайканского (Армянского) общества учредить Коммерческое училище в Закавказье, в память Всемилостивейшаго посещения Государем Императором Николаем Первым Эчмиадзинского Престола в 1837 году»[1]. Патриарх Нерсес сам составил проект «Устава Гайканского Коммерческого училища».

В отчете Императору Воронцов писал: «Назначение патриархом всех Армян Нерсеса имело самое полезное влияние на устройство Армянской церкви и приведение дел ее в порядок. Неутомимая деятельность и заботливость этого почтенного старца дали ход многим полезным предприятиям, остававшимся до него без движения. Если он успеет привести в исполнение давнишние свои предположения об открытии в Эчмиадзине духовной Армянской семинарии, то это учреждение будет иметь весьма выгодные последствия, как собственно для Армянского духовенства, так и в политическом отношении, ибо нет сомнения, что в то время Армяне из Константинополя, Индии и других мест Востока будут присылать в Эчмиадзин для образования своих детей. Он занимается также улучшением и распространением Армянской семинарии в Тифлисе, которой он положил начало во вре-

[1] Ерицов А.Д. Указ. соч. С. 13—14.

мя управления им здешнею епархиею и которая с тех пор оставалась в совершенном забвении»[1].

Вскоре после преобразования учебной части в Закавказье в Тифлисе была открыта Коммерческая гимназия, куда поступили учиться дети армянского торгового сословия. Этому немало способствовал Патриарх.

Весной 1846 г. Патриарх Нерсес отправился в Эчмиадзин, где 9 июня должно было совершиться торжественное его миропомазание. Участие в боевых операциях помешало Воронцову присутствовать на церемонии. Официальным представителем от наместника был послан Грузино-Имеретинский губернатор генерал-майор Жеребцов. Адъютант Воронцова полковник Миквиц поздравил Патриарха лично от имени князя и княгини.

Генерала Жеребцова сопровождал в Эчмиадзин Н.П. Ваксмут, имевший поручение от княгини Воронцовой описать торжество.

На посланника княгини церемония миропомазания произвела столь сильное впечатление, что, вернувшись в Тифлис, он нарисовал картину, которую послал Патриарху Нерсесу в августе 1846 г.

Осенью 1846 г. в Эчмиадзине состоялась церемония мироварения. Патриарх был весьма рад присутствию на торжестве известного ученого-путешественника А.Н. Муравьева. В трехтомном труде «Грузия и Армения» (СПб., 1848) Муравьев уделил особую главу описанию «торжества мироварения» и личности Нерсеса.

Одной из отличительных черт Патриарха Нерсеса было гостеприимство. Раз в неделю у него в Тифлисе собирались русские чиновники — Ханыков, граф Соллогуб, князь Гагарин, Полонский, Токарев, Максимович, Берже. Из бывших воспитанников духовного училища: князь Георгий Константинович Мухранский и Эсадзе. Нередко гостили именитые грузинские князья с их женами и дочерьми. Воронцовы всегда с радостью откликались на приглашение Патриарха Нерсеса. Радушный хозяин потчевал гостей ширазским вином, геокчинской форелью, эриванской дутмой (дынями) и другими редкостями.

---

[1] Ериц о в А.Д. Указ. соч. С. 14—15.

На русском языке в 1853 г. вышла в свет книга «История Егише вардапета. Борьба христианства с учением Зороастровым в пятом столетии в Армении. Перевод с армянского П. Шаншиева. Тифлис, 1853». Перевод был выполнен инспектором Тифлисского армянского Нерсесовского духовного училища действительным студентом Петербургского университета П.С. Шаншиевым. Труд посвящен имени Патриарха Нерсеса.

28 июня 1853 г. Патриарх Нерсес писал М.С. Воронцову: «Князь Михаил Семенович! Посылаю вам в дар Историю славнага отца Армянской церкви — Егише вардапета. Она есть живой памятник живой вѣры Армянской нации. Она ознакомит вас с Армянскою церковью и с теми мучениями, которыя армяне несли из любви к Спасителю мира, чтобы сохранить ее чистою и неприкосновенною, как получили ее от предков — мучеников своих. Перевод этот есть плод трудов инспектора нашей семинарии, всегда любимого мною Ленивца. Он вполне передал известного всей просвещенной Европе Егише вардапета. Этот первый, единственный в своем роде, перевод его своею верностию заслужил полное мое одобрение»[1].

Будучи духовным лидером нации, Патриарх Нерсес немало способствовал развитию просвещения в регионе.

М.С. Воронцов понимал, что поддержка религиозных деятелей была лучшей гарантией в деле налаживания дружественных отношений с представителями различных национальностей края, в которых при М.С. Воронцове «все церкви, христианские и не христианские, свободно в нем существуют и находят в правительстве всегдашнее покровительство»[2].

Одним из главных принципов, которым руководствовался М.С. Воронцов в вопросе национальных взаимоотношений, была его уверенность, что он должен делать все от него зависящее, чтобы граждане края своим мирным трудом способствовали развитию региона.

Князь М.С. Воронцов помогал просвещенным трудам Экзарха Грузии Исидора, впоследствии Санкт-Петербургского митрополита, к которому, по словам современника, он питал глубочай-

---

[1] Ерицов А.Д. Указ. соч. С. 74.
[2] Скальковский А. Ч. I. Указ. соч. С. 326.

шее уважение. Сооружались новые и восстанавливались древние христианские храмы. Так, в 1853 г. князь Г.Г. Гагарин расписывает Сионский кафедральный собор экзархов Грузии, начало сооружения которого относится к царствованию Вахтанга (446—499 гг.), а окончание к первой половине VII в. Храм, хранивший величайшую святыню Грузии «крест Святой Нины», сделанный из двух кусков виноградной лозы и перевитый, по преданию, волосами просветительницы Грузии, неоднократно разрушался.

Князь Гагарин, ставший в 1859 г. вице-президентом Академии художеств (занимал этот пост до 1872 г.), был поражен в свое время величием византийского искусства и в поисках его образцов изъездил европейскую и азиатскую Турцию и Италию. Он старался понять дух византийского христианского искусства. Князь Гагарин расписывает Сионский собор в византийском стиле, применив впервые в России так называемый энкаустический способ фресковой живописи — краски приготовлены из особой мастико-восковой эссенции. Князем составлены планы церквей на Кавказе: в Хасавюрте, Дербенте, Кутаиси, Грозном, Тифлисе (военный собор и гимназическая церковь), Боржоми и в других местах края.

Многосторонне образованный человек, остроумный рисовальщик, Гагарин поступил в 1848 г. под начало князя М.С. Воронцова, принимал участие в военных экспедициях, удостоившись впоследствии чина генерала.

Одной из первых мер в гражданском управлении Кавказским краем было назначение князя В.О. Бебутова начальником Закавказского гражданского управления и председателем Совета главного управления. Человек редкого ума, преданный верховной власти, замечательно образованный и опытный правитель, князь В.О. Бебутов был прекрасной кандидатурой на этот пост, к тому же при Грузинских царях должность тифлисского полицмейстера была наследственною в семействе Бебутовых, поэтому назначение князя Василия Осиповича льстило, с одной стороны, непомерному природному самолюбию армян, с другой стороны, не возбуждало негодование грузинской аристократии, видевшей в этом возвращение к правилам управления ее царей. Таким образом, выбор удачной кандидатуры позволял М.С. Воронцову быть в курсе проблем края и одновремен-

но льстил интересам местной аристократии. Этому способствовало также назначение начальником Тифлисской губернии сына любимой дочери последнего Грузинского царя, генерал-майора князя Ивана Малхазовича Андроникова, уступавшего в образовании князю В.О. Бебутову, но бывшему добросовестным, исполнительным губернатором. Талантливый руководитель умеет создавать вокруг себя окружение, способное практически в любой ситуации находить выход из создавшегося положения.

Княжеский род Орбелиани переселился из Китая в Грузию за 600 лет до Рождества Христова. Князья Орбелиани были наследственными генералиссимусами грузинских войск и во время коронации возлагали на царя корону. В XII столетии почти вся фамилия Орбелиани была истреблена. Хорошо известно, что истинные потомки аристократических родов отличались особенной аристократической простотой и великодушием, что можно наблюдать и в наши дни. В описываемое время уважением пользовался дом Дмитрия Орбелиани, умная и веселая жена которого княгиня Мария Ивановна умела соединять общество.

Особым гостеприимством славился дом князя Александра Чавчавадзе — сына последнего грузинского посла при русском Дворе, участника Отечественной войны, впоследствии генерал-лейтенанта, члена Совета главного управления наместника. Он более известен как замечательный грузинский поэт и отец прекрасного семейства, старшая дочь его Нина была женою Грибоедова, вторая — Екатерина — замужем за владельцем Мингрелии князем Давидом Дадиани. После смерти мужа в 1853 г. она была назначена правительницей и принимала участие в борьбе с турками, осталась союзницей России, несмотря на выгодные условия, предложенные ей султаном. Третья дочь, София, стала женою барона А.П. Николаи, бывшего в 1848 г. директором походной канцелярии наместника, ставшим в будущем членом Государственного совета, а в 1881 г. — министром народного просвещения.

Интересна и драматична судьба князей Орбелиани. Князь Илико Орбелиани находился восемь месяцев в плену у Шамиля, захваченный в 1842 г., он пал позже геройской смертью при Баш-Кадышляре. Отец князя был в плену у персиян.

Через полтора года после замужества княгиня Вера Ильинична Орбелиани похоронила мужа в одной могиле с сыном, в Тифлисе 20 декабря 1853 года. А через шесть месяцев сестры — княгиня Анна Ильинична Чавчавадзе и княгиня Вера Ильинична Орбелиани (дочери грузинского царевича и внучки последнего венчанного Государя Грузии Георгия XII) — были захвачены горцами в плен в имении князя Чавчавадзе в Кахетии, в Цинандалах.

Шамиль приказал мюридам пленниц не обижать и пригрозил отсечением головы тому, на кого будет принесена жалоба в оскорблении плененных.

Однажды, по приказу Имама, в их комнате переделывался камин. Желая проверить, хорошо ли исполнена работа, Шамиль отправился в комнату княгинь, которых в это время вывели, чтобы им не встретиться со священной особой Имама.

Осматривая камин, Шамиль нашел в нем котелок с водой, в котором плавало несколько луковиц. «Увидев готовящуюся скудную пищу для пленниц, Шамиль разразился гневом, потребовал Зайдату, сделал ей строгий выговор, сказав: «Разве так надо кормить пленниц?» Через полтора часа он прислал с Шуанетой чаю, масла и риса и всего, что можно было достать на скорую руку»[1].

Наши пленницы никогда не видели Шамиля. Он велел им передать, что целью их захвата было освобождение его сына, находящегося в плену у русских.

Первый сын Шамиля родился в селении Гимры. В 1839 г. восьмилетний Джамалуддин был сдан аманатом (заложником) начальнику русского отряда генералу Граббе.

Сын Имама был лично принят в Петербурге Императором и определен в Александровский кадетский корпус. В январе 1840 г. мальчика перевели в одно из старейших учебных заведений России — 1-й кадетский корпус. Воспитанники корпуса изучали русский, немецкий, французский языки, риторику, математику, историю, мораль, рисование и другие предметы. Были и специальные дисциплины: военная артиллерия, фортификация, фехтование, верховая езда.

---

[1] Чичагова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России. М., 1999. С. 33.

Сын Шамиля быстро овладел русским языком, от него не требовали перемены религии, разрешали носить кавказский костюм.

В 1852 г. молодой человек был произведен в поручики, намечалась его свадьба с Елизаветой Олениной, сам Царь обещал быть посаженым отцом на торжестве. Но вскоре все планы рухнули.

Шамиль предложил русским вернуть ему сына в обмен на княгинь Чавчавадзе и Орбелиани. Джамалуддин решил вернуться в горы, чтобы спасти пленниц.

В начале сентября 1858 г. старший сын Имама скончался. Джамалуддину не смог помочь и русский доктор, которого просил пригласить царское командование Имам Шамиль.

Оторванный в детстве от родной земли, Джамалуддин был воспитан в другой культурной среде и не смог принять образ жизни горских племен. Русские, отобрав у Шамиля сына, вырастили человека другой цивилизации и тем самым лишили Шамиля, прежде всего, его духовной и нравственной опоры.

Если трагические обстоятельства и ранняя смерть помешали поручику Джамалуддину дослужиться до высокого чина, то два его брата стали генералами: Мухаммед-Шефи (1839—1906) — царской русской армии, Мухаммед-Камиль (1863—1951) — турецкой армии, а Кази-Мухаммед (1833—1902) закончил военную службу в чине турецкого маршала[1].

Все сыновья были преданы своему отцу, произведенному Турцией еще во время Кавказской войны в генералиссимусы.

Знаменитый востоковед Мирза Казем-бек говорил, что: «Шамиль был не только герой, но и создатель героев»[2].

Среди сподвижников Шамиля было немало ярких, незаурядных личностей, среди них наибы: Мухаммед-Эмин, Дуба, Хаджияв, Талгик, Идиль, Бата, Эски. Некоторые из них добровольно перешли на сторону русских и достигли в царской армии высоких воинских званий.

В большой милости у Шамиля был наиб Эски, отличавшийся храбростью и отвагой. Он управлял частью Большой Чечни, прилегающей к Кумынской плоскости. В 50-х г. он проявил

[1] Средний сын Имама Саид погиб вместе с матерью гимрянкой Джавгарат в 1839 г во время осады царскими войсками аула Ахульго

[2] Родина 1994 № 3—4 С 21

себя как яркий военачальник. В 1859 г. перешел на сторону русских войск.

Идиль был назначен Шамилем наибом за свою храбрость. Он управлял землями недалеко от столицы Имама Ведено, которую оборонял в 1858-м и 1859 гг. После сдачи Ведено перешел на сторону царских войск.

В свое время брат главноуправляющего на Кавказе барон Розен взял на воспитание в Россию мальчика по имени Бата. Бата служил в горском конвое в Варшаве, а возвратившись на Кавказ, служил переводчиком у начальника левого фланга. Бежав к Шамилю, он отличился в одном из дел и был назначен наибом. Но со временем, во многом из-за своей строгости, впал у Имама в немилость и лишился наибства. Осенью 1851 г. он вместе с семьей вышел к русским. Впоследствии Бата был назначен князем Барятинским наибом Качкалыкского округа, включившего в себя образовавшиеся аулы на Кумыкской плоскости.

В 1851 г. после двенадцати лет непрерывных подвигов на сторону русских перешел один из лучших наибов Имама Шамиля — Хаджи-Мурат. Хаджи-Мурат получил приказ Шамиля отправиться в Каитах и Табасарань с группой лучших мюридов (примерно 600 человек) для водворения среди местных жителей учения мюридизма и организации отрядов для нападения на окрестности Дербента, а также нарушения сообщения с Темир-Хан-Шурой.

По замыслу Шамиля, успех этой экспедиции мог поднять восстания против русских в Кюринском ханстве, Акуше, Казикумыхе.

Хаджи-Мурат стремительно вторгся в Каитах и Табасарань, возмутил местных жителей против нашего отряда. Но закрепить свой успех Хаджи-Мурату не удалось — население, отвыкшее от военных действий, не довело сопротивление до крайних пределов. Разбитый в двух сражениях с русскими Хаджи-Мурат бежал в горы, потеряв в пути немало людей и лошадей.

Шамиль обвинил Хаджи-Мурата в робости, отрешил от должности Аварского наиба. После нескольких месяцев опалы Хаджи-Мурат решил бежать к русским.

В 20-х числах ноября он дал знать в крепость Воздвиженскую, что желает сдаться, если ему обещают сохранить жизнь.

Командир расположенного в Воздвиженской егерского полка флигель-адъютант полковник князь С.М. Воронцов (сын наместника) вышел с несколькими ротами из крепости к просеке Гойтинского леса и, приняв знаменитого героя Кавказской войны, отправил его в крепость Грозную, а оттуда в Тифлис.

Хаджи-Мурат прибыл в Тифлис 8 декабря 1851 г. На другой день он познакомился с М.С. Воронцовым, и в течение примерно девяти дней они беседовали о будущей жизни Хаджи-Мурата и судьбе его семейства, оставшегося в руках Шамиля. Неизвестность о дорогих ему людях лишила Хаджи-Мурата сна, он почти ничего не ел, постоянно молился и только просил разрешения покататься верхом с несколькими казаками.

Каждый день он приходил к Воронцову, чтобы узнать, не имеет ли тот сведений о его семье, и с просьбами обменять всех пленных, которые находятся у русских, на членов его семьи (включая определенную денежную сумму). Хаджи-Мурат повторял наместнику: «Спасите мое семейство и потом дайте мне возможность услужить вам (лучше всего на лезгинской линии, по его мнению) и, если по истечении месяца я не окажу вам большой услуги, накажите меня, как сочтете нужным»[1].

М.С. Воронцов считал, что семья Хаджи-Мурата должна находиться у русских, и решил сделать все возможное для сбора на наших границах пленных, так как не имел права дать ему денег для выкупа.

На Воронцове лежала большая ответственность. С одной стороны, он не мог полностью доверять Хаджи-Мурату, в то же время его арест вызвал бы негативную реакцию сочувствующего русским местного населения.

«В службе и в таких запутанных делах трудно — чтобы не сказать невозможно, — идти по одной прямой дороге, не рискуя ошибиться и не принимая на себя ответственности. Но раз что дорога кажется прямою, надо идти по ней, будь что будь»[2], — писал М.С. Воронцов в одном из писем к А.И. Чернышеву (20 декабря 1851 г.).

[1] Письма кн. М С. Воронцова к кн. А И. Чернышеву // Русская старина, 1881. Т. 30. С. 658.

[2] Там же. С. 660.

М.С. Воронцов делал все от него зависящее, чтобы освободить семью Хаджи-Мурата. Он считал его лучшим воином Шамиля, человеком, не знающим страха, обладающим в то же время природной хитростью, в совершенстве знающим Дагестан.

Хаджи-Мурат жил у М.С. Воронцова и получал от него примерно пять полуимпериалов в день. За четыре месяца Хаджи-Мурат скопил порядочную сумму денег, которыми, вероятно, хотел умилостивить Имама по возвращении в горы.

Один из современников, хорошо знавший Хаджи-Мурата, свидетельствовал о нем: «Сказать, что это был храбрец и удалец из самых храбрейших и удалых горцев, — значит еще ничего не сказать для его характеристики: бесстрашие Хаджи-Мурата было поразительно даже на Кавказе. Но его отличие было не в этом только свойстве: он был вполне необыкновенный вождь кавалерии, находчивый, предусмотрительный, решительный в атаке, неуловимый в отступлении»[1].

Иногда Хаджи-Мурат держал словно «на сковородке» таких полководцев, как победитель при Краоне М.С. Воронцов и Аргутинский-Долгорукий. Несмотря на их бдительность, он обходил русские засады, подобно вихрю проходил между нашими отрядами. Современники считали, что Хаджи-Мурат мог достигнуть высоких званий в армии любой европейской страны.

В 1852 г. Хаджи-Мурат с несколькими товарищами бежал от русских. Через несколько часов он был окружен карабахскою, нухинскою милицией и отрядом лезгин.

«Хаджи-Мурат умер отчаянным храбрецом, каковым и жил, оставив своих лошадей, он спрятался в какую-то яму, которую укреплял с товарищами, копая землю руками, он отвечал ругательствами на предложение сдаться, на его глазах умерли двое его товарищей, и он сам, раненный четырьмя пулями, слабый и истекающий кровью, в отчаянии бросился на атакующих, и тут-то его покончили»[2], — сообщал в одном из писем в Петербург М.С. Воронцов (25 апреля 1852 г.).

---

[1] Заметка из записок М.Я Ольшевского // Русская старина. 1881. Т. 30. С. 678.
[2] Там же. С. 664.

Наместник сделал все от него зависящее, чтобы Хаджи-Мурат не испытывал унижения в лагере русских, убедился в веротерпимости М.С. Воронцова.

Поведение человека в традиционной культуре регламентируется целым рядом механизмов, которые сложно взаимодействуют друг с другом. И для мусульман и для христиан присущ синтез светского и религиозного права.

Система моральных установок, определяющих характер общения у разных народов, включает набор универсальных ценностей: понятия чести, достоинства, скромность и другие. Но для ряда мусульманских народов Кавказа иерархия ценностей имеет свои особенности. Так, почитание родителей, весьма слабо выраженное у европейских народов, занимает одну из верхних строк в мусульманской системе моральных ценностей. Независимо от положения в идеальной системе, в экстремальной ситуации определяющими будут такие качества, как достоинство и честь.

История Хаджи-Мурата получила мировую известность благодаря одноименной повести Л.Н. Толстого. Финальный этап жизни Хаджи-Мурата происходил где-то недалеко от места службы молодого писателя на Кавказе. «Людям, не бывшим на Кавказе во время нашей войны с Шамилем, — скажет он в одном из вариантов повести, — трудно себе представить то значение, которое имел в это время Хаджи-Мурат в глазах всех кавказцев»[1]. Повесть Толстого одно из совершенных произведений писателя. Для Толстого личность Хаджи-Мурата — духовный символ отважных горских народов.

Многое изменилось в крае после Воронцова. Граф В.А. Соллогуб, будучи на Кавказе во время наместничества Великого Князя Михаила Николаевича, отмечал, что в эти годы уже не было в крае «<...> той задушевности, того простодушия, того яркого восточного колорита, что было при Воронцове <...>»[2].

В 1871 г. граф Соллогуб занимался подготовкой праздника по случаю приезда на Кавказ Наследника Цесаревича и Великого Князя Александра Александровича. В.А. Соллогуб решил

[1] Цит. по: Гулин А. «Не перестаю думать о Хаджи-Мурате» // Родина, 1994, № 3—4. С. 112.

[2] Соллогуб В.А. Указ. соч. С. 514.

возобновить в Кутаисе торжество, которое он видел в Каире в 1869 г. по случаю открытия Суэцкого канала в честь Императрицы Евгении и Императора Франца-Иосифа. При этом Соллогуб решил придать празднику местный колорит, включив в него джигитовку, русские хороводы и т. д.

Бальный церемониал на подобном торжестве имел особый политический смысл. В одном из примыкавших к танцевальной зале гостиных Соллогуб читал будущему Императору и его приближенным стихи собственного сочинения:

С времен, давным-давно отжитых,
Преданьям Иверской земли,
От наших предков знаменитых,
Одно мы слово сберегли;
В нем нашей удали начало,
Преданье счастья и беды,
Оно всегда у нас звучало:
Алаверды!
Алаверды — «Господь с тобою»,
Вот слову смысл, и с ним не раз
Готовился отважно к бою
Войной взволнованный Кавказ;
Ходили все мы к схваткам новым,
Ее дожидаясь череды,
Хвала умершим... а здоровым
Алаверды!
...
Но если гость — отец державный, —
Земному солнцу кто не рад! —
Подымутся на пир заздравный
Эльбрус, Казбек и Арарат
И грохнет дружно всем Кавказом
На все наречья, все лады
Одной душой, единым разом —
Алаверды...[1]

В 1871 г. за несколько дней до отъезда графа Соллогуба из Тифлиса друзья-воронцовцы последний раз собрались вместе.

Как ни парадоксальным это может показаться, но с окончанием военных действий Кавказ потерял некий ореол романтичности, притягательность для творческих личностей, которые он имел при Воронцове. Соллогуб написал по этому поводу:

[1] Соллогуб В.А. Указ. соч. С. 515.

Не смею выразить я вслух,
Но мир войны не заменяет;
Здесь прежде был свободы дух.
Теперь... чиновником воняет...[1]

Помимо опытных служащих, находившихся с ним долгие годы, М.С. Воронцов сумел привлечь на Кавказ молодых образованных людей. На Кавказе под началом М.С. Воронцова служило немало замечательных и незаурядных личностей.

М.С. Воронцов принадлежит к числу выдающихся государственных деятелей России, и на всем протяжении своей карьеры он проявлял себя не только как талантливый администратор, но и как тонкий дипломат и умудренный опытом политик, обладавший широким государственным кругозором, что сказывалось во всем, независимо от того, какой пост он занимал и какие вопросы он решал. В 1852 г. Государь пожаловал его титулом *светлейшего* князя.

Для М.С. Воронцова главным было не участие в заседаниях Государственного совета или в каких-либо комитетах с целью заявления своей собственной позиции. В лице М.С. Воронцова мы видим государственного деятеля крупнейшего масштаба, который во всех сферах деятельности умел добиваться выдающихся практических результатов. Ему не было свойственно пассивное созерцание действительности или создание теоретических программ ее улучшения.

Желание активно участвовать в устройстве и организации жизни, стремление к преобразовательной созидательной деятельности в одном из крупных регионов России — вот что характерно для наместника светлейшего князя М.С. Воронцова.

---

[1] Соллогуб В.А. Указ. соч. С. 514.

ЭПИЛОГ

Гибель Черноморского прибрежного форта Святого Николая была началом Восточной войны (1853—1856) на Кавказе. С этого времени Михаил Семенович становился с каждым днем все задумчивее, он изменился внешне и, наконец, слег.

Однажды утром Воронцов потребовал к себе В. Толстого, который застал князя лежащим на диване с раскрытыми глазами и не в егерском сюртуке, как обычно, а в военной шинели. «<...> меня поразило его лицо, — вспоминал Толстой, — на котором отражалось не болезненное состояние, а выражение какой-то грусти. <...> Князь открыл глаза <...> передал мне всю неурядицу, все беспорядки усилия неимоверно возвысить цены на продовольствие действующих войск, которыя через это могли остаться или совсем без продовольствия, или с большими затруднениями в получении онаго»[1].

Бывая почти ежедневно с докладом у главнокомандующего, В. Толстой постоянно видел его в военной шинели и весьма ослабевшим физически. Но, несмотря на это, самые трудные вопросы М.С. Воронцов решал быстро и мудро.

Русское войско начало войну под командованием лиц, избранных Михаилом Семеновичем, и с первых боев привело турецкую армию в состояние морального упадка. «Вся слава

[1] Русский архив. 1877. Кн. 3. С. 305.

русской кампании в Азиатской Турции, по строгой справедливости, всецело принадлежит князю Воронцову. Он одушевил Кавказские войска своим примером и заботою; он возвратил им прежнее запримерное геройство»[1], — вспоминал В. Толстой.

Успехи русских войск под Ахалцихом, Башкадыкларом и под Баязетом имели большое влияние на ход войны в Азиатской Турции, они укрепили дух Кавказской армии и в то же время внушили панический страх, заставили содрогнуться нашего противника.

В декабре 1853 г., ввиду ухудшения состояния здоровья, М.С. Воронцов просит Государя дать ему отпуск. Получив разрешение Императора, князь, по желанию Государя, обязался снабдить перед отъездом своего заместителя генерала Реада «подробными наставлениями о порядке его действия, дабы, таким образом, по отзыву Его Величества, существующая система управления, не будучи изменена в отсутствие князя Воронцова, он, по возвращении в край, имел бы полную возможность продолжать действовать по устройству края с прежним успехом»[2].

4 марта 1854 г. князь М.С. Воронцов с семьей выехал из Тифлиса. Патриарх Нерсес благословил своих отъезжающих друзей.

Разбушевавшееся ненастье и сильная простуда Воронцова вынудили путников задержаться на некоторое время в Ставрополе. Наконец 1 мая они прибыли в Мошны, откуда 14-го Михаил Семенович сообщал Патриарху Нерсесу: «Ваше св-ство! Я виноват перед Вами, что не писал вам прежде и что не поздравил вас в свое время с праздником Светлаго Христова Воскресения. <...> Мы думаем выехать отсюда 16-го мая через Краков в Дрезден и там по совещании с медиками поехать на воды, какия мне будут назначены. <...>. Здесь у нас погода прекрасная; в дороге я немного поправился и надеюсь с помощию Божией, что хорошия воды и совершенный покой от всяких дел дадут мне через несколько воротиться к вам в Тифлис и продолжать службу попрежнему. Дай Бог, чтобы это случилось. Уверяю Ваше св-ство, что мысль опять скоро с Вами видеться — есть для меня самая

[1] Русский архив. 1877. Кн 3 С 307
[2] Ерицов АД Указ. соч. С. 76.

приятная и одна из самых убедительных для возвращения в Тифлис <...>»[1].

Прошло почти полтора года, а здоровье М.С. Воронцова продолжало ухудшаться, и он вынужден был просить Императора об увольнении его с должности наместника и главнокомандующего на Кавказе. По этому поводу он писал из Дрездена Патриарху Нерсесу от 12 ноября 1854 г.: «<...> Богу не угодно было подкрепить мое здоровие так, чтобы я мог служить попрежнему, а служить номинально и слабо — для меня невозможно, тем более что служба моя, в таком случае, не только не могла быть полезна для края, но даже была бы вредна. <...> хотя я не дорожу жизнью и всегда готов пожертвовать оною для пользы отечества, но, как это выше сказано, чувствую я совершенную уверенность, что вместо пользы оставление меня на прежнем поприще могло бы причинить вред и для меня один стыд и чувство, что я дурно кончаю долговременную мою карьеру <...>»[2].

Высочайшим приказом 22 июня 1855 г. Нарвскому егерскому полку было велено именоваться Нарвским егерским генерал-адъютанта графа Воронцова полком. В приказе по полку от 20 сентября 1855 г. М.С. Воронцов обратился к его военнослужащим со следующими словами: «Вполне уверен, что Нарвский полк, как и в Отечественную войну, сохранит свою прежнюю славу всякий раз, что в предстоящей Отечественной войне злые и надменные наши неприятели встретят груди и штыки, которые столь славно действовали несколько лет в Молдавии, на незабвенном поле Бородинском и потом во Франции, под Краоном и Лаоном»[3].

Таким образом, продолжалась связь времен, связь духовных и воинских традиций русской армии, одним из выдающихся представителей которой являлся М.С. Воронцов.

18 ноября (ст. ст.) 1855 г. в Зимнем дворце состоялась встреча Императора Александра Николаевича с М.С. Воронцовым.

Во время беседы Воронцов высказал мнение о необходимости переговоров между воюющими сторонами: «<...> Нам необ-

[1] Ериц ов А.Д. Указ. соч. С. 78—79.
[2] Там же. С. 79—80.
[3] Российский М.А. Указ. соч. С. 450.

ходимо принять какую-то позицию, чем оставаться в настоящей ситуации; иначе мы совсем лишимся флота в Черном море <...>. Нам следует опасаться в будущем году серьезного нападения на Кронштадт, может быть, на Петербург, не говоря уже о Финляндии <...> принимая во внимание все эти вопросы <...> я лично убедился, что в жизненных интересах России и для славы и совести Императора нам следует не отказываться от представляемого нам случая быстрого заключения мира <...>». Воронцов полагал, что не может считаться постыдным мир, при котором мы не уступаем ни дюйма своей земли. Что касается ограничения наших прав на Черном море, то, по мнению Воронцова, эти права утеряны Россией после разрушения Севастополя. Воронцов считал, что мы не утратили влияния на Грецию, так как христиане понимают, что все, что они приобретут от будущего договора, есть заслуга России, ее усилий и жертв.

В конце беседы М.С. Воронцов попросил извинения у Императора за откровенность, с которой он излагал свое мнение. «Император, отпуская, обнял меня и сказал, что это он благодарит меня за откровенность с моей стороны, и убедил меня, что сделает все возможное для достижения мира»[1]. В августе 1856 г. истинный рыцарь империи получил последнюю крупную награду своего монарха — чин генерал-фельдмаршала.

* * *

6 ноября 1856 г. Кабинет светлейшего князя Михаила Семеновича Воронцова в Одессе. После беспокойной ночи князь решил не изменять свой распорядок и занялся обычными распоряжениями по дому. Никто не обратил внимания на вопрос Михаила Семеновича: не приезжал ли Преосвященный Иннокентий? До четырех часов пополудни время тянулось, не оставляя ни надежд, ни опасений.

Но вскоре возобновился нервный припадок, бывший еще 3-го числа; княгиня на коленях стояла у кровати супруга. В 4 часа 25 минут ей передали обручальное кольцо, снятое с руки умершего князя.

---

[1] Беседа кн. М.С. Воронцова с Императором Александром Николаевичем 18 (30) ноября 1855 г. / Архив князя Воронцова. Кн. 40. С. 503—507. *(Пер. с фр.)*

«Вопль и рыдания раздались по всему дому. В его хоромах мы вдруг увидели не только духовенство, и начальствующих лиц, и близких, и известных людей: кое-где уже просмыкали и душегрейки, и выпачканные полушубки, крупные слезы катились по щекам убогих, которые на каждой ступени лестницы освящались знамением креста за упокой души новопреставившегося болярина»[1].

Русский народ лишился не только великого государственного деятеля, но человека истинно христианского духа, человека недюжинной творческой силы, красоты не только внутренней, но и внешней. Благодаря доверию Императоров М.С. Воронцов располагал почти неограниченной властью на подчиненных ему территориях. Он держал в руках судьбы целых народов, и при этом в любом краю, где служил М.С. Воронцов, происходили улучшения жизни народа в самых различных областях.

8 ноября (ст. ст.) 1863 г. Одесса праздновала торжество открытия памятника светлейшему князю М.С. Воронцову, сооруженного на народные средства, добровольные пожертвования граждан России.

С утра вся Соборная площадь, все окружающие улицы, все окна, балконы, крыши домов были заполнены народом.

После торжественной литургии, совершенной в кафедральном соборе Высокопреосвященным Дмитрием, архиепископом Херсонским и Одесским, процессия двинулась из собора и заняла отведенные ей места вокруг памятника, где устроены были четыре платформы: для духовенства, генералитета, местных и иногородних граждан.

После прочтения акта о сооружении памятника занавес, скрывавший его от взоров публики, был опущен. Войска отдали честь, совершился церковный обряд освящения, затем войска прошли мимо памятника церемониальным маршем.

Торжество этого дня закончилось словами генерал-адъютанта Коцебу: «Нам остается поклониться памятнику именитого мужа и молить Бога, чтобы он дозволил нам идти по той же стезе, по которой он шел при жизни»[2].

---

[1] Архив князя Воронцова М, 1895 С 513

[2] Одесский вестник 1863 г. № 126

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Неопубликованные источники

Российский государственный архив древних актов

Фонд Воронцовых. № 1261.

Опись № 1: ед. хр. 1954, 2022, 2026, 2028, 2086, 2090, 2091, 2093, 2094, 2095, 2105, 2110, 2132, 2150, 2160, 2163, 2164, 2169, 2172, 2179, 2180, 2193, 2259, 2309, 2334, 2337, 2341, 2364, 2384, 2390, 2421, 2430, 2431, 2432, 2447, 2482, 2497, 2552, 2897.

Опись № 3: 1298, 1303, 1332, 1431, 1451—1469.

Опись № 11: 2450, 2451, 2452, 2455, 2456.

Государственный архив Российской Федерации

Фонд графа Левашова № 973

Опись № 1: 83, 84, 86, 115, 122.

Государственная историческая библиотека. ОИК

Приказы генерал-лейтенанта графа Воронцова по отдельному корпусу во Франции от 1 января 1817 г.

Государственный Исторический музей. Отдел письменных источников

Фонд № 440

Опись № 1: 911, 912, 924, 932, 933, 934.

Музей ИРЛИ РАН

Альбом графа Михаила Семеновича Воронцова. К. 94 260.

Государственный архив Украины

Канцелярия Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернаторства. Фонд № 442

Опись № 1: ед. хр. 1199.

Опись № 72: ед. хр. 444.

Опись № 638: ед. хр. 1.

Опубликованные источники

1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991.

1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995.

1812—1814 гг: Сборник документов из собрания Государственного Исторического музея. М., 1992.

Автобиография графа Семена Романовича Воронцова // Русский архив. 1876. Кн. 1.

Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1868. Т. II, X.

Александров Г. Черты из жизни генерал-лейтенанта Сергея Алексеевича Гучкова // Русский архив. Год двенадцатый. 1874.

Архив князя Воронцова. Кн. 1—40.

Ю. Н. Бартенев в Крыму // Русский архив. Кн. 2, 3.

Бородино: документы, письма, воспоминания. М., 1962.

Венюков М. Кавказские воспоминания // Русский архив. 1890. Кн. 1.

Вигель Ф.Ф. Воспоминания. Ч. 1—7. М., 1864—1865.

Вигель Ф.Ф. Записки. Т. 1—2. М., 1928.

Волконский С.Г. Записки. Иркутск, 1991.

Воспоминания А.П. Бутенева // Русский архив. 1991. Кн. 3.

Воспоминания А.Г. Филипсона // Русский архив. 1884 (3).

Воспоминания Д.В. Ильинского // Русский архив. 1893. Кн. 3.

Воспоминания К.К. Эшлишан // Русский архив. 1913. Кн. 3.

Воспоминания князя Дондукова-Корсакова // Старина и новизна. Кн. 6. СПб., 1903.

Воспоминания М.П. Щербинина // Русский архив. 1876. № 11.

Выдержки из записной книжки издателя «Русского архива // Русский архив. 1912. № 5.

Выписки из дневника светлейшего князя М.С. Воронцова. С 1845-го по 1854 г. СПб., 1902.

Высочайшее повеление, объявленное правительствующему Сенату // Московские ведомости. № 121. 1852.

Высочайший рескрипт, данный на имя наместника кавказского // Московские ведомости. № 77. 1853.

Государь Николай Павлович. Из автобиографических рассказов бывшего кавказского офицера // Русский архив. 1881. Кн. 2.

Граф Нессельроде (отец и сын) // Русский архив. 1905. Кн. 2.

Дар Кавказу от князя М.С. Воронцова. 1849—1850 // Русский архив. 1881. Кн. 2.

Дашкова Е.Р. Литературные сочинения. М., 1990.

Два письма А.П. Ермолова к графу (князю) М.С. Воронцову // Русский архив. 1905 (2).

Двадцать пять лет на Кавказе. Воспоминания А.А. Зиссермана // Русский архив. 1885. № 2.

Депеши князя Куракина во время его поездки в Париж в 1810 году к государственному канцлеру П.П. Румянцеву // Русский архив. 1877. № 11.

Дроздов И.И. Записки Кавказа // Русский архив. 1896. Кн. 3.

Журнал путешествия В.П.Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784—1788 годах // Русская старина. 1878.

Записка графа С.Р. Воронцова о русском войске // Русский архив. 1876. Кн. 3.

Записка о тайных обществах в России, составленная в 1821 году // Русский архив. 1875. № 12.

Записка, препровожденная мая 5-го дня 1820 года к Императору Александру Павловичу графом М.С. Воронцовым и князем А.С. Меншиковым чрез руки статс-секретаря графа Каподистрия // Русская старина. Март. 1871.

Записки А.П. Ермолова. 1798—1826. М., 1991.

Записки Н.В. Басаргина: Исторический сборник. Девятнадцатый век // Изд. П. Бартеневым. Кн. 1. М., 1872.

Записки графа Александра Романовича Воронцова // Русский архив. 1883. Кн. 1.

Записки С.Н. Глинки, СПб., 1895.

Записки Иосифа Петровича Дубецкого от 1816-го по 1828 год // Русский архив. 1915. № 5—8.

Записки Манштейна // Русская старина. 1875.

Записки Н.А. Обнинского // Русский архив. 1891. Кн. 3.

Записки Н.Н. Муравьева // Русский архив. 1885. Кн. 3.; Русский архив. 1886. Кн. 2.

Записки Н.Н. Муравьева-Карского // Русский архив. 1896. Кн. 3.

Записки неизвестного из Общества соединенных славян // Русский архив. 1882. № 2.

Зиссерман А.А. Из кавказских воспоминаний // Русский архив. 1885. № 6.

Зиссерман А.А. О записках И.И. Дроздова // Русский архив. 1896. Кн. 3.

Из воспоминаний и рассказов // Русский архив. 1897. № 6.

Из воспоминаний о Грузии. Дело генерала Шварца // Русский архив. 1877. № 5.

Из записок Николая Ивановича Лорера // Русский архив. 1874. № 9.

Из записок фельдмаршала Сакена // Русский архив. 1900. № 2.

Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1910. Кн. 3.

Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1911. Кн. 1.

Из записной книжки издателя «Русского архива» // Русский архив. 1906. № 9—12.

Из одесских воспоминаний П.Т. Морозова // Русский архив. 1877. 11.

Из записок фельдмаршала князя Паскевича // Русский архив. 1889. Кн. 1.

Из записок А.Я. Булгакова // Русский архив. 1900. № 7.

Из записок А.Е. Егорова // Русский архив. 1912. № 7.

Из записок князя П.В. Долгорукова // Русский архив. 1892. Кн. 3.

Из записок сенатора К.Н. Лебедева // Русский архив. 1893. Кн. 1.; 1910. Кн. 1. Кн. 3.

Из памятных тетрадей С.М. Сухотина // Русский архив. 1894. № 2.

Из писем А.И. Казначеева // Русский архив. 1896. Кн. 3.

Из писем А.О. Смирновой // Русский архив. 1897. Кн. 3.

Из писем А.О. Смирновой к издателю «Русского архива» // Русский архив. 1889. № 11.

Из писем А.Я. Булгакова к его дочери княгине О.А. Долгорукой // Русский архив. 1906. Кн. 1, 2.

Из писем князя В.И. Васильчикова к Н.Ф. Козлянинову // Русский архив. 1907. Кн. 1.

Из служебных воспоминаний М.П. Щербинина. Кн. М.С. Воронцов и Н.Н. Муравьев // Русская старина. 1874. Т. XI.

Из служебных воспоминаний В.С. Толстого // Русский архив. 1775. Кн. 3.

Истомин В. Контр-адмирал Истомин // Русский архив. 1877 (1).

К истории покорения Восточного Кавказа. Барон Николаи // Русский архив. 1889. № 7—9.

Кавказ николаевского времени в письмах его воинских деятелей / Из архивов Б.П. Чиняева // Русский архив. 1904 (1).

Кавказские праздники / Из записок В.А. Инсарского // Русский архив. 1868. № 6.

Клингер И. Два с половиной года в плену у чеченцев // Русский архив. 1869. Год седьмой.

Княжна Туркестанова // Русский архив. 1913. Кн. 1.

Князь Щербатов в опровержении нравов // Русская старина. Т. 2. 1870.

Козубский Е. Заметка о Лоране // Русский архив. 1897. Кн. 3.

Кокорев В. Экономические провалы. По воспоминаниям с 1837 года // Русский архив. 1887. Кн. 2.

Кристини Ф. Фрейлина княжна Туркестанова // Русский архив. 1882. № 2.

Летопись Черняевых // Русский архив. 1909. № 1—4.

Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984.

Муравьев А.Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986.

Мурзакевич Н.Н. Автобиография. СПб., 1886 // Русская старина. Т. LIII. 1887.

Наказ Главному управлению Закавказским краем. СПб., 1842.

Некоторые правила для обхождения с нижними чинами в 12-й пехотной дивизии. 1815 // Русский архив. 1877. Кн. 6.

Норов А.А. Москва в 1812 году // Русский архив. 1875. № 10.

О выселении татар из Крыма. Всеподданнейшее донесение генерал-адъютанта князя С.М. Воронцова // Русский архив. 1906. № 7.

Очерк жизни и службы Е.А. Головина: Исторический сборник, изд. П. Бартеневым. Книга первая. М., 1872.

Очерки, рассказы и воспоминания. Неизвестный автор // Русская старина. Сентябрь. 1878.

Полное собрание законов (ПСЗ) Российской Империи.

Переписка А.А. Неверовского // Русский архив. 1913. Кн. 2.

Письма главнейших деятелей в царствование Императора Александра I. СПб., 1883.

Письма В.А. Жуковского к графине Виельгорской // Русский архив. 1876. Кн. 1.

Письма Императора Николая к князю Паскевичу // Русский архив. 1897. Кн. 1.

Письма князя М.С. Воронцова к А.П. Ермолову // Русский архив. 1890. Кн. 1.

Письма князя П.А. Вяземского к А.С. Пушкину // Русский архив. 1879. № 5—8.

Письма К.Я. Булгакова к его брату // Русский архив. 1901. № 3, № 6, № 10. Русский архив. 1902. № 1, № 2. Русский архив. 1903. № 4. Русский архив. 1904. № 3.

Письмо графа М.С. Воронцова к Д.Н. Блудову. Одесса, 4 декабря 1823 года // Русский архив. 1905. Кн. 3.

Письмо гр. М.С. Воронцова к его родителю. 1812 г // Русский архив. 1912. Кн. 1.

Письмо графа М.С. Воронцова к Н.М. Лонгинову. 1812 // Русский архив. 1912. Кн. 1.

Письмо М.П. Розберг Н.И. Розанову // Русский архив. 1900. № 6.

Письмо М.С. Воронцова к М.П. Щербинину. 1855 // Русский архив. 1914. Кн. 1.

Письмо Н.М. Лонгинова к гр. С.Р. Воронцову. 1812 // Русский архив. 1912. Кн. 1.

Письмо Н.М. Лонгинова к гр. С.Р. Воронцову. Петербург. 11 марта 1813 // Русский архив. 1912. № 5.

Письмо Н.Х. Гнедича А. Зонтаг в Одессу // Русский архив. 1896. Кн. 1.

Положение о разделении Закавказского края. СПб., 1846.

Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии: Сборник документов. М., 1964.

Правила об отношениях Кавказского наместника. СПб., 1846.

Правила транзита чрез Закавказский край европейских товаров в Персию и персидских товаров в Европу. СПб., 1846.

Путевые письма Н.М. Лонгинова. Июнь—сентябрь. 1823 // Русский архив. 1905. Кн. 3.

Путешествия Его Императорского Величества Великого Князя Николая Павловича по России и за границей. 1816—1817 // Русский архив. 1877. № 6.

Решетов Н. Воспоминания давно прошедшего // Русский архив. 1885. № 10.

Ростопчинские письма // Русский архив. 1887. Кн. 1.

Самашканское зверство / Очерки терской старины // Русский архив. 1912. Кн. 1:

Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 73. СПб., 1890; Т. 78. СПб., 1891; Т.98. СПб., 1896.

Свербеев Д. Воспоминания о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Русский архив. 1868. Год шестой.

Сканьковский К. Воспоминания молодости. 1843—1896. СПб., 1906.

Славянские выходцы. По бумагам из архива бывшего Новороссийского генерал-губернатора // Русский архив. 1906. № 9—12.

Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. Л., 1988.

Стурдза А.С. Воспоминания о Михаиле Леонидовиче Магницком // Русский архив. 1868.

Таможенный тариф для черноморских портов Закавказского края. СПб., 1846.

Фадеев А.М. Воспоминания. Одесса.

Хрипков А. Рассказы об адмирале М.П. Лазареве // Русский архив. 1877. № 8.

Честерфилд Г.К. Письма к сыну. М., 1993.

Литература

Авалиани С.Л. Граф М.С. Воронцов и крестьянский вопрос. Одесса, 1914.

Алупка. Дворец и парк. Киев, 1992.

Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века. М., 1986.

Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. IV. СПб., 1841.

Бескровный Л.Г. Атлас карт и схем по русской военной истории. 1946.

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973.

Богданович М. История войны 1814 года во Франции и низложения Наполеона I по достоверным источникам. Т.1. СПб., 1865.

Богданович М.И. Смотр при Вертю в августе 1815 года. Б.м., б.г.

Вейдер Б. Блистательный Бонапарт. М., 1992.

Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951.

Георгиевские кавалеры: Сборник. М., 1993. Т.1.

Гергиев В.А., Киняпина Н.С. и др. Восточный вопрос во внешней политике России конца XVIII — начала XIX в. М., 1978.

Герои 1812 года. Сборник: Серия «Жизнь замечательный людей». М., 1987.

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1987.

Годунов В.И. История 3-го уланского Смоленского полка. Либава, 1908.

Градовский А.Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторства в России // Собр. соч. А.Д. Градовского. Т.1. СПб. 1899.

Гросул Я.С., Будак И.К. Очерк истории народного хозяйства Бессарабии. 1812—1816. Кишинев, 1967.

Давыдов М.А. Оппозиция Его Величества. М., 1994.

Дандевило М.В. Столетие 5-го лейб-драгунского Курляндского полка. СПб., 1903.

Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1866. Т. V.

Дружинина Е.И. Южная Украина. 1800—1825 гг. М., 1970.

Дружинина Е.И. Южная Украина в период кризиса феодализма 1825—1860 гг. М., 1981.

Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига, 1977.

Ерицов А.Д. Патриарх всех армян Нерсес V и князь Михаил Семенович и княгиня Елисавета Ксавериевна Воронцовы, в частной переписке. Тифлис, 1898.

Заболоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время. СПб., 1882.

Залесский Н.А. «Одесса» выходит в море. Л., 1987.

Знаменитые Россияне XVIII—XIX веков. СПб., 1995.

Из прошлого Одессы: Сб. статей / Сост. А.М. де Рибаса.

Иловайский С.И. Исторический очерк 50-летия Русского общества пароходства и торговли. Одесса, 1907.

Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 1. СПб., 1902.

Квирквелия Т.Р. Архитектура Тбилиси. М., 1985.

Керсновский А.А. История русской армии. Т. 1. М., 1992.

Кричевский Р.Л. Если вы руководитель. Элементы психологии и менеджмента в современной работе. М., 1993.

Куриев М.М. Герцог Веллингтон. М., 1995.

Международные отношения на Балканах. 1815—1830 гг. М., 1983.

Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989.

Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. М., 1995.

Мурзакевич Н.Н. Очерк заслуг, сделанных наукам светлейшим князем Воронцовым. Одесса, 1860.

Новороссийский календарь. Одесса.

Огарков В.В. Воронцовы. Их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1892.

Окунь С.Б. История СССР. 1796—1825. Л., 1947.

Подушкин Н.А. Прошлое Кинбургских драгун. Ковель, 1898.

Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1. СПб., 1885.

А. де Рибас. Старая Одесса. Одесса, 1990.

Романовы и Крым. М., 1993.

Российский М.А. Очерк истории 3-го пехотного Нарвского полка. М., 1904.

Рябинин Д.Д. Биография графа Семена Романовича Воронцова // Русский архив. 1879. Кн. 1.

Сапожников С.А. Шевченко, Бларамберги и Мавромихали. М., 1999.

Семенов А. Изучение исторических сведений о русской торговле и промышленности. Ч. III. СПб., 1859.

Скальковский А.А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч.1. Одесса, 1850; Ч. II. Одесса, 1853.

Тарле Е.В. Наполеон. М., 1992.

Тунян В.Г. Административная и экономическая политика самодержавия в Восточной Армении... М., 1892.

Ульянов И.Э. Регулярная пехота 1801—1855. М., 1996.

Чигагова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России. М., 1999.

Шеремет В.И. Турция и Андрианопольский мир 1829 г. М., 1975.

Шильдер Н.К. Император Александр I, его жизнь и царствование. Т. 4. СПб., 1898.

Шкляж И.М. Сокровища семьи Воронцовых. Одесса, 1992.

Щербатов А. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 1. СПб., 1888.

Щербинин М.П. Биография генерал-фельдмаршала князя М.С. Воронцова. СПб., 1858.

Bryant A. The Great Duhe. A brilliant biographical narrative of, the soldier or the Invincimble General. №.-Y., 1972.

Buchan J.W. The Duke of Wellington. London, 1914.

Carnelez J.C., Prevot J., Sivery G., Engrand C., Mossay J., Debievre B., Bouvry J. Histoire de Maubeuge. Westhock — Editions, 1984.

Chastenet J. Wellington 1769—1852. Paris, 1979.

Cooper L. The Age of Wellington. The life and Times of the Duke of Wellington. London, 1964.

Fortescue J. Wellington. N.-Y., 1925.

Gleig G.R. The life of the of Wellington. London—New York, 1942.

Gruttwell C.R. M.F. Wellington. London, 1936.

Guedalla P. New York and London. 1931.

Longford E. Wellington. The Years of the Sword. Liverpook, London and Prescott. 1969.

Maxwell W.H. The Life of Wellington. London, 1986.

Pierart Z. Recherches historique sur Maubeuge son cantonet et les communes limitrophes. Paris, 1993.

Rhinelander A.L.H. Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the Tsar. Toronto. London Mcgill — Queen Univ. Press. 1990.

Справочные издания

Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб.

Военная энциклопедия. СПб., 1911—1914.

Россия. Полное географическое описание нашего Отечества // Под ред. П.П. Семенова-Тян-Шанского. Т. 14. СПб., 1910.

Русский биографический словарь. Т. 1—25. СПб., 1896—1918.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1
ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ М.С. ВОРОНЦОВА

Род Воронцовых и фамильные традиции 5
Воспитание и образование М.С. Воронцова 18

Глава 2
АКТИВНАЯ БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.С. ВОРОНЦОВА В ВОЙНАХ ПРОТИВ ПЕРСИИ, ТУРЦИИ, ФРАНЦИИ (1803—1815)

Начало военной карьеры М.С. Воронцова 36
М.С. Воронцов в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813—1815 гг. 61

Глава 3
М.С. ВОРОНЦОВ — КОМАНДУЮЩИЙ РУССКИМ ОККУПАЦИОННЫМ КОРПУСОМ ВО ФРАНЦИИ (1815—1819)

Организация, управление, снабжение корпуса 114
Отношения с местным населением. Военная подготовка в корпусе 131

Глава 4
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР НОВОРОССИЙСКОГО КРАЯ И БЕССАРАБСКОЙ ОБЛАСТИ

Назначение М.С. Воронцова генерал-губернатором 164
Формирование административного аппарата. Канцелярия генерал-губернатора. Его рабочий день 175
Отношения М.С. Воронцова с представителями центральных органов власти 194

«Чиновник воронцовской школы» 208
Политика в отношениях с национально-конфессиональными меньшинствами 217
Дипломатическая и военная деятельность (1826—1829) 230

Глава 5
ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М.С. ВОРОНЦОВА

Меры по ликвидации чрезвычайных ситуаций 246
Развитие путей сообщения и транспортных средств 260
Роль М.С. Воронцова в создании регионального внутреннего рынка и в налаживании внешнеторговых отношений 285
Инициативы генерал-губернатора в развитии товарного сельского хозяйства 295
Просветительская деятельность М.С. Воронцова 303
«Всякая черта государственного мужа принадлежит истории» 312

Глава 6
КАВКАЗСКИЙ НАМЕСТНИК

Политико-административная деятельность 324
Социально-экономическая и просветительская деятельность 336
Отношения М.С. Воронцова с духовными и политическими лидерами местного населения 352

Эпилог 366

Использованные источники и литература 371